

COOK

BOOK

ХРОМОСОМА-6

Продвинутий роман
з рідної сторони
контрасту!

The International Bestseller

LITRU.RU

Annotation

Уникальная операция по замене «хромосомы-б», имеющейся у обезьян, на человеческую – удалась.

Теперь животных можно использовать как идеальных доноров для пересадки органов людям.

Но почему это поразительное медицинское открытие окружено тайной?

Почему пересадка органов проводится в засекреченной клинике на западе Африки?

И наконец, почему обезьян-доноров содержат под усиленной охраной на маленьком острове?

Микробиолог Кевин Маршалл, автор идеи уникальной «пересадки» хромосомы, проникает на островок – и понимает: его открытие уже повлияло на будущее человечества и над его собственной жизнью нависла смертельная угроза.

-
- [Робин Кук](#)
 -
 - [Автор выражает признательность](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Словарь специальных наименований и научных терминов](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Робин Кук

Хромосома-6

Одри и Барбаре с благодарностью за то, что они такие чудесные матери.

Автор выражает признательность

*Мэтью Дж. Банковски, доктору философии, начальнику
отделения клинической вирусологии, молекулярной медицины и
исследовательских разработок Исследовательского центра ДСИ*

Джо Коксу, доктору права

*Джону Гилатто, доктору ветеринарии, доктору философии,
доценту кафедры ветеринарной патологии Школы ветеринарной
медицины Университета Тафтса*

*Джекки Ли, доктору медицины, главному судебно-медицинскому
эксперту района Куинс в Нью-Йорке*

*Маттсу Линдену, командиру экипажа воздушного лайнера
компании «Американ эрлайнз»*

*Мартину Пигнеде, директору частного природного заповедника
NIWA в Камеруне*

Джин Ридз, школьному психологу, читательнице и критику

*Чарльзу Уэтли, доктору медицины, главному судебно-
медицинскому эксперту округа Саффолк в штате Нью-Йорк*

Пролог

3 марта 1997 г.

15.30

Кого, Экваториальная Гвинея

Над докторской диссертацией по молекулярной биологии, защищенной в Массачусетском технологическом университете, Кевин Маршалл работал, почти не вылезая из главной больницы штата, а потому очень стеснялся того, что любая медицинская процедура вызывала у него тошноту. Хотя он никогда и никому в том не признавался, но для него было сущей пыткой сделать анализ крови или прививку. Иглы вызывали особый, животный страх. Стоило Кевину их увидеть, как ноги делались ватными, а широкий лоб покрывался холодным потом. Как-то раз, еще в колледже, он даже в обморок упал, получив прививку от кори.

Доктор Маршалл надеялся, что к тридцати четырем годам, после многих лет аспирантских биомедицинских исследований, часть которых проводилась на животных, он преодолел свои страхи, но, увы, этого не произошло. Именно поэтому в данный момент он находился не в операционной 1А или 1Б, а предпочел остаться в общей для обеих подсобке-моечной, где и стоял, опершись о раковину умывальника. Отсюда через угловые окна было хорошо видно, что происходило в операционных, – пока чутье не подсказывало, что лучше на творившееся там не смотреть вовсе.

Уже около четверти часа пациентов в операционных готовили к назначенным процедурам. В сторонке стояли, потихоньку переговариваясь, две хирургические бригады. Медики, одетые в операционные халаты, с руками, затянутыми в перчатки, готовы были начать.

О делах говорили мало, разве что анестезиолог с двумя анестезистами, поскольку пациентам предстояла операция под общим наркозом. Единственному анестезиологу приходилось переходить из одной операционной в другую, наблюдая за работой подручных, и быть в готовности оказаться на месте при первых же тревожных признаках.

Впрочем, причин для тревоги не было никаких. Во всяком случае, пока. И все же на душе у Кевина кошки скребли. Удивительно, но куда-то пропало ощущение триумфа, что охватывало его прежде, во время трех аналогичных процедур: тогда он мысленно славил силу науки и собственные творческие способности.

Нет, не ликование, а беспокойство поднималось в нем, будто тесто на дрожжах. Встревожился он почти неделю назад, но только сейчас, наблюдая за пациентами и прикидывая, сколь различно будущее каждого из них, почувствовал всю остроту охватившего его смятения. Примерно то же случилось с ним при мысли об иглах: пот выступал на лбу, в ногах появлялась дрожь. Ища опору, он покрепче ухватился за край раковины.

Неожиданно, едва не перепугав Кевина, распахнулась дверь операционной 1А, и перед ним возникла фигура, на лице которой в прорези между низко надвинутой на лоб шапочкой и широкой марлевой повязкой бледно голубели слегка прищуренные глаза. Кевин сразу узнал: Кэндис Брикманн, хирургическая сестра.

– Все внутренние вивисекции начаты, пациенты спят, – доложила Кэндис. – Не хотите ли заглянуть в операционную? Там вам будет гораздо лучше видно.

– Благодарю, мне и здесь хорошо, – ответил Кевин.

– Как угодно, – произнесла Кэндис.

Дверь за вернувшейся в операционную Кэндис затворилась. Кевин видел, как она стремительно прошла через комнату и что-то сказала хирургам. Те, выслушав ее, обернулись и вздернули кулаки с поднятыми большими пальцами, успокаивая Кевина: все, мол, в порядке. Тот, смущаясь, ответил им тем же жестом.

Хирурги вернулись к своим разговорам, но бессловесная связь с ними обострила у Кевина ощущение соучастия во всем этом. Выпустив раковину, он сделал шаг назад. К беспокойству добавился страх. Что он наделал?!

Резко повернувшись на каблуках, доктор вышел из моечной, а потом и из хирургического отделения. Клуб воздуха катился за ним, пока он переходил из умеренно приятной асептической операционной секции в свою сияющую, фантастического вида лабораторию. Кевин тяжело дышал, словно задыхался от напряжения.

В любой другой день просто вступить в границы своих владений значило для Кевина преисполниться радостным предчувствием открытий, которые ожидают его чудодейственную руку. Вереница комнат была буквально нашпигована высокоточным оборудованием. Почти о таком он и мечтал, и вот теперь вся эта совершеннейшая аппаратура денно и нощно была к его услугам и беспрекословно повиновалась ему. По пути в кабинет Кевин в рассеянности легко пробегал пальцами по корпусам из нержавеющей стали, походя обласкивал аналоговые циферблаты и цифровые дисплеи. Он тронул синтезатор ДНК стоимостью сто пятьдесят тысяч долларов и 500-тысячедолларовый сферический ЯМР^[1]-агрегат, от которого, словно от гигантской морской анемоны, извилистыми щупальцами отходили пучки проводов. Кевин бросил взгляд на МТКК^[2], их красные огоньки мерцали подобно далеким квазарам, оповещая об очередном удвоении цепочки ДНК. Еще совсем недавно это окружение окрыляло Кевина, вселяло в него надежду. Теперь же каждая пробирка микроцентрифуги Эппендорфа, каждая склянка с тканевыми культурами служила неммым напоминанием о растущем в нем самом дурном предчувствии.

Добравшись до письменного стола, Кевин взглянул на генную карту отростка хромосомы-6. Участок, представлявший для него главный научный интерес, был очерчен красным. То была главная система тканевой совместимости (ГСТС). Беда в том, что ГСТС являлась лишь малой частью отростка хромосомы-6, крупными белыми пятнами на карте представляли области, заполненные миллионами и миллионами комплементарных пар оснований нуклеиновых кислот, а следовательно, сотнями других генов. Кевин понятия не имел, какова их функция.

Недавний запрос на информацию об этих генах, с которым он обратился через Интернет, принес невнятные отклики. Несколько ученых сообщили, что отросток хромосомы-6 содержит гены, имеющие отношение к формированию мышечно-скелетной структуры. Только и всего. Больше никаких подробностей.

Кевин непроизвольно передернул плечами. Поднял голову и уперся взглядом в живописное большое окно над столом. Как обычно, оно было испещрено влажными полосками тропического дождя, который волнами накатывался на зеленые заросли за стеклом. Капельки медленно сползали, разбухая и наливаясь силой до тех пор,

пока, набрав критическую массу, стремительно не срывались с поверхности, словно искры с точильного колеса.

Взгляд Кевина унесся вдаль. Его всегда потрясал контраст между сияющей, умиротворенной кондиционерами атмосферой внутри и тем, что творилось снаружи. Клубящиеся свинцово-серые тучи застилали небо вопреки тому, что еще три недели назад полагалось бы наступить сухому сезону. Землю заполняла буйная растительность, потемневшая от воды так, что казалась черной. По черте города чернеющие заросли вздымались громадной грозной приливной волной.

Доктору Маршаллу отвели кабинет в лабораторно-клиническом комплексе, одной из немногочисленных новостроек еще недавно запущенного, брошенного испанцами колониального городишка под названием Кого в мало кому ведомой африканской стране Экваториальная Гвинея. Кабинет Кевина находился на третьем, последнем этаже, окна его выходили на юго-восток. Отсюда открывался вид на значительную часть городка, бестолково расплывшегося до залива Муни и питающих его речек.

Отдельные дома в округе подновили, некоторые еще отделявали, но большинство так и не трогали. С полдюжины некогда прелестных асиенд опутали лианы и корни одичавших растений. Надо всем висела пелена перенасыщенного влагой теплого воздуха.

Сразу под окнами Кевина виднелась сводчатая аркада старой городской ратуши, в которой располагался муниципалитет. Под набрякшими кронами хоронилась неперемнная горстка экваторгвинейских солдат в боевом камуфляже с небрежно переброшенными через плечо «АК-47». Как всегда, они покуривали, переругивались и потягивали камерунское пиво.

Взгляд Кевина скользнул дальше, за городскую черту. Обычно он почему-то избегал смотреть туда, но теперь вглядывался в лиман, вода которого, исхлестанная дождем, походила на чеканку по жести. Строго на юг виднелось поросшее лесами побережье Габона. На востоке Кевин высмотрел очертания островов, вытянувшихся в сторону континента. На горизонте проглядывал самый большой, остров Франчески, названный так португальцами в пятнадцатом столетии. Остров Франчески разительно отличался от своих соседей: посреди

него, как хребет динозавра, пролегала поросшая джунглями известняковая гряда.

У Кевина замерло сердце. Невзирая на дождь и пелену, он видел то, что страшился увидеть. Так же, как и неделю назад, к свинцовому небу возносилась ленивая струйка дыма.

Кевин рухнул в кресло и обхватил голову руками. «Что ты наделал? Что ты наделал?!» – спрашивал он себя. Аспирантом он прилежно изучал античность и еще помнил греческую мифологию. И теперь вопрошал себя, не совершил ли он ошибку Прометея. Дым означал огонь, и Кевину оставалось лишь гадать, не тот ли это огонь, что был неосторожно похищен у богов.

* * *

18.45

Бостон, штат Массачусетс

Мартовский штормовой ветер барабанил в окна, и Тейлор Девоншир Кэбот еще больше оценил уют и тепло отделанного орехом кабинета в своем просторном доме в Манчестере-у-Моря, севернее Бостона, штат Массачусетс. Харриет Ливингстон Кэбот, жена Тейлора, на кухне руководила последними приготовлениями к ужину, который предстояло подать ровно в половине восьмого.

На ручке кресла Тейлора покоился хрустальный стаканчик чистого, на одном солоде, виски. В камине потрескивали горящие поленья, из приглушенного стереопроеигрывателя доносилась музыка Вагнера. Мерцали экраны трех встроенных телевизоров, подключенных соответственно к каналу местных новостей, Си-эн-эн и И-эс-пи-эн.

Тейлор блаженствовал. Он провел напряженный, но продуктивный день во всемирной штаб-квартире «Генсис», биотехнологической фирмы, основанной им восемь лет назад. Компания выстроила новое здание вдоль реки Чарльз в Бостоне, с выгодой воспользовавшись для найма толковых сотрудников близостью Гарварда и Массачусетского технологического университета.

Регулярный вечерний переезд с работы домой дался легче обычного, и Тейлору не хватило времени, чтобы в машине прочесть все, что было намечено. Осведомленный о привычках босса, Родни, водитель Тейлора, пустился в извинения, что доставил его домой слишком быстро.

– Уверен, завтра вечером вы сумеете приехать намного позже, чтобы поквитаться, – съязвил Тейлор.

– Сделаю в лучшем виде, – в тон ему ответил Родни.

Так что Тейлор ни музыку не слушал, ни телевизоры не смотрел, а внимательно читал финансовый отчет, который предстояло опубликовать к собранию акционеров «Генсис», назначенному на следующую неделю. Впрочем, это не означало, что он не замечал того, что творилось вокруг. Он хорошо различал завывания ветра, потрескивание огня в камине, музыку и бдительно следил за телевизионной трепотней репортеров на трех каналах. И едва с экрана донеслось имя Карло Франкони, Тейлор резко поднял голову.

Первым делом он вскинул пульт и прибавил звук в телевизоре, что стоял в центре. По нему передавали местные новости и дублировали сообщения Си-би-эс. Вели программу Джек Уильямс и Лиз Уолкер. Джек Уильямс, произнеся имя Карло Франкони, продолжил сообщение, заявив, что канал получил видеозапись того, как был убит этот видный мафиози, имевший связи с криминальными кланами Бостона.

– Запись весьма откровенна, – предупреждал Джек, – советуем родителям быть осмотрительнее. Возможно, наши зрители помнят, как несколько дней назад мы сообщали, что занедуживший Франкони после предъявления ему обвинительного заключения исчез, и многие опасались, что он выторговал залог. А вчера он снова объявился в новостях: сообщалось о достигнутой сделке с окружной прокуратурой Нью-Йорка по поводу признания вины и о распространении на него программы защиты свидетеля. Однако сегодня вечером, когда обвиненный в судебном порядке рэкетир выходил из своего любимого ресторана, его застрелили.

Застыв в кресле, Тейлор смотрел любительскую съемку. Вот чересчур грузный человек показался из ресторана в окружении нескольких людей, похожих на полицейских. Вот он привычным взмахом руки приветствовал собравшуюся толпу, а затем пошел к

поджидавшему лимузину, прилежно не обращая внимания на вопросы журналистов, рвавшихся к нему поближе. А вот... в тот миг, когда Франкони склонился, чтобы сесть в машину, тело его дернулось, он отшатнулся, схватившись рукой за затылок, и повалился на правый бок. Прежде чем удариться о землю, тело его снова дернулось. Сопровождавшие выхватили пистолеты и картинно завертелись во все стороны. Настырные журналисты как один попадали на тротуар.

– Уаау! – воскликнул Джек-комментатор. – Что за кадр! Он напомнил мне, как убили Ли Харви Освальда. Вот вам и защита полиции!

– Интересно, как это подействует на будущих свидетелей? – спросила Лиз.

– Уверен, не здорово, – ответил Джек.

Тейлор перевел взгляд на экран Си-эн-эн, где начали показывать ту же видеосъемку. И снова посмотрел, как произошло убийство. Увиденное заставило его содрогнуться. Едва кончилась пленка, как Си-эн-эн предоставила прямой эфир репортеру, стоявшему возле здания Главного управления судебно-медицинской экспертизы Нью-Йорка.

– Вопрос теперь в том, был убийца один или их было двое, – пробился голос репортера сквозь гам уличного движения на Первой авеню. – Складывается впечатление, что во Франкони стреляли дважды. Полиция, понятное дело, расстроена из-за этого инцидента и отказывается объяснить случившееся или предоставить хоть какую-то информацию. Нам точно известно, что вскрытие назначено на завтра на утро, и, как мы полагаем, баллистическая экспертиза ответит на наш вопрос.

Тейлор выключил у телевизора звук и взял стакан с виски. Шагая к окну, он вглядывался в сердитое, мрачное море. Смерть Франкони предвещала беду. Тейлор глянул на часы: в Западной Африке была почти полночь.

Схватив телефон, он связался с оператором в «Генсис» и велел незамедлительно соединить его с Кевином Маршаллом.

Положив трубку, Тейлор повернулся к окну. Полной уверенности в этом проекте не было никогда, хотя с финансовой точки зрения он казался весьма выгодным. Подумалось: а не прихлопнуть ли его, пока не поздно? Ход мыслей прервал телефонный звонок.

Взяв трубку, Тейлор услышал, что мистер Маршалл на линии. После гулкового хруста помех в трубке раздался сонный, искаженный треском голос Кевина:

– Это и в самом деле Тейлор Кэбот?

– Вы помните некоего Карло Франкони? – требовательно спросил Тейлор, оставив без внимания вопрос собеседника.

– Конечно, – ответил Кевин.

– Сегодня днем его убили, – сообщил Тейлор. – Вскрытие назначено на утро в Нью-Йорке. Мне нужно знать: это может вызвать осложнения?

На другом конце повисло молчание. Тейлор уже собирался спросить, нет ли обрыва связи, когда Кевин заговорил:

– Да, это осложнит дело.

– Кто-то сможет все понять по результатам вскрытия?

– Такое возможно, – подтвердил Кевин. – Не скажу, что наверняка, но возможно.

– Мне возможное не нравится, – произнес Тейлор. Он оборвал разговор с Кевином и, вновь обратившись к оператору в «Генсис», попросил немедленно соединить его с доктором Раймондом Лайонзом. Подчеркнул: дело чрезвычайной срочности.

* * *

Нью-Йорк

– Прошу извинить, – шепнул официант. Подойдя к доктору Лайонзу с левой стороны, он долго, терпеливо ждал, когда наступит пауза в разговоре доктора с юной золотоволосой ассистенткой и нынешней любовницей Дарлин Полсон. Облик почтенного доктора: от благородно сидящей шевелюры до строгого стиля в одежде – соответствовал тому, как принято изображать врача в телесериалах. Недавно переваливший за пятый десяток, он был высок, загорел, завидно худощав, с точеным и холеным, как у патриция, лицом.

– Извините, что перебиваю, – продолжил официант, – но вас просят к телефону по срочному делу. Вам подать телефон сюда или предпочитаете переговорить в холле?

Голубые глаза Раймонда заметались между приветливым, но отрешенным личиком Дарлин и сосредоточенной физиономией официанта, чьи безукоризненные манеры вполне соответствовали 26-му месту по качеству обслуживания, отведенному ресторану «Ореол» в ресторанном каталоге Загата. Вид у Раймонда был безрадостный.

– Может быть, сказать, что вас нет? – предложил официант.

– Нет, несите телефон сюда, – ответил Раймонд. Медицинской практикой он не занимался с тех самых пор, как у него отобрали врачебную лицензию. Поводом стало обвинение в крупной афере с медицинским страхованием, которую он проворачивал чуть ли не полтора десятка лет.

– Алло? – произнес Раймонд с ноткой беспокойства в голосе.

– Это Тейлор Кэбот. Возникли сложности.

Раймонд заметно напрягся, на лбу обозначились морщины.

В нескольких фразах Тейлор поведал о том, что случилось с Карло Франкони, и о своем звонке Кевину Маршаллу.

– Вся эта затея – ваше детище, – раздраженно подытожил он. – И позвольте вас предупредить: это – сущая мелочевка в великом круговороте дел. Будут сложности – я спущу в отходы все предприятие. Мне дурная слава ни к чему, так что уладьте дело.

– Но я-то что могу? – выдавил из себя Раймонд.

– Откровенно говоря, не знаю, – сказал Тейлор. – Только будет лучше, если вы что-нибудь придумаете. И еще лучше – если побыстрее.

– В том, что от меня зависит, дела идут как нельзя лучше, – перебил Раймонд. – Не далее как сегодня я наладил контакт с врачихой из Л-А^[3], которая пользуется бездну кинозвезд и богатых бизнесменов в Западного побережья. Она готова создать филиал в Калифорнии.

– Похоже, вы меня не расслышали, – произнес Тейлор. – Никаких филиалов, пока проблема Франкони не будет решена.

От резкого щелчка, возвестившего конец связи, у Раймонда дернулась голова. Он глянул на телефонную трубку так, будто это она была виновата, что разговор прекратился слишком поспешно. Официант, временно удалившийся на приличествующее расстояние, подошел, чтобы забрать трубку, и исчез.

– Неприятности? – спросила Дарлин.

– О Боже! – воскликнул Раймонд, нервно покусывая кончик большого пальца. Это не просто неприятность. Тут пахнет полным крахом. Все его попытки вернуть врачебную лицензию вязли в трясине юридического крюкотворства, нынешняя работа – все, что у него оставалось, и только совсем недавно дела пошли на лад. Пять лет ему пришлось горбатиться, чтобы добиться этого. И разом спустить все в унитаз!.. Такого он допустить не мог.

– Что стряслось? – поинтересовалась Дарлин и подалась к Раймонду, отводя его руку ото рта.

Раймонд торопливо объяснил ей ситуацию со вскрытием Карло Франкони и повторил угрозу Тейлора Кэбота спустить в отходы все предприятие.

– Теперь оно наконец стало приносить немалые бабки, – заметила Дарлин. – Не спустит.

Раймонд безрадостно хмыкнул:

– Для таких, как Тейлор Кэбот и «Генсис», эти бабки – мелочь. Спустит, как пить дать. Черт, его с самого начала трудно было уговорить.

– Тогда ты должен сказать, чтобы вскрытие не делали, – предложила Дарлин.

Раймонд уставился на спутницу. Он понимал: малышка хотела как лучше, к тому же если она чем и влекла его к себе, то только не силой ума. А потому от резкости воздержался. И все же в его ответе звучал сарказм:

– По-твоему, стоит мне обратиться к судмедэкспертам и попросить их не производить вскрытие при таких-то обстоятельствах – и делу конец? Не смей меня!

– Но у тебя же столько знакомых среди разных шишек, – упорствовала Дарлин. – Попроси их, пусть помогут.

– Киска, я прошу... – начал было снисходительно Раймонд и осекся. До него стало доходить, что глупышка Дарлин попала в точку. Мысль заработала и стала обрастать деталями.

– А если обратиться к доктору Левитцу? – сказала Дарлин. – Он был врачом Франкони. Вдруг он поможет?

– Я как раз подумал о том же, – отозвался Раймонд. Доктор Дэниел Левитц держал большую приемную на Парк-авеню, но нес большие накладные расходы и терял пациентов – результат

продуманной заботы. Уговорить его было легко: он стал одним из первых врачей, присоединившихся к рискованному предприятию. Что важнее, он привлек к делу множество клиентов, часть которых занималась тем же бизнесом, что и Карло Франкони.

Раймонд поднялся, извлек бумажник и бросил на стол три хрустящие стодолларовые купюры. Знал: этого более чем достаточно, чтобы расплатиться по счету и дать щедрые чаевые.

– Пошли, – обратился он к Дарлин. – Я должен сделать визит.

– Но я еще антрекот не доела, – закапризничала та.

Раймонд не стал тратить слов. Встав за стулом Дарлин, он резко рванул его от стола, заставив девушку вскочить на ноги. Чем больше он думал о докторе Левитце, тем больше видел в этом человеке своего спасителя. Домашний врач нескольких враждующих нью-йоркских криминальных кланов, Левитц знал людей, способных сделать невозможное.

Глава 1

4 марта 1917 г.

7.25

Нью-Йорк

Джек Стэйплтон пригнулся к рулю и поднажал на педали, проносясь на восток мимо последнего квартала по Тридцатой улице. Ярдах^[4] в пятидесяти от Первой авеню он, распрямившись, покатил без рук и только потом начал тормозить. Лавина встречных машин слепила огнями, а Джек пока не настолько сбрендил, чтобы, гоня на велосипеде по центру города, на всех парах влететь в мешанину легковушек, автобусов и грузовиков.

На улице здорово потеплело, и пятидюймовый слой грязи пополам с мокрым снегом, выпавшим два дня назад, сошел, оставив отдельные грязные бугорки между машинами на стоянках. Джек был доволен, что дороги расчистились: склизкая грязь несколько дней не давала ему добираться на работу и с работы на велосипеде. Велосипед был новый, Джек купил его всего три недели назад взамен украденного годом раньше.

Поначалу он собирался купить новый велик сразу после кражи, но передумал. Врожденное неприятие риска одолело его после того, как довелось сойтись нос к носу с самой Безносой: страх смерти – вещь нешуточная. Тот случай не имел никакого отношения к поездкам на велосипеде по городу, а все же напугал порядком. Джеку пришлось признать, что его манеру езды отличает показное ухарство.

Впрочем, время умерило страхи Джека. Последней каплей стало то, что в толчее подземки он лишился часов и бумажника. На следующий же день он купил себе новенький горный велосипед и, по мнению друзей, снова принялся за старое. На самом деле Джек больше не испытывал судьбу, протискиваясь между мчавшимися фургонами и стоявшими у тротуаров легковушками, не совершал слаломных спусков на Второй авеню и с наступлением темноты, как правило, держался подальше от Центрального парка.

Джек остановился на перекрестке, поджидая, когда светофор даст зеленый, и, упершись ногой в борвку тротуара, оглядел окрестности.

Почти сразу он заметил стайку микроавтобусов телевидения с развернутыми антеннами, стоявших на восточной стороне Первой авеню как раз напротив дома, куда он направлялся: Главное управление судебно-медицинской экспертизы города Нью-Йорка, или, как запросто зовут некоторые, морг.

Джек работал младшим судмедэкспертом и в должности этой пребывал года полтора, так что уже успел вдоволь наглядеться на такие вот налеты журналистов. Как правило, такое случалось, когда умирал кто-то из знаменитостей или по крайней мере человек, которого пресса делала знаменитым в мгновение ока. А если не одиночная смерть, значит, случилось массовое бедствие вроде авиакатастрофы или крушения поезда. Джек (по причинам как личного, так и общественного свойства) уповал на то, что на сей раз – одиночка.

Зажегся зеленый, и, нажав на педали, Джек пересек Первую авеню и въехал в морг по съезду приемного отделения на Тридцатой улице. Поставив велосипед на обычное место, возле гробов с Харт-Айленда, в которые укладывали неостребованных мертвецов, Джек поднялся на лифте на второй этаж.

Он сразу же почувствовал, что в доме творится маленький кавардак. Несколько дневных секретарш без устали названивали по телефонам в отделе связи: обычно они раньше восьми на работе не появлялись. Их рабочие столы заливал свет мигающих красных огоньков. Даже стеклянная будка сержанта Мерфи была распахнута, верхний свет включен, а уж охранник-то свято блюл привычный модус операнди^[5], являясь на службу где-то после девяти часов.

Охваченный все возрастающим любопытством, Джек вошел в регистраторскую и направился прямо к кофеварке. Винни Амендола, санитар из покойницкой, как обычно, прятался за газетой. Увы, на сей раз то было единственное обычное утреннее явление. Как правило, Джек появлялся первым из патологов, но в тот особенный день уже успели прибыть зам. главврача доктор Кэлвин Вашингтон, доктор Лори Монтгомери и доктор Чет Макговерн. Все трое что-то горячо обсуждали с сержантом Мерфи и – к удивлению Джека – с лейтенантом полиции Лу Солдано, следователем из отдела убийств. Лу был в морге частым гостем, но, разумеется, не в полвосьмого утра.

Более того, выглядел он так, будто ночью вовсе не спал, а если и спал, то не снимая одежды.

Джек стал возиться с кофеваркой. Никто будто и не заметил его прибытия. Налив себе кофе с молоком и бросив в чашку кусочек сахара, Джек направился к стеклянной двери в вестибюль. За ней, как он и ожидал, все было битком забито журналистами, которые переговаривались между собой и потягивали кофе из пластиковых стаканчиков. Чего Джек не ожидал, так это того, что многие еще и дымили сигаретами. Поскольку курить было строжайше запрещено, Джек попросил Винни выйти и уведомить об этом журналистов.

– Тебе ближе, – буркнул тот, не отрываясь от газеты.

У Джека глаза на лоб полезли от выказанной Винни непочтительности, но он вынужден был признать, что санитар прав. И, подойдя к закрытой двери, открыл ее. Но не успел он возгласить запрет на курение, как был буквально взят в тиски толпой. Пришлось отпихиваться от микрофонов, которые ему совали прямо в лицо. Сыпавшиеся со всех сторон вопросы не давали по-настоящему вникнуть в суть того, о чем спрашивали, угадывалось только, что спрашивали про предстоявшее вскрытие.

Джек проорал во все горло, что курить нельзя, и, отдирая чужие ладони со своих рук, наконец сумел закрыть дверь. С другой стороны репортеры поднажали, рванув вперед, грубо вдавливая своих коллег в стекло двери, будто томаты в банку для засолки.

Содрогаясь от отвращения, Джек вернулся в регистраторскую.

– Может, кто-нибудь просветит меня, что происходит? – возопил он.

Все повернулись в его сторону, но первой отозвалась Лори:

– А ты ничего не слышал?

– А стал бы я спрашивать, если бы слышал?

– Господи, да телевидение бубнит об этом не умолкая! – бросил Кэлвин.

– У Джека нет телевизора, – вступилась Лори. – Ему сосед не разрешает.

– Сынок, ты где живешь? – спросил сержант Мерфи. – Первый раз слышу, чтоб соседи не разрешали друг другу иметь телевизор. – Пожилой, краснолицый ирландец-полицейский, говоря с медиками и служащими судмедэкспертизы, всегда впадал в отечески

покровительственный тон: он проработал в морге больше лет, чем желал бы признать, и относился ко всем как к членам семьи.

– Он в Гарлеме живет, – сказал Чет. – По правде говоря, соседи были бы счастливы, если бы он телик купил, они бы все время просили его посмотреть.

– Ладно, кончайте, – взмолился Джек. – Лучше скажите, из-за чего сыр-бор?

– Вчера ближе к вечеру застрелили одного мафиозного дона, – гулким голосом возвестил Кэлвин. – Это разворошило осиное гнездо неприятностей, поскольку дон этот согласился сотрудничать с прокуратурой и находился под защитой полиции.

– Он не был мафиозным доном, – поправил Лу Солдано. – Не более как средней руки деятель в криминальном клане Вакарро.

– Пусть так, – отмахнулся Кэлвин. – Главное в том, что пришили беднягу тогда, когда его буквально со всех сторон охраняли лучшие полицейские силы Нью-Йорка, что не очень-то лестно говорит о способности полиции защитить своих подопечных.

– Его предупреждали, чтобы он в этот ресторан не ходил, – запротестовал Лу. – Я это точно знаю. А убережь того, кто плюет на предостережения, – дело почтидохлое.

– Сама полиция не могла его пристрелить, или это исключено? – спросил Джек. Одна из обязанностей судмедэксперта – думать во всех направлениях, тем более что речь шла о содержании под стражей.

– Он не был под арестом, – сказал Лу, догадываясь, о чем подумал Джек. – Сначала его арестовали и предъявили обвинение, но потом выпустили под залог.

– Так из-за чего великий шум? – недоуменно спросил Джек.

– А великий шум из-за того, что мэр, окружной прокурор и полицейский комиссар попали на раскаленную сковородку, – пояснил Кэлвин.

– Воистину, – кивнул Лу. – Особенно комиссар полиции. Потому что и я здесь. Грядет один из тех публичных кошмаров, которые пресса обожает раздувать до умопомрачения. Мы должны схватить злоумышленника или злоумышленников без промедления, иначе полетят головы.

– И не нагонять страху на тех, кто может оказаться свидетелем, – добавил Джек.

– Ну да, и это тоже, – согласился Лу.

– Не знаю, не знаю, Лори, – заговорил Кэлвин, возвращаясь к разговору, прерванному вмешательством Джека. – Ценю ваш столь ранний приход и готовность сделать вскрытие, но, возможно, Бинэм захочет сам провести его.

– Но почему? – обиженно воскликнула Лори. – Дело, как вы понимаете, яснее ясного, а я в последнее время много по пулевым ранениям работала. И потом, доктор Бинэм сегодня с утра будет обсуждать в мэрии бюджет, сюда он явится не раньше полудня. К тому времени я закончу вскрытие, и все сведения, какие сумею получить, уже будут у полиции. Это разумнее всего, если учесть, как время их поджимает.

Кэлвин обратился к Лу:

– Вы считаете, что пять-шесть часов могут иметь значение для расследования?

– Вполне, – кивнул Лу. – Черт, чем раньше произвести вскрытие, тем лучше. Да хотя бы знать: мы ищем одного или двоих, – и то большое подспорье.

Кэлвин вздохнул:

– Мне такого рода решение – нож острый. – Зам. главврача переступил с ноги на ногу, поудобнее располагая свое крупное мускулистое двухсотпятидесятифунтовое^[6] тело. – Беда в том, что в половине случаев я никак не могу угадать, как решит Бинэм. А, гори оно огнем! Берите, Лори. Это дело – ваше.

– Спасибо, Кэлвин, – заликовала Лори и тут же подхватила папку со стола. – Можно Лу посмотреть?

– Ну разумеется, – сказал Кэлвин.

– Лу, пойдете! – позвала Лори. Она взяла со стула пальто и направилась к двери. – Отправляемся вниз, быстренько проводим внешний осмотр и делаем рентген тела. Ночью в суматохе его, очевидно, не сделали.

– Следую за вами, – отчеканил полицейский.

После минутного колебания Джек тоже поспешил за ними: ему стало очень любопытно, отчего Лори так рвалась провести вскрытие. С его точки зрения, ей бы лучше держаться в сторонке. Эти набитые политикой дела всегда жгутся, как печеная картошка из костра. Радости от них никакой.

Лори шла быстро, Джек никак не мог нагнать их с Лу, чтобы переговорить на ходу. Вдруг Лори резко остановилась и заглянула в кабинет фельдшера Джанис Джигер. Маленькая темноволосая женщина с заметными кругами под глазами, она работала в ночную смену и к работе своей относилась очень серьезно. Всегда задерживалась подолгу.

– Вы перед уходом увидите с Бартом Арнольдом? – спросила Лори у Джанис. Барт Арнольд был главным фельдшером.

– Обычно вижу.

– Сделайте одолжение, – попросила Лори, – передайте, чтобы он позвонил в Си-эн-эн и попросил у них копию съемки убийства Карло Франкони.

– Непременно, – тут же ответила Джанис.

Лори с Лу направились дальше.

– Эй вы, парочка, не так резво! – окликнул Джек, переходя на бег, чтобы их нагнать.

– Нам работать надо, – бросила Лори, не умеряя шаг.

– Никогда не замечал, чтобы ты рвалась делать вскрытие, – сказал Джек. Он и Лу шли справа и слева от спешившей в прозекторскую Лори. – Что так манит?

– Много всего, – ответила Лори, нажимая кнопку лифта.

– Хотя бы один примерчик, пожалуйста, – не унимался Джек. – Не хотелось портить тебе музыку, но уж больно это дело врубается в политику. Тут что ни сделай, что ни скажи, всегда найдется тот, кому наступишь на мозоль. По-моему, Кэлвин был прав. Пусть бы сам шеф и вскрывал.

– Ты волен думать что хочешь, – отмахнулась Лори и еще раз нажала на кнопку лифта. Черная кабина двигалась нестерпимо медленно. – А для меня все иначе. Я много работаю по экспертизе пулевых ранений и прямо-таки в восторге от дела, где есть возможность проверить восстановленную по видеозаписи картину происшествия. Собираюсь писать статью об огнестрельных ранах, а это дело – отличный пример.

– Господи! – простонал Джек, возводя глаза к небесам. – Какие благие намерения! – И добавил: – Мне кажется, будет лучше, если ты откажешься! Интуиция подсказывает: тебе грозит бюрократическая головоломка. Этого еще можно избежать. Всего и делов-то: повернуть

обратно и заявить Кэлвину, что ты передумала. Предупреждаю: ты идешь на риск.

Лори рассмеялась:

– В том, что касается риска, мне меньше всего нужны твои советы. – С этими словами она шутливо дотронулась до кончика носа Джека. – Все, кто тебя знает, в том числе и я, Господа молили, чтобы уберечь тебя от покупки нового велосипеда. Ты жизнью своей рискуешь – это тебе не какая-то там головоломка!

Подъехал лифт, и Лори с Лу вошли в кабину. Джек заколебался, но в последний миг протиснулся к ним сквозь закрывавшиеся двери.

– Тебе меня не отговорить, – твердо произнесла Лори. – Так что побереги дыхание.

– Согласен, – усмехнулся Джек и шутливо поднял руки: сдаюсь. – Обещаю: больше никаких советов. Но очень любопытно посмотреть, во что выльется эта история. У меня сегодня бумажный день, так что, если ты не против, я посмотрю.

– Если хочешь, можешь сделать и кое-что посущественнее, – сказала Лори. – Например, помочь.

– Мне страшно неловко, а вдруг я Лу помешаю, – нарочито замялся Джек.

Лу засмеялся, Лори вспыхнула, но колкость осталась без ответа.

– Был намек, что в этом деле у вас есть и другие интересы, – сказал Джек. – Позвольте спросить какие?

Джек перехватил быстрый взгляд, брошенный Лори на Лу, но понять его не смог. И, хмыкнув, заметил:

– Сдается мне, здесь есть что-то, что меня не касается.

– Ничего подобного, – вмешался Лу. – Просто необычное совпадение. Карло Франкони, жертва, занял место уголовника-бузотера средней руки по имени Паули Керино. Место Керино освободилось после того, как его посадили в тюрьму, – главным образом благодаря настойчивости Лори и ее трудолюбию.

– И вашему тоже, – добавила Лори в тот момент, когда кабина, дрогнув, остановилась и двери лифта открылись.

– Да, но прежде всего – вашему, – произнес Лу.

Все трое вышли из лифта и направились к находившемуся в подвале моргу.

– Это у Керино дело было связано с той серией передозировок, о которой ты как-то говорила? – спросил Джек у Лори.

– Боюсь, что да, – ответила Лори. – Это был ужас какой-то. Тот случай нагнал на меня страху, и беда в том, что кое-кто из тех типов по-прежнему живы-здоровы, в том числе и Керино, даром что в тюрьме сидит.

– И вряд ли его скоро выпустят, – прибавил Лу.

– Во всяком случае, очень хочется в это верить, – сказала Лори. – Надеюсь по крайней мере, что работа с Франкони позволит мне хоть немного прийти в себя. А то до сих пор иногда по ночам кошмары мучают.

– Они ее в сосновый гроб законопатили, чтобы утащить отсюда, – поведал Лу. – И увезли на морговском катафалке.

– Бог мой! – воскликнул Джек, глядя на Лори. – Ты мне про это ничего не говорила.

– Старалась об этом не думать, – пояснила Лори. И тут же, не переводя дыхания, приказала: – Вы, двое, ждите здесь.

Она нырнула в конторку морга за списком холодильных камер, отведенных под покойников, поступивших прошлой ночью.

– Представить себе не могу, как бы я очутился в гробу, – сказал Джек. И содрогнулся. Больше всего он боялся высоты, но и замкнутого пространства страшился немногим меньше.

– Я тоже, – согласно кивнул Лу. – А она тогда оправилась на диво быстро. Всего около часа прошло после освобождения, а у нее хватило выдержки и соображения, чтобы спасти нас обоих. Особенно обидно то, что меня как раз и послали ее выручать.

– Ни фиги! – воскликнул Джек и покачал головой. – Я-то до сей поры думал, что быть не может ничего ужаснее, чем то, что мне два душегуба устроили: прихватили наручниками к водопроводной трубе и заспорили, кому из них выпадет честь меня замочить.

Из конторки появилась Лори, размахивая листком бумаги.

– Камера сто одиннадцать, – сказала она. – И я была права: рентген тела не делали.

Лори понеслась вперед, как призовой рысак. Джеку и Лу приходилось поторапливаться, чтобы держаться с ней вровень. Она же, как пчела, выписывала петли, выискивая нужную камеру. Добравшись до места, прижала папку к боку левой рукой, а правой освободила

защелку. Привычным движением плавно распахнула дверцу, выкатила лоток и тут же медленно подняла брови.

– Странно! – выговорила она.

Лоток был пуст, если не считать нескольких пятен крови и отвердевших выделений.

Задвинув лоток обратно, Лори закрыла дверцу. Еще раз проверила номер. Ошибки не было. Камера сто одиннадцать.

Вновь сверилась со списком, проверяя, не спутала ли номер. Снова открыла дверцу камеры и, прикрыв ладонью глаза от верхнего света, заглянула в жуткую темную глубину. Сомнений не было: останки Карло Франкони в камере отсутствовали.

– Что за черт! – бросила Лори и с маху хлопнула обитой резиной дверью.

Просто чтобы убедиться, что не произошло никакого глупого недоразумения, Лори стала открывать один за другим все соседние холодильники. Там, где оказывались тела, задерживалась, проверяя имена и номера поступления. Увы, вскоре стало очевидно: Карло Франкони среди них нет.

– Поверить себе не могу! – В голосе Лори звучала злая растерянность. – Чертово тело пропало!

Когда выяснилось, что сто одиннадцатая камера пуста, на лице Джека заиграла улыбка. Теперь же, глядя, как сердито насупилась Лори, он уже больше не мог сдерживаться. И захохотал от души. Увы, его смех еще больше уязвил Лори.

– Прости, – выговорил наконец Джек. – Моя интуиция подсказывала: дело обернется для тебя бюрократической головоломкой. Я ошибся. Оно обернется головоломкой для бюрократии.

Глава 2

4 марта 19997 г.

13.30

Кого, Экваториальная Гвинея

Отложив карандаш, Кевин Маршалл взглянул в окно. На душе у него было ненастно, за окном же, напротив, стояла вполне приятная погода, и впервые за долгие месяцы в свинцовой серости туч Кевин увидел голубые промоины неба. Наконец-то начался сухой сезон. Сухим он, конечно же, не был: просто в отличие от сезона дождей перестало лить как из ведра. Зато почуявшее силу солнце нагнетало температуру так, что казалось, будто попал в духовку. Сейчас вот столбик укрывшегося в тени термометра прыгнул к отметке сто пятнадцать градусов^[7].

С утра Кевину не работалось, да и ночь он провел бессонную. Тревога, которую он ощутил перед началом хирургической операции, не проходила. Сказать правду, стало еще тревожнее, особенно после неожиданного звонка генерального директора «Генсис» Тейлора Кэбота. До этого Кевину всего раз довелось поговорить с боссом. Большинство сослуживцев по компании приравняли тот случай к разговору с Богом.

Беспокойства Кевину добавляла и увиденная им струйка дыма, возносившаяся к небесам с острова Франчески. В то утро он заметил ее сразу, как пришел в лабораторию. Насколько можно было судить, дым поднимался с того же места, что и днем раньше, с отвесной стороны известняковой гряды. То, что струйка дыма стала еще заметнее, Кевина не утешило.

Даже не пытаясь втянуться в работу, Кевин стащил с себя белый халат и накинул его на спинку кресла. Есть особо не хотелось, но он знал, что Эсмеральда, его экономка, приготовит обед, а потому понимал, что обязан явиться домой.

В глубокой задумчивости, едва ли не в забытьи, Кевин одолел три лестничных марша, спустившись вниз. Несколько проходивших мимо коллег приветствовали доктора, но тот их словно не видел. Слишком глубоко ушел в свои мысли. В последние двадцать четыре часа доктор

Маршалл осознал: надо действовать. Загвоздка эта сама собой не пройдет, как он надеялся еще неделю назад, когда впервые заметил дымок.

К сожалению, Кевин понятия не имел, что надо делать. О себе знал: не герой. Более того, с годами привык считать себя в общем-то трусом. Всякие стычки он ненавидел и сторонился их. Мальчиком вообще избегал любого соперничества, кроме шахмат. И вырос, можно сказать, человеком одиноким, нелюдимым.

У стеклянной входной двери Кевин приостановился. Как всегда, по ту сторону площади, под арками старой ратуши он разглядел свору эквадогвинейской солдатни. Те, по обыкновению, томились скукой, бесцельно убивая время. Одни, усевшись за остатки мебели из пальмового дерева, резались в карты, другие, опершись о стену здания, лениво переругивались гортанными голосами. Почти все курили. Сигареты входили в их жалованье. Одеты солдаты были в перепачканные землей камуфляжи под цвет джунглей, изношенные солдатские ботинки и красные береты. Все были вооружены автоматами, которые или болтались на плече, или лежали под рукой.

С тех самых пор, когда пять лет назад Кевин приехал в Кого, солдаты нагоняли на него страх. Камерон Макиверс, начальник службы безопасности, который знакомил Кевина с новыми местами, сообщил, что «Генсис» наняла для охраны приличную часть эквадогвинейской армии. Позже Камерон понял, что так называемый найм армии в действительности был дополнительным откупом правительству – и лично министру обороны с министром местного управления.

Кевину эта солдатня казалась скорее шайкой неприкаянных подростков, чем охраной. Лица у них цветом походили на обгорелое черное дерево. Ничего не выражавшие глаза и выгнутые дугой брови придавали охранникам вид надменный, вполне сообразный с их скукой. Кевина всегда охватывало неприятное чувство, будто солдаты спят и видят, как бы заполучить повод пустить в ход оружие.

Толкнув дверь, Кевин вышел на площадь и пересек ее. В сторону солдат он не смотрел, но по опыту знал, что по крайней мере некоторые из них глядят ему вслед, отчего по коже доктора бегали мурашки. Кевин ни слова не знал на фанге, основном из местных наречий, а потому даже не догадывался, о чем говорили солдаты.

Выйдя с центральной площади, Кевин несколько успокоился и замедлил шаг. Сочетание жары и стопроцентной влажности действовало как беспрестанная парная баня. Любое движение вызывало обильный пот. Всего несколько минут – и Кевин почувствовал, как рубашка прилипла к мокрой спине.

Дом Кевина находился чуть дальше половины пути от клинико-лабораторного комплекса до берега лимана: всего в каких-то трех кварталах. Судя по всему, небольшой городок в свое время был прелестным. Дома, как правило, покрывали штукатуркой ярких цветов и венчали крышами из красной черепицы. Нынче цвета вылиняли до бледных пастельных тонов. Ставни крепились на петлях снаружи. Большинство зданий находились в ужасном запустении, за исключением обновленных. Улицы прокладывались по немыслимому плану, зато с годами их вымостили импортным гранитом, служившим балластом для парусных судов. Во времена испанского колониального владычества достаток городку приносили продукты сельского хозяйства, в особенности кофе и какао, и этого более чем хватало, чтобы недурно содержать население в несколько тысяч человек.

Увы, после 1959-го, года провозглашения независимости Экваториальной Гвинеи^[8], судьба города резко переменилась. Новый президент, Масиас Нгуема, быстро переродился из всенародного избранника в самого злобного на континенте садиста-диктатора, чьи зверства превзошли даже то, что учинили Иди Амин в Уганде и Жан-Бедель Бокасса в Центрально-Африканской Республике. Итог для страны оказался катастрофическим. После того как пятьдесят тысяч человек были злодейски убиты, треть населения, в том числе все поселенцы-испанцы, покинули страну. Большинство городов оказались опустошены, в особенности Кого, который и вовсе был заброшен. Дорога, соединявшая город с остальной страной, пришла в негодность и быстро превратилась в непроезжую.

В течение нескольких лет городу суждено было оставаться всего-навсего диковиной, которой любовались редкие туристы, добравшиеся сюда на небольших моторных лодках из прибрежного города Акалайонга. К тому времени, когда семь лет назад здесь появился представитель «Генсис», джунгли уже начали отвоевывать у города некогда принадлежавшую им землю. Представитель оценил уединенность Кого и безграничность окружающих его тропических

лесов, найдя его идеальным местом для задуманного «Генсис» предприятия с приматами. Вернувшись в Малабо, столицу Экваториальной Гвинеи, служащий «Генсис» незамедлительно вступил в переговоры с тогдашним экваторгвинейским правительством. Страна была одной из беднейших в Африке и соответственно отчаянно нуждалась в иностранной валюте, так стоит ли удивляться нетерпеливости нового президента, из-за которой переговоры проходили стремительно.

Кевин в последний раз завернул за угол и подошел к своему дому. Дом, как и большинство зданий в городке, был трехэтажным. «Генсис» со вкусом обновила здание, дабы придать ему рекламно-историческую привлекательность. Вообще говоря, это был один из самых вожделенных домов во всем городке, он стал предметом зависти других служащих «Генсис», в особенности начальника службы безопасности Камерона Макиверса. Только у Зигфрида Шполлека, управляющего Зоной, и Бертрама Эдвардса, главного ветеринара, имелись такие же жилищные условия. Свою удачу Кевин приписывал тому, что за него ходатайствовал доктор Раймонд Лайонз, хотя доподлинно ничего не знал.

Дом был построен в середине девятнадцатого века в традиционном испанском стиле преуспевающим дельцом по импорту-экспорту. Первый этаж – арочный, с такими же арками, как и у ратуши, в которых изначально размещались торговые лавки и лабазы. Второй этаж предназначался для жилья, там размещались три спальни, три ваннные комнаты, просторная гостиная, куда попасть можно было из всех помещений, столовая, кухня и крохотная комнатка для прислуги. По периметру второй этаж опоясывала веранда. Третий этаж занимала огромных размеров открытая комната с полом из широких палубных досок, которую освещали две ажурные громадины люстры из кованого чугуна. Комната свободно вмещала сотню человек и, по всей видимости, использовалась для массовых мероприятий.

Войдя в дом, Кевин поднялся по главной лестнице, которая вела в узкий коридор, и прошел в столовую. Как он и предполагал, стол был накрыт к обеду.

Для бессемейного Кевина дом был чересчур велик. Он об этом заявил еще тогда, когда ему только показали это обиталище, но Зигфрид Шполлек, уведомив, что решение принималось в Бостоне,

предостерег Кевина от жалоб на сей счет. Кевин смирился, хотя зависть коллег частенько вызывала у него чувство неловкости.

Как по волшебству, появилась Эсмеральда. Кевин всякий раз удивлялся, как это ей неизменно удавалась такая точность: словно она с какого-то наблюдательного пункта высматривала, как он подходит к дому. Миловидная женщина неопределенного возраста с округлыми чертами лица и печальными глазами, Эсмеральда была одета в платье из яркой ткани рубашечного покроя, голова ее была туго перетянута шарфом в тон платью. Кроме своего родного языка, она бегло говорила на испанском и сносно – на английском, в котором день ото дня делала успехи.

С понедельника по пятницу Эсмеральда жила в помещении для прислуги. Выходные же проводила в кругу семьи в поселке, выстроенном «Генсис» на востоке вдоль берегов лимана для местных жителей, работавших в Зоне, как называли территорию, занятую «Генсис» под экваторгвинейский эксперимент. В поселок она перебралась со своей семьей из Баты, главного города материковой части Экваториальной Гвинеи. Столица страны, Малабо, находилась на острове Биоко.

Кевин постоянно уговаривал Эсмеральду уходить, если захочет, домой по вечерам, но она отказывалась. Когда же он стал особенно настойчив, сказала, что ей приказано оставаться в Кого.

– Вам звонили по телефону, – оповестила Эсмеральда.

– У-уф! – нервно выдохнул Кевин. Пульс у него участился. Телефонные звонки были событием редким, а в нынешнем своем положении он не хотел больше никаких неожиданностей. Вполне хватало расстройства, вызванного полуночным звонком Тейлора Кэбота.

– Звонили от доктора Раймонда Лайонза из Нью-Йорка, – сказала Эсмеральда. – Он просил вас ему перезвонить.

Звонок из-за границы Кевина не удивил. После того как «Генсис» оснастила Зону спутниковой связью, стало гораздо легче звонить в Европу или в Штаты, чем в Бату, находившуюся в каких-то шестидесяти милях к северу. До Малабо, столицы, и вовсе было почти не дозвониться.

Кевин направился в гостиную, где в углу на столике стоял телефон.

– Обедать будете? – спросила Эсмеральда.

– Да, – ответил Кевин. Он еще не успел проголодаться, но не хотел обижать Эсмеральду.

Кевин подсел к столу. Уже положив руку на трубку, быстро сообразил, что в Нью-Йорке сейчас около восьми часов утра. Он было задумался, с чего бы это доктор Лайонз позвонил ему, но тут же решил, что звонок имеет касательство к его краткому телефонному разговору с Тейлором Кэботом. Кевину идея вскрытия Карло Франкони совсем не нравилась, и он даже представить себе не мог, чтобы Раймонду Лайонзу она пришлась по душе.

С Раймондом Кевин познакомился шесть лет назад. Было это в Нью-Йорке, на встрече Американской ассоциации «За развитие науки», где Кевин выступал с докладом. Доклады Кевин ненавидел и делал их редко, но в тот раз его заставил выступить декан факультета в Гарварде. Со времени работы над диссертацией Кевин занимался транспозицией хромосом, процессом, при котором хромосомы обменивались частичками и кусочками, чтобы ускорить приспособляемость вида, а следовательно, и его эволюцию. Явление это особенно часто происходило во время образования половых клеток, процесса, известного как мейоз.

Так совпало, что на той же встрече и в то же время, когда должен был выступать Кевин, Джеймс Уотсон и Френсис Крик читали публичную лекцию, посвященную годовщине их открытия структуры ДНК. Лекция привлекла невероятное внимание публики, а значит, слушать Кевина пришло совсем немного народу. Одним из пришедших был Раймонд. Прослушав выступление Кевина, Раймонд впервые сделал ему предложение. Разговор закончился тем, что Кевин ушел из Гарварда и стал работать на «Генсис».

Сняв слегка дрожавшей рукой трубку, Кевин набрал номер. Раймонд отозвался после первого же звонка: видимо, неотступно сидел возле телефона. Слышимость была кристально чистой, будто собеседник находился в соседней комнате.

– У меня хорошие вести, – сразу заявил Раймонд, едва убедившись, что говорит с Кевином. – Никакого вскрытия не будет.

Кевин не ответил. В голове у него царил кавардак.

– Ну как, полегчало? – поинтересовался Раймонд. – Я знаю, что Кэбот звонил вам ночью.

– Полегчало в какой-то мере, – отозвался Кевин. – Только будет вскрытие или нет, но у меня появляются сомнения по поводу нашего предприятия.

Настал черед замолкнуть Раймонду: не успел он справиться с одной чреватой неприятностями задачей, сзади, разинув пасть, подобралась другая.

– Мы, наверное, просчитались, – сказал Кевин. – Я имею в виду, что я, видимо, допустил ошибку. Меня начинает мучить совесть, и становится немножко страшно. Я ведь, по правде говоря, занимаюсь фундаментальной наукой. Эта прикладная наука – не мое дело.

– Помилосердствуйте! – раздраженно воскликнул Раймонд. – Не надо ничего усложнять! Только не сейчас. Я хочу сказать: вы же получили лабораторию, о какой всегда мечтали. Я себе все мозги свихнул, добывая вам каждую чертову единицу оборудования, какую вы запрашивали. Да и главное, дела идут хорошо, особенно с моим набором врачей и пациентов. Черт, да если учесть все возможности акций, какие вы накапливаете, вы же станете богачом!

– Я никогда не намеревался стать богачом, – промолвил Кевин.

– Что ж, бывает, в жизни выпадает и нежданное худо, – не сдержал улыбки Раймонд. – Кевин, встряхнитесь! Не усложняйте мне жизнь.

– А какая радость быть богачом, когда я торчу здесь, в сердце тьмы? – печально спросил Кевин. Неожиданно в воображении возник образ управляющего, Зигфрида Шполлека. Кевина передернуло. Этот человек нагонял на него ужас.

– Вы же там не навечно, – возразил Раймонд. – Сами мне говорили, что вы практически у цели, что система почти совершенна. Когда она станет таковой, а вы обучите кого-нибудь себе на замену, – вернетесь сюда. И с вашими-то деньгами отстроите лабораторию своих мечтаний.

– Я сегодня опять видел, как с острова поднимается дымок, – оборвал его Кевин. – Точно такой же, как на прошлой неделе.

– Забудьте про дым! – вспыхнул Раймонд. – Слишком много даете воли своему воображению. Чем попусту изводить себя, сосредоточились бы лучше на работе да завершили ее. Если уж у вас выдается свободное время, предавайтесь фантазиям о лаборатории, какую вы отстроите, когда вернетесь в Штаты.

Кевин согласно кивнул: в словах Раймонда был толк. В какой-то мере беспокойство Кевина объяснялось опасением остаться не у дел в научном мире, если станет известно, чем он занимается в Африке. Никто ему исследований не закажет, а тем более до руководства ими не допустит. Но если у него появится собственная лаборатория и независимый источник дохода, то волноваться будет не о чем.

– Послушайте, – продолжил Раймонд, – я приеду за последним пациентом, когда он придет в норму, что, очевидно, произойдет весьма скоро. Тогда мы опять об этом потолкуем. А пока прошу вас, помните: мы почти у цели, а деньги рекой текут в наши оффшорные закрома.

– Договорились, – нехотя согласился Кевин.

– Только ничего не предпринимайте в спешке, – настаивал Раймонд. – Обещайте!

– Договорились, – повторил Кевин с чуть большей охотой и повесил трубку.

Раймонд умел убеждать, и всякий раз после разговора с ним Кевин неизменно чувствовал себя лучше.

Оторвавшись от телефона, Кевин вернулся в столовую. Следуя совету Раймонда, попробовал представить, где разместит свою лабораторию. Многие говорили в пользу Кембриджа в штате Массачусетс: у Кевина были неплохие связи и в Гарварде, и в Массачусетском технологическом. Хотя, с другой стороны, может, лучше устроиться где-нибудь в глубинке, на природе, скажем, в Нью-Хэмпшире.

На обед была белая рыба, показавшаяся Кевину незнакомой. Когда он спросил Эсмеральду, та смогла сообщить только ее местное название. Для Кевина это было пустым звуком. Сам себе удивляясь, он съел больше, чем намеревался. Разговор с Раймондом благотворно сказался на аппетите. Мысль занять собственную лабораторию все еще не утратила привлекательности.

Поев, Кевин сменил влажную сорочку на свежую, только что выглаженную. Его тянуло побыстрее вернуться на работу. Он был уже на лестнице, когда Эсмеральда спросила, во сколько подавать ужин. В семь часов, как обычно, ответил он.

Пока Кевин обедал, с океана накатились серо-лиловые тучи. Когда он открыл входную дверь, на улице лил дождь, а прямо перед домом ярился водный поток, во всю прыть несшийся к побережью. На юге, за

заливом Муни, Кевин видел полосу яркого солнечного света и полукруг полной радуги. В Габоне все еще стояла ясная погода. Кевина это не удивляло: дождь тут, случалось, лил на одной стороне улицы, а на другой было сухо.

Прикинув, что дождь будет идти еще не меньше часа, Кевин обогнул дом под прикрытием арки и забрался в черную разъездную «тойоту». До клиники было ехать смехотворно близко, и все же Кевин считал за лучшее проехать, чем ходить остаток дня промокшим.

Глава 3

4 марта 1997 г.

8.45

Нью-Йорк

– Ну и что ты намерен делать? – спросил Франко Понти, глядя на своего босса, Винни Доминика, в зеркальце заднего вида. Разговор велся в шикарном «линкольне», в котором Винни разъезжал по городу. Винни сидел на заднем сиденье, сильно подавшись вперед и держась правой рукой за кожаный строп над головой. Он разглядывал дом 126 по Шестьдесят четвертой улице. Дом был выстроен из бурого песчаника в стиле французского рококо с арочными многостворчатыми окнами. Окна первого этажа защищали крепкие решетки.

– На вид роскошная хата, – сказал Винни. – Почтенный доктор себя не забывает.

– Мне парковаться? – спросил Франко. Машина торчала посреди улицы, и водитель такси сзади давил на сигнал, не жалея сил.

– Паркуйся! – бросил Винни.

Франко проехал вперед до пожарного крана и прижался к обочине. Таксист, проезжая мимо, вздернул средний палец правой руки, безмолвно матеря дорожных растяп. Анжело Фацциоло, сидевший впереди рядом с водителем, осуждающе покачал головой и пробурчал что-то оскорбительное а адрес русских эмигрантов, пролезших в нью-йоркские таксисты.

Винни выбрался из машины. Франко с Анжело быстро последовали за ним. Все трое были одеты в длинные элегантные пальто разных оттенков серого цвета.

– С машиной, думаешь, все в порядке будет? – спросил Франко.

– Полагаю, наша встреча не затянется, – ответил Винни. – Все же налепи на видное место грамоту Ассоциации содействия полиции. Глядишь, сэкономим полсотни зеленых.

Винни прошел назад, к дому 126. Франко с Анжело шли следом, по неискоренимой привычке бдительно оглядывая все вокруг. Винни взглянул на переговорное устройство у дверей и хмыкнул:

– Гляди, спаренный. Видно, доктор не так уж и богат, как я думал. – Винни надавил кнопку возле надписи «Д-р Раймонд Лайонз» и стал ждать ответа.

– Вам кого? – раздался из переговорника женский голос.

– Я пришел к доктору на прием. Меня зовут Винни Доминик.

Повисло молчание. Носком шикарной кожаной туфли Винни поигрывал бутылочной пробкой. Франко с Анжело озирали улицу и вдоль и поперек.

В переговорнике раздался легкий треск, затем голос:

– Здравствуйте, я доктор Лайонз. Чем могу служить?

– Чем-то можете, – произнес Винни. – Мне нужно пятнадцать минут вашего времени.

– Не уверен, что мы с вами знакомы, мистер Доминик, – сказал Раймонд. – Не скажете, с чем связан ваш визит?

– Он связан с услугой, какую я вам оказал вчера ночью. О ней просил наш общий знакомый доктор Дэниел Левитц.

Снова молчание.

– Доктор, вы, надеюсь, на связи? – поинтересовался Винни.

– Да, разумеется, – донесся торопливый ответ.

Услышав сиплое жужжание замка, Винни толкнул тяжелую дверь и вошел в дом. Его спутники последовали за ним.

– Полагаю, почтенный доктор не слишком рад нашей встрече, – усмехнулся Винни, когда троица поднималась в лифте, зажатая в тесной кабине, как три сигары в трехштучной пачке.

Раймонд встретил посетителей у выхода из лифта. Он явно нервничал, когда после взаимных представлений пожимал гостям руки. Жестом пригласив их войти в квартиру, проводил в небольшую комнату, отделанную панелями красного дерева.

– Кофе? – спросил хозяин дома.

Франко с Анжело уставились на Винни.

– Я бы не отказался от чашечки черного, если это не доставит хлопот, – сказал Винни. Франко с Анжело попросили то же самое.

Раймонд снял трубку с телефона на столе и сделал заказ.

Худшие опасения доктора обрели плоть, едва он увидел своих непрошенных визитеров. На его взгляд, они выглядели так, будто сошли с экрана плохонького триллера, смотреть который детям не рекомендуется. Винни – красавец ростом под пять футов десять

дюймов^[9], мрачнолицый, с мясистыми чертами и волосами, прилизанными ото лба к затылку. Он явно был главным. Двое других – сухопарые верзилы за шесть футов ростом. Тонконосые и тонкогубые, с маленькими, глубоко посаженными глазками. Их можно было принять за братьев. Внешне их различало только состояние кожи лица Анжело. Раймонду оно напомнило обратную сторону Луны.

– Не хотите снять пальто? – спросил доктор.

– Мы не настроены засиживаться, – сказал Винни.

– Хотя бы присядьте, – пригласил Раймонд.

Винни уселся в кожаное кресло. Франко с Анжело настороженно присели на обитую бархатом кушетку. Раймонд расположился за письменным столом.

– Чем могу служить, господа? – произнес он, стараясь держаться уверенно.

– Услуга, которую мы вам оказали вчера ночью, была не из легких, – начал Винни. – Мы подумали, вам будет интересно узнать, как все было устроено.

Доктор выдавил из себя короткий безрадостный смешок и вытянул руки ладонями вперед, будто отгораживаясь от чего-то надвигавшегося на него:

– В этом нет необходимости. Я уверен, что вы...

– Мы настаиваем, – перебил его Винни. – В этом есть изрядный деловой смысл. Нам, видите ли, не хотелось, чтобы вы подумали, будто мы не предприняли значительных усилий для вашей пользы.

– Ни на миг в том не усомнюсь, – уверил Раймонд.

– Ну так, для пущей уверенности, – сказал Винни. – Видите ли, вывезти тело из морга – задача не из легких, поскольку это заведение работает круглосуточно и там постоянно торчит вооруженный охранник.

– Не стоит продолжать, – поморщился доктор. – Я бы не хотел вдаваться в детали, но очень благодарен вам за ваши усилия.

– Помолчите, доктор Лайонз, и послушайте! – повысил голос Винни. Он замолк на минуту, словно собираясь с мыслями. – Нам повезло, потому что у нашего Анжело есть знакомый паренек, Винни Амендола, он в морге работает. Паренек чем-то обязан Паули Керино, малому, на которого Анжело когда-то работал, но который сейчас в тюрьме. Теперь Анжело работает на меня и, зная то, что он знает, смог

убедить паренька точно указать нам, где хранятся останки мистера Франкони. Паренек смог и еще кое-что нам сообщить, так что у нас была причина заявиться в морг посреди ночи.

В этот момент принесли кофе. Подала его Дарлин Полсон, которую Раймонд представил как свою ассистентку. Расставив чашки на столе, Дарлин удалилась.

– Миленькая ассистентка, – заметил Винни.

– Очень усердна, – серьезно выговорил Раймонд, машинально смахивая пот со лба.

– Мы, надеюсь, не доставляем вам неудобств? – спросил Винни.

– Никоим образом, – излишне быстро успокоил доктор. Собеседник же его продолжил:

– В общем, тело мы взяли как надо. И избавились от него, так что оно исчезло. Но, как понимаете, это вам не по садику прогуляться. Прямо скажу, одна сплошная заноза в заднице, ведь и времени-то все обдумать у нас, считай, не было.

– Что ж, если вам когда-нибудь понадобится моя помощь... – выговорил Раймонд после затянувшейся неловкой паузы.

– Благодарю вас, доктор. – Винни залпом, будто порцию виски, опрокинул в рот кофе. Поставил чашечку с блюдцем на край стола. – Вы сказали именно те слова, каких я ждал, и тем приблизили меня к тому, зачем я сюда пришел. Так вот, как вы, наверное, помните, я тоже клиент, точно такой же, каким был Франкони. Еще существеннее, что клиентом является и мой одиннадцатилетний сын, Винни-младший. Ему, прямо скажу, ваши услуги понадобятся скорее, чем мне. Итого нам грозят две платы за обслуживание, как вы это зовете. Так вот что мне хотелось бы предложить вам: в этом году я не плачу ничего. Что скажете?

Взгляд Раймонда уперся в поверхность стола.

– Мы с вами ведем речь не о чем ином, как об услуге за услугу, – пояснил Винни. – Тут все честно.

Доктор откашлялся и сказал:

– Мне придется обговорить это с руководством.

– Ну вот, это первые недружелюбные слова, какие вы произнесли, – укорил его Винни. – По моим сведениям, вы как раз и есть это самое «руководство». Извините, но мне такой натяг оскорбителен. Изменяю свое предложение. Я не стану вносить никакой

платы ни в этом году, ни в следующем. Надеюсь, вы понимаете, какое направление принимает наш разговор?

– Понимаю. – У Раймонда заходил кадык, он сглотнул с явным трудом. – Я позабочусь об этом.

Винни встал. Франко с Анжело встали следом.

– Вот это – в верном духе, – сказал Винни. – Так я рассчитываю, что вы поговорите с доктором Левитцем и уведомите его о нашей договоренности.

– Разумеется. – Раймонд медленно поднялся из-за стола.

– Спасибо за кофе, – поблагодарил Винни. – Очень вкусен и очень кстати. Передайте мою признательность вашей ассистентке.

Закрыв за бандитами дверь квартиры, Раймонд бессильно привалился к ней. Пульс бешено зачастил. В коридоре, ведущем на кухню, появилась Дарлин и спросила:

– Так плохо, как ты и опасался?

– Хуже! – взвился он. – Они вели себя именно так, как им на роду написано. Теперь мне приходится иметь дело с мелкой шпаной, требующей обслуживания задаром. Я тебя спрашиваю: чего еще мне ждать?

Раймонд с силой оттолкнулся от двери и направился в кабинет. Не пройдя и двух шагов, он зашатался. Дарлин бросилась вперед и подхватила его под руку.

– Тебе нехорошо? – спросила она.

Раймонд, выждав время, кивнул. Потом выговорил:

– Не-ет, все в порядке. Голова немного кружится. Из-за этой паники с Франкони я ночью глаз не сомкнул.

– Может, тебе лучше отложить встречу, которую ты назначил новому кандидату в доктора? – предложила Дарлин.

– Думаю, ты права, – ответил Раймонд. – В таком состоянии я, наверное, никого не сумею убедить влиться в нашу группу, даже если им впереди маячит суд по делу о банкротстве.

Глава 4

4 марта 1997 г.

19.00

Нью-Йорк

Лори приготовила зелень для салата, обернула салатницу салфеткой и сунула ее в холодильник. Потом сбила соус: простенькая смесь оливкового масла, тертого чеснока и обычного уксуса с капелькой ароматного бальзама. И тоже отправила в холодильник. Переключившись на филе барашка, срезала с него ту малость жира, которую оставил мясник, положила мясо в заранее приготовленный маринад, затем и его втиснула в холодильник вместе с другими заготовками. Самое тягостное оставила под конец: приготовление артишоков. Хотя и дело-то пустяковое: срезать у основания лишнее да несколько крупных увядших листьев.

Вытирая руки посудным полотенцем, Лори глянула на стенные часы. Распорядок дня Джека она знала, а потому решила: самое время позвонить. И сняла трубку с висевшего над раковиной телефона.

Пока раздавались гудки, Лори представляла, как Джек поднимается к себе домой по загроможденной и замызганной лестнице обветшалого дома. И хотя ей казалось, что она понимала, почему он вообще когда-то снял эту квартиру, но никак не могла постичь, зачем он в ней остался. Этот дом вгонял в такую тоску! С другой стороны, думала она, оглядывая свои апартаменты, следует признать, что внутри жилье Джека мало чем отличается от ее собственного, даром что у него места вдвое больше.

Телефон трезвонил на другом конце линии. Лори считала звонки. Досчитав до десяти, стала сомневаться, что знает расписание Джека. Уже собиралась повесить трубку, когда тот ответил, спросив запросто:

– Да-а? – Слышно было, что Джек задыхается, как после хорошей пробежки.

– У тебя сегодня удачный вечер, – сказала Лори.

– Кто говорит? Лори, ты?

– На тебя, похоже, одышка напала, – заметила Лори. – Это значит, ты проиграл в баскетбол?

– Нет. Это значит, что я четыре лестничных пролета промахал, чтобы успеть к телефону. Что случилось? Только не говори, что ты до сих пор на работе, идет?

– Боже упаси, – улыбнулась Лори. – Я уже час как дома.

– Ну и почему же сегодняшней вечер для меня удачный?

– По пути домой я зашла в супермаркет и накупила всего, что нужно для твоего любимого ужина, – объяснила Лори. – Все готово, осталось только на решетку бросить. От тебя требуется всего лишь принять душ и явиться сюда.

– А я-то думал, что должен извиниться за смех по поводу пропавшего мафиози, – признался Джек. – Если требуется пополнить казну, это, само собой, за мной.

– Возмещение не предполагается, – снова улыбнулась Лори. – Мне хватит твоей компании. Но есть одно условие.

– Угу, – хмыкнул Джек. – Какое?

– Нынче никакого велосипеда. Либо добираться на такси, либо все отменяется.

– Такси еще опаснее, чем мой велик! – взмолился Джек.

– Никаких споров. Либо да – либо нет. Если ты угодишь под автобус и окажешься в подвале морга, я не хочу чувствовать себя ответственной. – Лицо Лори словно жаром обдало: речь шла о том, над чем даже шутить не позволялось.

– Ладно, – миролюбиво согласился Джек. – Минут через тридцать пять – сорок прибуду. Вина принести?

– Дельная мысль.

Лори ликовала. Уверенности в том, что Джек примет приглашение, не было. Весь прошлый год они общались вне работы, а несколько месяцев назад Лори призналась себе, что влюбилась. Увы, Джек, похоже, не очень-то рвался углублять отношения, превращать их в любовную связь. Когда Лори попробовала поднажать, Джек в ответ тут же отдалился от нее. Чувствуя себя отверженной, Лори взъерилась. Целые недели они разговаривали друг с другом только о том, что касалось работы.

За последний месяц отношения понемногу наладились. Они снова стали встречаться запросто. Теперь Лори сознавала, что ей придется терпеливо выжидать. Беда в том, что в тридцать семь лет это не так-то просто. Лори всю жизнь мечтала: вот придет день – и она станет

матерью. Чувствуя, как стремительно накатывается сорокалетие, она боялась не успеть.

Завершив приготовления к ужину, Лори прошлась по своей маленькой двухкомнатной квартирке, наводя порядок. Сводилось это к тому, чтобы рассовать разбросанные книги по их зияющим местам на полках, сложить аккуратной стопкой медицинские журналы и опорожнить ванночку, куда ходил Том, ее пятнистый рыжеватокоричневый кот. Тому было уже шесть с половиной лет, однако он оставался таким же диким и злющим, как котенок.

Лори поправила репродукцию Климта^[10], которую кот всякий раз сбивал, совершая свой ежедневный путь со стеллажей на оконный карниз.

Затем Лори ополоснулась под душем, переоделась в свитер с джинсами, слегка, где требовалось, тронула лицо косметикой. При этом с удивленной горечью разглядывала морщинки, что стали появляться в уголках глаз. Сама она чувствовала себя ничуть не старше, чем тогда, когда окончила медицинский факультет, хотя и не отрицала: годы свое брали.

Джек прибыл как по расписанию. Глянув в глазок, Лори смогла различить лишь расплывшуюся в улыбке физиономию: гость носом едва не уперся в дверь. Обрадовавшись знакомым чудачествам, хозяйка отперла целую батарею замков и задвижек, стоявших на страже ее двери.

– Входи, клоун! – насмешливо произнесла Лори.

– Хотелось быть уверенным, что ты меня узнаешь, – пояснил Джек, входя. – Мой расщепленный верхний левый резец служит мне рабочим клеймом.

Уже почти закрыв дверь, Лори заметила соседку, миссис Энглер, которая сквозь щелочку приоткрытой двери высматривала, кто пришел к Лори. Молодая женщина смерила соседку долгим взглядом. Какая назойливость, ну до всего ей есть дело!

Ужин прошел превосходно. Еда – отменная, вино – подходящее. Хотя Джек и извинялся: в винном возле его дома продают только разливные вина, чего получше там не купишь.

Весь вечер Лори заставляла себя быть сдержанной на язык, уводя разговор от опасных тем. С какой радостью пустилась бы она выяснять отношения, но не осмеливалась. Чувствовала: Джек еще и потому

колеблется, что никак не отойдет от пережитого. А трагедию он пережил – не приведи Господь. Шесть лет назад в автокатастрофе трагически погибли его жена и две дочери. Джек рассказал об этом Лори через несколько месяцев после того, как они стали встречаться, но после всякий раз обрывал любые разговоры на эту тему. Лори чувствовала, что его утрата – самое большое препятствие в их отношениях. В какой-то мере это помогало ей видеть в нерешительности Джека опасение поддаться напору чувства.

Для Джека не составило никакого труда вести легкую болтовню. Вечером он отличился на баскетбольной площадке у себя во дворе и теперь взахлеб рассказывал про игру. На сей раз он играл в одной команде с Уорреном, известным всей округе афроамериканцем, он верховодил местной бандой, а в баскетболе на две головы превосходил любую дворовую звезду. Команда Джека и Уоррена за весь вечер не проиграла ни разу.

– Как дела у Уоррена? – спросила Лори. Они с Джеком часто проводили время вместе с Уорреном и его подружкой Натали Адамс. Лори не видела их со времен размолвки с Джеком.

– Уоррен есть Уоррен, – ответил Джек. И пожал плечами. – В нем столько всего заложено! Я много раз пытался уговорить его поучиться в каком-нибудь колледже, но он ни в какую. Говорит, что моя система ценностей ему не подходит. Ну я и зарекся.

– А Натали?

– В порядке, наверное. Я ее не видел с тех пор, как мы вместе собирались.

– Надо бы опять собраться, – предложила Лори. – Иногда я по ним скучаю.

– Есть над чем подумать, – уклончиво ответил Джек.

Повисло молчание. Лори слышала, как урчит Том. После того как с едой и мытьем посуды было покончено, Джек направился к кушетке, а Лори уселась напротив него в причудливое кресло – сей шедевр в стиле ар-деко она купила по случаю в Виллидж^[11].

Лори вздохнула. Она была расстроена. Детский сад какой-то, думалось ей. Ну почему им не поговорить о важном, о своих чувствах?

Джек взглянул на часы и воскликнул:

– Ого! – Поднялся и сел, так чтобы оказаться на самом краю кушетки. – Уже без четверти одиннадцать. Мне пора. Время недетское,

и постель манит.

– Еще вина? – Лори подняла картонку, из которой они выпили едва ли четверть.

– Не могу, – сказал Джек. – Должен сохранить в четкости все рефлексy на обратную поездку в такси домой. – Поднявшись на ноги, он поблагодарил Лори за ужин.

Лори, оставив картонку с вином, тоже поднялась:

– Если не возражаешь, я проеду с тобой до морга.

– Что? – вскинулся Джек. От удивления у него даже лицо перекосилось. – Надеюсь, ты не собираешься работать в такой час? У тебя ведь даже вызова нет.

– Просто я хочу расспросить санитаря, который той ночью дежурил в покойнице, и охрану, – сказала Лори, уже подходя к шкафу в коридоре, где висели их пальто.

– А это-то тебе зачем?

– Хочу сообщить, как пропало тело Франкони. – Лори подала Джеку его кожаную куртку. – С теми, кто тогда вечером работал, я уже говорила, когда они днем на смену пришли.

– И что они тебе сказали?

– Не так много. Тело доставили примерно в восемь сорок пять в сопровождении полиции и прессы. Представляю, что это был за цирк! Полагаю, как раз поэтому и недоглядели с рентгеном. Опознала его мать: по всем свидетельствам, сцена была чувствительная. К десяти сорока пяти тело поместили в холодильник в камеру сто одиннадцать. Так что, думаю, совершенно ясно, что похищение произошло в ночную смену, от одиннадцати вечера до семи утра.

– Ты-то чего обо всем этом хлопчешь? – удивился Джек. – Пусть начальство голову ломает.

Лори надела пальто и взяла ключи:

– Скажем так: у меня в этом деле свой личный интерес.

Когда они вышли на лестничную площадку, у Джека в глазах металась тревога, и он, повысив голос, с расстановкой произнес:

– Лори! Ты из-за этого навлечешь на себя беду. Помяни мое слово.

Лори нажала кнопку вызова лифта, затем взглянула на миссис Энглер, которая, как обычно, приоткрыла свою дверь.

– Эта баба сводит меня с ума! – вырвалось у Лори, когда они входили в кабину лифта.

– Ты меня не слушаешь. – Джек покачал головой.

– Слушаю, – возразила Лори. – Только я все равно собираюсь в этом разобраться. Между нынешним фокусом и наездом на меня из-за предшественника Франкони есть общее, что выводит меня из себя: эти жалкие подонки считают, что могут делать все, что им взбредет в голову. Считают, что законы писаны для других людей. Паули Керино, бандит, которого упомянул сегодня утром Лу, организовывал убийства людей, чтобы не нужно было слишком долго ждать органы для пересадки. Можешь сам судить, что у них за этика. Мне не нравится, что они считают, будто им позволено запросто явиться в наш морг и уйти из него с телом человека, ими же только что убитого.

Они вышли на Девятнадцатую улицу и зашагали к Первой авеню. Лори запахнула пальто и подняла воротник. С Ист-Ривер дул ветер, а температура все же была минусовая.

– С чего ты решила, будто это дело рук бандитов? – спросил Джек.

– Не особо ученые мозги нужны, чтобы до этого додуматься, – ответила Лори. Увидев приближающееся такси, она подняла руку, но машина проскочила мимо, не сбавляя скорости. – Франкони собирался дать показания в рамках сделки о признании вины. Воротилы организации Ваккаро рассердились или испугались, а может, и то и другое вместе. Банальная история.

– Ладно, они его убили, – сказал Джек. – Но зачем тело-то брать?

Лори пожала плечами. Потом сказала:

– Не хочу притворяться, будто способна понять логику бандитов. Не знаю, зачем им понадобилось тело. Может, не хотели, чтобы его похоронили по-человечески. Может, боялись, что вскрытие поможет опознать убийцу. Не знаю я, черт побери. Только по большому счету нет разницы – зачем.

– У меня такое ощущение, что «зачем» кое-что значит, – раздумчиво произнес Джек. – Думаю, ты, если ввяжешься, покатишь по тонюсенькому льду.

– Может быть. – Лори снова пожала плечами. – Мне на такие вещи везет. Наверное, беда еще и в том, что в данный момент вся моя жизнь вертится только вокруг работы.

– А вот и свободное такси, – встрепенулся Джек, намеренно избегая ответа на последнее замечание Лори. Он уловил, что стоит за

ее словами, и не хотел заводить разговор на более личные темы.

Такси быстро добралось до угла Первой авеню и Тридцатой улицы. Лори вышла из машины и удивилась, когда Джек последовал за ней.

– Тебе незачем идти, – сказала она.

– Знаю, – вздохнул Джек. – И все же иду. Если ты еще не догадалась, скажу: мне не все равно, как ты и что.

Он обернулся и, сунув голову внутрь машины, расплатился с водителем.

Они уже пробирались меж машин городской и больничной «скорой помощи» возле морга, а Лори все еще продолжала твердить, что присутствие Джека вовсе не обязательно. В морг они вошли через вход с Тридцатой улицы.

– Кто-то, помнится, говорил мне, что его постель манит?

– Подождет, – отмахнулся Джек. – После рассказа Лу, как тебя вывезли отсюда в заколоченном гробу, я думаю, за тобой надо по пятам ходить.

– Тогда было совсем другое дело.

– Неужели? Тогда, как и сейчас, орудовали бандиты.

Лори собралась было возразить, но последние слова Джека попали в точку. Пришлось признать, что кое-какие параллели имелись.

Первым, кого они встретили, войдя в здание, был ночной сторож из службы охраны, сидевший в своем уютном гнездышке. Карл Новак, пожилой приветливый седовласый человек, казался усохшим в своей форме, которая была велика ему по крайней мере на два размера. Он раскладывал пасьянс, но поднял голову, когда Лори с Джеком миновали его окошко и остановились у открытой двери сторожевой будки.

– Чем могу помочь? – спросил Карл. Но тут он узнал Лори и извинился за нерасторопность.

Лори спросила, известно ли ему об исчезновении тела Франкони.

– А как же, – протянул Карл. – Сам Роберт Харпер, начальник охраны, позвонил мне домой. Он был не на шутку встревожен и задавал целую кучу всяких вопросов.

Очень скоро Лори поняла, что Карл едва ли сможет пролить свет на таинственное происшествие. Сторож упорно стоял на том, что ничего необычного не происходило. Тела поступали, тела вывозились

– точно так же, как это происходит изо дня в день. Карл признался, что дважды покидал свой пост, чтобы сходить в туалет. И подчеркнул, что в обоих случаях отсутствовал всего несколько минут и оба раза предупреждал об отлучке ночного санитара в покойницкой, Майка Пассано.

– А ели где? – спросила Лори.

Карл выдвинул ящик из тумбы металлического столика и достал оттуда завернутую коробочку с едой:

– Я Прямо тут ем.

Поблагодарив сторожа, Лори двинулась дальше. Джек пошел следом.

– Ночью тут и впрямь все выглядит совсем по-другому, – проговорил он, когда они шли широким коридором, который вел к холодильникам и прозекторским.

– Позловещей без обычного дневного гама, – согласилась Лори.

Они заглянули в приемную морга, где застали Майка Пассано, возившегося с какими-то справками о поступлении. Недавно привезли тело, которое пограничники береговой охраны выловили из океана. Почувствовав, что он не один, Майк оторвал голову от бумаг.

Майку было едва за тридцать, говорил он с сильным лонг-айлендским акцентом, на вид же – вылитый итальянец с Юга: телосложение хлипкое, черты лица крупной лепки и резко очерчены. Волосы у него были темные, кожа темная и глаза тоже темные. Ни Лори, ни Джек с ним никогда не работали, хотя встречались по многу раз.

– Врачи явились посмотреть на утопленника, да? – спросил Майк.

– Нет, – ответил Джек. – А что, с ним что-то не так?

– Вроде все так, – сказал Майк. – Но вид жуткий.

– Мы пришли поговорить о вчерашней ночи, – обратилась к нему Лори.

– А что такое?

Лори задала Майку тот же вопрос, что и Карлу. К ее удивлению, тот сразу разозлился. Она уж было рот открыла, чтобы осадить его, как Джек схватил ее за руку и подтолкнул, выпроваживая в коридор.

– Полегче, – посоветовал он, когда они оказались подальше от чужих ушей.

– Полегче – что? – удивилась Лори. – Я и не думала его терзать.

– Согласен, – кивнул Джек. – Я, возможно, ни уха ни рыла не смыслю в учрежденческих делах и межличностных отношениях, только, на мой слух, Майк защищался, говоря с тобой. Имей в виду, если нужно выудить из него какие-то сведения, то, думаю, лучше подбираться осторожненько.

Лори на минуту задумалась, потом согласно кивнула:

– Возможно, ты прав.

Они вернулись в приемную, но не успела Лори и слова сказать, как Майк заявил:

– На случай если вы не в курсе, сообщаю: утром звонил доктор Вашингтон, он и разбудил меня из-за всего этого. Строго отчитал, между прочим. А я вчерашнюю ночь работал нормально и уж точно никакого отношения не имею к тому, что тело пропало.

– Простите, если дала повод полагать, будто утверждаю обратное, – сказала Лори. – Я только про то, что, по-моему, тело исчезло во время вашей смены. Это не означает, что вы хоть как-то в ответе за это.

– А так вроде выходит, – мрачно выговорил Майк. – Я, значит, один тут как перст, не считая охраны и уборщиков.

– Ничего странного не произошло? – спросила Лори. Майк покачал головой:

– Ночь была тихая. Два тела доставили и два увезли.

– Тела, которые доставили, наши люди привезли?

– Как штык, и на наших машинах. Джеф Купер и Питер Молина. Оба тела были из местных больниц.

– А тела, которые вывезли? – спросила Лори.

– Что про них?

– Скажем, кто приезжал их забрать?

Майк подхватил с угла стола журнал учета покойницкой и распахнул его. Указательный палец его пробежал по колонке вниз и остановился:

– Похоронное бюро «Сполетто» с Озон-парк и похоронное бюро «Диксон» из Саммита, штат Нью-Джерси.

– А как звали усопших?

– Фрэнк Глисон и Дороти Клайн, – ответил Майк, сверившись с журналом. – Их регистрационные номера 100385 и 101455. Еще что-нибудь?

– И ожидалось, что приедут именно эти похоронные конторы? – допытывалась Лори.

– А то как же! – воскликнул Майк. – Оттуда заранее звонили, как и всегда.

– Значит, у вас для них все было готово?

– Как штык, – подтвердил Майк. – Я им все бумаги оформил. Им всего-то осталось в получении расписаться.

– А тела?

– Они в малом холодильнике были, как всегда, – сказал Майк. – С самого краю, на каталках.

Лори обернулась к Джеку:

– Тебе не приходит в голову, про что еще можно спросить?

Джек пожал плечами:

– По-моему, ты хорошо прошла по всему полю, если не считать того, как Майк побывал в ауте.

– Хороший намек! – воскликнула Лори и, повернувшись к Майку, сказала: – Карл сказал нам, что в ту ночь он перед тем, как пойти в туалет, дважды связывался с вами. А вы всегда сообщаете Карлу, когда вам приходится уходить с поста?

– Всегда, – подтвердил Майк. – Часто только мы с ним тут и остаемся. Обязательно надо, чтобы кто-то один за дверью следил.

– А вчера ночью вы надолго уходили из приемной? – спросила Лори.

– Не-а, – твердо сказал Майк. – Не больше обычного. По нужде пару раз да пообедать на второй этаж на полчаса сходил. Говорю же вам: нормальная ночь была.

– А уборщики тут были? – не унималась Лори.

– Не в мою смену, – разъяснил Майк. – Обычно они тут вечером убирают. Ночная смена наверху работает, если только из ряда вон чего не случается.

Лори попыталась было сообразить, о чем еще спросить, но, так ничего и не придумав, сказала:

– Спасибо, Майк.

– Да чего там, – отозвался тот.

Лори направилась к двери, но остановилась. Обернувшись, спросила:

– А вам, случаем, не довелось увидеть тело Франкони?

Майк, поколебавшись немного, признался, что тело он видел.

– И как это случилось?

– Когда я на работу прихожу, Марвин – он санитарит в вечернюю – обычно говорит мне, что и как. Ему этот случай с Франкони крепко в башку втемяшился: ну, там, полиции хоть пруд пруди, как семье придется и прочее. Короче, он показал мне тело.

– Когда вы его видели, оно находилось в сто одиннадцатой камере?

– Как штык.

– Скажите, Майк... Положим, вам пришлось бы вести поиск... Как, по-вашему, могло исчезнуть тело?

– Ни малейшего просвета, – ответил Майк. – Если он только на своих ногах отсюда не вышел. – Сторож гоготнул, но тут же осекся, смутившись. – Шутка ненароком получилась, я не хотел. Я тут, как и все, ничего понять не могу. Знаю только, два тела отсюда вчера ночью увезли, и именно те два тела, которые я оформил.

– И больше вы тела Франкони не видели, после того как Марвин показал вам его?

– Конечно, нет, – удивился Майк. – С чего бы это?

– Причин нет. – Лори кивнула. – А случайно, не знаете, где сейчас водители?

– Наверху в столовой, – ответил Майк. – Они там всегда сидят.

Лори с Джеком направились к лифту. Когда они поднимались, Лори заметила, что у Джека глаза слипаются.

– Выглядишь устало, – заметила она.

– Неудивительно. Устал, – хмыкнул он.

– Что же домой не идешь?

– До сих пор сдюжил. Хочу досмотреть все до горького конца.

От яркого света флуоресцентных ламп в столовой Лори и Джек сощурились. Джефа с Питом они нашли за столиком возле торговых автоматов: водители сосредоточенно изучали газету, закусывая при этом картофельными чипсами. Одеты они были в мятые синие комбинезоны, на рукавах которых красовались эмблемы Лечебно-больничной корпорации. У обоих стянутые в пучок волосы болтались хвостиками на затылках.

Представившись, Лори объяснила, почему интересуется пропавшим телом, и спросила, не заметили ли водители чего-то

необычного вчерашней ночью, особенно в отношении двух тел, которые они доставили.

Джеф с Питом переглянулись, потом Пит ответил:

– Мое было сплошным месивом.

– Да я не сами тела имела в виду, – уточнила Лори. – Меня интересует, не было ли чего необычного в самой процедуре. Видели ли в морге людей, которые вам не знакомы? Может, что-то непривычное творилось?

Пит снова бросил взгляд на Джефа и покачал головой:

– Ничего. Все было как обычно.

– Не помните, в какую камеру вы положили ваше тело?

Пит почесал макушку, как бы припоминая, и сказал:

– Да нет в общем-то.

Близко от сто одиннадцатой? – спросила Лори.

– Да нет, – снова покачал головой Пит. – Это на другой стороне было. Пятьдесят пятая как будто. Точно не помню. Да внизу это записано.

Лори повернулась к Джефу.

– Мое тело пошло в двадцать восьмую, – сказал тот. – Я запомнил, потому что мне двадцать восемь стукнуло.

– Кто-нибудь из вас видел тело Франкони?

Водители снова переглянулись. Заговорил Джеф:

– Ну да, видели.

– Во сколько?

– Да примерно как сейчас.

– Как это произошло? – спросила Лори. – Обычно водители не разглядывают тела, которые возят.

– После того как Майк наговорил нам всякого, захотелось посмотреть, очень уж все вокруг завелись. Только мы ничего не трогали.

– Секунда – и все дела, – подтвердил Пит. – Дверцу только открыли да заглянули.

– Вы с Майком были?

– Нет, – ответил Пит. – Он нам только сказал, в какой камере.

– Вы доктору Вашингтону рассказали о том, что было вчера ночью? – спросила Лори.

– Нет, – ответил Джеф.

– А почему?

– Он не спрашивал, – пожал плечами Джеф. – Нам, скажем, известно, что делать так не положено. Обычно мы такого не позволяем. Только, как я уж говорил, шуму было много, вот нам и любопытно стало.

– Наверное, все же лучше было бы сообщить доктору Вашингтону, – сказала водителям Лори. – Хотя бы для того, чтобы у него на руках были все факты.

Лори повернулась и направилась обратно к лифту. Джек покорно пошел следом.

– Ну, что думаешь? – спросила она.

– Чем ближе к полночи, тем думать все труднее и труднее. Хотя, по-моему, нет ничего особенного в том, что эти двое поллюбовались на тело.

– Но Майк об этом не сказал, – заметила Лори.

– Верно. Потому что они все знают, что шли против правил. Человеку в таких обстоятельствах свойственно не открываться до конца.

– Может, и так, – вздохнула Лори.

– Куда теперь? – спросил Джек, когда они вошли в лифт.

– У меня идеи кончились.

– Слава Богу!

– Как думаешь, надо спросить Майка, почему он не сказал нам, что водители видели Франкони? – обратилась к Джеку Лори.

– Спросить можно бы, но, думаю, ты впустую раскручиваешь колеса, – сказал Джек. – Честно скажу, не вижу в этом ничего, кроме безобидного любопытства.

– Тогда будем считать, что наступила ночь, – решительно произнесла Лори. – И слово «постель» меня тоже баюкает.

Глава 5

5 марта 1997 г.

10.15

Кого, Экваториальная Гвинея

Кевин заменил в инкубаторе колбы с тканевыми культурами и закрыл дверцу. Работать он начал еще до рассвета. В данный момент занимался тем, что изыскивал транспоназ для воздействия на малый ген тканевой совместимости на Y-хромосоме. Вот уже целый месяц транспоназ не давался ему в руки, хотя он использовал методику, основанную на своем собственном открытии и выделении транспоназов, имеющих отношение к отростку хромосомы-6.

По заведенному распорядку Кевин приходил в лабораторию около половины девятого, но в то утро он проснулся в четыре часа и больше заснуть не мог. Проворочался в постели минут сорок пять и решил употребить время с большей пользой. В пять утра, когда еще темень стояла кромешная, он уже был в лаборатории.

Сна Кевина лишала собственная совесть. Мстительно саднящая мысль о том, что он допустил ошибку Прометея, вновь дала о себе знать. Хотя намек доктора Лайонза на создание собственной лаборатории на какое-то время подбадривал, надолго его не хватило. Будет у него лаборатория, о какой мечталось, или нет, не столь уж и важно, если никак не избавиться от ужаса перед тем, что, как он со страхом признавал, происходило на острове Франчески.

Страхи Кевина никак не были связаны с тем, что дым все чаще мелькал перед его глазами. Видеть его он не видел, зато, когда занялся рассвет, нарочно избегал смотреть в окно, а тем более – в сторону острова.

Кевин понимал: дальше терпеть будет не вмоготу. И решил, что разумнее всего увериться, есть ли хоть какие-то основания для страхов. Лучше всего, предположил он, сделать это так: встретиться с человеком, который знает обстановку и способен пролить свет на то, что так его тревожит. Беда в том, что в Зоне не так-то много людей, с кем Кевин мог бы поговорить запросто и откровенно. Он вообще привык замыкаться в себе, а в Кого, где был единственным ученым, – и

подавно. Впрочем, в Зоне работал человек, с кем Кевину было чуть-чуть легче, чем с другими, в основном из-за того, что тот восхищался его работой. Это был главный ветеринар Бертрам Эдвардс.

Разом решившись, Кевин сбросил лабораторный халат, накинул его на спинку кресла и поспешил к выходу. Спустившись на первый этаж, вышел из здания, окунувшись в удушающую жару автостоянки. Утро было ясное, по небу ползли белые пушистые комочки облаков. Где-то вдали скапливались темные дождевые тучи, но они нависали над океаном далеко, словно слипаясь по кромке горизонта на западе: эти если и принесут дождь, то никак не раньше полудня.

Кевин забрался в свою «тойоту»-внедорожник и, выехав со стоянки, сразу свернул направо. Оставляя в стороне северную часть городской площади, миновал старую католическую церковь. «Генсис» отремонтировала здание, превратив его в центр отдыха и развлечений. По вечерам в пятницу и субботу тут показывали кино. Вечером по понедельникам играли в бинго. В подвале устроили магазинчик, где продавали американские гамбургеры.

Кабинет Бертрама Эдвардса находился в ветеринарном центре, который был частью куда более обширного отделения для животных. Весь комплекс размерами превосходил сам Кого. Раскинулся он к северу от городка в густых зарослях экваториального тропического леса, от городских построек его отделяла полоса девственных джунглей.

Путь Кевина пролегал на восток, до самых автомастерских, там он свернул на север. Движение на дороге, довольно оживленное для захолустья, свидетельствовало о трудностях снабжения предприятия такого размаха, как Зона. Все: от туалетной бумаги до пробирок для центрифуг – приходилось завозить, что создавало мощные товарные потоки. Большая часть необходимого доставлялась на грузовиках из Баты, где находилось нечто похожее на глубоководный морской порт и имелся аэропорт, способный принимать крупные реактивные воздушные суда. По заливу Муни, связывавшему с габонским Либревилем, сновали только легкие моторные лодки.

На границе городка мощенную гранитом улицу сменила дорога, покрытая свежеекатанным асфальтом. Кевин облегченно вздохнул: из-за булыжника рулевую колонку дико трясло, в салоне стоял неумолчный грохот. Минут пятнадцать пришлось ехать по прорези в

темно-зеленой массе леса, прежде чем впереди замаячили первые строения комплекса для животных. Сделали их из литого бетона и шлакоблоков, потом оштукатурили и выкрасили в белый цвет. В замысле угадывался испанский дух, так подходивший к колониальной архитектуре городка.

Громадный главный корпус больше напоминал здание аэровокзала, чем помещение, где содержат человекообразных обезьян. С фасада он поднимался на три этажа вверх и растянулся шагов на семьдесят – восемьдесят в ширину. От задней части строения отходили многочисленные пристройки, которые в буквальном смысле терялись в гуще растительности. Напротив главного корпуса стояло несколько зданий поменьше. Что в них находилось, Кевин в точности не знал, за исключением двух корпусов по центру. В одном размещался гарнизон экваторгвинейской охраны комплекса, ничем не отличавшейся от своих собратьев на городской площади: солдаты так же бесцельно и вальяжно убивали время со своими автоматами, сигаретами и камерунским пивом. Другой корпус предназначался для тех, кто вызывал у Кевина еще большую тревогу, чем малолетки-солдатики. Там жили марокканские наемники, входившие в личную гвардию президента Экваториальной Гвинеи. Собственной армии здешний президент не доверял.

Одевались иностранные спецназовцы в нелепые, плохо сидевшие темные костюмы и неперенные белые рубашки с галстуками; пиджаки вызывающе вздувались поверх наплечных портупей с кобурой. Все как один были темнокожие, у всех был пронзительный взгляд, все носили густые усы. В отличие от солдатни гвардейцы редко попадались на глаза, зато их присутствие давало о себе знать ощущением какой-то зловещей мертвящей силы.

Размах центра для животных «Генсис» убедительно свидетельствовал об успешной деятельности компании. Понимая, с какими сложностями связаны биомедицинские исследования приматов, «Генсис» устроила себе площадку в Экваториальной Африке, бывшей местом обитания этих животных. Такой здравый ход позволил избавиться от ловчих сетей импортно-экспортных запретов промышленно развитого Запада в отношении приматов, равно как и от пагубного влияния излишне рьяных поборников прав животных. Ну и еще один плюс: изголодавшиеся по иностранной валюте местные

власти и продажные туземные лидеры с необычайной благожелательностью воспринимали все, что ни предлагалось такой компанией, как «Генсис». Законы, мешавшие ее деятельности, либо вовремя забывались, либо отменялись. Законодательную власть удалось настолько приручить, что был даже принят закон, объявивший вмешательство в дела «Генсис» тягчайшим преступлением, которое каралось смертной казнью.

Предприятие так быстро оказалось сногшибательно успешным, что «Генсис» расширила его, сделав удобным местом для проведения исследований на приматах другими биотехнологическими компаниями, особенно фармацевтическими гигантами. Резкий рост привел плановиков из «Генсис» в состояние шока. С какой стороны ни глянь – Зона являла собой пример поразительного финансового бума.

Кевин остановил «тойоту» рядом с другим внедорожником. По наклейке на бампере: «Человек – это обезьяна» – понял, что тот принадлежит доктору Эдвардсу. Сквозь двойные двери с надписью на стекле «Ветеринарный центр» прошел внутрь корпуса.

Марта Блуммер, поздоровавшись, объявила:

– Доктор Эдвардс в отделении шимпанзе.

Марта исполняла обязанности секретаря в ветеринарии, а ее муж работал бригадиром в автомастерских.

Кевин отправился в отделение шимпанзе – одно из немногих мест в корпусе, хоть как-то ему знакомое. Пройдя через вторую пару двойных дверей, он зашагал по длинному центральному коридору ветеринарной клиники. Корпус выглядел обыкновенной больницей, вплоть до того, что все служащие в нем носили хирургические костюмы, а у многих на шеях болтались стетоскопы.

Одни кивали Кевину, другие приветливо улыбались, некоторые здоровались вслух. Он же отвечал на приветствия рассеянно, поскольку не знал, как зовут этих людей.

Еще одна пара двойных дверей – и он оказался в главной части корпуса, где размещались приматы. В воздухе витал запах какой-то угрюмой дикости. По коридору то и дело прокатывался то визг, то рев животных. Сквозь двери с окошками из армированного стекла виднелись большие клетки, в которых содержались обезьяны. Вокруг клеток передвигались люди в комбинезонах и резиновых сапогах со шлангами наперевес.

Отделение шимпанзе находилось в одной из пристроек, отходивших от задней части корпуса и скрывавшихся в лесу. Кевин вошел на первый этаж. И сразу же сменился звуковой фон: теперь в нем недовольного уханья и ворчания было не меньше, чем визга.

Открыв дверь из центрального коридора, Кевин обратился к одному из рабочих в комбинезоне. На вопрос, где доктор Эдвардс, тот ответил, что ветеринар в секции бонобошек.

Кевин отыскал лестницу и поднялся на второй этаж. Подумал: вот ведь совпадение – доктор Эдвардс оказался в секции бонобо как раз тогда, когда он его разыскивает. Как раз из-за бонобо Кевин и познакомился с доктором Эдвардсом.

Еще шесть лет назад Кевин про бонобо и слыхом не слыхивал. Все разом изменилось, как только было решено в его проекте с «Генсис» использовать именно этих человекообразных обезьян. Теперь-то он знал: бонобо – создания исключительные. Близкие родичи шимпанзе, они полтора миллиона лет жили в изоляции на пятачке в двадцать пять тысяч квадратных миль среди нехоженных джунглей Центрального Заира. В отличие от шимпанзе бонобо сохранили в своем общественном устройстве матриархат, их самцы отличались меньшей драчливостью. А значит, и жить они могли гораздо большими сообществами. Порой их называли пигмеями-шимпанзе, но такое название никак не соответствовало действительности, поскольку отдельные бонобо превосходили размерами шимпанзе, а вкупе они явно составляли особый вид приматов.

Когда Кевин отыскал доктора Эдвардса, тот стоял перед довольно тесной акклиматизационной клеткой. Просунув руку сквозь прутья, доктор осторожно пытался погладить взрослую самку бонобо. Еще одна самка сидела, вжавшись в заднюю стенку клетки. Нервным взглядом она обшаривала новую для себя обстановку. Кевин чувствовал, какой ужас обуял бедное животное.

Доктор Эдварде мягко гукал, подражая одному из множества звуков, с помощью которых шимпанзе и бонобо общались между собой. Был он довольно высок ростом, дюйма на три-четыре выше Кевина с его пятью футами и десятью дюймами. Волосы на голове у доктора были поразительной белизны, особенно в соседстве с почти черными бровями и ресницами. Резко разлетающиеся брови в

сочетании с привычкой морщить лоб придавали его лицу выражение постоянного удивления.

Некоторое время Кевин молча наблюдал. Умение Эдвардса находить общий язык с животными вызывало в нем восхищение с самой первой встречи. Кевин догадывался: тут дело в прирожденном таланте, а не просто в выучке, – и потому восхищался еще больше. Наконец он произнес:

– Простите!

Доктор Эдварде подпрыгнул, как от испуга. Даже бонобо, взвизгнув, метнулась к задней стенке клетки.

– Простите, мне ужасно неловко из-за моего вмешательства, – извинился Кевин.

Улыбнувшись, доктор Эдварде прижал руку к груди и произнес:

– Не стоит извиняться. Просто я так увлекся, что не слышал, как вы подошли.

– Я, разумеется, никоим образом не намеревался путать вас, доктор Эдварде, – начал было Кевин, – но я...

– Кевин, перестаньте! Я говорил вам однажды, я говорил вам уже десяток раз: меня зовут Бертрам. Помилуйте, мы знакомы друг с другом уже пять лет. Вам не кажется, что обращаться друг к другу по имени нам более пристало?

– Разумеется, – согласился Кевин.

– Ваш приход – счастливый случай, – воодушевился Бертрам. – Вот, познакомьтесь с двумя нашими самыми последними поступлениями. Это самки на приплод. – Ветеринар повел рукой в сторону двух обезьян, которые понемногу отодвигались от задней стенки. Появление Кевина поначалу испугало их, но теперь ими овладело любопытство.

Кевин вглядывался в поразительно человекоподобные морды приматов. У бонобо челюсти выдавались вперед меньше, чем у их родичей, шимпанзе, а потому они гораздо больше походили на людей. Встречаясь взглядом с бонобо, Кевин всякий раз испытывал смущение.

– По виду вполне здоровые животные, – пробормотал он, не зная, как еще отвечать.

– Их сегодня утром на грузовике привезли из Заира, – сообщил Бертрам. – Это около тысячи миль, если по прямой. А если учесть, как

они петляли, чтобы перебраться через границы Конго и Габона, то, наверное, втрое больше проехали.

– Все равно что все Штаты на машине пересечь, – заметил Кевин.

– В том, что касается расстояния, да, – согласился Бертрам. – Только здесь, если они что и видели, так только редкие полосочки мостовых. Как ни кинь – тяжкое путешествие.

– На вид они, похоже, в хорошей форме, – произнес Кевин. А про себя подумал, как бы он выглядел, если бы его вот так прокатили в тесном деревянном ящике, упрятанном в кузове грузовика.

– Теперь-то у нас водители хорошо обучены, – вздохнул Бертрам. – С животными обращаются нежнее, чем с собственными женами. Знают: если обезьяна умрет – не видать им зарплаты. Весьма действенный стимул!

– По мере роста наших требований рабочие привыкнут к хорошему обращению, – сказал Кевин.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – закивал Бертрам. – Эти две самки, как вам известно, уже расписаны. Если все анализы у них окажутся благополучными, в чем я совершенно уверен, денька через два мы наведаемся в вашу лабораторию. Мне хочется еще раз посмотреть. По моему, вы просто гений. А Мелани... Скажем, мне никогда не доводилось видеть такой согласованности руки с глазом, тут даже хирургу-окулисту, которого я знал в Штатах, до вас далеко.

Кевин зарделся от похвалы и поспешил перевести разговор:

– Мелани очень талантлива.

Мелани Беккет была технологом по размножению. «Генсис» наняла ее прежде всего для проекта Кевина.

– Она молодец, – согласился Бертрам. – Да только те немногие из нас, кому посчастливилось участвовать в вашем проекте, знают, что герой – это вы.

Он оглядел место между коридорной стеной и клетками и, убедившись, что никого из затянутых в комбинезоны рабочих поблизости нет, произнес:

– Знаете, когда я давал согласие приехать сюда, то думал, что нам с женой повезло. По деньгам, думал я, это все равно что в Саудовскую Аравию отправиться. Но я и мечтать не мог, что все окажется настолько хорошо. Благодаря вашему проекту и связанным с ним фондовым опционам мы скоро станем богачами. Вчера я услышал от

Мелани, что у нас появилось еще два клиента в Нью-Йорке. Если так, у нас их больше сотни будет.

– Я про двух новых клиентов ничего не слышал, – сказал Кевин.

– Нет? Что ж, это правда, – уверил Бертрам. – Мелани мне сама сообщила, когда мы с ней столкнулись в центре отдыха. Сказала, что говорила с Раймондом Лайонзом. Хорошо, что она меня уведомила: я успел отправить водителей обратно в Заир еще за одним грузом. Могу только сказать: я очень надеюсь, что наши туземные коллеги в Ломако сделают все, о чем мы с ними договаривались.

Кевин оглянулся на клетку с двумя самками. Те в ответ посмотрели так умоляюще, что у Кевина защемило сердце. Какая жалость, что никак нельзя попросту сказать им: «Не пугайтесь, вам совсем нечего бояться. Всего-то и забот – забеременеть в течение месяца». Во время беременности самок будут содержать в помещении и кормить по особому, питательному, рациону. Когда же появятся детеныши, то мамаш поместят в громадный природный вольер для бонобо, где они и станут растить свое потомство. Когда молодняк достигнет трехлетнего возраста, цикл будет повторен.

– Они и в самом деле очень похожи на людей, – произнес Бертрам, прервав ход размышлений Кевина. – Порой никак не отделаться от мысли: интересно, о чем они думают?

– Или от беспокойства: а вдруг их потомство способно мыслить? – подхватил Кевин.

Бертрам взглянул на него. Его черные брови взметнулись выше обычного:

– Я не очень понял, о чем вы.

– Послушайте, Бертрам. Я приехал сюда специально для того, чтобы поговорить с вами о проекте.

– Какое чудесное совпадение! – воскликнул Бертрам. – Я собирался заехать к вам сегодня и пригласить посмотреть на наши достижения. И вот вы здесь. Чудеса!

Бертрам распахнул ближайшую дверь в коридор, жестом пригласил Кевина следовать за ним и широким шагом пошел вперед. Кевину пришлось его спешно догонять.

– «Достижения»? – переспросил Кевин. Он восхищался Бертрамом, но его огорчала страсть этого человека к маниакальности. Даже при самых благоприятных обстоятельствах Кевин с трудом мог

обсуждать то, что волновало его мысли. Ему и начать-то разговор об этом было трудно. Бертрам же никак не хотел пойти навстречу. Больше того, он будто уходил от разговора.

– Достижения, как пить дать достижения! – воодушевленно бросал на ходу Бертрам. – Мы решили проблему с сетью на острове. Она уже действует – сейчас вы это увидите. Простым нажатием кнопки мы можем определить местонахождение любого животного. Замечу, очень вовремя. При двенадцати квадратных милях и почти сотне особей вряд ли по-прежнему можно полагаться только на мастерство и чутье простых загонщиков. И вот вам еще трудность: мы не предполагали, что эти создания разобьются на два отдельных сообщества. Мы-то рассчитывали, что они заживут единой счастливой семьей.

– Бертрам, – задыхаясь от ходьбы, выговорил Кевин, собрав все свое мужество. – Я хотел посоветоваться с вами, потому что я очень обеспокоен...

– И неудивительно, – сказал Бертрам, когда Кевин примолк. – Я бы тоже забеспокоился, если бы провел за работой столько часов, сколько вы, без какого ни на есть отдыха или отдушины. Черт, иногда, когда мы с женой возвращаемся из кино, уже за полночь, я вижу, как в окнах вашей лаборатории горит свет. Мы говорили с ней об этом. Даже несколько раз приглашали вас к себе домой на ужин, чтобы вытащить из лаборатории. Как так получилось, что вы ни разу не пришли?

Кевин в душе издал стон. Не об этом ему хотелось поговорить.

– Ладно, можете не отвечать, – не унимался Бертрам. – Вовсе не хочу добавлять вам тревог. Мы будем вам рады в любое время, так что, как передумаете, сразу звоните. Но почему бы вам не наведаться в спортзал? В центр отдыха? Или даже в бассейн? Я вас нигде там ни разу не видел. Торчат здесь, в этой части Африки, где духотища, как в парнике, уже плохо, но сделаться к тому же узником своей лаборатории или дома – куда хуже.

– Вы правы, спору нет, – поспешил перебить его Кевин, – но только...

– Разумеется, я прав. Но есть тут и другая сторона, о которой хотел бы вас предупредить. Разговоры пошли.

– Что вы имеете в виду? – спросил Кевин. – Какие разговоры?

– Люди говорят, будто вы потому сторонитесь их, что считаете себя выше всех, – ответил Бертрам. – Ну, вы понимаете: ученый... всякие там дипломы... Гарвард да Массачусетский технологический. Людям легко переиначить ваше поведение, особенно если они завидуют.

– С чего бы это кому бы то ни было завидовать мне? – искренне удивился Кевин. Он был поражен.

– Очень просто. К вам явно особое отношение в главной конторе. Вы получаете новую машину каждые два года, жилье у вас такое же шикарное, как и у Зигфрида Шполлека, управляющего всем предприятием. Это вызывает удивление, особенно у людей типа Камерона Макиверса, у которого хватило глупости притащить сюда все свое чертово семейство. Плюс ваш ЯМР-агрегат. Мы с директором клиники за простой магнитный спектрометр бьемся с самого первого дня.

– Я пробовал убедить их не давать мне этот дом, – забормотал Кевин. – Говорил, что он слишком большой.

– Послушайте, вам незачем передо мной оправдываться, – оборвал его Бертрам. – Я понимаю – поскольку причастен к вашему проекту. Но таких причастных очень немного, да и не все из них довольны. Даже Шполлек всего не понимает, хотя ему явно по нраву быть среди получающих льготы, какие ваш проект принес тем из нас, кому посчастливилось в нем участвовать.

Ответить Кевин не успел: Бертрама то и дело останавливали в коридоре сотрудники, жаждавшие получить совет. Кевин пользовался этими задержками, чтобы вникнуть в то, о чем сказал ветеринар. Ему всегда казалось, что он как бы невидим и неслышен для других. Мысль, что он вызывает злобные чувства, воспринималась с трудом.

– Извините, – обратился к нему Бертрам, покончив с очередной консультацией, и пошел через последние двойные двери. Кевин последовал за ним.

Проходя мимо своего секретаря, Марты, главный ветеринар подхватил стопочку телефонограмм и пролистал их, дожидаясь, пока в ответ на его молчаливое приглашение Кевин войдет в кабинет. Дождавшись, плотно прикрыл дверь.

– Вам это непременно понравится, – сказал Бертрам, отбросив бумажки в сторону. Усевшись перед экраном компьютера, он показал

Кевину, как получить изображение острова Франчески. Оно также было построено по сетевому принципу. – А теперь назовите номер любого животного, местоположение которого вам хотелось бы узнать.

– Моего, – тут же сказал Кевин. – Номер один.

– Сей момент, – произнес Бертрам, ввел информацию и щелкнул клавишей. Внезапно на карте острова появилась красная мигающая точка. Она находилась севернее известнякового хребта, но к югу от ручья, который в шутку прозвали Рио-Дивизо, рекой Раздела. Ручей, протекавший с востока на запад, делил почти по всей длине этот клочок суши размером шесть миль на две. В середине острова находился пруд, который по вполне понятным причинам называли Лаго-Гиппо, озером Бегемота.

– Правда, здорово? – горделиво бросил Бертрам.

Кевин смотрел как замороженный. Дело было не столько в технике, хотя и она его интересовала. Красная точка завораживала тем, что мигала как раз в том месте, откуда, как представлялось Кевину, и курился к небу дымок.

Бертрам поднялся и выдвинул ящик. Он был полон каких-то портативных электронных устройств, похожих на миниатюрные записные книжки с небольшими экранчиками на жидких кристаллах. Каждое было снабжено выдвижной антенной.

– Эти работают по тому же принципу, – пояснил Бертрам. И вручил одно устройство Кевину. – Мы их зовем локаторами. Разумеется, они портативны и их можно взять с собой в экспедицию. С их помощью поиск и возврат этих созданий становятся едва ли не забавой в сравнении с тяготами, какие нам приходилось одолевать в самом начале.

Кевин прошелся пальцами по клавиатуре. С помощью Бертрама он вскоре получил изображение острова с красной мерцающей точкой. Бертрам показал, как, переходя от карты к карте со все более мелким масштабом, получить на экране картинку части острова размером пятьдесят на пятьдесят футов.

– Когда же вы подобрались настолько близко, пускаете в ход вот это, – сказал Бертрам, вручая Кевину прибор, похожий на фонарик с клавишной панелью. – Через это вводите ту же информацию. Сам прибор действует по принципу указывающего направление маяка. Чем точнее он направлен на место, где находится животное, которое вы

ищите, тем громче гудит. Когда устанавливается четкий визуальный контакт, он издает непрерывный звук. После этого берете ружье с усыпляющим зарядом – и все.

– А как действует эта система отслеживания? – спросил Кевин. Глубоко погруженный в биомолекулярные тонкости проекта, он не обращал внимания на то, чем тот обеспечивался. Пять лет назад, в самом начале их рискованной затеи, он объехал островок – только и всего. Его никогда не интересовало, какими винтиками и гайками крепится каждодневная работа предприятия.

– Система спутниковая, – пояснил Бертрам. – Не стану делать вид, будто постиг ее в деталях. Разумеется, каждому животному под кожей закрепили микрочип с долгодействующей никель-кадмиевой батареей. Испускаемый микрочипом сигнал маломощен, но он улавливается сетью, усиливается и передается на УКВ.

Кевин протянул было приборы, возвращая их хозяину, но Бертрам только отмахнулся:

– Оставьте их себе. У нас таких полно.

– Да они мне не нужны, – запротестовал Кевин.

– Кевин, бросьте! – шутливо прикрикнул Бертрам и бухнул коллегу кулаком по спине. Удар получился довольно крепкий: Кевина шатнуло вперед. – Расслабьтесь! Уж слишком вы серьезны. – Ветеринар уселся за письменный стол, собрал листочки телефонограмм и рассеянно стал сортировать их в порядке значимости.

Кевин глянул на электронные приборы, которые держал в руках: он никак не мог решить, что с ними делать. Судя по всему, стоили они дорого.

– Так о чем же вы хотели поговорить со мной? – спросил Бертрам, отрываясь от телефонограмм. – На меня всегда жалуются: мол, в разговоре словечка не даю вставить. Так что у вас на уме?

– Я о... обеспокоен, – запинаясь, выговорил Кевин.

– Чем? Дела идут – лучше некуда.

– Я опять видел дым, – выдавил из себя Кевин.

– Что? Хотите сказать, такую же струйку дыма, о какой вы мне говорили на прошлой неделе?

– Вот именно. И поднималась она с того же самого места на острове.

– Пустое! – решительно объявил Бертрам, подкрепляя слово взмахом руки. – Тут грозы чуть ли не через ночь бушевали. А молнии вызывают пожары – это всем известно.

– В такую-то сырость? – Кевин в сомнении покачал головой. – Я полагал, молнии вызывают пожары в саваннах во время сухого сезона, а вовсе не в насквозь промокших экваториальных лесах.

– Молния устроит пожар в любом месте, – сказал Бертрам. – Подумайте только, о каких температурах идет речь! Вспомните: гром ведь не что иное, как расширение воздуха от немыслимого жара. Это невероятно!

– Что ж, возможно. – В голосе Кевина еще слышалось сомнение. – Но, положим, даже если бы занялся огонь, разве бы он долго продержался?

– Вы, простите, возитесь с этой безумной мыслью, как собака с любимой косточкой, – не сдержался Бертрам. – Вы ею ни с кем больше не делились?

– Только с Раймондом Лайонзом. Он мне звонил вчера по другому поводу.

– Ну и что он сказал?

– Посоветовал не давать слишком много воли воображению.

– Дельный совет, я бы сказал. Полностью к нему присоединяюсь.

– Не знаю, – вздохнул Кевин. – Может быть, следовало бы съездить на остров и проверить.

– Нет! – отрезал Бертрам. На какой-то миг губы его сжались в твердую линию, голубые глаза сверкнули. Потом лицо опять расслабилось. – Я не считаю нужным ездить на остров, иначе как для отлова. Таков был первоначальный план, и, черт побери, мы его придерживаемся. При том, как все здорово идет, я вовсе не хочу испытывать судьбу. Животные так и останутся изолированными, никто не станет их беспокоить. Единственный человек, кто туда ездит, это пигмей Альфонсе Кимба, и то он ездит затем, чтобы разбросать по острову подкормку.

– Может, я сам съезжу, – размышлял вслух Кевин. – Много времени у меня это не займет, и тогда я смогу успокоиться.

– Решительно и бесповоротно – нет! – Бертрам повысил голос. – За эту часть проекта отвечаю я, и я запрещаю вам и кому угодно ездить на остров.

– Не вижу в том особой разницы, – пожал плечами Кевин. – Я не потревожу животных.

– Нет! Не будет никаких исключений. Нам нужно, чтобы они оставались дикими животными. А это значит свести к минимуму все контакты. Кроме того, колония у нас здесь небольшая, посещения вызовут пересуды, а мы этого не хотим. Ну и – самое главное – такое посещение грозит опасностью.

– Опасностью? – переспросил Кевин. – От бегемотов и крокодилов я и сам буду держаться подальше. А бонобо, конечно же, не представляют никакой опасности.

– Один из наших пигмеев-носильщиков во время последнего отлова был убит, – угрюмо сообщил Бертрам. – По причинам, вполне понятным, мы об этом помалкиваем.

– Как же его убили?

– Камнем. Один из бонобо швырнул камень.

– Вас это не удивляет?

Бертрам, пожав плечами, ответил:

– Известно, что шимпанзе порой бросаются палками, когда они возбуждены или напуганы. Нет, я тут ничего необычного не нахожу. Наверное, то было всего лишь рефлекторное движение. Попался камень под руку – он его и швырнул.

– Но ведь это еще и нападение, – сказал Кевин. – А такое бонобо несвойственно, особенно одному из наших.

– Всем человекообразным обезьянам свойственно защищать свои сообщества, когда на них нападают.

– Но с чего у них возникло ощущение, будто на них нападают? – задал вопрос Кевин.

– То был наш четвертый отлов, – пояснил Бертрам, снова пожав плечами. – Может, они усваивают прошлый опыт и знают, чего ожидать... Однако какой бы ни была причина, мы никому не позволим забираться на остров. Мы со Шполлеком говорили об этом, и он полностью со мной согласился.

Бертрам встал из-за стола и обнял Кевина рукой за плечи. Тот попробовал было освободиться, но ветеринар держал крепко.

– Бросьте, Кевин! Расслабьтесь! Я ведь именно про то вам и твердил только что, про этот самый слишком уж вольный полет вашего воображения. Знаете, вылезайте-ка из своей лаборатории и сотворите

что-нибудь, дайте отвлечься вашему чересчур загруженному уму. Вы в своем заточении рассудком тронетесь, вон уже невесть какие страхи обуяли! Это я к тому, что ваш вздор про огонь смехотворен. Ирония в том, что проект развивается блестяще. Может, передумаете все же да зайдете к нам поужинать? Мы с Триш были бы просто счастливы.

– Я серьезно над этим подумую, – пообещал Кевин. Ему было крайне неудобно оттого, что рука Бертрама обвилась вокруг его шеи.

– Вот и хорошо, – похвалил ветеринар и на прощание хлопнул Кевина по спине. – Может, мы втроем еще и в кино ходим. На этой неделе потрясающий двойной сеанс обещают. Я к тому, что надо пользоваться тем, что мы получаем самые новые фильмы. «Генсис» не так-то просто каждую неделю самолет гонять, чтоб доставить их сюда. Как думаете?

– Наверное, – уклончиво ответил Кевин.

– Вот и хорошо. Так я скажу Триш, а она уж вам позвонит. Договорились?

– Договорились, – кивнул Кевин и слабо улыбнулся.

* * *

Спустя пять минут Кевин сел в машину, озадаченный еще больше, чем до приезда сюда и встречи с Бертрамом Эдвардсом. Он терялся в догадках. Возможно, воображение у него чересчур разыгралось. Может, оно и так, да только как узнать наверняка? Одно лишь и остается: побывать на острове Франчески. А сверх того добавилась новая тревога: люди-то, оказывается, на него обижаются.

Притормозив на выезде со стоянки, Кевин осмотрел дорогу перед комплексом для животных. Подождал, пока прогрохочет мимо большой грузовик. И уже собирался трогать, как вдруг уголком глаза заметил человека, неподвижно стоящего в окне казармы марокканцев. Бьющее в стекло солнце мешало разглядеть его, но Кевин был уверен, что это один из усатых гвардейцев. Уверен он был и в том, что усач внимательно следил за ним.

Неизвестно почему Кевин почувствовал, как его охватила дрожь.

Обратно до клиники он добрался быстро и без происшествий, хотя сплошные стены на вид совершенно непроницаемой темно-

зеленой растительности вызывали у него чувство, близкое к клаустрофобии. Оно заставляло Кевина вжимать педаль газа едва ли не в пол. Добравшись до черты города, он почувствовал облегчение.

Кевин поставил машину на место. Открыл дверцу – и замешкался. Время шло к полудню, и он гадал, то ли отправиться домой пообедать, то ли еще на часок-другой заскочить в лабораторию. Выбор пал на лабораторию. Не было случая, чтобы Эсмеральда ждала его раньше часа дня.

Даже на таком коротком пути, от машины до дверей клиники, Кевин испытал на себе весь жар полуденного солнца: он охватывал, будто в одеяло плотно укутывал, затрудняя всякое движение, даже дыхание. Попадать в настоящую тропическую жару ему не доводилось, пока он не приехал в Африку. Войдя в здание, Кевин, омытый прохладным воздухом из кондиционеров, ухватил себя сзади за воротник рубашки и постарался отлепить ее от взмокшей спины.

Начав подниматься по лестнице, он едва одолел несколько ступенек, как услышал чей-то голос:

– Доктор Маршалл!

Кевин оглянулся. Он не привык, чтобы к нему приставали на лестнице.

– Стыдно, доктор Маршалл, – говорила женщина, стоявшая у нижней ступеньки. В голосе ее звучала мелодичная ирония, позволявшая считать, что говорилось все не очень-то всерьез. На ней был хирургический костюм, а поверх него – белый халат. Рукава халата были подвернуты почти до локтей.

– Простите? – произнес Кевин. Женщина казалась знакомой, но он никак не мог вспомнить, где ее видел.

– Вы забыли навестить пациента, – сказала женщина. – В других случаях вы каждый день приходили.

– Что ж, это верно, – смущенно пробормотал Кевин. Он наконец-то ее узнал. Сестра Кэндис Брикманн работала в хирургической группе, прилетевшей вместе с пациентом. Это ее четвертый приезд в Кого. В прежние три приезда Кевин всякий раз, заходя в палату, неизменно сталкивался с ней.

– Вы обидели мистера Винчестера, – укоряла Кэндис, грозя Кевину пальчиком. Ей было под тридцать, но выглядела она сущим сорванцом. Впечатление усиливали роскошные золотистые волосы,

лихо остриженные на французский лад. Кевин не мог припомнить ни минуты, когда бы видел ее без улыбки на живом симпатичном лице.

– Вряд ли он даже заметил мое отсутствие, – выдавил из себя Кевин.

Кэндис запрокинула голову и расхохоталась. И тут же, заметив растерянное выражение лица Кевина, зажала рот ладошкой, словно попыталась затолкать обратно новые смешки.

– Это я вас поддразниваю, – сказала она. – На самом деле отнюдь не уверена, что мистер Винчестер запомнил хоть что-то из той лихорадки, именуемой днем прибытия.

– Вообще-то я собирался прийти посмотреть, как у него дела. Просто был чересчур занят.

– Чересчур заняты в этой дыре посреди незнамо где? – заулыбалась Кэндис.

– Да дело не только в моей занятости, – признался Кевин. – Очень много всего случилось.

– Например? – спросила Кэндис, сдержав улыбку. Ей нравился этот застенчивый, скромный работяга-исследователь.

Кевин, подыскивая слова для ответа, сделал несколько неопределенных жестов руками, потом, покраснев, выпалил наконец:

– Ну, всякое такое.

– Вы, ученые, меня до смерти ухочете, – сказала Кэндис. – Ладно, шутки в сторону. Счастлива доложить, что у мистера Винчестера все обстоит прекрасно, и, насколько я поняла нашего хирурга, во многом это благодаря вам.

– Ну, я бы не стал так преувеличивать...

– Ой, он еще и скромник! – воскликнула Кэндис. – Умный, очаровашка и скромный. Сочетание – наповал!

Кевин открыл было рот, но не мог произнести ни слова.

– Я очень сильно выйду за рамки, – продолжала Кэндис, – если приглашу вас отобедать со мной? Как раз собиралась пойти купить где-нибудь гамбургер. Еда в столовой клиники мне малость поднадоела, да и неплохо было бы глотнуть свежего воздуха, коль скоро солнышко выглянуло. Что скажете?

Голова у Кевина пошла кругом. Приглашение было неожиданным, и в обычных обстоятельствах он уже только поэтому отыскал бы

причину, чтобы отклонить его. Однако нотации Бертрама были еще свежи в памяти, и Кевин колебался.

– Вам, часом, не киска язык откусила? – поинтересовалась Кэндис. Склонив голову, она игриво поглядывала на него из-под изогнутых бровей.

Кевин повел рукой в сторону лаборатории, потом промямлил что-то про то, что Эсмеральда его ждет.

– А вы позвонить домой не можете? – спросила Кэндис. Интуиция подсказывала, что ученому хочется составить ей компанию, и потому она упорствовала.

– Наверное, – ответил Кевин. – Думаю, я из лаборатории позвоню.

– Чудно, – сказала Кэндис. – Хотите, чтобы я вас здесь подождала или пошла с вами?

Такие нахалки Кевину в жизни еще не попадались, да и вообще его общение с женщинами не давало повода говорить о множестве приключений и большом опыте. Его последней и единственной (не считая пары трагедий в средней школе) любовью была коллега по аспирантуре, Жаклин Мортон. Их отношения рождались из долгих часов совместной научной работы, потребовалось много месяцев, чтобы природа взяла свое: Жаклин была так же застенчива, как и Кевин.

Кэндис поднялась на несколько ступенек и встала рядом с Кевином. Росту в ней было около пяти футов трех дюймов с учетом кроссовок.

– Если вам трудно решить и если вам все равно, то я поднимусь с вами, ладно?

– Пошли, – согласился Кевин.

Скоро он перестал нервничать. Обычно при общении с женщинами его угнетала необходимость ломать голову над темами для разговора. С Кэндис же у него не хватало времени даже для того, чтобы призадуматься. Она одна тянула нить беседы, не давая ей ослабнуть ни на минуту. Они поднялись всего на две лестничные площадки, а она успела поболтать о погоде, о городе, о клинике и о том, как прошла операция.

– Вот моя лаборатория, – сказал Кевин, открывая дверь.

– Фантастика! – искренне изумилась Кэндис.

Кевин улыбнулся. Он видел: девушка и в самом деле восхищена.

– Вы идите и звоните, – сказала Кэндис. – А я тут осмотрюсь, если можно.

– Как вам угодно.

Кевина немного беспокоило, что он так поздно предупреждает Эсмеральду о том, что не придет обедать, она же поразила его своей невозмутимостью: спросила только, в котором часу подавать ужин.

– В обычное время, – ответил Кевин. И, немного поколебавшись, добавил, удивляясь самому себе: – Возможно, я приду не один. Это вызовет неудобства?

– Никаких, – уверила Эсмеральда. – Сколько персон?

– Всего одна, – сообщил Кевин. Он повесил трубку и потер ладонью о ладонь. Руки слегка повлажнели.

– Так мы идем обедать? – крикнула Кэндис через всю комнату.

– Идем, идем! – откликнулся Кевин.

– Вот это лаборатория! – ахала она. – В жизни не подумала бы, что увижу такое в сердце тропической Африки. Скажите, а что вы творите на всем этом фантастическом оборудовании?

– Пытаюсь усовершенствовать протокол.

– А поточнее нельзя?

– Вам действительно хочется узнать?

– Да, – кивнула Кэндис. – Мне интересно.

– В данное время я занимаюсь малыми антигенами тканевой совместимости. Знаете, это белки, которые делают вас уникальной, самостоятельной личностью.

– И что же вы с ними делаете?

– Вообще-то отыскиваю, где располагаются их гены на нужной хромосоме, – сказал Кевин. – Затем ищу транспоназ, имеющий отношение к этим генам, если таковой имеется, для того чтобы переместить гены.

– Ну, тут я уже пас, – со смехом призналась Кэндис. – Транспоназ – это для меня тьма кромешная. Правду сказать, боюсь, многое из этой молекулярной биологии мне не по мозгам.

– Всего нет, – возразил Кевин. – Принципиальные основы не так уж и сложны. Самое главное – и это понятно лишь немногим – в том, что некоторые гены способны передвигаться по своей хромосоме. Особенно это свойственно В-лимфоцитам для увеличения разнообразия антител. Другие гены еще подвижнее и способны

меняться местами со своими близнецами. Вы, конечно, помните, что существуют по два образца каждого гена?

– А как же! – хохотнула Кэндис. – Точно так же, как существуют по две копии каждой хромосомы. А в наших клетках по двадцать три хромосомные пары.

– Точно, – похвалил Кевин. – Когда гены меняются местами на своих хромосомных парах, это называется гомологическая транспозиция. Такой процесс особенно важен при образовании половых клеток – как яиц, так и сперматозоидов. Это помогает росту генетических перестановок и соответственно увеличивает способность вида к развитию.

– Значит, эта самая гомологическая транспозиция имеет значение для эволюции, – сказала Кэндис.

– Совершенно верно, – одобительно кивнул Кевин. – Как бы то ни было, мигрирующие генные доли называются транспозонами, а ферменты, которые усиливают их миграцию, называются транспоназами.

– Нормально, – сказала Кэндис. – Тут я еще секу.

– Так вот, в данное время я занимаюсь транспозонами, которые содержат гены для малых антигенов тканевой совместимости.

– Понимаю, – закивала головой Кэндис, – Картинку улавливаю. Вы собираетесь переместить ген с одной хромосомы на место малого антигена тканевой совместимости на другой хромосоме.

– Точно! – обрадовался Кевин. – Хитрость, конечно же, в том, как найти и выделить транспоназ. Это очень трудный этап. Но как только я нахожу транспоназ, становится сравнительно легко отыскать его ген. А как только я отыскиваю и выделяю этот ген, я запускаю стандартную технологию рекомбинанта ДНК для его производства.

– Что значит: заставить бактерии изготовить его вам, – уточнила Кэндис.

– Бактерии или тканевую культуру млекопитающих. Смотря по тому, что лучше подходит.

– У-уф! – Кэндис тряхнула прядками золотых волос. – Ваше головоломное упражнение напомнило, насколько я проголодалась. Быстренько хватаем где-нибудь по гамбургеру, пока у меня сахар в крови через край не полез.

Кевин заулыбался. Ему нравилась эта женщина. Он даже начал успокаиваться.

Спускаясь по больничной лестнице, Кевин чувствовал, как у него слегка кружится голова от неиссякающих вопросов Кэндис, ответов на них и ее веселого щебетания. Он поверить себе не мог, что направляется обедать с такой привлекательной, обаятельной девушкой. Еще ему казалось, что за последнюю пару дней в его жизни произошло больше событий, чем за все предыдущие пять лет в Кого. Мысли эти настолько увлекли его, что, когда они с Кэндис пересекали городскую площадь, он даже не вспомнил про экваторгвинейских солдатиков.

В центре отдыха Кевин не бывал со времени самой первой ознакомительной поездки по городу. И уже позабыл, каким богохульством считал обращение храма в место предоставления мирских утех. Алтарь исчез, но кафедра для чтения проповедей все так же торчала по левую сторону. Ее использовали как трибуну для чтения лекций, с нее же объявлялись номера по вечерам, когда шла игра в бинго. Место алтаря занял киноэкран: невольное знамение времени.

Интендантский склад-магазин располагался в подвале, куда вела лесенка в притворе. Кевина поразило, как тут было оживленно. Гул голосов эхом отдавался от шершавого бетонного потолка. Им с Кэндис пришлось выстоять в длинной очереди, чтобы сделать заказ. Потом, получив еду, они никак не могли отыскать место, куда присесть. В зале стояли только длинные столы, за которыми сидело сразу по многу людей. Сиденьями служили лавки, сочлененные со столами наподобие парт.

– Вон там есть места, – сказала Кэндис, перекрывая шум голосов, и повела подносом в сторону дальнего конца зала. Кевин кивнул.

Продвигаясь следом за Кэндис, он украдкой всматривался в лица посетителей. Чувствовал он себя неловко, памятуя о словах Бертрама по поводу общественного мнения, но никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Кевин шагал за Кэндис, которая протискивалась между двумя столами. Он держал свой поднос высоко, чтобы никого не задеть, а затем опустил его на свободное место. С большим трудом ему удалось переступить через лавку и уместить ноги под столом. Пока он устраивался, Кэндис уже успела разговориться с двумя посетителями,

сидевшими в проходе. Кевин слегка поклонился им. Никто не показался ему знакомым.

– Чудное место, – заметила Кэндис. И, придвинув к себе кетчуп, спросила: – Часто сюда приходите?

Не успел Кевин ответить, как кто-то окликнул его по имени. Оглянувшись, он разглядел единственное знакомое лицо: Мелани Беккет, технолог по размножению.

– Кевин Маршалл! – снова воскликнула Мелани. – Глазам своим не верю! Что вы здесь делаете?

Мелани была почти ровесницей Кэндис: в прошлом месяце она отпраздновала свое тридцатилетие. Но если Кэндис можно было назвать «светленькой», то Мелани как нельзя больше подходило «темненькая»: каштановые волосы и темный цвет кожи делали ее похожей на жительницу Средиземноморья, темно-карие глаза были почти черными.

Кевин собрался представить свою спутницу и с ужасом понял, что никак не может вспомнить ее имени.

– Я Кэндис Брикманн, – без задержки выпалила Кэндис. И протянула руку.

Мелани представилась и попросила разрешения присоединиться к ним.

– Да конечно же! – зазывно замахала рукой Кэндис.

Кэндис с Кевином сидели бок о бок. Мелани села напротив.

– Это по вашей милости наш местный гений находится в этом гиблом месте? – спросила Мелани у Кэндис. Мелани была остра на язык и игриво непочтительна, все выдавало в ней женщину, выросшую на Манхэттене.

– Наверное, – ответила Кэндис. – А что, с ним такое редко бывает?

– Вам приз за самую заниженную оценку года! – воскликнула Мелани. – В чем ваш секрет? Я столько раз его сюда звала – и все без толку, в конце концов махнула рукой, а было это несколько лет назад.

– Вы ни о чем определенном меня не просили, – сказал, оправдываясь, Кевин.

– Ой, правда? – Мелани усмехнулась. – И что же мне, по-вашему, надо было делать, карту вам чертить? Я ведь не раз спрашивала: не хотите ли перекусить гамбургером? Что, не очень определенно, да?

– Что ж, – Кэндис горделиво выпрямилась на лавке, – должно быть, сегодня у меня удачный день.

Мелани с Кэндис легко завязали разговор, стали рассказывать друг другу о своей работе. Кевин слушал, но вполуха: в основном его занимал гамбургер.

– Значит, мы все трое заняты в одном проекте, – заметила Мелани, узнав, что Кэндис работает сестрой неотложной помощи в составе хирургической бригады из Питсбурга. – Три горошины в стручке.

– Вы уж больно щедры, – возразила Кэндис. – Я всего лишь мелкая сошка у подножия терапевтического идола. В жизни бы не посмела поставить себя с вами на одну доску. Вы из тех, кто заставляет все это крутиться. Если позволите, задам вопрос: как, скажите на милость, у вас это получается?

– Это она – герой. – Кевин, впервые открывший рот, кивнул в сторону Мелани.

– Перестаньте, Кевин! – отмахнулась Мелани. – Не я разрабатываю методику, какой пользуюсь, а вы. Людей, которые умеют делать то же, что делаю я, полно, а то, что делаете вы, только вы и умеете. Ваше открытие и стало ключом.

– Да перестаньте вы спорить, – обратилась к сотрапезникам Кэндис, – просто скажите, как это происходит. Меня любопытство с первого дня мучает, но тут все как-то шито-крыто делается. Научную сторону Кевин мне разъяснил, но я все еще не понимаю механику.

– Кевин получает пробу костного мозга клиента, – заговорила Мелани. – Из нее он выделяет готовую к делению клетку, в которой хромосомы находятся в сжатом состоянии, предпочтительно стволовую клетку, если не ошибаюсь.

– Отыскать стволовую клетку удастся крайне редко, – сказал Кевин.

– Ладно, лучше вы сами расскажите ей, чем занимаетесь. – Мелани беспомощно взметнула руки. – А то я все перепутаю.

– Я работаю с транспозазом, который открыл почти семь лет назад, – пояснил Кевин. – Он служит катализатором для гомологической транспозиции, или кроссинговера, короткого отростка хромосомы-шесть.

– Что такое короткий отросток хромосомы-шесть? – спросила Кэндис.

– У хромосом есть так называемый кинетохор, который делит их на две доли, – объяснила Мелани. – У хромосомы-шесть доли особенно неравные. Те, что поменьше, зовутся отростками.

– Благодарю! – Кэндис отвесила церемонный поклон.

– Так вот... – начал Кевин, пытаясь собраться с мыслями. – Я занимаюсь тем, что добавляю свой секретный транспоназ в клетку клиента, которая вот-вот начнет делиться. Но я не даю кроссинговеру завершиться полностью. Останавливаю его двумя отростками, отделенными от соответствующих хромосом. Затем я их удаляю.

– Вот это да! – воскликнула Кэндис. – Вы действительно извлекаете эти малюсенькие, малюсенькие цепочки из ядра клетки. Как, скажите на милость, у вас это получается?

– Это совсем другое дело, – сказал Кевин. – В общем, я использую систему моноклонального антитела, которая распознает тыльную сторону транспоназа.

– Тут я уже ни бум-бум, – призналась Кэндис.

– Ладно, не берите в голову, как он отделяет отростки, – посоветовала Мелани. – Примите это как факт.

– Постараюсь, – согласилась Кэндис. – А что вы делаете с этими отделенными отростками?

– Жду, пока она, – Кевин указал на Мелани, – сотворит свое чудо.

– Это вовсе не чудо, – возразила Мелани. – Я всего лишь исполнитель. Применяю методику искусственного оплодотворения на бонобо, точно такую же методику, какую разработали для повышения рождаемости у содержащихся в неволе горных горилл. Вообще нам с Кевином приходится согласовывать наши усилия, потому что ему непременно нужно оплодотворенное яйцо, которому еще только предстоит деление. Выбор времени очень важен.

– Мне это яйцо нужно перед самым делением, – кивнул Кевин. – Так что мой график определяется графиком Мелани. Я не вступаю в дело до тех пор, пока она не даст зеленый свет. Когда же она предоставляет зиготу, я повторяю ту же процедуру, какую только что проделал с клеткой клиента. Удалив отростки бонобо, я ввожу в зиготу отростки клиента. Благодаря транспоназу они встают именно туда, куда и должны встать.

– И все? – выдохнула Кэндис.

– Да нет, – признался Кевин. – На самом деле я ввожу четыре транспозона, а не один. Отросток хромосомы-шесть – это основная доля, которую мы пересаживаем, но вдобавок мы пересаживаем и сравнительно малые части хромосом девять, двенадцать и четырнадцать. Они содержат гены групп крови системы АВО и еще кое-какие малые антигены тканевой совместимости типа молекул сцепления Си-ди-тридцать один. Впрочем, все эти сложности ни к чему. Остановитесь на одной хромосоме-шесть. Она играет самую важную роль.

– И это потому, что хромосома-шесть содержит гены, которые составляют основной комплекс тканевой совместимости, – со знанием дела поведала Кэндис.

– Точно, – сказал Кевин. Он был поражен и взволнован. Кэндис оказалась не только приятной в общении: она еще и сообразительна и немало знает.

– А с другими животными такой протокол сработал бы? – спросила Кэндис.

– Вы каких животных имеете в виду? – поинтересовался Кевин.

– Свиной. Я знаю, что в других центрах, в Штатах и Англии, пытались уменьшить разрушительное воздействие иммунного компонента при пересадке органов свиной с помощью введения человеческих генов.

– В сравнении с тем, что делаем здесь мы, это все равно что в щелоках травить, – сказала Мелани. – Методика ужасно стара, потому что призвана воздействовать на симптом, а не устранять его причину.

– Верно, – подтвердил Кевин. – При нашем протоколе не нужно беспокоиться по поводу иммунологической реакции. Мы, имея в виду тканевую совместимость, предлагаем иммунологический двойник, особенно если мне удастся ввести еще немного малых антигенов.

– Не понимаю, отчего вы так о них хлопчете! – пожала плечами Мелани. – В первых трех наших пересадках у пациентов вообще никакой реакции отторжения не возникло. Ноль!

– Хочу быть уверен на все сто, – сказал Кевин.

– Я ведь почему про свиной спрашиваю? – торопливо заговорила Кэндис. – Причин несколько. Во-первых, найдутся люди, кому такое использование бонобо покажется отвратительным. Во-вторых, насколько я понимаю, обезьян этих мало.

– Верно, – согласился Кевин. – Во всем мире насчитывается всего тысяч двадцать бонобо.

– Вот и я про то же! – Кэндис воздела указательный палец. – А свинок меж тем забивают на бекон сотнями тысяч.

– Не думаю, чтобы моя система сработала со свиньями, – задумчиво выговорил Кевин. – Наверняка сказать не могу, но – сомневаюсь. Причина, по которой она дает результат с бонобо – или с шимпанзе, коли на то пошло, – в том, что их геномы схожи с нашими. Если быть точным, разница составляет всего полтора процента.

– Всего-то?! – пораженно воскликнула Кэндис.

– Такое соотношение зовет к смирению и скромности, правда? – грустно произнес Кевин.

– Слабо сказано: тут штука похуже скромности душу грызет! – Кэндис явно была ошарашена.

– Показательно, насколько эволюционно близки бонобо, шимпанзе и люди, – произнесла Мелани. – Считается, что и мы, и наши родичи-приматы происходим от общего предка, жившего примерно семь миллионов лет тому назад.

– Это только обостряет этическую проблему их использования, – заявила Кэндис, – и объясняет, почему находятся люди, у кого такое использование вызывает отвращение. Ведь бонобо так похожи на людей. Слушайте, неужели вам все равно, когда приходится одного из животных приносить в жертву?

– Пересадка печени мистеру Винчестеру – всего лишь второй случай, когда потребовалась жертва, – сказала Мелани. – В двух других случаях пересаживались почки, и животные-доноры чувствуют себя прекрасно.

– Ну а вы-то как себя на этот раз чувствуете? – допытывалась Кэндис. – Большинство наших из хирургической бригады сейчас еще больше расстроены, даром что считали себя закаленными, ведь это уже второе жертвоприношение.

Кевин взглянул на Мелани. Во рту у него стало сухо. Слова Кэндис заставляли его размышлять над вопросом, которого он силился избежать. И в этом состояла одна из причин, почему его так сильно огорчал дымок, курившийся над островом Франчески.

– Да, меня это тревожит, – призналась Мелани. – Только меня настолько захватывает научная область и то, как можно помочь

больному, что я стараюсь не думать о жертве. К тому же мы и не собираемся использовать множество обезьян. Они – своего рода страховка на случай, если понадобятся клиенту. Мы не берем людей, которым срочно нужны органы для пересадки, – только тех, кто может подождать три года плюс те годы, что необходимы для взросления животного. И с обезьянами мы не общаемся. Они живут сами по себе на острове. Так специально задумано, чтобы никто из наших случайно или намеренно не установил с ними хоть какие-нибудь эмоциональные связи.

Кевину с трудом далось плотательное движение. Из сознания не уходила картинка: струйка дыма лениво пробивается навстречу низкому свинцовому небу. Виделся ему и возбужденный бонобо, который хватает камень и с убийственной меткостью бросает его во время отлова.

– Как это называется... ну, когда животным вживляют человеческие гены? – спросила Кэндис.

– Трансгеник, – подсказала Мелани.

– Вот-вот, – кивнула Кэндис. – Я только хочу, чтобы вы пускали на трансгеники хрюшек, а не бонобо. Мне ваша процедура не по нраву. Положим, мне очень нравятся деньги и акции «Генсис», но я отнюдь не уверена, что задержусь на этой работе.

– Это может не понравиться, – предупредила Мелани. – Не забывайте: вы подписали контракт. Насколько я понимаю, они на все пойдут, чтобы заставить людей выполнить то, о чем изначально договорились.

Кэндис повела плечами:

– Отдам, отдам я им все их акции с опционами в придачу. Проживу и без них. Мне важнее то, что я буду чувствовать. Мне куда радостнее было бы, если бы мы использовали свиней. Когда мы усыпляли того... последнего бонобо, клянусь, он пытался нам что-то сказать или спросить о чем-то. Пришлось тонну успокоительного извести.

– Да перестаньте вы! – крикнул внезапно всплывший Кевин. Лицо его пылало.

У Мелани от удивления широко раскрылись глаза:

– Что это, скажите на милость, вас разобрало?

Кевин тут же пожалел, что вспылал.

– Простите. – Сердце у него все еще гулко билось. Он злился, оттого что его все и всегда видели насквозь, или, во всяком случае, так ему самому казалось.

Мелани, обращаясь к Кэндис, в немом упреке закатила глаза, но та не заметила знака. Она внимательно смотрела на Кевина. Потом сказала ему:

– У меня такое чувство, будто вы не меньше меня изводитеесь.

Кевин шумно выдохнул и впился зубами в гамбургер: только бы не сказать того, о чем он после очень пожалел бы.

– Вы за него не волнуйтесь, – кивнула Мелани. – Он отойдет. Кэндис повернулась к Мелани, возвращаясь к прежнему разговору:

– Эти бонобо, они прямо как люди, чего же тут странного, что их геномы отличаются от наших всего на полтора процента! Только вот что мне в голову пришло. Когда вы, молодцы, заменяете отростки хромосомы-шесть, равно как и другие мелкие дольки генома бонобо на человеческую ДНК, то с каким процентом, по-вашему, вы имеете дело?

Мелани, занявшись в уме подсчетом, поглядывала на Кевина. Наморщила лобик и хмыкнула:

– Хмм, вопрос, конечно, интересный. Получается больше двух процентов.

– Да, – снова вспыхнул Кевин, – только эти полтора процента не все на отростке хромосомы-шесть!

– Эй, горделивый вы наш, успокойтесь! – улыбнулась Мелани. Поставив стакан с шипучкой, она перегнулась через стол и положила руку Кевину на плечо. – Вы не в себе. Мы ведь всего-навсего болтаем. Знаете, у людей это считается нормальным: сидеть вот так – и разговаривать. Для вас, понимаю, это выглядит причудой, вам с вашими пробирками легче общий язык найти, но... что плохого в болтовне?

Кевин вздохнул. Вопреки собственной натуре он решил довериться этим двум разумным, уверенным в себе женщинам. И признался: да, он расстроен.

– А то мы этого не знали! – воскликнула Мелани, вновь закатывая глаза. – Нельзя ли поконкретнее? Что же вас гложет?

– Да вот как раз то, о чем говорит Кэндис, – сказал Кевин.

– Она много о чем говорила, – настаивала Мелани.

– Да-а, и все сказанное вызывает во мне чувство, будто я допустил грандиозную ошибку.

Мелани убрала руку с его плеча, внимательно посмотрела Кевину в глаза, а потом спросила:

– В чем?

– В том, что добавляю столько человеческой ДНК, – ответил Кевин. – В отростке хромосомы-шесть миллионы комплементарных пар и сотни генов, которые не имеют никакого отношения к основному комплексу тканевой совместимости. Мне бы следовало вычленять комплекс, а не идти легким путем.

– Ну, помучай эти создания чуть больше человеческих белков, – сказала Мелани. – Велика беда!

– Поначалу и я так же думал, – вздохнул Кевин. – Во всяком случае, до тех самых пор, пока не обратился через Интернет с запросом ко всем, кто хоть что-то знает, какие гены находятся на отростке хромосомы-шесть. К сожалению, один из ответивших сообщил, что там целое скопление генов, отвечающих за развитие. И теперь я представления не имею, что сотворил.

– Сотворить вы, конечно, сотворили, – сказала Кэндис. – Бонобо-трансгеника сотворили, вот кого.

– Знаю, – выдохнул Кевин. Глаза его заблестели, дыхание участилось, на лбу выступили капельки пота. – И, сделав это, теперь места себе не нахожу от ужаса: ведь я преступил границы.

Глава 6

5 марта 1977 г.

13.00

Кого, Экваториальная Гвинея

Бертрам загнал свой трехлетку-внедорожник «чероки» на стоянку за зданием муниципалитета и вдарил по тормозам. С машиной было много хлопот, не счесть дней, которые уходили на ее ремонт. Однако ничто не менялось, и именно поэтому такое раздражение вызвал в нем Кевин Маршалл, когда сделал вид, будто не понимает, насколько ему повезло с получением новенькой «тойоты» каждые два года. Самому Бертраму замена машины не светила еще целый год.

По лестнице позади аркады первого этажа Бертрам поднялся на веранду, которая опоясывала все здание. Отсюда прошел в главную канцелярию. По желанию Зигфрида Шполлека кондиционер здесь не устанавливали. Большой вентилятор под потолком лениво вращал длинными плоскими лопастями, сопровождая это каким-то по-особому переменчивым гудом. Вентилятор едва умалял жару в просторном помещении, перемещая по нему насыщенный влагой воздух.

Бертрам направился дальше, прямо к секретарю Зигфрида, широколицему чернокожему по имени Аурильо, уроженцу острова Биоко. Тот уже поджидал гостя и жестом приглашал его пройти во внутреннюю часть канцелярии. Аурильо, выучившийся во Франции на школьного учителя, оставался без работы, пока не была создана Зона.

Внутренняя часть размерами превосходила канцелярию и располагалась по всей ширине здания. Скрытые за жалюзи передние окна выходили на автостоянку, а задние – на городскую площадь. Из передних же окон открывался внушительный вид на новый клинично-лабораторный комплекс, А с того места, где стоял Бертрам, видны были даже окна лаборатории Кевина.

– Садитесь, – отчеканил Зигфрид, не поднимая головы. Голос у него был резкий, несколько гортанный, в нем слышался легкий немецкий акцент. Звучал он по-командирски повелительно. Управляющий был занят тем, что подписывал целую кипу бумаг. – Я через минуту освобожусь.

Бертрам окинул взглядом безалаберно загроможденное помещение. Здесь он всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Ему, ветеринару и умеренному защитнику природы, не нравились украшавшие кабинет стеклоглазые чучела – головы животных, многие из которых значились в Красных книгах вымирающих видов. Вон кошачьи – львы, леопарды, гепарды. А вот умопомрачительная коллекция антилоп: о существовании некоторых Бертран и не ведал. Несколько голов громадных бегемотов тупо взирали свысока: им выпала честь торчать на стене за спиной самого Шполлека. На книжном шкафу расположились змеи, в том числе и изготовившаяся к удару кобра. На полу стоял большущий крокодил, которому специально распахнули пошире пасть, чтобы показать весь набор страшных зубов. Рядом с креслом, на котором сидел Бертрам, примостился столик из ноги слона, столешницей служил спил ствола красного дерева. По углам стояли скрещенные слоновьи бивни.

Но Бертрама больше раздражали не чучела, а черепа. На рабочем столе Зигфрида их было три. У всех спилены верхушки. У одного височная кость явно пробита пулей. Использовались они соответственно как держатель для скрепок, пепельница и подставка для толстенной свечи. Разумеется, Зона снабжалась электричеством надежнее, чем вся остальная часть страны, и все же из-за ударов молний редкие перебои случались.

Большинству посетителей, особенно визитерам «Генсис», казалось, что черепа – обезьяньи. Бертрам знал, что это не так. То были черепа людей, расстрелянных экваторгвинейскими солдатами. Все трое стали жертвами, приговоренными к высшей мере за помехи, чинимые деятельности «Генсис». На самом деле их поймали во время незаконного отлова шимпанзе на предоставленном Зоне куске земли в сто квадратных миль^[12]. Эту территорию Зигфрид считал собственной охотничьей вотчиной.

Несколько лет назад, когда Бертрам вежливо усомнился в разумности решения выставить черепа напоказ, Зигфрид, не смущаясь, ответил: черепа заставляют туземных работников ходить на цыпочках. «Они способны уразуметь обращения такого рода, – объяснил тогда Зигфрид. – Такие символы им понятны».

Неудивительно, подумал про себя Бертрам, что до местных дошел смысл угрозы. Особенно если учесть, что жили они в стране,

пережившей зверства дьявольски жестокого диктатора. Бертрам никак не мог забыть, что сказал Кевин, впервые увидевший черепа. Тот признался, что они напомнили ему о Куртце, безумце из романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

– Вот и все, – произнес Зигфрид, отодвигая от себя подписанные бумаги. Прозвучало у него это слегка на немецкий лад, слившись в одно слово: «вотывцо». – Что вас беспокоит, Бертрам? Надеюсь, с новыми бонобо никаких осложнений нет?

– Совсем никаких. Две приплодные самки превосходны, – ответил Бертрам, не сводя глаз с управляющего территорией Зоны. У того самой примечательной деталью внешности был уродливый шрам, протянувшийся от мочки левого уха, через всю щеку и захвативший верхнюю губу до носа. За долгие годы, пока шрам рубцевался, постепенно стягивая кожу, уголки рта Зигфрида разошлись в постоянном насмешливом оскале.

Формально Бертрам Зигфриду не подчинялся. Как главный ветеринар крупнейшего в мире заведения по исследованию и разведению приматов Бертрам общался напрямую со старшим вице-президентом «Генсис» по производству, который сидел в Кембридже, что в штате Массачусетс, и имел прямой доступ к Тейлору Кэботу. Однако в повседневных делах, особенно тех, что касались проекта с бонобо, в интересах Бертрама было поддерживать задушевные рабочие отношения с хозяином территории. Беда в том, что Зигфрид мог вспылить по любому пустяку, и непринужденное общение с ним давалось с трудом.

Карьеру в Африке немец начал в роли белого охотника, готового (по сходной цене) сделать для клиента что угодно. При такой репутации ему пришлось перебраться из Восточной Африки в Западную, где законы охоты соблюдались не так строго. Зигфрид создал крупную организацию, и дела шли хорошо, пока не грянула беда: в самый решительный момент загонщики подвели, в результате громадина слон истребал Зигфрида чуть не до смерти, а супружеская пара, нанявшая охотника, погибла.

Тот случай поставил крест на карьере Зигфрида как белого охотника. К тому же на лице остался шрам и перестала действовать правая рука. Безжизненная конечность бессильно свисала с плечевого сустава.

Ярость, обуявшая Зигфрида после того случая, сделала его человеком злобным и мстительным. И все же «Генсис» отдала должное его умению наладить дело в столь диких краях, знанию повадок животных и жесткому, но действенному способу обходиться с коренным африканским населением. Компания сочла, что такой человек идеально подходит на роль управляющего ее африканским предприятием с оборотом во многие и многие миллионы долларов.

– Тут еще одна заковыка получилась в деле с бонобо, – начал Бертрам.

– Что-то новое в придачу к вашей фантастической истории про то, как обезьяны разделились на два сообщества? – высокомерно поинтересовался Зигфрид.

– Обнаружить перемену в социальной организации – это, черт побери, законный повод для беспокойства! – воскликнул Бертрам, начиная багроветь.

– Это по-вашему, – заметил Зигфрид. – А я вот поразмыслил над этим, да так и не понял, какая нам разница. Нам-то что, в одну стаю они сбились или в десять? Нам от них нужно только, чтобы они сидели на месте да оставались здоровыми.

– Не согласен. То, что бонобо разделились, означает, что они не поладили. Такое поведение для их вида нетипично и в дальнейшем может навлечь беду.

– Об этом я предоставлю волноваться вам, профессионалу. – Зигфрид откинулся в кресле, так что оно пискнуло. – Лично меня не волнует, чем эти обезьяны занимаются, пока ничто не грозит потоку денег и фондовых опционов. Проект превратился в золотую жилу.

– Новая заковыка связана с Кевином Маршаллом, – сказал Бертрам.

– Господи, что же такого натворил этот худосочный простак, что вы заволновались? – усмехнулся Зигфрид. – При такой паранойе всем очень повезло, что вам не приходится заниматься моими делами.

– Ученый червяк извел себя до крайности, оттого что видел, как с острова поднимается дым, – сообщил Бертрам. – Он дважды ко мне приезжал. Неделю назад и еще раз сегодня утром.

– Что страшного в дыме? Что его гложет? Он, похоже, больше вашего чудит.

– Он считает, что бонобо, возможно, используют огонь, – пояснил Бертрам. – Прямо он этого не сказал, но, уверен, именно такое у него на уме.

– Что вы имеете в виду, говоря «используют огонь»? – Зигфрид даже подался вперед. – Хотите сказать, что они разводят костры, чтобы обогреться и приготовить пищу? – Управляющий захохотал, отчего его всегдашний насмешливый оскал никак не изменился. – Не понимаю я вас, горожан-американцев. Стоит вам попасть в джунгли, как вы собственной тени начинаете пугаться.

– Звучит нелепо, знаю, – отозвался Бертрам. – Разумеется никто больше дыма не видел, а если и дымило, то от грозových молний. Закавыка в том, что он намерен отправиться туда.

– Никто к острову близко не подойдет! – зарычал Зигфрид. – Только во время сбора урожая – и только бригада сборщиков! Это указание руководства. Исключения не делается ни для кого, только для Кимбы, того пигмея, что доставляет дополнительное питание.

– Я ему то же самое сказал, – кивнул Бертрам. – Не думаю, что он на такое решится. Но все же подумал: на всякий случай следует вам рассказать.

– Правильно сделали, что рассказали, – раздраженно бросил Зигфрид. – Вот сучок! Как жало, черт побери, в бок впился.

– И еще одно. Он про дым Раймонду Лайонзу рассказал.

Зигфрид с такой силой грохнул здоровой рукой по столу, что Бертрам подскочил. Поднявшись, управляющий подошел к затянутому жалюзи окну, выходявшему на городскую площадь. Направил взгляд на клинику. Этот ученишка, книжный червь, кого и мужчиной-то назвать нельзя, не понравился ему с первой встречи. Когда же Зигфрид узнал, что с Кевином предписано нянчиться, что его следует разместить в одном из двух лучших домов в городе, он вскипел. Он-то собирался поселить в том доме одного из своих приспешников: наградить, выделить среди других.

Пальцы на здоровой руке Зигфрида сами собой сжались в кулак, зубы скрипнули, сквозь них просочились слова:

– Вот заноза сраная, всюду суется.

– Исследование его почти закончено, – сказал Бертрам. – Обидно, если он завалит дело, когда все так хорошо идет.

– Что Лайонз сказал? – спросил Зигфрид.

– Ничего, – ответил Бертрам. – Попенял Кевину, что тот слишком много воли дал воображению.

– Возможно, придется подыскать кого-нибудь, чтобы присмотрел за Кевином, – произнес Зигфрид. – Я никому не позволю свернуть эту программу. Вот и все. Слишком уж она прибыльна.

Бертрам встал, бросив:

– Это ваша епархия.

И направился к двери, вполне уверенный, что брошенное им семя попало в подходящую почву.

Глава 7

5 марта 1997 г.

7.25

Нью-Йорк

Мешанина из дешевого красного вина и недосыпа давала себя знать, и во время утреннего велопробега Джек умерял скорость. Обычно он прибывал в регистраторскую судмедэкспертизы ровно в семь пятнадцать. Сейчас же, выходя из лифта на первом этаже морга по пути в регистраторскую, заметил, что часы показывали уже двадцать пять минут восьмого, а потому огорчился. Опоздания не было, огорчало другое: Джек любил пунктуальность. Дисциплина во всем, что касалось работы, была одним из методов, с помощью которых он учился избегать уныния.

Первым делом на работе следовало позаботиться о чашке кофе из общей кофеварки. Даже аромат напитка, казалось, оказывал благотворное воздействие, что сам Джек приписывал выработке условного рефлекса по Павлову. Сделал первый глоток – небесное блаженство! Даже сомневаясь, что кофеин способен подействовать столь быстро, все же ощутил, как понемногу отпускает головная боль.

Джек подошел к Винни Амендоле, санитару из покойницкой, чья дневная смена накладывалась на ночную. Тот, как обычно, уселся в тихом уголке за одним из казенных металлических столов. Водрузив ноги на угол стола, Винни укрыл лицо за утренней газетой.

Джек потянул за уголок газеты, являя миру физиономию Винни, очень похожую на итальянскую. Парню под тридцать, физически сложен убого, но красив. Его густой черной шевелюре даже Джек завидовал. Сам он с горечью убеждался, как здорово за прошедший год поредели у него на макушке тронутые сединой каштановые волосы.

– Эй, Эйнштейн, что пишет газета о случае с телом Франкони? – спросил Джек. Они с Винни часто работали в паре и оба ценили друг в друге свободу обращения, находчивость и страсть к черному юмору.

– Без понятия, – ответил Винни и попытался вытащить свою ненаглядную газету из цепких пальцев Джека: он с головой ушел в репортаж о вчерашнем баскетбольном матче обожаемых «Никсов».

Лицо Джека выразило недоумение. Винни, возможно, не причислишь к гениям ученого мира, но в том, что касалось текущих новостей, он слыл местным авторитетом. Газеты Винни читал от корки до корки и обладал потрясающей памятью.

– В газете ничего про это нет? – спросил пораженный Джек. Он-то представлял себе, как вся пресса захлеб и наперебой бросится обсуждать скандальное исчезновение тела из морга. Безалаберность и неумелость госчиновничества – это кость, которую журналисты обглаживали с особой радостью.

– Я ничего не заметил, – буркнул Винни. Он потянул посильнее, высвободил газету и вновь укрылся за ней.

Джек покачал головой. Его и в самом деле поражало и занимало, как Гарольд Бинэм, главный судмедэксперт, сумел начисто замять дело в прессе. Джек повернулся было идти, когда в глаза ему бросилась газетная шапка, гласившая: «Бандиты оставили власти с носом». И ниже подзаголовок: «Преступный клан Ваккарро прикончил одного из своих, а затем выкрал тело прямо из-под носа городских чиновников».

Джек разом выхватил всю газету из рук ничего не подозревавшего Винни. Ноги Винни с грохотом упали на пол, а сам он негодующие завопил:

– Эй, что за дела?!

Джек сложил газету и сунул ее прямо в лицо Винни, так что тому никак нельзя было отвести глаз от первой полосы.

– Мне слышалось, будто в газете про это ничего нет, – сказал Джек.

– Я не говорил, будто в газете этого нет, – парировал Винни. – Я просто этого не заметил.

– Да помилуй, здесь же заголовок на всю первую страницу! – воскликнул Джек и даже выразительно повел чашкой с кофе в сторону газеты.

Винни потянулся, стараясь вернуть себе газету, но Джек убрал ее подальше от его рук.

– Кончай! – заныл Винни. – Купи себе газету и забавляйся с ней сколько влезет.

– Ты пробудил во мне любопытство. Газеты читать ты мастер известный и не мог не прочесть эту заметку еще в метро, пока на работу ехал. В чем дело, Винни?

– Ни в чем! Просто я сразу со спорта начал.

Джек внимательно всматривался в лицо Винни. Винни отвел глаза, всячески избегая встречаться с ним взглядом.

– Ты не захворал? – не без иронии поинтересовался Джек.

– Нет! – выпалил Винни. – Отдай мою газету – и все.

Джек отделил спортивные страницы и вернул их. Затем уселся за столик дежурного и принялся читать статью, которая была напечатана на первой полосе с продолжением на третьей. Как Джек и ожидал, написана она была в саркастическом, издевательском тоне: в равной мере досталось и полицейскому управлению, и судмедэкспертизе. Мерзкое дело, говорилось в статье, это еще один яркий пример жуткой некомпетентности обоих учреждений.

В комнату впорхнула Лори и отвлекла Джека. Снимая пальто, выразила надежду, что он чувствует себя лучше, чем она.

– Вряд ли, – признался Джек. – Это все из-за дешевого вина, что я привез. Извини.

– Ну и всего пять часов сна к тому же, – сказала Лори. – Я себя еле-еле из постели вытолкнула. – Положила пальто на стул и поприветствовала: – Доброе утро, Винни.

Винни, спрятавшись за спортивными страницами, хранил молчание.

– Он дуется, оттого что я у него газету стянул, – пояснил Джек и встал, уступая Лори место за столом дежурного. На этой неделе ей предстояло распределять среди врачей дела по вскрытию. – Тут заголовок и главная заметка – все про случай с Франкони.

– Неудивительно, – заметила Лори. – Об этом по всем местным станциям в новостях передают, я слышала даже, что Бинэм собирается передаче «С добрым утром, Америка» вчинить иск по возмещению ущерба.

– Ну, тут у него забот – выше крыши, – ухмыльнулся Джек.

– Ты сегодняшние дела смотрел? – спросила Лори, начав разбирать около двух десятков папок.

– Да я только-только заявился, – признался Джек, не отрываясь от газетной статьи. – Ага, а вот это здорово! – И после минутного молчания сообщил: – Они утверждают, что существует что-то вроде сговора между нами и полицейским управлением. По их мнению, мы нарочно избавились от тела в угоду полиции. Представляете?! Эти

ребята в прессе совсем умом тронулись, им во всем заговоры мерещатся.

– Умом тронулись читатели, – уточнила Лори. – Прессе нравится кормить публику тем, чего той хочется. И именно из-за таких вот диких рассказней я и собираюсь выяснить, как исчезло тело. Публика должна знать, что мы тут ни при чем.

– А я-то надеялся, что ты, поспав ночь, передумаешь и забудешь про свои поиски, – пробормотал Джек, уткнувшись в газету.

– Ни за что, – заявила Лори.

– Просто рехнулись! – Джек в сердцах хлопнул ладонью по газетному листу. Сначала они утверждали, будто мы тут в СМЭ повинны в исчезновении тела, а теперь говорят, что бандиты непременно схоронили останки в дебрях Вестчестера, так что теперь их ни за что не найти.

– Последнее, видимо, верно, – сказала Лори. – Если только тело не объявится весной, когда снег тает. На морозе землю глубже чем на фут не вырубишь.

– Мерзавцы, что за чушь! – воскликнул Джек, закончив чтение. – Вот, хочешь почитать? – Он протянул Лори первые страницы газеты.

Лори только отмахнулась:

– Спасибо, но я уже знакома с версией «Таймс». Весьма едко. Точка зрения «Нью-Йорк пост» меня не интересует.

Джек подошел к Винни, делая вид, будто собирается вернуть газету в первоначальное состояние. Винни молча взял из его рук шелестящие страницы.

– Ты совсем недотрогой стал, – сказал Джек санитару.

– Оставь меня в покое – и все, – раздраженно бросил Винни.

– Ого, Лори, берегись! – воскликнул Джек. – По-моему, у Винни наступает умственный криз. Он, наверное, собрался поразмыслить кое о чем и сбил с панталыку все свои гормоны.

– Йо-хо! – призывно возвала Лори. – А вот и утопленник, о котором говорил Майк Пассано. И кому его отдавать? Беда в том, что я, кажется, зла ни на кого не держу и, предвосхищая чувство вины, кончу, наверное, тем, что сама же и буду вскрывать.

– Отдай его мне, – предложил Джек.

– А тебе не слабо? – спросила Лори. Сама она ненавидела работать с утопленниками, особенно с теми, кто долго пробыл в воде.

Такие вскрытия были делом противным и зачастую весьма трудным.

– Не-а, – ответил Джек. – Только от запаха избавиться и – пальчики оближешь!

– Перестань, пожалуйста! Это гадко.

– Нет, серьезно, – убеждал ее Джек. – Среди них такие головоломки попадаются! Мне они нравятся больше, чем пулевые раны.

– У этого они тоже имеются, – сообщила Лори, записывая утопленника за Джеком.

– Какая прелесть! – обрадовался Джек и, вернувшись к столу дежурного, глянул через плечо Лори.

– Предполагается пулевое ранение в результате выстрела с близкого расстояния в правой верхней четверти, – сказала Лори.

– Звучит все радостнее и радостнее, – вздохнул Джек. – Как зовут покойника?

– Имени нет, – сообщила Лори. – По сути, это только часть твоей головоломки. Головы и рук тоже нет.

Она вручила Джеку папку. Тот присел на край стола и вытряхнул из нее содержимое. Сведений было немного. Те, что имелись, поступили от судебного эксперта Джанис Джигер.

Тело, записала Джанис, обнаружено в Атлантическом океане на порядочном расстоянии от Кони-Айленда. Его случайно нашел катер береговой охраны, который притаился под покровом ночи в ожидании перевозчиков наркотиков. Пограничники действовали по полученному анонимному сигналу и в момент обнаружения тела лежали в дрейфе, заглушив двигатель, погасив ходовые огни и включив локатор. Катер в буквальном смысле наткнулся на тело. Предположительно оказались найдены останки наркокурьера и/или осведомителя.

– Не много, чтобы развернуться, – подытожил Джек.

– Тем смачнее головоломка, – поддразнила Лори.

Джек сполз со стола и решил по пути к лифту заглянуть в комнату связи.

– Айда, ворчун! – крикнул он Винни и, проходя мимо, шлепнул по газете и ткнул санитару в плечо. – Только время теряем.

Но у самой двери Джек буквально налетел на Лу Солдано. Следователь, казалось, ничего не видел, кроме того, к чему стремился: кофеварки.

– Ни фиги себе! – вырвалось у Джека. – Вам бы, лейтенант, за нью-йоркских «Гигантов» поиграть, – сказал он, удрученно глядя на выплеснувшийся из чашки кофе.

– Простите, – сказал Лу. – Мне позарез необходим глоток яванского.

Они оба направились к кофеварке. Джек бумажным полотенцем старался промокнуть кофейное пятно на своем вельветовом пиджаке. Лу наполнил чашку кофе под самый ободок, отпил столько, чтобы хватило места для щедрой порции сливок и сахара. Потом громко вздохнул:

– Выдалась парочка убийственных дней.

– Снова веселились всю ночь напролет? – спросил Джек.

У Лу по щекам и на верхней губе проросла густая щетина. Голубая сорочка была мятой, верхняя пуговица расстегнута, узел галстука ослаблен и сбился набок. Сверху Лу, подобно знаменитому лейтенанту Коломбо, носил нечто похожее на шинель, которая вполне подошла бы какому-нибудь бомжу.

– Если бы! – рыкнул Лу. – За последние две ночи я хорошо если часа три покемарил. – Он прошел вперед, поздоровался с Лори и тяжело опустился на стул рядом со столом дежурного.

– В деле Франкони что-нибудь продвинулось? – спросила Лори.

– Ничего, что порадовало бы нашего капитана, окружного начальника или полицейского комиссара, – уныло сообщил лейтенант. – Полная неразбериха. Беда в том, что чьи-то головы должны слететь. Мы в отделе убийств стали подумывать, уж не нас ли собираются сделать козлами отпущения, если мы в этом деле не выйдем на след.

– Не ваша же вина, что Франкони убили, – негодуяще выговорила Лори.

– Вы комиссару об этом скажите, – вздохнул Лу. Шумно потянув кофе из чашки, он спросил: – Можно я покурю? – Взглянул на Лори с Джеком и, увидев выражение их лиц, тут же выпалил: – Забудем про это. Даже не знаю, зачем спросил. Временное помешательство, должно быть.

– Что вам удалось узнать? – поинтересовалась Лори. Ей было известно, что до отдела убийств Лу работал в отряде по борьбе с

организованной преступностью. С таким опытом он как никто подходил для расследования этого дела.

– Совершенно точно, что устроила все банда Ваккарро, – заговорил Лу. – Мы узнали об этом от своих осведомителей. Но поскольку Франкони вот-вот должен выступить свидетелем, мы предполагали то же самое. Пока единственная ниточка у нас – орудие убийства.

– Это должно помочь, – сказала Лори.

– Не так здорово, как вам кажется, – горько усмехнулся Лу. – Нет ничего странного в том, что бандиты бросают оружие на месте преступления. Мы его отыскивали на крыше дома напротив ресторана Позитано. Винтовка «ремингтон» с оптическим прицелом, в магазине которой не хватало двух пуль. Там же, на крыше, нашли и две гильзы.

– Отпечатки пальцев? – спросила Лори.

– Стерты дочи́ста, – ответил Лу, – но ребята из уголовной полиции там все еще копают.

– Винтовку проследили? – задал вопрос Джек.

– Ага, – со вздохом сказал Лу. – Это мы сделали. Ружье принадлежало какому-то чудачу-охотнику, живущему возле Менло-парк. Но тут, как и следовало ожидать, тупик: за день до убийства этого чудача ограбили. Единственная украденная вещь – ружье.

– Ну а дальше что? – спросила Лори.

– Пока идем, куда ниточки ведут. Плюс есть еще осведомители, кого мы не успели опросить. Но в основном молим Всеведущего, чтобы послал надежную зацепку. А как у вас, ребята? Хоть какие-то мысли есть, как тело отсюда ушагало?

– Пока нет, но с этим я разбираюсь лично, – сообщила Лори.

– Эй, только незачем ее подбадривать, – встрял Джек. – Пусть этим Бинэм с Вашингтоном занимаются.

– Лори, он дело говорит, – сказал Лу.

– Еще какое, черт побери, дело! – воскликнул Джек. – В прошлый раз, когда Лори связалась с бандитами, ее отсюда вывезли в заколоченном гробу. Так по крайности вы мне рассказывали.

– Так то было тогда, а это – сейчас. – Лори нахмурила брови. – В этом деле я замешана совсем не так, как в прошлый раз. По мне, выяснить, как пропало тело, важно для нашего учреждения, а если честно, я отнюдь не уверена, что Бинэм с Вашингтоном пальцем для

этого шевельнут. С их точки зрения, лучше бы про этот случай вообще забыли.

– Мне их понять не трудно, – заметил Лу. – По правде, если бы эта проклятая пресса не ввязалась, комиссар нас, наверное, оставил бы в покое. Кто знает?

– Я непременно выясню, как это произошло, – убежденно выговорила Лори.

– Что ж, если знать, кто и как, то мне расследовать будет легче, – сказал Лу. – Скорее всего те же самые люди из шайки Ваккарро. Такой вывод на ум приходит.

Джек вскинул обе руки вверх и произнес:

– Я – пас. Могу сказать: вы оба умом раскинуть не хотите.

Он ухватил Винни за рубашку и потянул его за собой, выходя из комнаты.

Проходя по коридору, Джек сунул голову в комнату Джанис и спросил:

– Есть что-нибудь, что мне следовало бы знать про того утопленника, чего нет в папке?

– Те крохи, что имеются, все там, – ответила Джанис. – За исключением координат места, где береговая охрана нашла тело. Мне там сказали, что сегодня позвонят, как только удостоверятся, не секретна ли такая информация. Только я понятия не имею, чем такая информация может помочь. Тут ведь не отправишься в указанное место, чтобы голову с руками отыскать.

– Согласен, – кивнул Джек. – Все равно попросите, чтобы кто-нибудь позвонил. Просто для порядка и отчета.

– Я оставлю Барту записку, – пообещала Джанис. Барт Арнольд был старшим судмедэкспертом среди фельдшеров.

– Спасибо, Джанис. А теперь мотайте-ка отсюда поскорее и выпитесь хорошенько.

Джанис была настолько увлечена работой, что всегда засиживалась в морге. Вот и сейчас не успел Джек уйти, как она окликнула его:

– Секундочку! Есть еще одно, что я забыла указать в отчете. Когда тело подняли, оно было голое. Ни клочка одежды.

Джек кивнул. Сведение было забавным. Раздеть труп значило для убийцы предпринять дополнительные усилия. Поразмыслив немного,

Джек пришел к выводу, что убийца всеми силами пытался скрыть личность жертвы, об этом явно говорил и тот факт, что отсутствовали голова и руки. Он приветливо взмахнул рукой, прощаясь с Джанис.

– Только не говори, что нам достался утопленник, – нудил Винни, пока они с Джеком шли по коридору к лифту.

– Ты прямо в осадок выпал, глотая свои спортивные страницы, – усмехнулся Джек. – Мы с Лори минут десять о том толковали.

Они зашли в кабину лифта и стали спускаться на этаж, где находились прозекторские. Винни упрямо избегал смотреть Джеку в глаза.

– Ты как-то странно себя ведешь, – сказал Джек. – Только не говори, что исчезновение Франкони тебя лично трогает.

– Отвали, – буркнул Винни.

Пока Винни облачался в костюм, похожий на лунный скафандр, раскладывал принадлежности, необходимые для проведения вскрытия, а затем доставлял тело в морг и укладывал его на прозекторский стол, Джек просмотрел остальное содержимое папки, чтобы убедиться, что абсолютно ничего им не упущено. Затем он пошел и отыскал рентгеновские снимки, сделанные по поступлении тела.

Джек тоже облачился в «лунный скафандр», вынул из розетки источник питания, который ночью стоял на зарядке, и подключился к нему. Вообще костюм этот он ненавидел, но при работе с разлагающимся утопленником ненависть стихала. Пикируясь с Лори, он был точен: самое противное – это вонь.

В такую рань в прозекторской никого, кроме Джека с Винни, не было. К досаде Винни, Джек неизменно настаивал на том, чтобы день был занят плотно. Нередко он уже заканчивал первое вскрытие, когда его коллеги только-только приступали к делу.

Прежде всего полагалось рассмотреть рентгеновские снимки, и Джек закрепил их на смотровом стекле. Уперев руки в бока, он отступил на шаг и взглянул на снимок тела в полный рост анфас. Безголовое и безрукое изображение было явно ненормальным, будто рентген какого-то примитивного, нечеловеческого существа. И еще одна аномалия: яркое плотное пятно, оставленное зарядом дроби в правой верхней четверти. Сначала Джеку даже показалось, будто в тело попал не один заряд, а множество. Слишком много было дробинок.

Дробинки, непроницаемые для рентгеновских лучей, скрывали все детали того, что находилось за ними. На матовом освещенном стекле они казались белыми.

Джек уже собирался переключиться на снимок в профиль, когда что-то в матовой полупрозрачности привлекло его внимание. В двух местах края выглядели необычно, более комковато, чем контур обычной дробинки.

Взглянув на второй снимок, Джек обнаружил ту же картину. Поначалу он даже подумал, не занесли ли дробинки в рану какой-нибудь не поддающийся радиооблучению материал. Возможно, частички одежды убитого.

– Маэстро, по первому вашему знаку, – прозвучал голос Винни. У него все было готово к началу.

Джек отвернулся от рентгеновских снимков и подошел к прозекторскому столу. В жестком свете флуоресцентных ламп утопленник был синюшно бледен, как привидение. Кем бы ни был убитый, он оказался довольно тучен и в последнее время явно не бывал на Карибах^[13].

– Пользуясь одним из твоих любимых выражений, – заметил Винни, – не похоже, чтобы он на бал собирался.

Джек улыбнулся черному юмору Винни. Такие шутки больше подходили его характеру и в данном случае означали, что санитар оправился от утренней перепалки.

Тело было в плачевном состоянии, хотя и дочиста отмылось, бултыхаясь в воде. Новость хорошая: судя по всему, в воде оно пробыло очень недолго. Повреждения остались отнюдь не только от множественных пулевых ранений в верхней части брюшной полости. Не только голова и руки отрезаны, на торсе и бедрах ряд широких и глубоких порезов, обнажавших полосы маслянистой жировой ткани. Края всех ран были рваными.

– Похоже, рыбы устроили банкет, – сказал Джек.

– Ага, и буйный! – в тон ему подхватил Винни.

Пулевые ранения обнажили и повредили многие внутренние органы в брюшной полости. Виднелись жалкие остатки кишок, болталась, как на ниточке, одна почка.

Джек поднял одну из поврежденных рук, осмотрел вылезшие наружу кости.

– Действовали, полагаю, ножовкой, – заключил он.

– А вот эти громадные порезы? – спросил Винни. – Кто-то пытался нарезать его на кусочки, как праздничную индейку?

– Не-а, по нему, полагаю, катер прошелся, – ответил Джек. – Похоже на раны от лопастей винта.

Затем Джек стал внимательно производить наружный осмотр тела. При таких зияющих ранах, понимал он, легко пропустить нечто менее явное и заметное. А потому работал неторопливо, часто останавливаясь, чтобы сфотографировать повреждения. Дотошность его была вознаграждена. Возле рваного края основания шеи, прямо над ключицей он обнаружил маленькое округлое повреждение. Нашел и еще одно похожее на левой стороне ниже грудной клетки.

– Что это такое? – спросил Винни.

– Не знаю, – ответил Джек. – Какие-то проникающие раны.

– Как думаешь, сколько раз ему в живот выстрелили?

– Трудно сказать.

– Тут, доложу тебе, патронов не жалели, – покачал головой Винни. – Черту ясно, что его пришить хотели.

Спустя полчаса, когда Джек уже собирался приступать к внутреннему вскрытию, открылась дверь и вошла Лори. Она облачилась в длинный фартук до пола, у лица держала маску, но «лунного скафандра» на ней не было. Поскольку Лори всегда строго придерживалась правил, а с недавних пор появляться в «гнилой яме» без «лунных скафандров» запрещалось, Джек сразу заподозрил: это неспроста.

– Во всяком случае, в воде оно недолго пробыло, – сказала Лори, оглядывая тело. – Совсем не разложилось.

– Так, освежающее купание, – поддел Джек.

– Вот это пулевая рана так рана! – любовалась Лори, глядя на развороченный пулями живот. Затем, переводя взгляд на множественные порезы, заметила: – А тут как будто гребной винт прошелся.

– Лори, что тебе нужно, а? – выпрямился у стола Джек. – Ты же не помогать нам пришла, правда?

– Нет, – призналась Лори. Из-за маски голос ее звучал гулко. – Наверное, мне захотелось немножко моральной поддержки.

– По поводу? – насторожился Джек.

– Кэлвин меня только что проработал, – сообщила Лори. – Очевидно, этот ночной санитар, Майк Пассано, пожаловался, что я вчера ночью приезжала, чтобы обвинить его в причастности к краже тела Франкони. Представляешь? В общем, Кэлвин в самом деле рассердился, а ты же знаешь, как я ненавижу всякие перепалки. Кончилось тем, что я разревелась, а оттого обозлилась на саму себя.

Джек сложил губы трубочкой и присвистнул. Он лихорадочно подыскивал что бы сказать, кроме как: «Я же тебе говорил», – но слова не шли на ум.

– Сочувствую, – выдал он из себя.

– Спасибо, – почти обиделась Лори.

– Ну, пролила немного слез, – сказал Джек. – Не стоит так себя терзать.

– Но мне противно, – пожаловалась Лори. – Это непрофессионально.

– А а, я бы из-за этого не переживал, – успокаивал ее Джек. – Порой мне жаль, что не могу разреветься. Может, займись мы каким-нибудь душевным делом, нам обоим стало бы легче.

– В любое время! – воскликнула Лори. На сей раз Джек оказался ближе всего к признанию того, о чем она давно догадывалась: закупоренное в нем горе было главным препятствием на пути к его же собственному счастью.

– Зато по крайней мере теперь ты бросишь свой крестовый мини-поход, – сказал Джек.

– Ни за что, видит Бог! – вскинулась Лори. – Я теперь еще настырнее стану, потому что подтвердилось то, чего я опасалась: Кэлвин с Бинэмом постараются этот случай упрятать под ковер. Так не годится.

– Лори, послушай! – простонал Джек. – Прошу тебя! Эта маленькая стычка с Кэлвином – всего лишь начало. Ничего, кроме неприятностей, ты не добьешься.

– Тут дело принципа, – твердо выговорила Лори. – Так что не читай мне нотаций. Я к тебе за поддержкой пришла.

Джек вздохнул, отчего его лицевая маска на миг запотела, и произнес:

– Ладно. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Ничего особенного, – отозвалась Лори. – Просто будь со мной рядом.

Через пятнадцать минут Лори ушла из операционной. Джек ознакомил ее со всеми своими находками в ходе внешнего осмотра тела, в том числе с двумя проникающими ранами. Слушала она вполуха, явно озабоченная случаем с Франкони. Джеку приходилось сдерживать себя, чтобы еще раз не высказать ей, что он думает по этому поводу.

– С внешним покончили, – обратился Джек к Винни. – Переходим к внутренней аутопсии.

– Самое время, – огрызнулся Винни. Время уже перевалило за восемь часов, пошли тела с предписанными им санитарями и прозекторами. Они с Джеком, даром что рано начали, других опередили ненамного.

Джек не обращал внимания на дружелюбное ворчание, вызванное злополучным трупом. При всех очевидных повреждениях Джеку приходилось различать обычную процедуру вскрытия от той, что требует сосредоточенности. В отличие от Винни он не обращал внимания на течение времени. Зато его дотошность вновь оказалась вознаграждена. Несмотря на то что печень была практически уничтожена пулями, Джек обнаружил кое-что необычайное, что, возможно, пропустил бы врач, исполнявший работу менее заинтересованно и скрупулезно. Он обнаружил крохотные остатки хирургических швов на внутренней подвздошной вене и на оборванной печеночной артерии. Швы в таких местах – явление крайне необычное. По печеночной артерии кровь поступает в печень, а подвздошная вена – крупнейшая из вен в брюшной полости. Обнаружить швы на воротной вене Джеку не удалось, поскольку этот сосуд был уничтожен полностью.

– Чет, – позвал Джек, – погляди-ка сюда.

С Четом Макговерном, который работал за соседним прозекторским столом, Джек поддерживал на службе приятельские отношения. Чет, отложив скальпель, подошел к Джеку. Винни перешел к торцу, уступая врачу место у стола.

– Чего сыскал? – спросил Чет. – Что-нибудь интересное? – Он заглянул в полость, где работал Джек.

– Еще как сыскал! – сказал в ответ Джек. – У меня тут куча пуль, но я еще вдобавок и швы на сосудах обнаружил.

– Где? – спросил Чет. Он никак не мог разобраться в анатомической неразберихе.

– А вот, – ответил Джек, указывая ручкой скальпеля.

– Так... вижу! – радостно произнес Чет. – Находка знатная. Эндотелиализации там с гулькин нос. Я бы сказал, что швы не такие уж старые.

– И я так же думаю, – подхватил Джек. – Им где-то месяц-два, наверное. Самое большее – шесть месяцев.

– И что, по-твоему, это означает?

– По-моему, это означает, что мои шансы установить личность убитого подскочили до тысячи процентов, – сказал Джек, выпрямляясь и потягиваясь.

– Итак, убитый перенес полостную операцию, – рассуждал Чет. – Но людей, у кого хирурги копались во внутренностях, полно.

– Только не такие хирурги и не с такими операциями, какую явно перенес этот бедолага, – поправил коллегу Джек. – Мы имеем швы на подвздошной вене и на печеночной артерии... Готов об заклад биться, тут случай из ряда вон. Полагаю, у него была пересадка печени, и не очень давно.

Глава 8

5 марта 1997 г.

10.00

Нью-Йорк

Раймонд Лайонз приподнял украшенную запонкой манжету и глянул на тонюсенькие дорогие часы на руке. Ровно десять. Он доволен. Приятно быть пунктуальным, особенно на деловых встречах, хотя и неприятно приходить рано. Лично ему казалось, что от раннего прихода пахнет безысходностью, Раймонд же предпочитал заключать сделки с позиции силы.

Он уже целых пять минут простоял на углу Парк-авеню и Семьдесят восьмой улицы, дожидаясь условленного времени. Теперь, когда оно настало, поправил галстук, проверил, так ли сидит на голове шляпа, и зашагал к входу в дом 972 по Парк-авеню.

– Я разыскиваю клинику доктора Андерсона, – обратился Раймонд к привратнику в ливрее, открывшему тяжелую дверь, украшенную чугуном и стеклом.

– У клиники доктора свой вход, – сообщил привратник. Снова открыв дверь, чтобы выпустить гостя, он вышел на тротуар и указал на юг.

Раймонд признательно тронул край шляпы и направился вниз по улице к указанному приватному входу. Латунная гравированная табличка гласила: «Пожалуйста, позвоните и затем входите». Раймонд исполнил все, как было сказано.

Оказавшись за дверью клиники, Раймонд сразу же почувствовал удовлетворение. Все вокруг выглядело и даже пахло так, как выглядят и пахнут деньги. Помещение богато уставлено антиквариатом, полы застланы пышными восточными коврами. Стены увешаны полотнами девятнадцатого века.

Раймонд подошел к элегантному французскому письменному столу в виде шара. Хорошо одетая, величественного вида регистратор взглянула на него поверх узеньких очков. На столе Раймонд увидел табличку с надписью: «Миссис Артур П. Очинкосс».

Он представился, не преминув подчеркнуть, что он врач. Раймонд слишком хорошо знал, как недоступны и презрительны способны быть регистраторы в частных клиниках к посетителям, не имеющим чести принадлежать к врачебной гильдии.

– Доктор вас примет, – произнесла миссис Очинклосс. Затем вежливо попросила Раймонда подождать в приемной.

– У вас тут великолепно, – сказал Раймонд, завязывая разговор.

– Это так, – откликнулась миссис Очинглосс.

– Хозяйство большое? – спросил Раймонд.

– Да, разумеется, – ответила миссис Очинклосс. – Доктор Андерсон очень занятой человек. У нас четыре полноценные смотровые и рентгеновский кабинет.

Раймонд улыбнулся. Для него не составляло труда прикинуть, в какие астрономические накладные расходы имел глупость втянуть себя доктор Андерсон, поддавшись на уговоры так называемых экспертов по производительности в те золотые денечки, когда медицина действовала по принципу «плати за услуги». С точки зрения Раймонда, доктор Андерсон представлял собой идеальную жертву, которой уготована роль партнера. У него, несомненно, до сих пор сохранился небольшой задел из зажиточных пациентов, готовых платить наличными за сохранение старых удобных отношений, но все же доктор Андерсон не может не испытывать тягот от управленческих забот.

– Наверное, и штат для этого нужен большой? – сказал Раймонд.

– Мы сократились до одной медсестры, – вздохнула миссис Очинклосс. – В наши дни трудно найти что-то подходящее.

Ну да, как же, как же, подумал про себя Раймонд. Одна сестра на четыре смотровых кабинета – это значит, что наш доктор борется из последних сил. Однако вслух свои мысли Раймонд не высказывал. Вместо этого он окинул взглядом тщательно оклеенные обоями стены и произнес:

– Я всегда восторгался такими вот – старая школа! – частными клиниками на Парк-авеню. Они так благородны, так безмятежны. Не могут не вызывать чувства доверия.

– Уверена, наши пациенты именно это и чувствуют, – согласно кивнула миссис Очинклосс.

Открылась внутренняя дверь, и в приемную вышла увешанная драгоценностями, богато одетая пожилая дама. Болезненно худосочная, она перенесла столько подтяжек, что рот у нее растянуло в неестественной улыбке. За дамой следовал доктор Уоллер Андерсон.

Взгляды Раймонда и Уоллера мимолетно скрестились, пока доктор провожал пациентку к регистратору и давал указания, когда примет ее в следующий раз.

Раймонд оценивающе оглядел доктора. Тот был высок ростом и вид имел благородный, каким, по мнению Раймонда, был наделен и он сам. Правда, Уоллер не был загорелым. Более того, землистый цвет кожи, печальные глаза, впалые щеки придавали его лицу напряженное выражение. Для Раймонда все эти детали сливались в единый знак: доктор Андерсон переживал тяжкие времена.

Тепло распрощавшись с пациенткой, Уоллер махнул рукой, предлагая Раймонду следовать за ним, и повел его по длинному коридору, куда выходили двери смотровых. В самом конце коридора открыл еще одну дверь и пригласил Раймонда в свой личный кабинет. Войдя в него следом за гостем, плотно закрыл дверь.

Представился Уоллер радушно, но с явной сдержанностью. Принял у Раймонда шляпу и пальто, аккуратно повесив их в маленький шкафчик. Спросил:

– Кофе?

– Непременно, – ответил Раймонд.

Спустя несколько минут, когда оба попивали кофе: Уоллер за своим письменным столом, а гость в кресле напротив, – Раймонд открыл кран своего красноречия:

– Трудные настали времена для практикующих медиков.

Уоллер издал звук, похожий на смешок, но начисто лишенный юмора. Сказанное гостем его явно не позабавило.

– Мы можем предложить вам способ существенно увеличить ваши доходы наряду с предоставлением избранным пациентам услуг на грани искусства, – продолжил Раймонд. Произносил он по большей части много раз опробованную речь, которую за долгие годы отшлифовал до блеска.

– Есть в этом что-либо незаконное? – прервал его тираду Уоллер. Тон его был серьезным, едва ли не раздраженным. – Если есть, то моя ваша затея не интересуется.

– Ничего незаконного, – речь Раймонда звучала убедительно, – просто исключительно конфиденциально. Когда мы с вами говорили по телефону, вы соглашались с тем, что о нашей беседе будут знать только три человека: вы, я и доктор Дэниел Левитц.

– До тех пор, пока мое молчание не является пособническим или само по себе преступным, – уточнил Уоллер. – Меня не проведешь и в соучастники не затащишь.

– Беспокоиться нет оснований. – Раймонд улыбнулся. – Однако если вы решитесь и присоединитесь к нашей группе, вас непременно попросят подписать письменное обязательство относительно конфиденциальности. Только после этого вы будете посвящены в специфические тонкости дела.

– Подписать обязательство для меня труда не составит, – заверил Уоллер. – При том условии, что я не нарушаю никакого закона.

– Вот и хорошо, – сказал Раймонд. Он поставил кофейную чашечку на край стола Уоллера, освобождая себе руки. Раймонд истово верил, что жестикуляция очень важна для убеждения. Начал он с рассказа о том, как семь лет назад случай свел его с Кевином Маршаллом, который выступил на национальном совещании с сообщением о гомологической транспозиции хромосомных частей между клетками, привлекая весьма незначительную аудиторию.

– Гомологическая транспозиция? – переспросил Уоллер. – А это что еще за дьявольщина? – Медицинское образование он получил еще до революции в молекулярной биологии и «новомодных» терминов не понимал.

Раймонд терпеливо объяснил, используя для примера отростки хромосомы-6.

– Значит, этот Кевин Маршалл разработал способ, как изъять кусочек хромосомы из одной клетки и заменить им такой же кусочек в том же месте в другой клетке?

– Именно так, – подтвердил Раймонд. – И для меня это было как прозрение. Я сразу же увидел возможности клинического применения. Вдруг появилась потенциальная возможность создать иммунологического двойника любого индивида. Как, я уверен, вам известно, отросток хромосомы-шесть содержит главный комплекс тканевой совместимости.

– Как однояйцевый близнец, – заметил Уоллер, интерес которого к делу явно нарастал.

– И даже лучше, чем однояйцевый близнец, – уточнил Раймонд. – Иммунологический двойник создается у животных подходящего размера и вида, которыми можно пожертвовать в любой момент. Очень немногим людям повезло бы иметь готового к жертве однояйцевого близнеца.

– А почему это не было опубликовано?

– Доктор Маршалл сделал все, чтобы его работа была опубликована, – сообщил Раймонд. – Однако оставались кое-какие незначительные детали, которые он хотел бы проработать. На совещании его заставил выступить с сообщением его декан. К счастью для нас!

Выслушав доклад, я познакомился с автором и уговорил его обойтись без оглашения. Мне это стоило немалых трудов, но чашу весов в нашу пользу склонило то, что я пообещал доктору Маршаллу лабораторию, о какой он только мог мечтать и в дела которой не будет никакого вмешательства со стороны научного начальства. Я гарантировал, что он получит любое оборудование, какое и сколько захочет.

– У вас была такая лаборатория?

– Тогда еще не было, – признался Раймонд. – Получив его согласие, я тотчас связался с одним из международных гигантов биотехнологии, который останется безымянным до тех пор, пока вы не присоединитесь к нашему проекту. С некоторым трудом мне удалось продать фирме идею креативного маркетинга данного феномена.

– И как же это делается? – поинтересовался Уоллер.

Раймонд сильно подался вперед и, глядя глаза в глаза Уоллеру, сказал:

– За некоторое вознаграждение мы создаем для клиента иммунологического двойника. Как вы можете себе представить, вознаграждение значительное, но не умопомрачительное, если учесть, какой достигается покой в сознании. А вот на чем мы действительно делаем деньги, так это на ежегодной плате, которую клиент должен вносить за содержание своего двойника.

– Как бы вступительный взнос, а затем отчисления, – переиначил Уоллер.

– Можно и так рассматривать, – согласился Раймонд.

– В чем моя выгода?

– Мириады возможностей. Я выстроил дело наподобие коммерческой пирамиды. С каждого найденного вами клиента вы получаете процент, причем не только с первоначального вознаграждения, но и с платы за содержание. Помимо этого, мы будем поощрять ваши усилия привлечь к делу других врачей, которые, подобно вам, катастрофически теряют клиентуру, но все еще пользуются некоторым количеством богатых, думающих о здоровье, платежеспособных пациентов. С каждого успешно привлеченного врача вам пойдут проценты от добытого им. К примеру, если вы соизволите примкнуть, доктор Левитц, который вас рекомендовал, будет получать проценты со всех ваших успешных усилий. Не надо быть бухгалтером, чтобы понять: при небольших усилиях можно получать значительный доход. А в качестве дополнительного стимула мы будем проводить все ваши выплаты через офшоры, с тем чтобы они росли без налоговых отчислений.

– К чему вся эта секретность? – спросил Уоллер.

– В том, что касается офшорных счетов, причины вполне очевидны, – заметил Раймонд. – А в отношении программы в целом возникли этические вопросы, которые прежде не учитывались. Соответственно биотехнологическая компания, благодаря которой все это и крутится, как чумы страшится компрометирующей огласки. Откровенно говоря, есть люди, которых использование животных для пересадки раздражает, и мы, разумеется, не имеем желания связываться с поборниками прав животных. Кроме того, операция эта дорогостоящая и доступна лишь немногим тщательно отобранным людям. Это нарушает принцип равенства.

– Могу я спросить, сколько клиентов очастливлены этой программой?

– Обычных людей или врачей?

– Обычных.

– Около сотни.

– Есть такие, кто воспользовался этим средством?

– Собственно говоря, четверо, – сообщил Раймонд. – Были пересажены две почки и две печени. Все себя чувствуют наилучшим образом, безо всякого лечения и без каких бы то ни было признаков

отторжения. И, смею добавить, взимается значительная плата за заимствование органов и трансплантацию, и все причастные к тому врачи получают с этих выплат такие же проценты.

– Сколько участвует врачей? – поинтересовался Уоллер.

– Менее пятидесяти, – ответил Раймонд. – Мы с привлечением не торопились, но теперь наращиваем обороты.

– Как долго действует программа?

– Около шести лет. В нее вложены солидные капиталы и усилия, но сейчас она начинает премиленько окупаться. Должен вам напомнить, что вы входите в дело на довольно ранней стадии, так что для вас пирамида окажется очень прибыльной.

– Звучит заманчиво, – сказал Уоллер. – Видит Бог, я мог бы пустить дополнительный доход на поддержание рушащейся клиентуры. Я должен что-то предпринять, прежде чем потеряю свою клинику.

– Это было бы огорчительно, – согласился Раймонд.

– Могу я день-другой подумать? – спросил Уоллер.

Раймонд поднялся. Опыт убеждал его, что желаемое достигнуто.

– Без сомнения, – снисходительно произнес он. – Советую вам также поговорить с доктором Левитцем. Он горячо рекомендовал вас, а сам необычайно доволен соглашением.

Пятью минутами позже Раймонд вышел в переулок и двинулся на юг к Парк-авеню. Походка его прибавила упругости и бодрости. Голубизна неба, свежесть воздуха, предвестье весны наделяли ощущением высшего блаженства, особенно в сочетании с приливом адреналина, который всегда вызывало в нем удавшееся кадровое приобретение. Даже неприятности двух предыдущих дней казались несущественными. Будущее виделось ярким и многообещающим.

Но тут, словно бы из ниоткуда, явилось еще бы чуть-чуть – и несчастье. Поглощенный своей победой, Раймонд едва не сошел с бортики тротуара прямо под мчавшийся городской автобус. Порывом ветра от грохочущего автобуса с головы Раймонда сорвало шляпу, а брызнувшая из-под колес грязь заляпала кашемировое пальто.

Раймонд стремительно отшатнулся, у него голова пошла кругом от счастливого избавления от, казалось, неминуемой ужасной смерти. Нью-Йорк всегда был городом внезапных крайностей.

– Приятель, ты в порядке? – спросил прохожий. И вручил Раймонду его помятый головной убор.

– Все хорошо, спасибо, – произнес Раймонд. Он опустил глаза, посмотрел на полы своего пальто – и ему стало плохо. Происшествие обрело какой-то метафорический смысл, оно будто вернуло тревогу, которую испытывал Раймонд из-за злосчастного дела Франкони. Грязь напомнила ему о сделке с Винни Домиником.

Чувствуя себя наказанным, Раймонд с куда большей осторожностью перешел на другую сторону. Жизнь полна опасностей. Шагая по направлению к Шестьдесят четвертой улице, он стал беспокоиться и по поводу двух других пересадок. До пакости с Франкони ему и в голову не приходило, что вскрытие может хоть как-то пагубно сказаться на его программе.

Неожиданно для самого себя Раймонд пришел к выводу, что стоило бы навести справки о положении других пациентов. У него не было и тени сомнения в том, что угроза Тейлора Кэбота вполне реальна. Если так случится, что кто-то из пациентов в будущем подвергнется вскрытию, не важно по какой причине, и результаты его попадут в прессу, то дело пахнет крахом. «Генсис», вероятнее всего, свернет всю операцию.

Раймонд ускорил шаг. Один пациент жил в Нью-Джерси, другой – в Далласе. Надо бы, подумал он, добраться до телефона и переговорить с привлечшими их докторами.

Глава 9

5 марта 1997 г.

17.45

Кого, Экваториальная Гвинея

– Привет! – донесся голос Кэндис. – Есть кто дома?

У Кевина от неожиданности дрогнула рука. Сотрудники давно ушли, отработав свое, и в лаборатории стояла тишина, поддерживаемая мягким жужжанием холодильных установок. Кевин остался, чтобы разделить фрагменты ДНК и в который раз исследовать причинявшее ему столько хлопот пятно неизвестности в нижней части хромосомы, но при звуках голоса Кэндис он промахнулся из микропипетки мимо одного из канальцев. Жидкость растеклась по поверхности желе. Опыт пошел насмарку, придется начать сызнова.

– Я здесь! – зычно крикнул Кевин, отложил капельницу и встал. Сквозь склянки с реактивами на лабораторных подставках увидел на другом конце комнаты стоявшую в дверях Кэндис.

– Я пришла не вовремя? – спросила она, приближаясь.

– Нет, я уже заканчивал, – сказал Кевин. В нем теплилась надежда, что гостья не видит его насквозь. Напрасно потерянное на опыт время его огорчило, но увидеть Кэндис было приятно. В тот день за обедом он, собравшись с духом, пригласил Кэндис с Мелани к себе домой на чай. Обе приняли приглашение с охотой. Мелани призналась, что ее всегда мучило любопытство посмотреть, на что эта домина похожа внутри.

Чаепитие прошло с большим успехом. Успех этот обеспечили, несомненно, прежде всего обе леди. Разговор за столом не знал пауз. И еще одно помогло: все трое отказались от чая и отдали предпочтение вину. Принадлежа к элите Зоны, Кевин регулярно получал из спецфондов французское вино, которое сам пил редко. Так что у него образовался солидный винный погреб.

Главной темой разговора служили США: воспоминания о родине – любимое времяпрепровождение американцев, временно оказавшихся за ее пределами. Каждый из троих превозносил и отстаивал красоты и блага родных мест. Мелани любила Нью-Йорк и утверждала, что тот

стоит особняком в ряду всего прочего. Кэндис уверяла, что нигде нет такого высокого качества жизни, как в Питсбурге. А Кевин перевозносил интеллектуально насыщенную атмосферу Бостона. Что они намеренно избегали обсуждать, так это эмоциональный срыв Кевина в подвале за обедом.

Тогда обе, и Кэндис и Мелани, расспрашивали, что имел в виду Кевин, говоря об ужасе, какой охватил его при мысли, будто он преступил границы. Но они не настаивали на ответе, когда стало ясно, что Кевин слишком расстроен и не склонен ничего объяснять. Интуитивно женщины почувствовали, что лучше сменить тему, по крайней мере на некоторое время.

– Я пришла выяснить, не удастся ли мне вытащить вас повидаться с мистером Горацием Винчестером, – заговорила Кэндис. – Я ему рассказала про вас, и он пожелал поблагодарить вас лично.

– Мне что-то эта идея не кажется здоровой, – признался Кевин, опять почувствовав себя скованно.

– Совсем наоборот, – возразила Кэндис. – Вы за обедом столько всего наговорили, что, думаю, стоит увидеть добрую сторону ваших деяний. Простите, если сказанное мной причинило вам такую боль.

Слова Кэндис были первым со времени обеда упоминанием о срыве Кевина. У него сердце забилося учащеннее.

– Не ваша в том вина, – выговорил Кевин. – Мне было не по себе и до ваших выпадов.

– Тогда пошли повидаемся с Горацием, – предложила Кэндис. – У него выздоровление проходит фантастически. Так поправился, что сестра неотложной помощи вроде меня просто не нужна.

– Да и не знаю я, что говорить надо, – промямлил Кевин.

– О, тут без разницы, что вы скажете, – наступала Кэндис. – Человек очень признателен. Всего несколько дней назад он был настолько болен, что умирать собирался. А сейчас чувствует себя так, будто на новый срок у жизни подписался. Пойдемте! Непременно себя лучше почувствуете, вот увидите.

Кевин силился уцепиться за какую-нибудь причину, чтобы не ходить, и неожиданно был спасен: прозвучал еще один голос, появилась Мелани.

– Ага, два моих любимых собутельника! – воскликнула она, входя в лабораторию. Кевина с Кэндис она заметила, проходя мимо открытой

двери по пути к себе в лабораторию, расположенную дальше по коридору. На ней был голубой комбинезон, на нагрудном кармашке которого красовалась вышивка «Центр животных».

– У вас ни у кого головка с похмелья не бо-бо? – спросила Мелани. – У меня еще гудит слегка. Боже, мы же две бутылки уговорили. Можно в такое поверить, а?

Ни Кэндис, ни Кевин не ответили.

Мелани внимательно глянула на него, потом на нее. Почувствовала: что-то не так.

– Это что, всенощные бдения? – спросила она.

Кэндис улыбнулась. Она обожала чистосердечную бесцеремонность Мелани.

– Вряд ли. Нам с Кевином никак не сойтись. Просто я пыталась уговорить его сходить в клинику повидаться с мистером Винчестером. Тот уже на ногах, бодр и весел. Я ему про вас, молодцов, рассказала, и ему захотелось увидеть вас обоих.

– Слышала я, что он владеет сетью курортных гостиниц. – Мелани подмигнула. – Эй, молодцы, а может, отжилим у него немного талонов на даровую выпивку?

– Он так признателен и так богат, что можно надеяться на кое-что покруче, – хмыкнула Кэндис. – Да вот беда: Кевин идти не хочет.

– Как это, славный мой? – обратилась Мелани к Кевину.

– Я думала, ему будет полезно увидеть добрую сторону того, что удалось свершить, – прибавила Кэндис.

Она перехватила взгляд Мелани. Та поняла ее с полуслова.

– Точно, – кивнула Мелани. – Давайте подзарядимся положительной обратной связью от реального, живого пациента. Это придаст осмысленность нашему тяжкому труду и вдохновит нас на новые свершения!

– Думаю, мне от этого еще хуже станет, – произнес Кевин. С самого возвращения в лабораторию он делал все, чтобы сосредоточиться на главном исследовании и тем отделаться от обуревавших его страхов. Уловка эта в какой-то мере срабатывала, пока любопытство не понудило вызвать на дисплее компьютера графическое изображение острова Франчески. Полученные данные действовали столь же гнетуще, как и воскуривший над островом дымок.

Мелани уперла руки в бедра и требовательно спросила:

– Почему? Не понимаю.

– Это трудно объяснить, – уклонился было от ответа Кевин.

– А вы попробуйте, – не отступала Мелани.

– Да потому, что для меня видеть его значит все время вспоминать о том, о чем я стараюсь не думать, – сказал Кевин. – Например, о том, что стало с другим пациентом.

– Вы имеете в виду его двойника, бонобо? – догадалась Мелани.

Кевин кивнул. Лицо его уже пылало почти так же жарко, как и тогда, за обедом.

– Вас проблема защиты прав животных волнует серьезнее, чем меня, – заметила Кэндис.

– Боюсь, дело выходит за рамки прав животных, – почти прошептал Кевин.

Повисло тягостное молчание. Мелани взглянула на Кэндис. Та слегка развела руками, давая понять, что ничего не понимает.

– Ладно, с меня довольно! – с внезапной решимостью воскликнула Мелани. Она подошла к Кевину и силой, положив ему руки на плечи, усадила на лабораторный стул. Затем нагнулась, приблизила свое точеное личико к лицу Кевина и заговорила: – До сегодняшнего дня я думала, что мы просто коллеги. Но теперь чувствую, что это не так. Я вас немного узнала, за что, должна сказать, признательна, и уже не считаю вас холодным, отрешенным интеллектуальным снобом. В общем, считаю, что мы друзья. Я права?

Кевин согласно склонил голову. Ему приходилось смотреть вверх, прямо в черные, будто базальтовые, глаза Мелани.

– А друзья говорят друг с другом. Они общаются. Они не таят своих чувств, заставляя других испытывать неловкость. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Думаю, да, – ответил Кевин. Он никогда не задумывался над тем, что его поведение способно заставить других испытывать неловкость.

– Думаете, да? – эхом отозвалась Мелани. – Как бы мне это объяснить, чтобы вы осознали?

Кевин судорожно глотнул:

– Полагаю, я осознал это.

Мелани в отчаянии воздела очи горе:

– До чего же вы скрытны, с ума сойти! Но ладно, пусть, это я переживу. А вот чего не могу пережить, так вашего срыва за обедом. Я силюсь выяснить у вас, что не так, а вы что-то невнятно бормочете про то, как «преступили пределы», а потом уползаете в свою раковину, не в силах вымолвить о том ни слова. Что бы вас ни мучило, не давайте этому травить вас еще больше. Оно лишь добавит вам боли, станет помехой в ваших дружеских отношениях.

Кэндис кивала, соглашаясь со всем, что высказала Мелани.

Кевин переводил взгляд то на одну, то на другую из этих прямодушных и напористых женщин. Как ни сопротивлялся он тому, чтобы выразить свои страхи, в тот момент ему показалось, что выбора нет, особенно когда видел лицо Мелани всего в нескольких дюймах от своего собственного. Не зная, с чего начать, он заговорил:

– Я видел, как над островом Франчески поднимался дым.

– Что за остров Франчески? – спросила Кэндис.

– Это остров, куда отправляются трансгеники-бонобо сразу по достижении трехлетнего возраста, – пояснила Мелани. – А что с дымом?

Кевин встал и жестом предложил женщинам следовать за ним. Прошел к своему столу и направил указательный палец в окно в сторону острова Франчески:

– Я видел дым три раза. Он всегда курился над одним и тем же местом, левее известняковой гряды. Всего лишь тоненькая струйка, уходящая в небо, но она не пропадала.

Кэндис прищурилась. Она была немного близорука, но из женского тщеславия не носила очки.

– Это самый дальний остров? – спросила она. Ей казалось, что она видит лишь какие-то грязновато-коричневые пятна на его гребне, которые, наверное, были скалами. В свете уходящего солнца другие острова в группе казались однообразной чередой холмиков, покрытых темно-зеленым мхом.

– Он самый и есть, – подтвердил Кевин.

– Тоже мне событие! – фыркнула Мелани. – Парочка пожаров. Чему удивляться, когда от молний вокруг никакого продуху нет?

– То же самое утверждает и Бертрам Эдвардс, – вздохнул Кевин. – Однако это не может быть молния.

– Кто такой Бертрам Эдвардс? – спросила Кэндис.

– Почему не может быть молния? – допытывалась Мелани, не обращая внимания на вопрос подруги. – Может, на той скалистой гряде есть какая-нибудь металлическая руда.

– Слышали когда-нибудь такое выражение: молния никогда не бьет в одно место дважды? – задал вопрос Кевин. – Этот огонь не от молнии. Кроме того, дым не пропадает и не меняет место.

– Может, туземцы какие там поселились? – предположила Кэндис.

– «Генсис» твердо убедила, что там никого нет, прежде чем выбрать остров, – отмел ее предположение Кевин.

– Может, какие местные рыбаки заплыли, – не сдавалась Кэндис.

– Все местные знают, что это строго запрещено, – сказал Кевин. – По новому экваторгвинейскому закону такое преступление карается смертью. На острове или возле него нет ничего, из-за чего стоило бы умереть.

– Кто же тогда развел огонь? – спросила Кэндис.

– Боже правый, Кевин! – воскликнула вдруг Мелани. – Я начинаю понимать, к чему вы клоните. Но позвольте мне сказать вам: это абсурдно.

– Что абсурдно? – встрепелась Кэндис. – Мне кто-нибудь скажет, что к чему?

– Позвольте, я вам еще кое-что покажу, – сказал Кевин. Он повернулся к своему компьютеру и несколькими ударами по клавишам вызвал на дисплее графическое изображение острова. Объяснив женщинам, как действует система, он для примера обозначил место, где находился двойник Мелани. Красная точка замерцала точно на север от откоса, совсем недалеко от того места, где днем раньше светилась точка двойника самого Кевина.

– У тебя есть двойник? – удивилась Кэндис. Она была ошарашена.

– Нас с Кевином использовали в роли морских свинок, – объяснила Мелани. – Наши двойники были первыми. Мы должны были доказать, что методика и в самом деле работает.

– Ладно, а теперь, когда леди знают, как действует система локации, – церемонно начал Кевин, – позвольте, я покажу, что сделал час назад, и мы увидим, получится ли такой же волнующий результат. – Пальцы Кевина забегали по клавиатуре. – Я сейчас даю указание компьютеру автоматически и поочередно установить местонахождение всех семидесяти трех двойников. Количество

животных обозначится в углу экрана, а следом на карте появится красный огонек. Теперь смотрите. – Кевин ударил по клавише «пуск».

Система работала плавно, между сменой числа в уголке экрана и появлением очередной мерцающей красной точки разрыв был краткий.

– А я думала, что животных уже с сотню, – сказала Кэндис.

– Так и есть, – кивнул Кевин. – Но двадцати двум еще нет трех лет. Они содержатся в отделении бонобо центра животных.

– Ладно, – не выдержала Мелани после нескольких минут наблюдения за работой компьютера. – Эта штука действует, как вы и говорили. Что тут волнующего?

– Смотрите, смотрите, – убеждал Кевин.

И тут выскочила цифра 37, но никакой мерцающей точки не появилось. Еще несколько секунд, и на экране засветилась табличка: «Местонахождение животного не обнаружено. Дайте команду для повтора операции».

Мелани взглянула на Кевина:

– Где номер тридцать семь?

– То, что от него осталось, – в кремационной печи, – вздохнул Кевин. – Номер тридцать семь был двойником мистера Винчестера. Но я хотел показать вам вовсе не это. – Он щелкнул по клавише, и программа снова заработала. Потом вновь остановилась на цифре сорок два.

– Это был двойник мистера Франкони? – спросила Кэндис. – Другая печень для пересадки?

Кевин отрицательно повел головой из стороны в сторону. Он нажал несколько клавиш, давая компьютеру запрос на установление личности номера сорок два. На экране появилось имя: Уоррен Прескотт.

– Так где же номер сорок два? – задала вопрос Мелани.

– Точно не знаю, но знаю, чего боюсь, – ответил Кевин. Он нажал на клавишу, и опять цифры и красные огоньки стали последовательно появляться на экране.

Когда программа прошла полный цикл, выяснилось, что семь бонобо-двойников остались неотмеченными, не считая двойника Франкони, который был принесен в жертву.

– Это то, что вы раньше обнаружили? – спросила Мелани.

Кевин кивнул.

– Только их было не семь, – сказал он, – а двенадцать, и хотя некоторых, кого утром не было, так и нет, большинство все же объявилось.

– Не понимаю, – призналась Мелани. – Как такое может быть?

– Когда я объезжал остров... давно, еще до того как все это началось, – сказал Кевин, – то, помню, видел какие-то пещеры в известняковом утесе. И думаю я о том, что наши создания заходят в пещеры, а может, и живут в них. Это единственное, что мне приходит в голову для объяснения того, почему сеть не способна их обнаружить.

Опешив, Мелани подняла руку, прикрыв ладонью рот. В глазах ее заметались отблески ужаса и смятения.

Кэндис, заметив состояние подруги, взмолилась:

– Эй, послушайте, молодцы! Какая еще гадость случилась? Вы про что толкуете?

Мелани опустила руку. Не отрывая взгляда от глаз Кевина, она медленно выговорила:

– Кевин, когда говорил про свои страхи из-за того, что он преступил пределы, имел в виду ужас, будто сотворил человека.

– Ты шутишь! – воскликнула Кэндис, но, глянув на Кевина, а потом на Мелани, поняла, что та не шутила.

Целую минуту никто не вымолвил ни слова.

Наконец Кевин прервал молчание:

– Я не говорю, что это настоящее человеческое существо в облике обезьяны. Я говорю, что, сам того не желая, сотворил что-то вроде проточеловека. Может, нечто сродни нашим далеким древним прародителям, которые стихийно появились в природе из обезьяноподобных животных четыре или пять миллионов лет назад. Может, тогда решающие изменения, приведшие к появлению нового вида, произошли в генах развития, находящихся, как я недавно узнал, на отростке хромосомы-шесть.

Кэндис отрешенно и невидяще смотрела в окно, а в памяти ее возникала картина того, что два дня назад происходило в операционной, когда бонобо должны были вот-вот начать усыплять. Самец издавал странные, похожие на человеческие, звуки и изо всех сил пытался высвободить руки, чтобы пользоваться ими так, как он привык делать на воле. Он беспрестанно сжимал и разжимал пальцы, с силой выгибал распластанные руки.

– Вы имеете в виду некое раннее человекоподобное существо, что-то вроде *Homo erectus*, человека прямоходящего? – заговорила Мелани. – Мы ведь на самом деле заметили, что детеныши бонобо-трансгеников больше склонны ходить на ногах, чем их матери. Тогда мы приняли это лишь за пикантный курьез.

– Не такое уж и раннее человекоподобное, чтобы не пользоваться огнем, – уточнил Кевин. – Только настоящий ранний человек применял огонь. Именно это меня и встревожило в том, что я увидел на острове – костры.

– Значит, говоря без выкрутасов, – произнесла Кэндис, отворачиваясь от окна, – мы имеем на острове стадо пещерных человеков, как в доисторические времена.

– Что-то вроде этого, – признал Кевин. Как он и предчувствовал, женщины были ошарашены. Странно, но теперь, высказав свои тревоги, он на самом деле чувствовал себя получше.

– И что будем делать? – требовательно вопрошала Кэндис. – Я уж точно не собираюсь больше участвовать в жертвоприношениях, пока так или иначе не будет найден выход. Хватит с меня и того, что я натерпелась в операционной, когда думала, что жертва – просто обезьяна.

– Один момент, – остановила ее Мелани, сделав успокаивающий жест. – Возможно, мы торопимся с выводами. Доказательств у нас никаких. Все, что мы рассматривали, в лучшем случае носит характер косвенных доводов.

– Верно, но есть и другие свидетельства, – сказал Кевин. Он снова повернулся к компьютеру и дал указание показать местонахождения всех бонобо на острове одновременно. В считанные секунды на экране запульсировали красным два неровных пятна. Одно образовалось в том месте, где находился двойник Мелани. Второе расположилось севернее озера. Кевин взглянул на Мелани: – О чем вам говорят эти сведения?

– Говорят о том, что их две группы, – последовал ответ. – Вы думаете, разделение постоянное?

– Раньше было то же самое, – сообщил Кевин. – Думаю, это реальный феномен. Даже Бертрам о нем обмолвился. Для бонобо это не типично. Они собираются в более крупные сообщества, чем

шимпанзе. Плюс в нашем случае все животные относительно молоды. Они должны были бы жить одним сообществом.

Мелани согласно кивнула. За минувшие пять лет она многое узнала о повадках бонобо.

– Есть и еще кое-что, более огорчительное, – сказал Кевин. – Бертрам рассказал мне, что один из бонобо убил пигмея во время отлова двойника Винчестера. Это не было трагической случайностью. Бонобо бросил камень, нападавая. Такого рода агрессивность больше вяжется с поведением человека, нежели бонобо.

– Вынуждена согласиться, – сказала Мелани. – Но все же это косвенные данные.

– Косвенные или нет, – вмешалась Кэндис, – но я не собираюсь держать их на своей совести.

– У меня те же чувства, – спокойно заметила Мелани. – Сегодня я весь день занималась тем, что готовила двух новых бонобо к началу процедуры по извлечению яйца. Продолжать не собираюсь до тех пор, пока мы не выясним, правомерна наша дикая идея о появлении этих протолюдей или нет.

– Выяснить будет не легко, – сказал Кевин. – Чтобы найти доказательства, кому-то придется съездить на остров. Беда в том, что разрешить поездку могут два человека: Бертрам Эдвардс и Зигфрид Шполлек. Я уже попытался переговорить с Бертрамом, и он, хотя я обратил внимание на ситуацию с дымом, четко заявил, что никому не позволено даже близко подходить к острову, за исключением пигмея, доставляющего дополнительное питание.

– Вы рассказали ему о том, что вас тяготит? – спросила Мелани.

– В нескольких словах, – ответил Кевин. – Но он понял. Я в этом уверен. Только ему знать – не нужно. Дело в том, что они с Зигфридом включены в число лиц, которые получают от проекта всякие премии и льготы. Соответственно им чертовски важно сделать так, чтобы ничто не помешало их получать. Боюсь, они настолько корыстны, что им все равно, что творится на острове. Да к корысти следует прибавить еще и психопатию Зигфрида.

– Он что, совсем псих? – спросила Кэндис. – Слухи всякие ходят.

– Каких бы слухов ты ни наслушалась, – сказала Мелани, – на самом деле все в десять раз хуже. Он – воплощенная низость и распутство. Только представь, он казнил нескольких обнищавших

экваторгвинейцев, когда их поймали на браконьерстве в Зоне, где он привык сам охотиться.

– Он их сам убил?! – в голосе Кэндис потрясение мешалось с отвращением.

– Зачем – сам? – горько усмехнулась Мелани. – Устроил здесь, в Кого, для этих трех браконьеров свинячий фарс под видом суда. Потом ватага экваторгвинейской солдатни расстреляла их на футбольном поле.

– И дабы сделать трагедию еще более унижительной, – добавил Кевин, – черепа расстрелянных он водрузил на свой стол и держит в них всякую всячину.

– Лучше бы я не спрашивала, – выговорила Кэндис, содрогаясь, как от озноба.

– А если обратиться к доктору Лайонзу? – задала вопрос Мелани.

– И в мыслях не держите, – засмеялся Кевин. – В нем корысти больше, чем в Бертраме. Вся эта операция – его детище. Я с ним тоже пробовал поговорить про дым. У него это вызвало еще меньше интереса. Попенял мне на разыгравшееся воображение. Откровенно говоря, я ему не верю, хотя и отдаю должное его щедрости с льготами и акциями. У него хватает ума каждому, кто связан с проектом, давать свою долю в предприятии, особенно Бертраму и Зигфриду.

– Значит, остаемся только мы, – сказала Мелани. – Давайте выясним, воображение у вас разыгралось или дело в другом. Что скажете, если мы втроем быстренько совершим путешествие на остров Франчески?

– Шутите! – воскликнул Кевин. – Без разрешения это тяжкое преступление.

– Это для местных тяжкое преступление, – возразила Мелани. – Нас это не касается. В нашем случае Зигфрид несет ответственность перед «Генсис».

– Бертрам подчеркнуто запретил посещения, – сказал Кевин. – Я сказал, что сам съезжу, но он ответил: нет.

– Ну и что, подумаешь! – хмыкнула Мелани. – Допустим он сошел с ума. И что намерен сделать, расстрелять нас? Я здесь уже достаточно давно живу, думаю, что и половины подобных гадостей не случится. Кроме того, без вас им не обойтись. Такова реальность.

– По-твоему, это может быть опасно? – спросила Кэндис.

– Бонобо создания миролюбивые, – сказала Мелани. – Куда больше, чем шимпанзе, а шимпанзе не опасны, если только их не загнать в угол.

– А как же тот человек, которого убили? – спросила Кэндис.

– Так то во время отлова, – напомнил Кевин. – Загонщикам приходится подходить очень близко, чтобы стрелять из духового ружья. К тому же отлов велся уже в четвертый раз.

– Нам нужно только одно: посмотреть своими глазами, – сказала Мелани.

– Хорошо, как мы туда доберемся? – спросила Кэндис.

– На машине, полагаю, – пожалала плечами Мелани. – Так туда добираются, когда выпускают или отлавливают обезьян. Должно быть что-то вроде моста.

– На восток вдоль берега идет дорога, – пояснил Кевин. – До туземной деревни она заасфальтирована, затем переходит в грунтовую. По ней я добирался, когда ехал осматривать остров еще до начала программы. Есть место, где остров и материк разделяет проливчик футов тридцать шириной. Тогда там был натянут висячий мост между двумя стволами красного дерева.

– Может, мы посмотрим на животных, даже не перебираясь на ту сторону, – заметила Кэндис. – Давайте поедем.

– Вы, милые дамы, просто бесстрашны, – произнес Кевин то ли с восхищением, то ли с завистью.

– Как бы не так, – разуверила его Мелани. – Но, по-моему, ничто не мешает нам поехать туда и проверить, как обстоят дела. Узнаем, какие у нас шансы, тогда и обдумаем получше, как поступить.

– И когда, по-вашему, надо ехать? – задал вопрос Кевин.

– Я считаю: сейчас, – ответила Мелани. И, глянув на часы, добавила: – Лучшего времени не найдешь. Народ на девяносто процентов либо у бара на побережье в бассейне бултыхается, либо в атлетическом центре за тяжестями семь потов стоняет.

Кевин вздохнул, беспомощно опустив руки: он сдался. Спросил только:

– На чьей машине поедем?

– На вашей, – не раздумывая, выпалила Мелани. – У моей даже не все колеса приводные.

Пока все трое спускались по лестнице и шли по исходящему зноем черному покрытию автостоянки, Кевина не оставляло гнетущее ощущение, что они творят глупость. Но, видя решительность, какую проявляли женщины, счел за лучшее не высказывать своих сомнений.

На восточном выезде из города они проехали мимо кортов атлетического центра, битком набитых играющими в теннис. В воздухе было так влажно и так жарко, что теннисисты взмокли, будто только что во всем облачении побывали в бассейне.

Кевин вел машину. Мелани сидела впереди рядом с ним, Кэндис устроилась на заднем сиденье. Все окна были открыты, поскольку температура упала до восьмидесяти градусов^[14]. Солнце низко ушло на закат прямо позади них, время от времени лучисто выглядывая из-за облаков почти на горизонте.

Сразу за футбольным полем зеленая масса леса взяла дорогу в тиски. Ярко оперенные птицы порхали взад и вперед среди сгущающихся теней. Громадные насекомые, словно миниатюрные летчики-камикадзе, с лету расшибались о ветровое стекло.

– А джунгли, кажется, густые, – заговорила Кэндис. Она ни разу не выезжала из города на восток.

– Вы себе и представить не можете, какие густые – откликнулся Кевин. Приехав в Кого, он поначалу попробовал несколько раз погулять в окрестных зарослях, но при обилии лиан и прочих ползучих без мачете такие прогулки были попросту невозможны.

– Я вот подумала насчет агрессивности, – произнесла Мелани. – Уступчивость бонобо обычно объясняют матриархальным характером их сообщества. Наша же программа, в силу преобладающего спроса на мужских двойников, собрала особей в основном из самцов. Само собой, должно было вспыхнуть сильное соперничество из-за нехватки самок.

– Мысль здравая, – согласился Кевин. И подивился, почему Бертрам не подумал об этом.

– Местечко, похоже, прямо для меня, – пошутила Кэндис. – Может, стоит на следующий отпуск забить путевку не в пансионат Клуба медиков, а на остров Франчески.

Мелани, рассмеявшись, предложила:

– Поедем вместе.

Они проехали мимо нескольких экваторгвинейцев, возвращавшихся домой с работы в Кого. Большинство женщин несли кувшины и узлы на головах. Мужчины, как правило, шли с пустыми руками.

– Непонятная культура, – заметила Мелани. – Женщины делают львиную долю работы: заботятся о продовольствии, носят воду, растят детей, готовят пищу, за порядком в доме следят.

– А что мужчины делают? – спросила Кэндис.

– Сидят да болтают о «высоких материях», – хмыкнула Мелани.

– Мне, кстати, в голову пришло, – сказал Кевин. – И как я раньше об этом не подумал! Наверное, нам стоит сначала поговорить с пигмеем, который носит на остров еду, послушать, что он скажет.

– По мне, мысль здравая, – подхватила Мелани. – Как его зовут, знаете?

– Альфонсе Кимба, – ответил Кевин.

Доехав до деревни, они остановились перед оживленным местным магазином и вышли из машины. Кевин вошел внутрь разузнать, где живет Кимба.

– Тут места прямо сверхочаровательные, – заметила Кэндис, оглядываясь вокруг. – Похоже на Африку, только на ту, какую в «Диснейленде» иногда показывают.

Деревню отстроила «Генсис» при содействии министра внутренних дел Экваториальной Гвинеи. Дома были круглые, из побеленных саманных кирпичей, с соломенными крышами. Загоны для домашнего скота сделаны из тростниковых рогожин, привязанных к деревянным кольям. Сооружения выглядели обычными для этих мест, но все – новенькое, радующее глаз изумительной чистотой. К домам подвели и электричество, и водопровод. Под землей проложили силовые кабели и трубы современной канализации.

Кевин вернулся быстро и оповестил:

– Все в порядке. Он тут рядом живет. Пойдемте, пешочком прогуляемся.

Деревня жила своей жизнью: сидели и прохаживались мужчины, хлопотали женщины, носилась ребятня. Разводился огонь в стародавних очагах для готовки еды. Все вокруг был напоено радостью и дружелюбием, причиной тому послужило окончание долгого сезона дождей.

Альфонсе Кимба оказался ростом меньше пяти футов, кожа его была черной как смоль. Когда он приветствовал своих неожиданных гостей, с его широкого плоского лица не сходила улыбка. Хозяин попытался представить своих жену и ребенка, но те, застеснявшись, быстренько забились в уголок потемнее.

Альфонсе предложил гостям присесть на тростниковую циновку. Затем достал четыре стакана и плеснул в них прозрачной жидкости из старой зеленой бутылки, в которой некогда хранилось моторное масло. Гости, робея, взяли стаканы в руки: выглядеть невежливыми не хотелось, но и пить никакого желания не было.

– Спиртное? – спросил Кевин.

– О да! – ответил Альфонсе, и улыбка на его лице стала еще шире. – Локото называется, из кукурузы. Очень хороший! Я его из своего дома привез, из Ломако. – Пигмей с явным наслаждением потянул самогон из стакана. В отличие от экваторгвинейцев он говорил по-английски с французским акцентом, а не с испанским. Его родное племя, монганду, жило в Заире. В Зону он попал с первым завозом бонобо.

Поскольку напиток содержал алкоголь, который, как считается, убивает вредные микроорганизмы, гости осторожно пригубили самогон. И тут же, невзирая на добрые намерения, скривились: пойло оказалось очень крепким и едким.

Кевин объяснил, что они приехали разузнать о бонобо, которые живут на острове. Об опасениях, что некоторые обезьяны приобрели черты проточеловека, он не распространялся. Спросил только, считает ли Альфонсе, что здешние обезьяны ведут себя так же, как и те, что обитают на его родине, в Заире.

– Эти все такие молодые, – ответил пигмей. – Поэтому очень непослушные и дикие.

– Вы на остров часто ходите? – поинтересовался Кевин.

– Нет, мне запрещают. Только когда мы отлавливаем или выпускаем, да и то с доктором Эдвардсом.

– А как же вы дополнительное питание на остров отвозите? – спросила Мелани.

– Там плотик есть, – пояснил Альфонсе. – Я его на веревке по воде подтягиваю, а потом обратно толкаю.

– А с этой едой бонобо жадничают или делятся друг с другом? – задала вопрос Мелани.

– Очень жадничают. – Пигмей даже головой осуждающе покрутил. – Вырывают, дерутся, как сумасшедшие, особенно из-за фруктов. Еще я видел, как один обезьянку убил.

– Зачем? – спросил Кевин.

– Думаю, чтобы съесть, – ответил Альфонсе. – Он ее унес, когда вся еда, какую я принес, кончилась.

– Это больше похоже на шимпанзе, – сказала Мелани Кевину. Тот согласно кивнул и спросил пигмея:

– В каком месте на острове отлавливали бонобо?

– Всегда по эту сторону озера и ручья, – сообщил Альфонсе.

– Никто на ту сторону, к скалам, не ходил? – уточнил Кевин.

– Нет, никогда.

– Как вы попадаете на остров для отлова? Все на плоту переправляются?

Альфонсе от души рассмеялся. Даже слезинки с глаз кулачками отер.

– Плот совсем маленький, – сказал он. – Мы с него все на ужин к крокодилам пошли бы. Мы по мосту переходим.

– А почему мостом не пользуетесь, когда еду приносите? – спросила Мелани.

– Потому что надо, чтобы доктор Эдвардс дал мосту вырасти, – объяснил Альфонсе.

– Вырасти? – переспросила Мелани.

– Да, – подтвердил пигмей.

Трое гостей обменялись взглядами. Они явно не поняли. Кевин сменил тему:

– А огонь вы на острове видели?

– Огонь – нет, – сказал Альфонсе. – А дым видел.

– И что вы подумали?

– Я? Ничего не подумал.

– Вы видели когда-нибудь, чтобы кто-то из бонобо делал вот так? – спросила Кэндис. Она разжала и сжала пальцы, потом резко отбросила руку от тела, подражая движениям того бонобо, которого усыпляли в операционной.

– Да, – ответил Альфонсе. – Многие так делают, когда заканчивается дележ еды.

– А как с криком? – спросила Мелани. – Они много звуков издают?

– Полно, – подтвердил Альфонсе.

– Как и бонобо там, в Заире? – уточнил Кевин.

– Больше. – Подумав, Альфонсе оговорился: – Правда, там, в Заире, я таких бонобо так часто не видел и не кормил их. Там, дома, они сами себе еду добывали в джунглях.

– А что они кричат? – любопытствовала Кэндис. – Можете нам Для примера что-нибудь крикнуть?

Альфонсе застенчиво засмеялся. Оглянувшись на жену, убеждаясь, что она не слушает, затем тихонько изобразил в звуках:

– Иии, ба да, лу лу, тад тат. – И снова засмеялся. Ему было неловко.

– Они гукают, как шимпанзе? – спросила Мелани.

– Некоторые, – ответил Альфонсе.

Гости переглянулись: вопросы у них исчерпались. Кевин поднялся. Следом поднялись женщины. Поблагодарили Альфонсе за гостеприимство и отдали ему не выпитый самогон. Если Альфонсе и обиделся, то виду не подал. Улыбка все так же сияла у него на лице.

– Да, вот еще что, – припомнил пигмей, когда гости были уже на пороге. – Бонобо на острове любят покрасоваться. Всегда как подойдут к еде, так обязательно на ноги встают. Как люди.

– Всегда? – уточнил Кевин.

– Чаще всего, – подтвердил Альфонсе.

Троица направилась обратно через деревню к машине. Никто не произнес ни слова, пока Кевин не завел двигатель.

– Ну, молодцы, о чем думаете? – обратился к женщинам Кевин. – Продолжим путешествие? Солнце-то уже село.

– Я голосую «за», – откликнулась Мелани. – Мы уж вон куда заехали.

– Согласна, – поддержала ее Кэндис. – Мне любопытно посмотреть на мост, который вырастает.

– Мне тоже, – сказала со смехом Мелани. – Какой же этот Альфонсе очаровашка!

Кевин отъехал от магазина, где стало еще оживленнее, чем прежде. Куда ехать, он точно не знал: дорога, ведущая в деревню, просто расширялась в стоянку перед магазином, но никаких признаков дороги, шедшей дальше на восток, заметно не было. Пришлось объехать по периметру чуть не всю стоянку, чтобы отыскать ее.

Оказавшись на грунтовке, они на себе испытали, насколько легче передвигаться по мощеному покрытию. Дорога оказалась узкой, со множеством колдобин, да к тому же грязной. Посередине узкой полосой росла трава три фута вышиной. Зачастую ветви деревьев тянулись с одного края дороги до другого, они с силой били листьями по ветровому стеклу, лезли в открытые окна. Чтобы избежать ударов вездесущих веток, пришлось поднять все стекла. Кевин включил кондиционер и фары. Лучи света отражались от плотной завесы зелени, и казалось, будто они едут в туннеле.

– Как далеко мы заехали по этой коровьей тропе? – не выдержала Мелани.

– Всего три-четыре мили, – ответил Кевин.

– Хорошо еще, что у нас внедорожник, – заметила Кэндис. Она крепко держалась за ручку над головой и все равно, словно мячик, подпрыгивала на сиденье из стороны в сторону. Пристязной ремень ей ничуть не помогал. – Чего бы мне меньше всего хотелось, так это застрять тут. – Она глянула в боковое окошко на крошечную темень джунглей и вздрогнула, как от озноба. Стало жутко. Не было видно ничего, кроме полосок светящегося неба сверху. А потом – эти крики вокруг! Они еще не закончили свой краткий визит к Альфонсе, а ночные твари джунглей громко и монотонно грянули хором.

– Ну и что у вас складывается из того, о чем поведал Альфонсе? – спросил наконец Кевин.

– Я бы сказала: присяжные еще совещаются, – ответила Мелани. – Но они, разумеется, глубоко вникают.

– Мне кажется, очень настораживает замечание пигмея о том, что бонобо становятся на две ноги, когда подходят забирать еду, – сказал Кевин. – Косвенных свидетельств возникает все больше.

– А меня поразило известие, будто они умеют общаться друг с другом, – призналась Кэндис.

– В общем, да, но ведь и шимпанзе с гориллами удалось научить языку знаков, – заметила Мелани. – И нам известно, что бонобо ходят

на двух ногах чаще, чем любые другие человекообразные обезьяны. Лично меня поразила агрессивность их поведения, хотя я и остаюсь при своем мнении, что такое могло случиться из-за нашей ошибки: не завезли побольше самок, чтобы поддержать равновесие.

– Шимпанзе издают такие звуки, как изобразил Альфонсе? – спросила Кэндис.

– Не думаю, – отозвался Кевин. – И это важный вопрос. Он предполагает, что у них гортань устроена по-другому.

– А шимпанзе в самом деле убивают обезьянок? – вновь спросила Кэндис.

– Время от времени убивают, – ответила на сей раз Мелани. – Но я никогда не слышала, чтобы бонобо этим занимались.

– Держитесь! – вскричал Кевин, резко тормозя.

Машина рывками одолела ствол дерева, лежавший поперек дороги.

– Все в порядке? – спросил он у Кэндис, разглядывая в зеркальце дорогу позади машины.

– Нормально, – ответила та, хотя ее изрядно встряхнуло. По счастью, сработал ремень безопасности, иначе Кэндис пребольно стукнулась бы головой о крышу.

Кевин замедлил ход, опасаясь наткнуться еще на одно бревно. Через пятнадцать минут они въехали на поляну, обозначающую конец дороги. Кевин остановил машину. Лучи фар уперлись в фасад одноэтажного домика из шлакоблоков с подъемной гаражной дверью.

– Это оно? – спросила Мелани.

– Наверное, – ответил Кевин. – Я этого домика тогда не видел.

Кевин выключил фары, затем и двигатель. Небо широко раскинулось над поляной, и освещение здесь было вполне сносным. Несколько мгновений никто не шевелился.

– Ну и каков план? – прервал молчание Кевин. – Будем проверять, или что?

– Почему бы нет? – произнесла Мелани. – Досюда же мы добрались. – Она открыла дверцу и вышла из машины. Кевин последовал ее примеру.

– Думаю, я лучше посижу в машине, – сказала Кэндис.

Кевин подошел к домику и подергал дверь. Она была заперта. Он пожал плечами:

– Представить себе не могу, что там. – И шлепком убил комара, севшего ему на лоб.

– Как нам попасть на остров? – спросила Мелани.

Кевин указал направо:

– Вон там дорожка. По ней до воды всего ярдов пятьдесят.

Мелани подняла голову, взглянула на омытое цветом увядшей лаванды небо и сказала:

– Очень скоро стемнеет. У вас в машине есть фонарик?

– Кажется, есть, – ответил Кевин. – Еще важнее то, что у меня есть спрей от комаров. Без него они нас тут живьем съедят.

Они направились обратно к машине. Когда подошли, из салона вылезла Кэндис, бормоча:

– Не могу я тут одна торчать. Страшно аж жуть.

Кевин достал средство от комаров. Пока женщины опрыскивались, он занялся поисками фонарика, наконец отыскав его в бардачке.

Попшикав на себя спреем, Кевин жестом предложил женщинам следовать за ним, предупредив:

– Держитесь рядом. Ночью крокодилы и бегемоты выходят из воды.

– Он шутит? – спросила Кэндис у Мелани.

– Не думаю, – ответила та.

Как только все трое выбрались на дорожку, света стало значительно меньше, хотя его еще хватало, чтобы идти без фонарика. Кевин шагал впереди, а женщины шли следом едва не в обнимку. Чем ближе они подходили к воде, тем громче звучал хор насекомых и лягушек.

– И надо же было в такое вляпаться, – ворчала Кэндис. – Я для путешествий не создана. Если не в зоопарке, так я даже крокодила от бегемота не отличу. Черт, как вижу жука побольше ногтя на моем большом пальце, так от страха дрожу... а еще пауки... лучше не вспоминать!

Неожиданно слева что-то громко зашуршало-затрещало, будто порвалась плотная ткань. Кэндис, сдавленно ойкнув, судорожно обхватила Мелани, которая повела себя точно так же. Кевин, хмыкнув, зажег фонарик и направил лучик в сторону шума. Но света хватало всего на несколько футов.

– Что это было? – жалобно спросила Кэндис, когда вновь обрела голос.

– Возможно, дукер, – успокоил ее Кевин. – Это такая порода маленьких антилоп.

– Антилопа или слон, – сказала Кэндис, – но страху я натерпелась.

– Я тоже испугался, – признался Кевин. – Может, нам лучше вернуться, а сюда приехать как-нибудь в дневное время.

– Ради всего святого, – шикнула на спутников Мелани, – мы уже столько вынесли, забравшись сюда. Мы дошли. Я слышу плеск воды.

На мгновение все замерли. Точно: было слышно, как плещет вода о берег.

– А что случилось со всеми ночными тварями? – заговорила Кэндис.

– Хороший вопрос, – отозвался Кевин. – Антилопа, должно быть, и их напугала.

– Выключите фонарик, – попросила Мелани.

И как только Кевин выполнил ее просьбу, все трое увидели сквозь листву мерцающую поверхность воды. Она колыхалась жидким серебром.

Хор ночных обитателей джунглей грянул вновь, Мелани первой направилась к воде. Под конец, на самом берегу протоки, тропинка тоже расширилась, превратившись в лужайку. Посреди лужайки стояло темное сооружение, размерами схожее с гаражом на поляне, где они оставили машину. Кевин подошел поближе. Догадаться, что за сооружение тут стояло, было нетрудно: мост.

– У него телескопический механизм, – объяснил Кевин подошедшим женщинам. – Вот почему Альфонсе говорил, что мост вырастает.

Футах в тридцати, за полоской воды, находился остров Франчески. В уходящем свете его плотная растительность приобрела цвет полночной синевы. Напротив раздвижного моста на противоположном берегу стояла бетонная опора, на которую, вытянувшись во всю длину, укладывался мост. За опорой расстилалось расчищенное пространство, уходившее на восток.

– Попробуйте перекинуть мост, – посоветовала Мелани.

Кевин щелкнул выключателем фонарика и высветил панель управления с двумя кнопками – красной и зеленой. Нажал на красную,

но ничего не произошло, тогда он надавил на зеленую. Снова ничего. И тут он заметил замочную скважину, возле которой, было выведено: «Выкл».

– Нужен ключ, – крикнул он отошедшим спутницам, стоявшим у края воды.

– Смотрите, тут есть небольшое течение, – сказала Мелани. Мимо по воде медленно плыли листья и прочий сор.

Кэндис подняла голову. Верхние ветви высоких деревьев, что росли по берегам, почти соприкасались. Она не удержалась от вопроса:

– И чего наши бонобо сидят на острове?

– Обезьяны, человекообразные в том числе, не лезут в воду, особенно в глубокую, – объяснила Мелани. – Вот почему в зоопарках, чтобы приматы не разбежались, их вольер достаточно обнести рвом с водой.

– А если перебраться по деревьям? – не унималась Кэндис.

В разговор вступил Кевин, подошедший к женщинам:

– Бонобо довольно тяжелые создания, особенно наши. Большинство из них уже весят больше сотни фунтов, а ветки вовсе не такие прочные, чтобы выдержать их. До того как мы доставили на остров первых животных, тут в двух местах росли деревья, вызвавшие сомнения. Их срубили. Зато зверье помельче, скажем, толстотелые колобусы, и сейчас туда-сюда бегает.

– А что это за квадратные штуки там, на поляне? – указала пальцем Мелани.

Кевин направил в указанном направлении луч фонарика, впрочем, на таком расстоянии это мало что изменило: луч был слабенький. Он выключил фонарик и сощурился в полусвете. Потом сказал:

– Похоже на клетки для транспортировки из центра животных.

– Хотелось бы знать, что они там делают, – нахмурилась Мелани. – Их так много...

– Понятия не имею, – пожал плечами Кевин.

– А мы можем как-нибудь так сделать, чтобы бонобо сюда пришли? – спросила Кэндис.

– В это время они, наверное, на ночь устраиваются, – сказал Кевин. – Сомневаюсь, чтобы у нас получилось.

– А плот? – вспомнила Мелани. – Его ведь должны по веревке, как на пароме, подтягивать. Если он при этом скрипит, звякает, по воде хлопает, обезьяны услышат шум. Может, он для них как колокольчик к обеду – они и явятся.

– Наверное, стоит попробовать, – сказал Кевин, внимательно оглядывая берег справа и слева от себя. – Беда в том, что мы понятия не имеем, где плот.

– Вряд ли где-то далеко, – усомнилась Мелани. – Вы идите направо, а я – налево.

Кевин и Мелани разошлись в разные стороны. Кэндис осталась стоять, где стояла, изо всех сил желая снова оказаться в своей комнатке в здании клиники.

– Вот он! – донесся голос Мелани. Она прошла по тропке в высокой траве и вскоре наткнулась на шкив, прилаженный к стволу толстого дерева. Шкив охватывала похожая на канат веревка, один конец которой уходил в воду. Другой конец был привязан к плотнику фута четыре на четыре, притянутого к самому берегу.

Подошли Кевин с Кэндис. Кевин посветил фонариком в сторону острова. На том берегу такой же шкив был прилажен к такому же дереву. Кевин отдал фонарик Мелани и ухватил скрывающуюся в воде веревку. Потянув за нее, увидел, как шкив на другом берегу, натянувшись, подался от ствола дерева.

Кевин принялся тянуть, перебирая веревку руками. Шкивы жалобно запричитали, нещадно заскрипели и завизжали. Плотик не замедлил отчалить и поплыл к другому берегу.

– Может получится, – с одышкой произнес Кевин. Пока он тянул, Мелани обшаривала лучом фонарика другой берег.

Когда плотик оказался на середине протоки, справа послышался громкий всплеск и кто-то громадный плюхнулся в воду с острова. Мелани направила луч в направлении всплеска, и в его свете на поверхности воды желтовато сверкнули две зоркие щелки. Прямо на людей из воды смотрел большой крокодил.

– Боже правый! – вскрикнула Кэндис и отступила от воды.

– Ничего страшного, – успокоил Кевин. Он отпустил веревку, нагнулся, подобрал с земли увесистую палку и швырнул ее в крокодила. Еще один громкий всплеск – и крокодил исчез под водой.

– Вот здорово! – воскликнула Кэндис. – Только теперь мы не знаем, где он прячется.

– Он ушел, – убеждал ее Кевин. – Крокодилы не опасны, если только вы не в воде и они не очень проголодались.

– А кто скажет, что этот не проголодался? – заметила Кэндис.

– Тут кругом для них еды хватает, – сказал Кевин и, подобрав веревку, вновь принялся перебирать ее руками.

Когда плотик добрался до противоположного берега, Кевин сменил веревку и потянул его обратно.

– А-а, – выдохнул он, – слишком поздно. Ничего не получится. До ближайшего места ночлега бонобо, судя по тому, что изобразил компьютер, отсюда больше мили. Придется в дневное время попробовать.

Не успел он произнести последние слова, как ночь разорвали устрашающие вопли. Одновременно в кустах на острове поднялась жуткая суматоха, будто из них вот-вот появится идущий напролом слон.

Кевин бросил веревку. Кэндис с Мелани опрометью кинулись обратно по тропинке и, лишь отбежав на несколько шагов, остановились. Застыв как изваяния, с бешено колотящимися сердцами, они ждали, когда снова раздастся вопль. Дрожащей рукой Мелани навела свет фонарика на то место, где колыхались заросли кустов. Все замерло. Ни единый листок не шелохнулся.

Десять секунд, казалось, растянулись на десять минут. Все трое напрягли слух, пытаясь уловить хоть малейший звук. Ничего, полная тишина. Умолкли все ночные твари. Казалось, джунгли разом замерли в ожидании какой-то страшной беды.

– Что, ради всего святого, это было? – выговорила наконец Мелани.

– Не уверена, что горю желанием выяснять, – подала голос Кэндис. – Давайте уйдем отсюда.

– Должно быть, парочка бонобо приходила, – сказал Кевин. Нагнувшись, он поднял веревку. Плотик застрял посреди протоки. Кевин быстро притянул его к берегу.

– По-моему, Кэндис права, – заговорила Мелани. – Становится слишком темно, даже если они появятся, немного увидишь. Мне страшно. Пошли отсюда!

– Не стану с вами спорить, – говорил Кевин, подходя к женщинам. – Не знаю, что мы тут делаем в такой поздний час. Вернемся сюда, когда будет светло.

Они как могли быстро пошли по тропе к лужайке. Мелани шла впереди, освещая путь фонариком. За ней следовала Кэндис, держась за блузку подруги. Кевин замыкал шествие.

– Хорошо бы достать ключ от этого моста, – сказал он, когда они проходили мимо сооружения.

– И что вы предлагаете сделать? – спросила Мелани.

– Позаимствовать тот, что у Бертрама, – был ответ.

– Но вы же говорили, что он запрещает всем посещать остров. И уж конечно, ни за что не даст ключ.

– Придется позаимствовать так, чтобы он не узнал, – сказал Кевин.

– Ну да, а то как же! – насмешливо протянула Мелани.

Они ступили на похожую на туннель дорожку, что вела к машине. На полпути к стоянке Мелани произнесла:

– Боже, вот темень! Я вам нормально свечу, видно?

– Отлично, – ответила Кэндис.

Мелани замедлила шаг, потом остановилась.

– Что случилось? – спросил Кевин.

– Что-то тут не так, – медленно выговорила Мелани и склонила голову набок, вслушиваясь.

– Только не надо меня пугать, – предупредила Кэндис.

– Лягушки-то со сверчками так и не трещат, – пояснила Мелани.

И в тот же миг разверзся ад. Молчание джунглей в щепки разнес грохочущий drobный перестук. Ветки, веточки, листва дождем посыпались на землю. Кевин понял, что это за перестук, и среагировал инстинктивно: вытянув руки вперед, он навалился на женщин и все трое упали на мокрую, кишашую насекомыми землю.

Кевин узнал эти звуки потому, что как-то раз ему довелось увидеть, как упражнялись с оружием экваторгвинейские солдатики. Так звучал стреляющий автомат.

Глава 10

5 марта 1997 г.

14.45

Нью-Йорк

– Прошу прощения, Лори, – произнесла фельдшер-эксперт Шерил Майерс, возникнув в дверях кабинета. – Мы только что получили с ночной почтой этот пакет, и я подумала, вдруг вам захочется сразу его посмотреть.

Лори встала и взяла бандероль. Было любопытно, что бы это могло быть? Взглянув на обратный адрес, прочла имя отправителя. Пакет был из Си-эн-эн.

– Спасибо, Шерил, – поблагодарила Лори, теряясь в догадках. Сразу как-то в голову не пришло, что ей могли прислать из Си-эн-эн.

– Доктора Мехты, я вижу, нет, – заметила Шерил. – Я ей схему принесла, из университетского госпиталя прислали. Положу на ее стол, ладно?

Доктор Мехта была коллегой и приятельницей Лори. Они сидели в одной комнате шесть с половиной лет, с тех самых пор как пришли в судмедэкспертизу.

– Разумеется, – машинально бросила Лори, все еще занятая своей посылкой. Просунув палец под обертку, она вскрыла пакет. Внутри оказалась видеокассета. Лори взглянула на наклейку. На ней значилось: «Стрельба в Карло Франкони. 3 марта 1997 года».

В то утро, закончив последнее вскрытие, Лори надолго застряла у себя в комнате: хотелось завершить оформление двадцати с гаком дел, которые «висели» на ней. Несколько часов кряду, не разгибая спины, просматривала она под микроскопом образцы, сверяла результаты лабораторных исследований, читала выписки из историй болезни и полицейских протоколов, так что и думать забыла про случай с Франкони. Появление видеопленки вернуло все на круги своя. К сожалению, в видеоизображении без тела толку не было.

Лори бросила кассету в сумочку и попыталась вернуться к рутинной работе. Но, промучившись понапрасну минут пятнадцать, выключила свет под предметным стеклом своего микроскопа. Нет сил

сосредоточиться. А мысли в голове затеяли играть в чехарду с одуряющим вопросом, каким образом пропало тело. Будто проделан какой-то невероятный фокус. Вот только что тело преспокойно лежало в ячейке сто одиннадцать, а потом... пуф!.. и оно пропало. Должно, должно быть какое-то объяснение, но ей оно даже не грезилось.

Лори решила спуститься в подвал и побывать в покойнице. Она рассчитывала найти там хотя бы одного санитаря, но, прибыв на место, убедилась, что оно пусто. Непоколебимая, Лори взяла в руки большой переплетенный в кожу журнал записей. Листая страницы, она искала записи о поступлениях, которые Майк Пассано показал ей в прошлый раз. Нашла их без труда. Взяв карандаш из кофейной кружки, приспособленной под хранилище канцтоваров, и листок бумаги, Лори записала фамилии и инвентарные номера двух тел, которые доставили в ту ночь: Дороти Клайн (№ 101455) и Фрэнк Глисон (№ 100385). Записала она и названия двух похоронных бюро: «Сполетто» на Озон-парк в Нью-Йорке и «Диксон» в Саммите, штат Нью-Джерси.

Лори уже собиралась уходить, когда на глаза ей попался большой телефонный справочник, лежавший на уголке стола. И она решила позвонить в оба бюро. Представившись, просила соединить ее с управляющими. За телефон она взялась еще и потому, что любой из выбранных ею абонентов мог оказаться фальшивкой. Вероятность невелика, подумала она, вспомнив, как ночной санитар Майк Пассано говорил, что из бюро звонили перед тем, как приехать, и, возможно, люди эти были ему знакомы.

Как она и ожидала, все оказалось вполне законно, оба управляющих подтвердили, что тела прибыли в соответствующие бюро и в настоящее время выставлены для прощания.

Лори вновь взяла журнал записей и опять взглянула на фамилии двоих прибывших. На всякий случай еще раз записала их вместе с инвентарными номерами. Фамилии были ей знакомы, поскольку на следующее утро она сама расписывала их для вскрытия Полу Плодгетту. Впрочем, ее не столько интересовали прибывшие, сколько убывшие. Прибывших доставили давно работавшие в СМЭ сотрудники, тогда как убывших увезли совершенные незнакомцы.

Расстроенная, Лори выбивала карандашом дробь по столешнице. Она была уверена: что-то ею упущено. Вновь, в который раз, взгляд ее остановился на телефонной книге, раскрытой на странице, где

значилось похоронное бюро «Сполетто». Откуда-то из потаенных уголков сознания Лори выплыло смутное воспоминание об этом названии. Некоторое время она напрягала память. Почему это название знакомо? И она вспомнила. Было это в деле Керино. В похоронном бюро «Сполетто» по приказу Паули Керино, предшественника Франкони, был убит человек.

Лори сунула свои записи в карман, отпрянула от стола и, возвратившись на пятый этаж, направилась прямо к кабинету Джека. Дверь была открыта нараспашку. Лори постучала костяшками пальцев о косяк. Джек с Четом разом оторвались от работы и уставились на нее.

– Мне мысль пришла, – обратилась Лори к Джеку.

– Всего одна? – сострил Джек.

Лори швырнула в него карандаш, от которого он легко увернулся. Она плюхнулась на стул справа от Джека и поведала о связи бандитов с похоронным бюро «Сполетто».

– Лори, вот несчастье-то, – жалобно протянул Джек. – Только если в похоронной конторе пристукнули бандита, это еще не значит, что контора повязана с бандитами.

– Ты так думаешь? – воскликнула Лори. Джеку не надо было отвечать: все отразилось у него на лице. И Лори, еще раз вдумавшись в то, что пришло ей в голову, поняла: мысль была смехотворной. Она хваталась за соломинки.

– И кроме того, – посерьезнел Джек, – бросила бы ты это дело совсем, а?

– Я тебе уже говорила: это личное.

– Уж лучше мне направить твои усилия по более благому пути, – сказал Джек и, вытянув руку, указал на микроскоп. – Взгляни на замороженный срез. Скажи, что ты об этом думаешь.

Лори поднялась со стула и прильнула к микроскопу. Спросила:

– Это что? Входная огнестрельная рана?

– Прямо в точку, как всегда! – восхитился Джек. – По тебе же деньги плачут.

– Ну, тут попасть не трудно, – заметила Лори. – Я бы сказала, дуло было всего в нескольких дюймах от кожи.

– Твои уста говорят моими словами, – шутливо поклонился Джек. – Еще что-нибудь?

– Вот те раз, абсолютно никакого кровоизлияния! – поразились Лори. – Совсем ничего. Значит, рана нанесена уже после смерти. – Она подняла голову и взглянула на Джека, не скрывая удивления: она-то думала, что эта рана была смертельной.

– Вот она, мощь современной науки, – провозгласил Джек. – Утопленник, которого ты мне всучила, становится делом мерзопакостным.

– Но-но, – осадила его Лори, – ты сам вызвался.

– Шучу, шучу, – успокоил ее Джек. – Я рад, что это дело мне досталось. Огнестрельные раны явно посмертные, так же как и обезглавливание и лишение рук. Разумеется, и порезы от винта тоже.

– Какова же причина смерти? – спросила Лори.

– Две другие огнестрельные раны, – ответил Джек. – Одна, сквозная, у основания шеи. – Он ткнул пальцем в точку над своей правой ключицей. – А вторая в левый бок, отчего разнесло десятое ребро. Забавно то, что обе эти пули застряли в массе дроби в верхней правой области живота и их было трудно разглядеть на рентгеновских снимках.

– Вот, это первый случай, – сказала Лори. – Пули, скрытые дробишками. Поразительно! Прелесть нашей работы в том, что каждый день видишь что-то новенькое.

– Лучшее еще впереди, – пообещал Джек.

– Это точно «прелесть», – подал голос Чет, прислушавшись к разговору. – Роскошное блюдо для какого-нибудь званого семинара по судебной патологии.

– Думаю, расстреливая труп, хотели скрыть личность жертвы, так же как и отсекая ему голову и руки, – заявил Джек.

– Каким образом? – поинтересовалась Лори.

– Я считаю, что этот пациент перенес пересадку печени, – сказал Джек. – И не так давно. Должно быть, убийца понял, что такая операция причисляет больного к очень небольшой группе людей, а значит, и сводит на нет усилия утаить личность жертвы.

– От печени много осталось? – задала вопрос Лори.

– Очень мало, – ответил Джек. – Почти вся уничтожена автоматными очередями.

– Да и рыбы постарались, – добавил Чет.

Лори повела плечом и поморщилась.

– И все же мне удалось разыскать немного печеночной ткани, – сообщил Джек. – Мы используем ее, чтобы подтвердить пересадку. Пока мы тут беседуем, наверху, в лаборатории ДНК, Тед Линч проводит анализ на Ди-кью-альфа. Через час или около того мы получим результаты. Хотя для меня решающим доводом стали швы на подвздошной вене и на печеночной артерии.

– Что такое анализ на Ди-кью-альфа? – спросила Лори.

Джек рассмеялся и сказал:

– Лучше себя чувствую, когда ты чего-то не знаешь, потому что сам задал Теду тот же самый вопрос. Он просветил: это удобная и быстрая ДНК-метка для различения двух индивидов. Анализ проводится в Ди-кью-области комплекса тканевой совместимости на хромосоме-шесть.

– А как воротная вена? – спросила Лори. – На ней тоже были швы?

– К сожалению, воротная вена, считай, пропала полностью, – сказал Джек. – Вместе с большей частью кишок, кстати.

– Что ж, – подытожила Лори, – все сильно облегчает идентификацию.

– Я думаю точь-в-точь так же, – заметил Джек. – И уже пустил по горячему следу Барта Арнольда. Он связался с Национальной организацией по поставке органов при ООН. Вдобавок обзванивает сейчас все центры, где часто оперируют по поводу пересадки печени, особенно здесь, в этом городе.

– Список их невелик, – обнадежила Лори. – Хорошая работа, Джек.

Лицо Джека слегка зарделось, и это тронуло Лори. Ей казалось, что у него иммунитет к таким похвалам.

– А пули? – вспомнила Лори. – То же оружие?

– Мы их все отправили в полицию на баллистическую экспертизу, – сообщил Джек. – Трудно сказать, из одного они выпущены оружия или нет: слишком уж были исковерканы. Одна из них напрямую столкнулась с десятым ребром и превратилась в лепешку. Даже вторая сохранилась неважно. Думаю, она задела позвоночный столб.

– Какой калибр? – спросила Лори.

– Просто по виду не определишь, – пожал плечами Джек.

– А что говорит Винни? – улыбнулась Лори. – Он неплохо научился угадывать.

– Сегодня с Винни ни в чем каши было не сварить, – пожаловался Джек. – В таком жутком настроении я его никогда не видел. Так и эдак просил его высказаться – молчит и все. Еще и грубил: мол, это твоя работа, а мне не так много платят, чтобы я все время со своим мнением лез.

– А знаешь, у меня похожий случай был во время того жуткого дела Керино, – припомнила Лори. Взгляд ее был устремлен куда-то в одну точку, глаза на миг заблестали. – Жертва была секретарем доктора, причастного к укрывательству. Ей, разумеется, печень не пересаживали, но голову и руки отрезали, мне же удалось провести идентификацию по ее хирургической истории.

– Когда-нибудь тебе придется рассказать мне эту зловещую историю, – сказал Джек. – Ты только и делаешь, что ввергаешь меня в танталовы муки, разбазаривая ее по кусочкам.

Лори вздохнула:

– Жаль, что я просто не могу забыть все это. Мне до сих пор кошмары снятся.

* * *

Открывая дверь в клинику доктора Левитца на Пятой авеню, Раймонд бросил взгляд на часы. Было два сорок пять. Начиная с одиннадцати утра он трижды заходил к доктору, но всякий раз безуспешно. И всякий раз регистратор уверяла, что доктор Левитц перезвонит, но он так и не позвонил. Раймонд, сам будучи на взводе, счел такую невежливость несносной. Клиника доктора Левитца находилась в двух шагах от квартиры, и Раймонд почел за благо пройтись, чем сидеть в ожидании у телефона.

– Доктор Раймонд Лайонз, – значительно выговорил он регистратору. – Я пришел переговорить с доктором Левитцем.

– Да, доктор Лайонз, – ответила регистратор, которая выглядела такой же вышколенной и величественной, как и ее коллега у доктора Андерсона. – Вашей фамилии нет в моем списке назначенных на сегодня. Доктор вас ждет?

– Не совсем, – сказал Раймонд.

– Что ж, я доложу о вас доктору, – уклончиво пообещала регистратор.

Раймонд уселся в переполненной приемной. Подобрал журнал из тех, что обычно кипами лежат в докторских ожидальнях, и стал перелистывать страницы, мало обращая внимания на то, что на них изображено. Нервозность у него мешалась с раздражением, и он стал подумывать, а не ошибся ли, решив прийти в клинику доктора Левитца.

Проверка первого из двух других пациентов, подвергшихся пересадке, далась легко. Хватило телефонного разговора Раймонда с привлеченным доктором в Далласе, штат Техас. Доктор уверил, что его пациент с пересаженной печенью, видный местный предприниматель, чувствует себя превосходно и никоим образом не является кандидатом на проведение вскрытия. Прежде чем повесить трубку, доктор пообещал Раймонду сразу поставить его в известность, если положение когда-либо изменится.

А вот доктор Левитц на телефонный звонок не ответил, так что завершить проверку по второму случаю Раймонд не смог. От этого кошки скребли на сердце и волнение поднималось в душе.

Раймонд окинул взглядом помещение. Убрано оно было не менее помпезно, чем у доктора Андерсона: оригинальные полотна, написанные маслом, стены под цвет бургундского, восточные ковры. Все терпеливо дожидавшиеся своей очереди пациенты явно хорошего достатка, если судить по их одежде, манерам и драгоценностям.

Минуты шли, и Раймонд чувствовал, как в нем растет раздражение. Видимое благополучие доктора Левитца лишь еще больше коробило его и распаляло обиду. Оно напоминало о нелепости медицинской лицензии самого Раймонда, попавшей в зубы закона только потому, что ее обладателя поймали на приписках в страховых заявках для престарелых. А тут вот он, доктор Левитц, трудится себе как пчелка во всем этом великолепии, а ведь по крайней мере часть его доходов идет от пользования недужных из преступных кланов. Благополучие его явно оплачивается грязными деньгами. Хуже того, Раймонд не сомневался, что доктор Левитц тоже мухлюет со страховыми заявками для престарелых. Все, черт побери, этим занимаются.

Появилась медсестра и покашляла, прочищая горло. Раймонд ожидающе придвинулся на кончик кресла. Однако сестра произнесла другую фамилию. Пока вызванный пациент поднимался, возвращал на место журнал и уходил в недра клиники, Раймонд, вновь придвинувшись к спинке кресла, закипал от злости. Зависимость от милости таких людей заставляла его еще больше жаждать финансовой обеспеченности. С нынешней программой «двойников» эта цель стала так близка! Он не смел позволить, чтобы все предприятие рассыпалось по какой-то глупой, негаданной причине, которую легко устранить.

Было уже три пятнадцать, когда Раймонда наконец препроводили во внутренние покои Дэниела Левитца. Сам Левитц был низеньким, лысеющим человечком, лицо и, как казалось, все члены тела которого дергались в постоянных тиках. Доктор носил реденькие усы, решительно не придававшие его чертам мужественности. Раймонд никак не мог понять, что в этом человечке вызывало столь явное доверие такого множества пациентов.

– Денек, знаете ли, выдался, – словно бы извиняясь, произнес Дэниел. – Не ожидал, что вы заглянете ко мне.

– Да я и не собирался заходить, – ответил Раймонд, – но, поскольку на мои телефонные звонки вы не ответили, решил, что выбора у меня нет.

– Звонки? – удивился Дэниел. – Я и не знал, что вы мне звонили. Придется еще раз попенять моей регистраторше. До чего же трудно в наше время отыскать приличных помощников!

Раймонда так и подмывало сказать Дэниелу, мол, перестань молотить чепуху, но он сдержался. Как бы то ни было, а разговор его с доктором уже идет, перепалка же ни к чему стоящему не приведет. И потом, пусть Дэниел Левитц и зануда, зато он как-никак самый прибыльный из всех привлеченных Раймондом докторов: благодаря ему программа получила двенадцать клиентов да еще и четырех врачей.

– Так чем могу служить? – спросил Дэниел. Голова его при этом, как обычно, дернулась раза четыре, сбивая собеседника с толку.

– Прежде всего, – начал Раймонд, – хочу поблагодарить вас за помощь прошлой ночью. Руководство, на самом верху, расценивало ситуацию как чрезвычайную. Окажись сведения преданными гласности – и конец всему предприятию.

– Рад был оказать услугу, – дернулся Дэниел. – Приятно сознавать и то, что Винни Доминик согласился помочь сберечь наши капиталы.

– Кстати, о мистере Доминике, – сказал Раймонд. – Вчера утром он нанес мне неожиданный визит.

– Надеюсь, на задушевной ноте, – заметил Дэниел. Он очень хорошо знал и подноготную, и саму личность Доминика, а потому отнюдь не исключал возможность вымогательства.

– И да, и нет, – признался Раймонд. – Он настойчиво пытался посвятить меня в детали, о каких я знать не желал. Затем настаивал на отмене платы за содержание двойника в течение ближайших двух лет.

– Могло быть и похуже, – сухо заметил Дэниел. – Как это отражается на моей процентовке?

– Процентовка остается прежней, – успокоил Раймонд. – Меняется одно: исчезло то, от чего вам идут проценты.

– Стало быть, я оказал услугу и... наказан! – с деланным недоумением произнес Дэниел. – Вряд ли это справедливо.

Раймонд выдержал паузу. О потерях Дэниела в случае, если Доминик перестанет платить, он заранее не подумал, а между тем такое нельзя обойти стороной. В данный момент Раймонду не хотелось расстраивать доктора.

– Ваше замечание существенно, – признал он, – и давайте договоримся, что в ближайшем будущем мы его обсудим. Сейчас же меня заботит другое. В каком состоянии находится Синди Карлсон?

– С ней все в полном порядке, – сообщил Дэниел. – Во всяком случае, с точки зрения физического здоровья. А вы почему спрашиваете?

– Случай с Франкони заставил меня обратить серьезное внимание на то, насколько уязвимо наше предприятие, – признался Раймонд. – Хочу убедиться, что у нас больше нет никаких неувязок.

– Насчет Карлсонов не беспокойтесь. Уж они-то никаких хлопот не доставят. Они не знают, как нас благодарить. Не далее как на прошлой неделе, к слову, Олбрайт говорил, что собирается отправить жену на Багамы сделать пункцию костного мозга, с тем чтобы и она могла стать нашим клиентом.

– Это вдохновляет. Мы всегда готовы обслужить больше клиентов. Однако меня наше предприятие тревожит как раз не со стороны спроса. В смысле финансовом дела идут лучше некуда. Мы

превысили все наметки. Тревожат меня именно неожиданности вроде Франкони.

Дэниел кивнул, потом дернулся. Оправившись, заметил философски:

– Такова жизнь!

– Чем ниже порог неожиданного, тем лучше я себя чувствую, – сказал Раймонд. – Когда я поинтересовался состоянием Синди Карлсон, вы свое благоприятное заключение ограничились физическим здоровьем. Что это значит?

– Это значит, что в умственном смысле она полный псих.

– Как это? – вскинулся Раймонд и ощутил, как часто забилося у него сердце.

– Трудно представить, чтобы ребенок слегка не рехнулся, имея такого отца, как Олбрайт Карлсон, – ответил Дэниел. – Сами прикиньте. И прибавьте к тому бремя хронического заболевания. Способствует ли оно ожирению, не знаю. Девочка весьма тучная. Вещь неприятная для любого, а тем более для подростка. Бедняжка, понятное дело, пребывает в расстроенных чувствах.

– Насколько глубоко расстроены чувства?

– Достаточно глубоко, чтобы она дважды пыталась покончить жизнь самоубийством. И обе попытки не вызывались простым детским желанием обратить на себя внимание. Имело место полноценное стремление свести счеты с жизнью, и единственная причина, отчего она все еще живет среди нас, состоит в том, что ее очень своевременно обнаруживали: и в первый раз, когда она наглоталась таблеток, и во второй, когда вздумала повеситься. Попадись ей в руки пистолет, она, несомненно, цели своей достигла бы.

Раймонд, не сдержавшись, громко застонал от досады.

– Что с вами? – участливо спросил Дэниел.

– Все случаи самоубийства подлежат судмедэкспертизе.

– Об этом я как-то не подумал, – признался Дэниел.

– Это как раз и есть та самая неувязка, о какой я говорил, – напомнил Раймонд. – Черт! За что нам такое счастье!

– Сожалею, что доставил дурные новости.

– Вашей вины тут нет. Важно, чтобы мы представляли себе, как все есть на самом деле, и понимали, что нельзя сидеть сложа руки и дожидаться катастрофы.

– Не думаю, что набор средств у нас велик, – заметил Дэниел.

– А если обратиться к Винсенту Доминику? – предложил Раймонд. – Один раз он нам уже помог, к тому же у него у самого сын болен... У него веские основания заботиться о будущем нашей программы.

Доктор Дэниел Левитц перестал дергаться и, уставившись на Раймонда, выдал из себя:

– Уж не предлагаете ли вы...

Раймонд не ответил.

– Вот тут я провожу черту, – твердо заявил Дэниел, вставая. – Прошу прощения, но у меня в приемной полно пациентов.

– Не могли бы вы позвонить мистеру Доминику и просто спросить? – поинтересовался Раймонд. И почувствовал, как волна отчаяния окатила его с головы до ног.

– Совершенно исключено, – отрезал доктор Левитц. – Я, возможно, пользую некоторое число людей, связанных с преступным миром, но, уж конечно же, не собираюсь ввязываться в их дела.

– Но вы же помогли с Франкони, – напомнил Раймонд.

– Франкони был трупом в леднике судмедэкспертизы, – холодно заметил Дэниел.

– Тогда дайте мне телефон мистера Доминика, – попросил Раймонд. – Я сам ему позвоню. И мне нужен адрес Карлсонов.

– Справьтесь у регистратора. Только скажите ей, что вы из числа личных друзей.

– Благодарю вас.

– Но помните, – лицо Дэниела исказила гримаса, – мне причитаются и нужны все мои договоренные проценты, независимо от того, что происходит между вами и Винни Домиником.

* * *

Поначалу регистратор ни в какую не желала давать Раймонду телефон и адреса, но после быстрого звонка боссу сдалась. Безмолвно записала сведения на обороте визитки доктора Дэниела Левитца и вручила ее Раймонду.

Раймонд, не теряя времени, поспешил к себе домой на Шестьдесят четвертую улицу. Когда он вошел в квартиру, Дарлин поинтересовалась, как прошла встреча с доктором.

– Не спрашивай, – оборвал он ее, стремглав прошел к себе в кабинет, плотно прикрыл дверь и уселся за стол. Дрожащим пальцем набрал телефонный номер. В сознании то и дело возникали картины: то Сидни Карлсон кружит возле аптечки, протягивая руки с снотворному матери, то обходит близлежащие хозяйственные лавки, выбирая, где купить моток веревки.

– Да, кто это? – раздался голос на другом конце телефонной линии.

– Я хотел бы поговорить с мистером Винсентом Домиником, – произнес Раймонд, придавая голосу всю властность, на какую был способен. Необходимость иметь дело с людишками подобного сорта ему претила, но выбирать не приходилось. Речь шла о семи годах непрерывных трудов и обязательствах, не говоря уж обо всем его будущем.

– Кто спрашивает?

– Доктор Раймонд Лайонз.

Повисла пауза, потом донесся мужской голос:

– Подождите!

К удивлению Раймонда, на время ожидания коммутатор включил запись сонаты Бетховена. Для Раймонда в этой ситуации она звучала каким-то оксимороном.

Спустя несколько минут в трубке послышался приторный голос Винни Доминика. Раймонд представлял себе наигранную и обманчивую пошлость этого человека: Винни в его глазах был изысканно одетым характерным актером, играющим самого себя.

– Как достали этот номер, доктор? – спросил Винни. Тон его был невозмутимым, но именно поэтому отчего-то еще более угрожающим. У Раймонда моментально пересохло во рту. Пришлось откашляться, прежде чем выдавить из себя:

– Мне его дал доктор Левитц.

– Чем могу помочь, доктор?

– Появилась еще одна трудность, – прохрипел Раймонд. И снова прочистил горло. – Хотелось бы встретиться с вами и обсудить.

Наступила пауза, длившаяся дольше, чем хватало терпения у Раймонда. Он уж было спросил, здесь ли еще Винни, как тот заговорил:

– Когда я с вами, господа хорошие, связался, то полагал, что это внесет успокоение в мой разум. И не гадал, что это только усложнит мою жизнь.

– Речь всего лишь о незначительных болезнях роста, – сказал Раймонд. – В целом проект развивается чрезвычайно удачно.

– Буду ждать вас в неаполитанском ресторане на Корона-авеню в Элмхерсте через полчаса, – сказал Винни. – Дорогу найдете?

– Найду непременно, – уверил Раймонд. – Я возьму такси и выезжаю прямо сейчас.

– Увидимся в ресторане, – произнес Винни и повесил трубку.

Раймонд же стал лихорадочно рыться в ящике стола, отыскивая карту Нью-Йорка со всеми пятью его районами. Найдя, расстелил ее на столе и, пользуясь указателем, отыскал Корона-авеню в Элмхерсте. Прикинул, что спокойно доберется туда за полчаса, если только не случится пробки на Куинсборском мосту. Опасение было не напрасным: почти четыре пополудни, начинались часы пик.

Когда Раймонд вылетел из кабинета, на ходу натягивая пальто, Дарлин спросила, куда он направился. В ответ он бросил, что времени на объяснения нет и что он вернется примерно через час. Выбежав на Парк-авеню, Раймонд поймал такси. Хорошо, что он захватил карту с собой, потому что водитель-афганец понятия не имел, где находится Элмхерст, а тем более Корона-авеню.

Путь выдался нелегкий. Только на то, чтобы пересечь Ист-Сайд Манхэттена, ушло четверть часа. А потом – медленно ползущая по мосту пробка. Ко времени, когда Раймонд рассчитывал уже быть в ресторане, такси только-только добралось до Куинса. Зато оттуда ехали уже спокойно, и, когда Раймонд, откинув тяжелую бархатную портьеру, вошел в зал ресторана, он опаздывал всего на пятнадцать минут.

Сразу стало ясно, что ресторан для обслуживания закрыт. Большая часть стульев была водружена на столики ножками вверх. Винни Доминик одиноко сидел в одной из округлых, обитых красным плюшем ниш, которые тянулись вдоль стены. На столике перед ним

лежала газета и стояла маленькая чашечка кофе. В стеклянной пепельнице дымилась сигарета.

Еще четыре человека курили в баре, усевшись на высокие стулья у стойки. Двоих Раймонд узнал: они приходили вместе с боссом к нему на квартиру. За стойкой бара тучный бородач мыл стаканы и рюмки. В целом же ресторан был пуст.

Взмахом руки Винни пригласил Раймонда присоединиться к нему.
– Садитесь, док, – сказал он. – Чашечку кофе?

Раймонд, усаживаясь на округлую банкетку, кивнул. Уселся не сразу: ворс плюша мешал продвинуться ближе к столику. В помещении было промозгло, пахло вчерашним чесноком и сигаретным перегаром, въевшимся в стены за пять лет курения в зале. Раймонд порадовался, что не пришлось снимать пальто и шляпу.

– Два кофе, – обратился Винни к бородачу за стойкой бара. Не проронив ни слова, тот повернулся к роскошной итальянской кофеварке и завозился с блестящими рычагами.

– Вы меня удивили, док. – Винни посмотрел на Раймонда. – Честно скажу, никак не думал, что доведется встретиться с вами.

– Как я сказал по телефону, возникла еще одна трудность, – объяснил Раймонд. Он подался вперед и говорил приглушенно, едва ли не шепотом.

Винни, разводя руками, произнес:

– Внимательнейшим образом вас слушаю.

Раймонд как мог кратко обрисовал ситуацию с Сидни Карлсон. Особое внимание обратил на то, что все случаи самоубийства подлежат судебно-медицинской экспертизе, а тела самоубийц – вскрытию. Исключений не бывает.

Толстяк бармен принес две чашечки кофе. Винни в ответ на монолог Раймонда ничего не говорил до тех пор, пока бармен не вернулся к своим стаканам и рюмкам.

– Эта Синди Карлсон дочь Олбрайта Карлсона? – спросил Винни. – Легенды Уолл-стрит?

Раймонд кивнул:

– Частично из-за этого данная ситуация так и важна. Если она совершит самоубийство, то, несомненно, вся пресса всколыхнется. Судмедэксперты будут особенно бдительны.

– Картина ясна, – бросил Винни и отпил глоточек кофе. – Так что именно вы хотите, чтобы мы сделали?

– Я бы не осмелился предлагать что-либо, – нервно ответил Раймонд. – Но вы сами можете судить, что эта трудность под стать ситуации с Франкони.

– То есть вы хотите, чтобы эта шестнадцатилетняя девушка попросту удобным образом исчезла, – сказал Винни.

– Ну... она уже дважды пыталась убить себя, – промямлил Раймонд. – В каком-то смысле мы просто делаем ей благо.

Винни рассмеялся. Он взял сигарету, затянулся, потом пригладил ладонью зализанные ото лба к затылку черные волосы. Его темные глаза изучающе разглядывали собеседника.

– А вы, док, штучка ручной сборки, – сказал он. – Отдаю вам должное.

– Возможно, я смогу предложить еще один год бесплатного содержания, – произнес Раймонд.

– Вы очень щедры. – Краешек губ Винни тронула улыбка. – Но знаете что, док, этого недостаточно. Сказать правду, я вообще-то сыт по горло всей вашей операцией. И говорю вам прямо: если бы не больная почка Винни-младшего, я, наверное, просто-напросто попросил бы свои деньги обратно и каждый из нас пошел бы своей дорогой. Я, видите ли, уже ломаю голову над тем, какими бедами чревата для меня первая оказанная вам услуга. Мне позвонил брат моей жены, управляющий похоронным бюро «Сполетто». Он весьма удручен: некая доктор Лори Монтгомери звонила ему и задавала весьма нежелательные вопросы. Скажите, док, вы знаете эту Лори Монтгомери?

– Нет, не знаю. – Раймонд нервно и громко сглотнул.

– Эй, Анжело, подойди-ка сюда! – крикнул Винни.

Анжело сполз с высокого стула у бара и подошел к столику.

– Присядь, Анжело, – пригласил Винни. – Хочу, чтобы ты поведал присутствующему здесь почтенному доктору, кто такая Лори Монтгомери.

Раймонду пришлось подвинуться на банкетке, давая место Анжело. Ему явно было не по себе, оказавшись между двумя гангстерами.

– Лори Монтгомери смышленная и упорная личность, – сипло начал Анжело. – Если без прикрас и коротко, то она – заноза в заднице.

Раймонд старался не смотреть на Анжело. Большая часть лица у того была сплошным рубцом-шрамом, а глаза, не закрывающиеся до конца, воспаленными и слезящимися.

– Несколько лет назад, – растолковывал Винни, – Анжело имел несчастье налететь на Лори Монтгомери. Анжело, расскажи Раймонду, что ты узнал сегодня после звонка из похоронного бюро.

– Я позвонил Винни Амендоле, нашему человеку в морге, – заговорил Анжело. – Он сообщил, как Лори Монтгомери во всеуслышание заявила, что считает своим личным долгом выяснить, каким образом пропало тело Франкони. Нечего говорить, как парень психует.

– Понимаете, что я имею в виду? – обратился Винни к Раймонду. – Нас беда подстерегает только потому, что мы порадели за ваше благо.

– Мне очень жаль, – запинаясь, выговорил Раймонд. Ничего лучшего для ответа он не нашел.

– Это возвращает нас к вопросу о содержании, – сказал Винни. – В данных обстоятельствах, полагаю, о плате за содержание можно забыть. Иными словами, никакой платы ни за меня, ни за Винни-младшего навсегда.

– Я должен отчитаться об этом перед главной корпорацией, – пискнул Раймонд и закашлялся, прочищая горло.

– Прекрасно, – бросил Винни. – Меня это ни в малейшей мере не заботит. Представьте это им как обоснованные расходы на бизнес. Эй, да вы, может, употребите это для получения скидок на свои налоги! – Винни от души расхохотался.

Раймонда охватила легкая дрожь. Он понимал, что его бессовестно насилуют, но выхода у него нет, а потому выдавил:

– Согласен.

– Благодарю, – насмешливо поклонился Винни. – Черт, я ведь как знал, что в конце концов так и получится. Мы теперь с вами нечто вроде партнеров по бизнесу. Так я полагаю, адрес Синди Карлсон у вас имеется?

Раймонд, порывшись в кармане, протянул визитку доктора Левитца. Винни взял бумажку, списал адрес с обратной стороны и

вернул визитку. Адрес он отдал Анжело.

– Энглвуд, штат Нью-Джерси, – вслух прочитал тот.

– Что-то смущает? – спросил Винни.

Анжело отрицательно повел головой.

– Тогда заметано, – бросил Винни и снова повернулся к Раймонду. – Вот и все в отношении вашего последнего затруднения. Но советую вам ни с чем другим ко мне не обращаться. При достигнутом взаимопонимании по поводу платы за содержание у вас, как мне представляется, не осталось козырей для торговли.

Несколько минут спустя Раймонд уже шел по улице. Взглянув на часы, он понял, что его трясет. Было уже около пяти часов, начинало смеркаться. Сойдя с тротуара, он поднял руку, подзывая такси. «Вот беда так беда!» – думал он. Предстояло так или иначе изыскивать способ оплаты содержания двойников Винни Доминика и его сына до конца их жизни.

Подрулило такси. Сев в машину, Раймонд назвал водителю свой домашний адрес. Чем дальше оставался неаполитанский ресторан, тем лучше ему становилось. Подлинная стоимость содержания двух двойников, в сущности, мизерна, поскольку животные живут в изоляции на необитаемом острове. Так что положение не столь уж и бедственно, особенно если учесть, что с нависшей бедой из-за Синди Карлсон теперь, можно считать, покончено.

Когда Раймонд подходил к двери своей квартиры, настроение у него уже намного улучшилось. Во всяком случае, до того, как он переступил порог.

– Тебе два раза звонили из Африки, – сообщила Дарлин.

Что-то в ее голосе прозвучало для Раймонда сигналом большой тревоги, и он спросил как выдохнул:

– Неприятности?

– Есть добрые вести и плохие новости, – доложила Дарлин. – Добрые вести от хирурга. Он сказал, что Гораций Винчестер чудеснейшим образом выздоравливает и тебе следует определить, когда ты прилетишь, чтобы забрать его вместе с хирургической бригадой.

– А плохие новости?

– Еще один звонок был от Зигфрида Шполлека. Ясно он не сказал, но дал понять, что случилась какая-то беда с Кевином Маршаллом.

– Что за беда?

– Он не разъяснил.

Раймонд помнил, как настойчиво советовал Кевину ничего не делать второпях. Неужели, подумал он, ученый не внял его предостережению? Должно быть, это как-то связано с идиотским дымом, который увидел Кевин.

– Шполлек просил, чтобы я перезвонил ему сегодня? – спросил Раймонд.

– Когда он звонил, у них было уже одиннадцать часов, почти ночь, – ответила Дарлин. – Он сказал, что переговорит с тобой завтра.

Раймонд беззвучно застонал. Теперь ему предстояло всю ночь провести в гаданиях и сомнениях. Когда же только, подумал он, всему этому настанет конец?

Глава 11

5 марта 1997 г.

23.30

Кого, Экваториальная Гвинея

Кевин услышал металлический лязг и скрип петель. Отворилась тяжелая стальная дверь над каменной лестницей, и свет ломаной дорожкой скатился по ступенькам. Две секунды спустя зажглись голые электрические лампочки, рядом висевшие под потолком. Сквозь решетку своей камеры он увидел Мелани и Кэндис. Они сидели в таких же камерах и так же жмурились от внезапно вспыхнувшего света.

Раздался звук тяжелых шагов по гранитным ступеням. Появился Зигфрид Шполлек в сопровождении Камерона Макиверса и Мустафы Абуда, командира марокканских гвардейцев.

– Давно пора, мистер Шполлек! – выпалила Мелани. – Я требую сию же минуту выпустить меня, иначе вас ждут серьезные неприятности.

Кевин вздрогнул. Так разговаривать с Зигфридом Шполлеком не полагалось в любом случае, а уж в обстоятельствах, в каких они оказались, тем более.

Кевина, Мелани и Кэндис заточили в крошечную тьму одиночных камер удушливо жаркой, сырой тюрьмы в подвале ратуши. В каждой камере имелось небольшое арочное окошко, выходившее наружу у самой земли по задней аркаде здания. Окошки были зарешечены, но без стекол, так что всевозможные паразиты проникали через них беспрепятственно. Узники от ужаса заходились, слыша, как шуршат в темноте эти твари, тем более что, пока горел свет, успели заметить среди них несколько тарантулов. Единственное средство утешения: можно было переговариваться друг с другом.

Самыми тягостными им показались первые пять минут ночных испытаний. Как только смолкли автоматные очереди, Кевина и женщин ослепил свет больших переносных фонарей. Когда глаза постепенно привыкли к свету, они поняли, что попали в своего рода засаду. Их окружали глумливые молокососы в форме солдат

экваториальной армии, не скрывавшие жеребьячьей радости от случая взять белых людей на мушку своих «АК-47». Некоторые даже, набравшись наглости, ткнули женщин автоматным дулом.

В ожидании худшего Кевин и обе женщины замерли, не двинув ни единым мускулом. Они оцепенели от беспорядочной стрельбы и боялись, что она возобновится, если дать к этому малейший повод.

И лишь при появлении нескольких марокканских гвардейцев наглая солдатня отступила. Кевин представить себе не мог страшных арабов в роли спасителей, но именно так и случилось. Гвардейцы взяли Кевина с женщинами под стражу. Затем на машине Кевина отвезли их сначала в свое здание на другом конце центра животных, где пленников несколько часов продержали в комнатах без окон, а потом наконец в город, где заточили в старую тюрьму.

– С нами обращались возмутительно! – не унималась Мелани.

– Напротив, – произнес Зигфрид. – Мустафа уверил меня, что к вам относились со всем должным почтением.

– Почтение! – Мелани даже поперхнулась от гнева. – В нас стреляли из автоматов! Нас держат в этой вонючей дыре в темноте! Вы это называете почтением?

– В вас не стреляли, – поправил Зигфрид. – Было сделано всего несколько предупредительных выстрелов поверх ваших голов. Вы же как-никак нарушили важное правило, действующее в Зоне. Остров Франчески недоступен. Об этом знает каждый.

Зигфрид указал Камерону на Кэндис. Тот отпер ее камеру большим старинным ключом. Кэндис, не теряя ни секунды, выскочила из камеры и принялась отряхиваться, убеждаясь, что на одежде нет никаких насекомых. На ней все еще было хирургическое облачение из клиники.

– Приношу вам свои извинения, – обратился Зигфрид к Кэндис. – Мне представляется, что работающие у нас исследователи ввели вас в заблуждение. Вы, вероятно, и не знали, что существует правило, запрещающее посещать район острова.

Камерон открыл камеру Мелани, а потом и Кевина.

– Как только я узнал, что вы задержаны, то постарался дозвониться до доктора Раймонда Лайонза, – продолжал Зигфрид. – Хотел узнать, каков, по его мнению, наилучший выход из создавшегося положения. Поскольку я его не застал, то вынужден был взять

ответственность на себя. Я освобождаю вас под ваше собственное ручательство. Уверен, что теперь вы осознали всю серьезность своих поступков. По экваторгвинейскому закону их расценили бы как тягчайшее преступление.

– Что за вздор! – Мелани досадливо сплюнула.

У Кевина душа ушла в пятки. Он дрожал при мысли, что Мелани разозлит Зигфрида и тот прикажет посадить их обратно по камерам. Благожелательность не входила в набор достоинств хозяина Зоны.

Мустафа протянул Кевину ключи от машины и выговорил с сильным французским акцентом:

– Ваше авто за домом.

Кевин взял ключи. Рука у него так дрожала, что ключи несколько раз звякнули, прежде чем он препроводил их в брючный карман.

– Уверен, что завтра мне удастся поговорить с доктором Лайонзом, – сказал Зигфрид. – Я свяжусь с каждым из вас лично. Можете идти.

Мелани вознамерилась было заговорить, но Кевин, удивляясь самому себе, схватил ее за руку и повлек за собой к лестнице.

– Хватит меня таскать! – взорвалась Мелани и попыталась высвободить руку из цепких пальцев Кевина.

– Сначала сядем в машину! – жестко выдавил сквозь сжатые зубы Кевин, не давая Мелани остановиться.

– Ну и ночь! – воскликнула Мелани. У подножия лестницы ей удалось вырвать руку. Кипя негодованием, она стала подниматься по ступеням.

Кевин, дождавшись, когда пройдет Кэндис, последовал за женщинами. Вышли они в помещение, которое экваторгвинейские солдаты, постоянно слонявшиеся возле здания муниципалитета, использовали как караулку. Четверо солдат находились в ней и сейчас. В присутствии управляющего, начальника службы безопасности и командира марокканских гвардейцев они были куда любезнее, чем обычно. Все четверо стояли, как им казалось, по стойке «смирно» с автоматами за плечами. Когда появился Кевин с женщинами, на лицах солдатиков отразилось замешательство.

Мелани, пока Кевин тянул ее и Кэндис от дверей к стоянке машин, демонстрировала солдатам неприличный жест.

– Мелани, прошу вас, – умолял Кевин, – не надо их дразнить!

То ли солдаты не понимали жестикуляции Мелани, то ли ошалели от необычности обстановки, Кевин не знал. Но так или иначе следом за беглецами они, как он того опасался, не высыпали.

Добравшись до машины, Кевин открыл заднюю дверцу, и Кэндис быстренько забралась на сиденье. Но не Мелани. Та, обратив на Кевина сверкающие в сумеречном свете глаза, потребовала:

– Дайте мне ключи.

– Что?! – переспросил Кевин, будто не расслышал ее.

– Я сказала: дайте мне ключи, – повторила Мелани.

Смущенный неожиданной просьбой, Кевин все же счел за лучшее не раздражать и без того рассерженную Мелани и вручил ей ключи от машины. Мелани тут же зашла с другой стороны и уселась за руль. Кевин устроился рядом, на месте пассажира. Ему было все равно, кто поведет машину: только бы выбраться отсюда.

Мелани запустила двигатель, выжала газ и, визжа шинами, рванула со стоянки.

– Мелани, помилосердуйте, – взмолился Кевин. – Потише!

– Просто зла не хватает! – негодовала Мелани.

– Как будто этого не видно, – парировал Кевин.

– Я домой пока не собираюсь, – объявила Мелани. – Но вас, молодцы, с удовольствием развезу по домам.

– А куда вы собрались? – спросил Кевин. – Уже почти полночь.

– Я еду в центр животных, – ответила Мелани. – Не намерена терпеть подобное обращение, не выяснив, что за чертовщина здесь творится.

– Зачем вам в центр животных? – допытывался Кевин.

– За ключом от того чертова моста, – заявила Мелани. – Он мне нужен. Для меня наша затея вышла за рамки любопытства.

– Может, остановимся и поговорим об этом? – предложил Кевин.

Мелани вдавила в пол педаль тормоза, и машина, сильно ткнув передом, встала. Кевину с Кэндис не сразу удалось снова откинуться на спинки своих сидений. Мелани же, не снимая рук с руля, повторила:

– Я еду в центр животных. Вы можете ехать со мной или я вас высажу. Как скажете.

– Почему сегодня, сейчас? – спросил Кевин.

– Потому что именно сейчас я вне себя – это раз, – отчеканила Мелани. – И потому, что сегодня они этого не ждут – вот вам два. Ясно

же, что им нужно: чтобы мы отправились по домам и зарылись в постельки. Потому с нами и обращались так погано. Только вот что я вам скажу: меня на такое не возьмешь.

– А меня возьмешь, – тихо обронил Кевин.

– По-моему, Мелани права, – раздался с заднего сиденья голос Кэндис. – Они нарочно старались нас запугать.

– И, по-моему, чертовски в том преуспели! – воскликнул Кевин. – Или я единственный среди нас, кто сохранил здравый рассудок?

– Это надо сделать, – сказала Кэндис.

У Кевина вырвался стон:

– И вы туда же! Меня давят числом.

– Мы отвезем вас домой, – сказала Мелани. – Сущий пустяк. – И она стала переводить машину на задний ход.

Кевин, потянувшись, удержал ее руку:

– Как вы намереваетесь достать ключ? Вы даже не знаете, где он лежит.

– По мне, дело ясное: ключ у Бертрама в кабинете, – возразила Мелани. – Ведь он отвечает за матобеспечение программы с бонобо. Черт, вы же сами говорили, что ключ у него.

– Ладно, ключ в кабинете Бертрама, – согласился Кевин. – А охрана? Все кабинеты заперты.

Мелани извлекла из нагрудного кармашка форменного комбинезона магнитную карточку:

– Вы забываете, что я причислена к иерархам центра животных. Вот карточка начальника. Она не для того, чтобы тягаться с кредитками VISA. Эта штука откроет передо мной любую дверь центра во всякое время дня и ночи. Усвойте: мое участие в проекте бонобо – только часть выполняемой мной работы по размножению.

Кевин, повернувшись всем корпусом на сиденье, обратился к Кэндис, белокурые волосы которой, казалось, лучились светом в полумраке салона:

– Если вы, Кэндис, идете на риск, то, полагаю, и мне надо рискнуть.

– Поехали! – коротко бросила Кэндис.

Мелани набрала скорость и за автомастерскими повернула налево. В мастерских, залитых светом ртутных фонарей, кипела работа. Ночная смена в гаражном хозяйстве была многолюднее и суматошнее,

чем дневная с вечерней, поскольку как раз на нее выпадал пик транспортного движения между Зоной и Батой. Пока поворот на Бату не остался позади, Мелани пришлось пробираться между вереницей грузовых платформ для перевозки гусеничной техники. После перекрестка на всем пути до центра животных им не встретилось ни одной машины.

Как и автомастерские, центр животных работал в три смены, правда, здесь ночная смена была самой спокойной. Большинство работавших по ночам были заняты в ветеринарной клинике. Мелани воспользовалась этим и остановила «тойоту» Кевина у самых дверей в ветлечебницу. Здесь машина затерялась среди множества других.

Выключив зажигание, Мелани внимательно взгляделась в главный вход центра, который вел прямо в ветеринарную клинику. Пальцы ее отбивали легкую дробь на рулевом колесе.

– Итак? – заговорил Кевин. – Доехали. Что будем делать?

– Соображаю, – откликнулась Мелани. – Не знаю, что лучше: чтобы вы в машине ждали или со мной пошли?

– Надо же, какая громадина, – молвила Кэндис, подавшись вперед и разглядывая высившееся перед ними здание. Оно тянулось по всей улице и пропадало в растительности джунглей. – Сколько раз в Кого прилетала, а до центра животных так и не добиралась. Понятия не имела, что он такой большой. Вот это что перед нами, клиника?

– Точно, – кивнула Мелани. – Все это крыло.

– Хотелось бы посмотреть, – призналась Кэндис. – Ни разу в жизни не была в ветеринарной клинике, да еще похожей на дворец.

– Чудо искусства, – сказала Мелани. – Ты бы на операционные полюбовалась!

– Бог мой, – вздохнул Кевин и обратил взор к небу. – Я попал в логово безумцев. Мы только-только прошли через чудовищные мучения, а они толкуют про экскурсию!

– Экскурсии не получится, – возразила ему Мелани, выбираясь из машины. – Кэндис, пошли. Уверена, твоя помощь мне пригодится. Кевин, если хотите, ждите здесь.

– С удовольствием, – буркнул Кевин. Но всего несколько секунд спустя и он вылез из машины и пустился вслед за робко шагавшими к входу женщинами.

Ожидая, сидя в машине, рассудил он, испереживаешься куда больше, чем, пусть и рискуя, вместе с остальными.

– Подождите, – окликнул он. И, пустившись бегом, в несколько шагов догнал своих спутниц.

– И чтобы я не слышала никаких жалоб, – предупредила Мелани.

– Не беспокойтесь, – сказал Кевин. Он чувствовал себя подростком, попавшим мамочке под горячую руку.

– По мне, никакие пакости нам не грозят, – чеканила на ходу Мелани. – Кабинет Бертрама Эдвардса находится в административной части здания, в такое время там пусто. И все же чтобы точно не вызвать никаких подозрений, как только войдем, сразу спускаемся в раздевалку. Вы, молодцы, облачаетесь в форму центра животных. Понятно? Разъясняю: в такую поздноту никто не рассчитывает встретить здесь случайных посетителей.

– Мысль, мне кажется, здравая, – сказала Кэндис.

* * *

– Договорились, – произнес в телефонную трубку Бертрам. В глаза бросился светящийся циферблат часов у кровати. Стрелка отсчитала четверть часа после полуночи. – Через пять минут встретимся у вас.

Он свесил ноги через край постели и раздвинул москитную сетку.

– Что случилось? – Триш, его жена, открыла глаза и приподнялась, опершись локтем о подушку.

– Так, мелкое занудство, – отмахнулся Бертрам. – Ложись спать! Я через полчаса вернусь.

Он затворил дверь в спальню и только после этого включил свет в комнатке для переодевания. Оделся быстро. Успокаивая Триш, сам Бертрам изрядно нервничал. Он не знал, что происходит, но понимал: творится нечто гадкое. Еще не было случая, чтобы Зигфрид звонил ему за полночь и просил прийти в контору.

На улице было светло как днем от поднявшейся на востоке полной луны. Небо покрывали серебристо-лиловые кучевые облака. Ночной воздух, тяжелый от влажности, был недвижим. Из джунглей, оглашая окрестности, почти непрерывно неслась какофония из жужжания,

щебетания, нытья, время от времени прорезаемая истошными воплями. К этой музыке Бертрам за долгие годы настолько привык, что не обращал на нее внимания.

До здания муниципалитета было всего несколько сотен ярдов, и все же Бертрам отправился туда на машине. Так быстрее, а любопытство росло с каждой минутой. Заехав на стоянку, он заметил, как необычно оживлены всегда дремавшие солдаты, как они суетятся возле караулки, бряцая оружием. Стоило Бертраму выключить фары и выйти из машины, как он оказался под прицелом беспокойных глаз стражей порядка.

Шагая к зданию, Бертрам заметил свет, сочившийся из щелок в ставнях, закрывавших окна конторы управляющего Зоной на втором этаже. Поднявшись по лестнице, он миновал темную приемную, где обычно сидел Аурильо, и прошел к Зигфриду.

Управляющий сидел за столом, взгромоздив ноги на край столешницы. В здоровой руке он держал коньячную рюмку, плавно покачивая ее. Рядом в пальмовом кресле с такой же рюмкой сидел Камерон Макиверс, шеф службы безопасности. Освещалось помещение одной-единственной свечой – той, что стояла в черепе. В слабом мерцании свечи было много простора для густых теней, и казалось, будто многочисленные чучела животных подавали признаки жизни.

– Спасибо, что пришли в такой безбожный час, – выговорил Зигфрид с обычным немецким акцентом. – Плеснуть коньячку?

– А понадобится? – спросил Бертрам, придвигая еще одно пальмовое кресло поближе к столу.

– Это никогда не повредит, – усмехнулся Зигфрид.

Камерон взял коньяк со столика. Этот здоровенный шотландец, заросший бородой, из которой торчал красный нос картошкой, был расположен к выпивке любого сорта, хотя, понятное дело, предпочтение отдавал виски. Вручив Бертраму рюмку, он вновь уселся и занялся своей.

– Обычно меня поднимают с постели среди ночи, когда беда приключается с кем-то из животных, – заговорил Бертрам. Он пригубил коньяк и глубоко вздохнул. – Сегодня, чувствуется, речь идет совершенно о другом.

– Верно, – подтвердил Зигфрид. – Прежде всего должен вас похвалить. Опасение насчет Кевина Маршалла, высказанное вами днем, оказалось вполне обоснованным и своевременным. Я попросил Камерона распорядиться, чтобы марокканцы последили за ученым, и точно: уже вечером он, Мелани Беккет и одна из хирургических сестер проехали до самой площадки, откуда мы производим высадку на остров Франчески.

– Дьявольщина! – воскликнул Бертрам. – Они попали на остров?

– Нет, – сказал Зигфрид. – Так, поиграли немного с плотиком для еды. Еще они заезжали в гости к Альфонсе Кимбе и беседовали с ним.

– Меня это бесит до смерти! – вспыхнул Бертрам. – Мне не нравится, что кто-то лезет к острову и ведет беседы с нашим пигмеем.

– Мне тоже, – согласно кивнул Зигфрид.

– Где они сейчас? – спросил Бертрам.

– Мы отпустили их по домам, – ответил Зигфрид. – Но не раньше чем нагнали на всех троих страху божьего. Не думаю, что они отважатся на такое еще раз, во всяком случае, некоторое время.

– Мне этого мало! – кипятился Бертрам. – Тут бонобо разбиваются на две группы, а теперь я еще и из-за этих людей психовать должен. Увольте!

– Случившееся похуже того, что животные живут двумя стадами, – заметил Зигфрид.

– И то и другое плохо, – стоял на своем ветеринар. – И то и другое может внести сумятицу в отлаженный ход программы, а то и положить ей конец. Считаю, что следует вновь вернуться к моему предложению засадить всех обезьян в клетки, поместив в центре животных. Клетки у меня на острове есть. Труд невелик, а проводить отлов станет проще простого.

С той минуты, как Бертрам убедился, что бонобо живут двумя сообществами, он упрямо твердил, что лучше выловить всех обезьян и держать их по отдельности в клетках там, где есть возможность за ними приглядывать. Но Зигфрид его переупрямил. Бертрам даже подумывал, не обратиться ли ему через голову Зигфрида напрямую к боссу в Кембридже, но по зрелом размышлении отказался от затеи, которая могла внушить руководству «Генсис» опасение за будущее программы с бонобо.

– Мы собрались не для дискуссий! – твердо и резко произнес Зигфрид. – И не отказываемся от содержания обезьян в изоляции на острове. Когда все только начиналось, мы вместе решили, что так будет лучше всего. Я и сейчас так считаю. Зато случай с Кевином Маршаллом вызывает у меня беспокойство из-за моста.

– С чего? – пожал плечами Бертрам. – Мост на замке.

– А где ключи? – поинтересовался Зигфрид.

– У меня в кабинете, – сказал Бертрам.

– Полагаю, им место здесь, в главном сейфе, – отчеканил Зигфрид. – У многих из персонала клиники есть доступ в ваш кабинет, в том числе и у Мелани Беккет.

– Наверное, в том, что вы говорите, есть толк, – пожевал губами Бертрам.

– Рад, что вы согласны. Итак, прошу вас доставить ключи сюда. Сколько их там?

– Точно не припомню. Четыре или пять. Вроде того.

– Они мне нужны здесь! – Слова Зигфрида звучали как приказ.

– Замечательно, – охотно согласился Бертрам. – Не вижу в этом ничего сложного.

– Договорились, – подвел черту Зигфрид и, сбросив ноги со стола, поднялся. – Поехали. Я поеду с вами.

– Вы хотите ехать прямо сейчас? – Бертрам не верил своим ушам.

– Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Разве вы, американцы, не следуете этой поговорке? Когда ключи окажутся в сейфе, уверяю вас, я остаток ночи буду спать намного спокойнее.

– Прикажете и мне вас сопровождать? – спросил Камерон.

– В этом нет необходимости, – ответил Зигфрид. – Уверен, мы с Бертрамом вполне справимся.

* * *

Кевин, стоя в одном конце мужской раздевалки, оглядел себя в зеркало, стоявшее на другом конце шеренги металлических шкафов и отражавшее его в полный рост. С комбинезонами всегда так:

маленького размера слишком мал, а среднего размера несколько великоват. Пришлось засучить рукава и подвернуть брючины.

– Какого черта вы там копаетесь? – раздался голос Мелани. И она, стоя в коридоре, настежь распахнула дверь.

– Иду, иду! – крикнул Кевин. Закрыв шкафчик, куда сложил собственную одежду, и поспешил в коридор.

– А я-то думала, что только женщины долго одеваются, – посетовала Мелани.

– Никак не мог решить, какой размер больше подходит, – признался Кевин.

– Кто-нибудь заходил, пока вы были в раздевалке?

– Ни души.

– Здорово. И к нам, в женскую, тоже никто не заглядывал. Пошли!

Мелани ступила на лестницу и жестом пригласила спутников следовать за ней, предупредив:

– Отсюда, чтобы попасть в административный блок, придется пройти через ветеринарную клинику. По мне, лучше держаться подальше от второго этажа, где «скорая» и отделение неотложной помощи. Там всегда много суеты. Так что поднимаемся на третий этаж и проходим через отделение оплодотворения. Если кто спросит, я могу даже сказать, что обхожу пациентов.

– Ловко! – восхитилась Кэндис.

Миновав второй этаж, они поднялись на третий. Войдя в главный коридор, столкнулись с первым служащим центра животных. Если тому и показалось странным присутствие Кевина и Кэндис в клинике посреди ночи, то виду он не подал. Прошел мимо, кивнув в знак приветствия.

– Легко сошло, – прошептала Кэндис.

– Спасибо комбинезонам, – шепнула в ответ Мелани.

Повернув налево и пройдя череду двойных дверей, они ступили в ярко освещенный узкий проход, по обе стороны которого располагались двери без надписей и табличек. Мелани приоткрыла одну из них и просунула в щель голову. Тихо и бережно затворила дверь, пояснив:

– Там одна из моих пациенток. Низинная горилла. Она почти готова к введению яйца. При том гормональном уровне, какого нам

приходится держаться, они, бывает, немного буйствуют, но эта крепко спит.

– Можно взглянуть? – попросила Кэндис.

– Пожалуй, – разрешила Мелани. – Только веди себя тихо и не делай резких движений.

Кэндис кивнула. Мелани открыла дверь и юркнула в палату. Кэндис – за ней. Кевин, стоя у двери, держал ее открытой. Не выдержав, зашептал:

– Может, займемся тем, зачем пришли сюда?

Мелани приложила палец к губам.

В палате стояли четыре клетки, но занята была всего одна. В ней на соломенной подстилке спала большая горилла. Освещалось помещение утопленными верхними светильниками, накал в которых был сведен почти на нет.

Осторожно касаясь прутьев клетки, Кэндис подалась вперед, чтобы разглядеть получше. Так близко она гориллу никогда не видела. Если бы захотела, могла бы даже дотронуться до великанши.

С быстротой, недоступной разуму, горилла проснулась и отскочила подальше от решетки. И в следующее мгновение она уже барабанила кулаками по полу и пронзительно визжала.

Кэндис сама взвизгнула, со страхом отпрянув от клетки. Мелани подхватила ее, успокаивая:

– Ничего страшного, не бойся.

Горилла меж тем метнулась к решетке. Подхватив по пути горсть свежих фекалий, с маху швырнула их, и они смачно шмякнулись о стену.

Мелани вывела Кэндис в коридор, а Кевин тут же закрыл дверь.

– Мне ужасно неловко, – извинялась Мелани перед Кэндис. А у той на лице, и без того бледном, как у всех блондинок, не было ни кровинки. – С тобой все в порядке?

– Наверное, – произнесла Кэндис. И обследовала перед своего комбинезона.

– Боюсь, сработал предменструальный синдром, – пояснила Мелани. – Она в тебя какашками своими не попала, а?

– Не думаю, – пролепетала Кэндис. И, пробежав рукой по волосам, внимательно осмотрела ладонь.

– Идемте за ключом, – зашипел Кевин. – Мы ведем себя хуже детей.

Они прошли все отделение оплодотворения и, миновав еще одну пару двойных дверей, оказались в обширном помещении, разделенном на отсеки. В каждом отсеке стояло по несколько клеток, большинство которых занимал молодняк приматов разных видов.

– Это наше педиатрическое отделение, – шепнула Мелани. – Ведите себя естественно.

В отделении работали четыре сотрудника. Все они были одеты в хирургические костюмы, у каждого с шеи свисал стетоскоп. Незнакомцев они встретили радушно, но были так заняты и увлечены, что, когда троица проходила мимо, радушие ограничилось парой дружеских улыбок да кивков.

Еще один комплект двойных дверей, еще короткий проход, и они подошли к тяжелой запертой пожарной двери. Мелани пришлось пустить в ход свою карточку, чтобы открыть ее.

– Добрались! – шепнула Мелани, осторожно закрывая за собой пожарную дверь. После недавней суматохи всем троим показалось, что они попали в царство абсолютной тишины и темноты. – Это административный блок. Лестница дальше по коридору слева. Держитесь.

Копошение в темноте, пока рука Кэндис не нащупала плечо Мелани, а Кевин не положил руку на плечо Кэндис.

– Вперед! – подбодрила их Мелани. И ощупью, по стеночке, мелкими шажками стала продвигаться по коридору. Остальные следовали за ней, как на привязи. Постепенно глаза привыкали к темноте, и, когда группа приблизилась к двери на лестницу, они уже различали ту малость лунного света, что просачивалась сквозь щели.

На лестничной клетке видимость была получше: из больших окон на каждой площадке на ступеньки лились потоки лунного света. По коридору второго этажа идти было легче, чем по коридору третьего: окна над дверями главного входа давали больше света.

Мелани вывела их прямо к кабинету Бертрама.

– Пришла пора испытания кислотой, – произнес Кевин, пока Мелани водила карточкой по щели замка.

Тут же раздался обнадеживающий щелчок. Дверь открылась.

– Все просто, – сказала Мелани. И стала искать выключатель на стене. Нащупав его, включила свет.

Свет ослепил, все трое какое-то время невидяще взирали друг на друга.

– Ого, до ужаса ярко кажется, – вырвалось у Мелани.

– Надеюсь, свет не разбудит марокканских гвардейцев, что живут через дорогу, – сказал Кевин.

– Так даже шутить не стоит, – упрекнула его Мелани. Пройдя прихожую, она вошла в кабинет и включила там свет. Кевин с Кэндис последовали за ней.

– По мне, – сказала Мелани, – нам следует действовать методично. Я возьмусь за стол. Кэндис, ты осмотри шкаф с картотекой, а вы, Кевин, займитесь прихожей, заодно, пока вы там, приглядите за коридором. Как кто появится, кричите.

– Вот это счастливая мысль, – одобрительно хмыкнул Кевин.

* * *

Зигфрид, повернув у автомастерских налево, погнал свой новый «лендкрузер» к центру животных. Внедорожник был переоборудован с учетом его увечья: рычагом переключения передач можно было орудовать левой рукой.

– Камерон имеет какое-то представление о том, почему нас так беспокоит охрана острова Франчески? – спросил Бертрам.

– Нет, никакого, – ответил Зигфрид.

– Он спрашивал?

– Нет, он не из таких. Он исполняет приказы, а не ставит их под сомнение.

– А что, если ему рассказать, отстегнуть малый процентик? – предложил Бертрам. – Он бы очень пригодился.

– Я нашими процентами не разбрасываюсь! – отрезал Зигфрид. – Об этом даже думать забудьте. К тому же Камерон уже помогает. Делает все, что я ему приказываю.

– В происшествии с Кевином Маршаллом больше всего меня беспокоит, что он, должно быть, сболтнул лишнее этим бабам, – признался Бертрам. – Меньше всего мне хочется, чтобы они вбили

себе в голову, будто бонобо на острове пользуются огнем. Если об этом узнают, то появление из лесной чащи поборников прав животных – вопрос времени, и только. Вы глазом моргнуть не успеете, как «Генсис» прикроет нашу программу.

– И что же, по-вашему, нам делать? – задал вопрос Зигфрид. – Могу устроить – и эта троица попросту исчезнет.

Бертрам глянул на немца и поежился. Он знал: этот человек не шутит. Выпрямившись и уставившись вдаль сквозь ветровое стекло, он сказал:

– Это не дело, только хуже будет. Потянет за собой расследование силами Большой Страны. Говорю вам: считаю, что надо переусыплять всех бонобо, засадить их в клетки, которые я доставил на остров, и привезти сюда. Черта с два в центре животных они огнем попользуются!

– Нет и еще раз нет, черт возьми! – выпалил Зигфрид. – Обезьяны останутся на острове. Если привезти их сюда, то тайну не сохранить. Огнем они, может, пользоваться не станут, но вам что, мало было забот с этими мерзкими пронырами во время отлова, хотите, чтобы они здесь принялись такими же художествами заниматься? Стоит им только начать, как обслуга зверинца пойдет чесать языками. Вот тогда нам будет хуже.

Бертрам вздохнул, нервно поерошив рукой седые волосы. Нехотя признался самому себе, что Зигфрид дело толкует. И все же считал, что лучше привезти животных сюда, главным образом для того, чтобы содержать их отдельно друг от друга.

– Завтра я буду звонить Раймонду Лайонзу, – сообщил Зигфрид. – Пробовал раньше, но не дозвонился. Я подумал: раз Кевин Маршалл уже с ним говорил, то и нам не грех выяснить его мнение по этому поводу. В конце концов, вся эта затея – его детище. Ему неприятности нужны не больше, чем нам.

– Верно, – согласился Бертрам.

– Хочу у вас спросить, – обратился к нему Зигфрид, – если обезьяны пользуются огнем, то как, по-вашему, они его достали? Все еще считаете, что это была молния?

– Не уверен, – ответил Бертрам. – Могла быть и молния. Но вот опять же: они ухитрились стащить набор инструментов, веревку и прочее, когда у нас бригада монтировала механизм моста на берегу.

Никто и думать не думал про воровство. То есть все, разумеется, хранилось в ящиках для инструментов. Так они могли и спички прихватить. Впрочем, представить себе не могу, как они сообразили, каким образом спички зажигать.

– А вы мне мысль подали! – воскликнул Зигфрид. – Может, скажем Кевину с его бабами, что на прошлой неделе на острове работала бригада, скажем, тропы прорубала и, как мы только что выяснили, они-то и жгли костры.

– Слушайте, отличная мысль, черт возьми! И разумная! Мы же даже собирались мост наводить через Рио-Дивизо.

– Так какого же дьявола вы раньше молчали? – вспыхнул Зигфрид. – Это же очевидно.

Свет фар «лендкрузера» высветил впереди первые строения центра животных.

– Где парковаться? – спросил Зигфрид.

– Ставьте прямо у входа, – сказал Бертрам. – Подождите в машине. Я в секунду обернусь.

Зигфрид убрал ногу с педали газа и начал тормозить.

– Что за дьявольщина! – вырвалось вдруг у Бертрама.

– Что еще?

– У меня в кабинете свет горит, – сказал Бертрам.

* * *

– Похоже, нашла, – оповестила Кэндис, вынимая из верхнего ящика шкафа с документами плотную папку. Папка была синяя, с прихватками на резинках и надписью в правом верхнем углу: «Остров Франчески».

Мелани задвинула ящик письменного стола, в котором вела поиски, и подошла к Кэндис. Из прихожей появился Кевин и присоединился к ним.

Освободив папку от резинок, Кэндис открыла ее и высыпала содержимое на лабораторный столик. Там оказались электронные схемы, распечатки компьютерных данных и многочисленные карты. Там же лежал толстый увесистый желтый пакет с надписью сверху: «Мост Стивенсона».

– Теперь покашеварим, – выговорила Кэндис, открывая пакет и запуская в него руку. И извлекла связку из пяти одинаковых ключей на колечке.

– Вау-ля! – воскликнула Мелани. Взяв связку, она принялась снимать с кольца один ключ.

Кевин порылся в картах и вытащил одну – очень подробную контурную. Уже было развернул ее, как уголком глаза уловил проблеск света. Взглянув на окно, увидел сквозь полузакрытые жалюзи отражение лучей от фар на стекле. Быстро подошел к окну, глянул на улицу и тут же застонал:

– Уфф! Машина Зигфрида.

– Быстро! – не растерялась Мелани. – Все это – обратно в шкаф.

Вдвоем с Кэндис они торопливо запихали бумаги обратно в папку, папку поставили на место и задвинули ящик. Едва успели его закрыть, как услышали дребезжание открывающейся входной двери.

– Сюда! – яростно зашипела Мелани, указывая рукой на дверь за столом Бертрама. Все трое быстренько скрылись за этой дверью. Закрывая ее, Кевин расслышал, как открывается дверь в прихожей.

Они попали в одну из смотровых, выложенную белой плиткой, со смотровым столом из нержавеющей стали посередине. Как и в кабинете Бертрама, окна здесь были завешаны. Впрочем, той малости света, что просачивалась внутрь, хватало, чтобы разглядеть дорогу к двери в коридор. На беду, Кевин второпях задел металлическое ведерко, стоявшее на полу возле смотрового стола.

Ведерко звякнуло о ножку стола. В тишине будто в звучный гонг ударили. Мелани в мгновение ока распахнула настежь дверь в коридор и понеслась к лестнице. Кэндис – за ней. Выскакивая в коридор, Кевин слышал, как с грохотом распахнулась дверь кабинета Бертрама. Он понятия не имел, заметили его или нет.

По лестнице Мелани спускалась со всей возможной в неясном свете луны быстротой. Слышала, как следом топают Кэндис с Кевином. Приближаясь к двери в подвал, она сбавила шаг, дожидаясь их. Пришлось повозиться: дверь поддалась далеко не сразу. Было слышно, как над ними, на первом этаже, открылась дверь, ведущая на лестничную клетку, затем раздались тяжелые шаги по металлическим ступенькам.

В подвале темень стояла крошечная, если не считать неясного намека на светящийся прямоугольник вдалеке. Держась друг за друга, они пошли на свет. И только дойдя до него, Кевин с Кэндис поняли, что перед ними пожарная дверь, сквозь щели по периметру которой сочился светлый туман. Мелани, нащупав щель замка, открыла дверь своей магнитной карточкой.

За дверью, попав в ярко освещенный коридор, все трое припустили со всех ног. Внезапно на полпути до конца узкого прохода Мелани остановила их и открыла дверь с табличкой «Патология».

– Быстро! – велела она, указывая внутрь помещения. Кевин и Кэндис слушались ее не прекословя.

Мелани затворила дверь и закрыла ее на задвижку.

Они стояли в общей прихожей для двух анатомичек. Здесь находились размывочные раковины, несколько рабочих столиков, отсюда же большая, хорошо изолированная дверь вела в холодильную камеру.

– Зачем мы сюда забрались? – подрагивающим от испуга голосом спросил Кевин. – Мы же в западне.

– Не совсем, – стараясь не дышать, ответила Мелани. – Сюда! – И, знаком приказав спутникам следовать за ней, свернула за угол. К удивлению Кевина, там оказался лифт.

Мелани нажала кнопку вызова, и сразу же раздались характерные звуки заработавшего подъемника. Одновременно на указателе высветилась тройка, показывая, что кабина находится на третьем этаже.

– Ну давай же! – умоляла Мелани, как будто ее мольбы могли ускорить движение механизма. Лифт был грузовой, а потому спускался изнуряюще медленно. Кабина только-только миновала второй этаж, когда скрипнули петли пожарной двери и кто-то сдавленно чертыхнулся.

Все трое обменялись испуганными взглядами.

– Еще несколько секунд, – проговорил Кевин, – и они будут здесь. Есть другой выход?

Мелани отрицательно покачала головой:

– Только на лифте.

– Придется прятаться, – сказал Кевин.

– Может, в холодильник? – предложила Кэндис.

Не тратя времени на споры, троица метнулась к камере. Кевин открыл дверь. Из-за нее выплыло облачко холодного тумана и стало расплзаться по полу. Кэндис вошла первой, за ней Мелани, после них – Кевин. Он закрыл дверь изнутри. Ручки запоров громко клацнули.

Помещение имело площадь футов двадцать^[15]. Три стены в нем были заняты металлическими стеллажами от пола до потолка, такие же стеллажи высились и по центру. На полках лежали останки нескольких приматов. Больше всего поражало тело громадного самца гориллы с серебристой спиной, лежавшее на средней полке центрального стеллажа. Освещалась камера голыми лампочками в проволочных сетках, которые располагались на потолке над проходами.

Инстинктивно все трое забежали за центральные стеллажи и, присев, спрятались за ними. В морозном воздухе от их тяжелого дыхания образовывались легкие, летучие облачка пара. Пахло не очень приятно, отдавало аммиаком, но – терпимо.

Оказавшись внутри плотно изолированной камеры, Кевин и его спутницы не слышали ни звука снаружи, даже гудения лифта. Во всяком случае, так было до тех пор, пока не раздалось клацанье запора на двери холодильной камеры.

У Кевина сердце замерло, когда открылась дверь. Ожидая увидеть над собой ухмыляющееся лицо Зигфрида, он осторожно приподнял голову и глянул поверх трупа гориллы-великана. И замер, пораженный: это был не Зигфрид. Вошли два человека в фартуках, неся тело шимпанзе. Они молча уложили останки мертвой обезьяны на полку справа прямо у двери и вышли. Едва дверь закрылась, Кевин глянул на Мелани и перевел дух:

– Хуже этого дня у меня в жизни не было.

– Он еще не кончился, – невесело усмехнулась Мелани. – Нам еще предстоит как-то выбраться отсюда. Но мы по крайней мере достали то, за чем пришли. – Она подняла руку и, разжав пальцы, показала лежавший на ладони ключ. Свет желтовато искрился на его хромированной поверхности.

Кевин посмотрел на собственную руку. Не сознавая того, он все еще сжимал в ней подробную карту острова Франчески.

Поднявшись по лестнице, Бертрам включил свет в коридоре. На третьем этаже он зашел в педиатрическое отделение. Спросил работавших там, не пробежал ли кто. Ответили: нет.

Зайдя к себе в смотровую, включил свет и там. На пороге кабинета появился Зигфрид с вопросом:

– Ну и?..

– Не знаю, был здесь кто или нет, – признался Бертрам, глядя на металлическое ведро, сдвинутое со своего места под смотровым столом.

– Вы видели кого-нибудь? – спросил Зигфрид.

Бертрам мотнул головой:

– Нет в общем-то. Может, уборщицы свет не выключили.

– Что ж, это только подтверждает мое беспокойство о ключах, – заметил Зигфрид.

Бертрам кивнул. Подошел к столу и ногой подвинул ведро на обычное место. И, выключив свет, последовал за Зигфридом в свой кабинет.

Он выдвинул верхний ящик в картотечном шкафу, извлек оттуда папку острова Франчески. Снял резинки и вытащил содержимое папки.

– В чем дело? – спросил Зигфрид.

Бертрам не знал, что сказать. Человек, у которого аккуратность вошла в привычку, не мог столь беспорядочно запихать все в папку. Предчувствуя худшее, главный ветеринар взялся за пакет моста Стивенсона, и тут у него немного отлегло от сердца: рука нащупала под бумагой связку ключей.

Глава 12

5 марта 1997 г.

18.45

Нью-Йорк

– Чертовщина какая-то! – вырвалось у Джека. Он не отрывал глаз от микроскопа, на предметном стекле которого находился срез, весьма занимавший Джека вот уже больше получаса. Чет пытался было заговорить с ним, но в конце концов махнул рукой: когда Джек сосредоточен, оторвать его от дела невозможно.

– Рад, что тебе эта возня нравится, – сказал Чет. Он поднялся, готовясь уйти, и уже протянул руку за портфелем.

Джек, откинувшись, тряхнул головой:

– В этом деле все не как у людей. – Глянув на Чета, он удивился, увидев, что тот в пальто. – Ого, ты уходишь?

– Ага, и вот уже минут пятнадцать тщетно пытаюсь распрощаться с тобой.

– Перед уходом глянь сюда, – попросил Джек. И, кивнув на микроскоп, выбрался из-за стола, чтобы освободить место Чету.

Чет задумался. Глянул на часы. В семь часов у него занятия по аэробике, надо быть в зале. Он уже положил глаз на одну девчушку, которая ходила постоянно. Чет и на аэробике-то надумал записаться, чтобы собраться с духом и познакомиться с ней. Пока не везло: избранница находилась в форме, до какой самому ему было далеко, когда занятия заканчивались, Чет дышать-то мог с трудом, не то что к девчушке клеиться.

– Давай, давай, атлет, – подзадоривал приятеля Джек. – Одари меня золотом своей мудрости.

Чет бросил портфель, нагнулся и прильнул к окулярам микроскопа. Джек ничего не разьяснил, и Чет у поначалу пришлось соображать, с какой тканью он имеет дело. Сообразив, сказал:

– Значит, ты все еще пялишься на этот мороженный срез печени?

– Он развлекает меня с самого полудня, – признался Джек.

– Может, лучше подождать обычных срезов? – размышлял Чет вслух. – От этих мороженных не так-то много толку.

– Я попросил Морин приготовить нормальные как можно быстрее, – сказал Джек. – Но пока ничего другого у меня нет. Что скажешь про место под стрелкой?

Чет подкрутил ручку фокусировки. Среди множества трудностей работы с замороженными срезами есть и та, что они зачастую толсты, а потому строение клеток видится смазанным.

– Я бы сказал, что похоже на гранулему, – объявил Чет.

Гранулема – это сигнал, который клетка подает при хроническом, на клеточном уровне, воспалении.

– И я того же мнения, – сказал Джек. – А теперь сместись немного вправо. Там видна часть поверхности печени. Что видишь?

Чет выполнил просьбу, про себя думая о том, что, если он опоздает в зал, там среди занимающихся аэробикой уже приткнуться будет некуда. Занятия в их группе вел тренер, к которому народ валом валил. Вслух же он произнес:

– Вижу нечто, напоминающее большую рубцеватую кисту.

– Ты такое хоть когда-нибудь видел?

– Не сказал бы. Если честно, выглядит она, признаться, довольно причудливо.

– Хорошо сказано, – похвалил Джек. – Теперь позволь задать тебе вопрос.

Чет поднял голову и взглянул на приятеля. Крупный лоб Джека весь пошел морщинами, мимика лица отражала сумятицу в мыслях.

– Похоже это на печень, какую можно было бы ожидать у относительно недавно перенесшего пересадку?

– Нечистая сила, нет! – воскликнул Чет. – Готов предположить острое воспаление в той или иной форме, но, конечно же, не гранулему. Особенно если процесс, судя по лопнувшей поверхностной кисте, зашел так далеко.

Джек громко вздохнул:

– Спасибо! А то я уж начал было сомневаться в своих умственных способностях. Рад слышать, что не все потеряно: мы оба пришли к одному и тому же заключению.

– Тук, тук, тук! – послышался голос.

Оглянувшись, Джек с Четом увидели стоявшего в дверях Теда Линча, заведующего лабораторией ДНК. Человек он был рослый, под

стать Кэлвину Вашингтону, когда-то играл полузащитником на чемпионате Америки за Принстон, пока не ушел в аспирантуру.

– У меня для вас, Джек, есть кое-какие результаты, – сообщил Тед. – Но, боюсь, не о таких вам хотелось бы услышать, а потому я решил спуститься к вам и сам все рассказать. Мне известно, что вы полагали, будто в данном случае имеете дело с пересадкой печени, однако Ди-кью-альфа дала полное сходство, что означает: печень у пациента собственная.

Джек взметнул руки вверх со словами:

– Сдаюсь!

– Все же, – продолжил Тед, – оставался шанс, что мы имеем дело с трансплантатом. В последовательности Ди-кью-альфа возможен двадцать один генотип, и анализ не может четко выявить около семи процентов всей совокупности. Тогда я пошел дальше и проверил группы крови АВО на хромосоме-девять. Там тоже обнаружено полное сходство. Если соединить оба результата, то вероятность того, что печень не принадлежит самому пациенту, весьма и весьма ничтожна.

– Я разбит в прах, – сокрушался Джек. Переплетя пальцы все еще поднятых рук, он обхватил ими затылок. – Я ведь даже позвонил одному приятелю-хирургу и спросил, от чего еще могут появиться швы на подвздошной вене, печеночной артерии и в желчной системе. Он ответил: ни от чего, речь может идти только о пересадке.

– Что могу сказать? – пожал плечицами Тед. – Разумеется, вам в угоду я бы с радостью состряпал нужные результаты. – Он рассмеялся, а Джек сделал вид, будто наносит Теду сильный удар рукой.

Настойчиво затрезвонил телефон. Джек, знаком попросив Теда задержаться, поднял трубку и грубовато спросил:

– Вам чего?

– Я ухожу, – заявил Чет и, махнув на прощание Джеку, протиснулся мимо Теда.

Джек слушал внимательно. Понемногу выражение его лица менялось: от раздраженности к заинтересованности. Несколько раз он кивнул, не сводя глаз с Теда. Обращаясь к нему, поднял палец и губами изобразил: «Одну минуту».

– Конечно, конечно, – говорил Джек в трубку. – Если в ЮНОС считают, что нужно поискать в Европе, давайте попробуем. – Он

бросил взгляд на часы. – Конечно, там теперь за полночь, но сделайте все возможное!

Джек положил трубку и сказал:

– Это Барт Арнольд. Я все судебно-медицинское управление на уши поставил: ищут пропавшего больного, кому недавно была сделана пересадка печени.

– Что такое ЮНОС? – спросил Тед.

– Организация ООН по распределению органов, – пояснил Джек.

– Что-то получилось? – поинтересовался Тед.

– Ничего, – вздохнул Джек. – Барт запросил даже все крупные центры, производящие пересадку печени.

– Может, это все-таки не трансплантат, – сказал Тед. – Говорю же вам: вероятность того, что оба моих анализа дали совпадающие результаты случайно, и впрямь ничтожно мала.

– Я убежден, что это трансплантат, – настаивал Джек. – Нет никакой поэзии, ни смысла в том, чтобы вырезать у человека печень, а потом вшить ее обратно.

– Вы уверены?

– Конечно, уверен.

– Похоже, вас сильно захватило это дело, – заметил Тед.

Джек, издав саркастический смешок, признался:

– Я для себя решил: раскрою эту загадку, будь хоть вселенский пожар, хоть всемирный потоп. Не сумею – сам себя уважать перестану. Не так уж много тех, кому печень пересадили. И если я с этим разобраться не могу, значит, вообще пора завязывать.

– Ладно, – сказал Тед. – Скажу вам, что я еще могу. Могу запустить полимаркер, который сравнивает участки на хромосомах четыре, шесть, семь, девять, одиннадцать и девятнадцать. Вероятность совпадения окажется миллиарды к одному. А для успокоения собственного разума я даже согласую Ди-кью-альфа образца печени и самого пациента, чтобы попытаться выяснить, каким образом они совпали.

– Буду признателен вам за любые усилия. – Джек прижал руку к сердцу.

– Вот что, я прямо сейчас поднимусь к себе и сегодня же начну, – загорелся Тед. – Тогда уже завтра у меня будут результаты.

– Какая щедрость! – восхитился Джек. Он вытянул открытую ладонь, и Тед с улыбкой шлепнул по ней своей.

Когда Тед ушел, Джек выключил лампочку под приборным стеклом микроскопа. Ему казалось, будто лежавший на стеклышке срез дразнит его, манит ставящими в тупик тонкостями. А он и так успел наглядеться на него до рези в глазах.

Несколько минут Джек сидел за столом, вперив взгляд в кипу незаполненных дел. Папки громоздились стопками разной вышины. Даже по его умеренному счету, их набралось штук двадцать пять – тридцать. Норма явно превышена. Страстью к писанине Джек никогда не пылал, когда же с головой уходил в какое-нибудь особенное дело, писалось еще хуже.

Понося себя на чем свет стоит за собственную неумелость, Джек резко встал из-за стола и сдернул с вешалки на обратной стороне кабинетной двери короткую кожанку. Хватит: насиделся и надумался до упора. Нужно предаться чему-то, где ума не надо, а сил выложишь немало. Словом, вперед: родная баскетбольная площадка ждет.

* * *

С моста Джорджа Вашингтона открывался захватывающий вид на Большой Нью-Йорк. Франко Понти повернул было голову, чтобы полюбоваться, но не получилось: в часы пик головой не покрутишь. Франко сидел за рулем угнанного легкового «форда», держа путь на Энглвуд, штат Нью-Джерси. Анжело Фацциоло раскинулся на сиденье рядом с водительским, уставившись неподвижным взглядом в лобовое стекло. Оба были в перчатках.

– Видок слева – обалдеть, – заговорил Франко. – Глянь, сколько огней. Весь этот охеренный остров видно и даже статую Свободы.

– Ага, уже видели, – угрюмо отозвался Анжело.

– Что с тобой? – спросил Франко. – Ведешь себя, будто пыльным мешком стукнутый.

– Не по мне такая работа, – процедил Анжело. – Напоминает, как Керино когда-то крышей тронулся и послал нас с Тони Руггеро по всему этому чертову городу рыскать и тем же дерьмом заниматься. Мы должны своего дела держаться и связываться с нормальными людьми.

– Винни Доминик – это тебе не Паули Керино, – назидательно заметил Франко. – И потом, что плохого в том, чтобы лишнюю легкую денежку отхватить?

– Денежка – это здорово, – согласился Анжело. – Только мне риск не нравится.

– Ты про что? – вскинулся Франко. – Нет никакого риска. Мы же профессионалы. Мы на риск не идем.

– Всегда какая-нибудь подлянка да выскочит, какую и не ждешь, – сказал Анжело. – Меня вот взять: всю жизнь чего не жду, на то и налетаю.

Франко глянул на обезображенное лицо Анжело, силуэтом видневшееся в полумраке салона. Он понимал: напарник говорит не шутя, ничуть не шутя, – и потому спросил:

– Ты о чем толкуешь-то?

– О том, что эта самая Лори Монтгомери влезла, – выговорил Анжело. – Меня из-за нее кошмары по ночам мучат. Мы с Тони хотели посчитаться с ней, да не смогли. Ее будто Бог бережет.

Франко, несмотря на всю серьезность Анжело, расхохотался:

– Этой Лори Монтгомери писать кипятком от счастья надо, что мужика с твоей-то славой от нее кошмарит. Смех да и только.

– Лично я не вижу тут ничего смешного, – угрюмо бросил Анжело.

– Не заводись на меня, – примирительно сказал Франко. – И потом, вряд ли она замешана в том, что мы тут делаем.

– Дела связанные, – возразил Анжело. – К тому же она заявила Винни Амендоле, что выяснить, как мы умыкнули тело Франкони из морга, – ее личное дело.

– И как же у нее это получится? – хмыкнул Франко. – Потом, если будет хуже некуда, сделать черную работу мы послали Фредди Капузо с Ричи Хернсом. Думаю, тут ты с выводами торопишься.

– Да ну? – Анжело тяжело повернулся влево. – Ты эту бабу не знаешь. Настырная сучка.

– Ладно! – бросил, уступая, Франко. – Хочешь профилонить – скатертью дорога.

Добравшись до конца моста со стороны Нью-Джерси, Франко направил машину прямо к межштатной автостоянке у Палисэйдз-авеню. Анжело упорно продолжал дуться, и он, дотянувшись до ручки,

включил радио. Понажимав несколько кнопок, отыскал станцию, которая передавала «песни старые, но душевные». Сделав погромче, Франко принялся подпевать певцу, исполнявшему «Милую Каролину». На втором куплете Анжело подался вперед и выключил радио.

– Твоя взяла, – произнес он. – Буду бодр и весел, если дашь слово не петь.

– Не нравится, как я пою? – Франко изобразил обиду. – Для меня в этой песне столько милых воспоминаний! – Он смачно чмокнул. – Напоминает, как я с Марией Проволоне любовь крутил.

– Этого я трогать не собираюсь, – сказал Анжело и, сам того не желая, рассмеялся. Работой с Франко Понти он дорожил. Франко – профессионал. И чувство юмора у него есть, чего сам он – это Анжело понимал – был лишен.

Франко выехал на Палисэйдз-авеню, миновал дорогу 9W и направился на запад вниз по длинному спуску к Энглвуду. С въездом в Нью-Джерси стала быстро меняться обстановка по сторонам дороги: другие вывески забегаловок и закусочных, иного обличья заправки и фешенебельные виллы.

– У тебя карта и адрес при себе? – спросил Франко.

– При мне, – ответил Анжело. Подняв руку, включил лампу, направив ее свет на карту. – Нам нужна Оверлук-плэйс. Слева будет.

Отыскать Оверлук-плэйс оказалось легко, и спустя пять минут они уже ехали по извилистой улице, обсаженной по сторонам деревьями. Лужайки, простирившиеся от тротуаров до невероятно вместительных домов, были так велики, что казались проходами меж полями на громадной площадке для гольфа.

– Представляешь, если жить в таком местечке, а? – проговорил Франко, крутя головой из стороны в сторону. – Черт, да я в тут, из дому выйдя, век бы до улицы не добрался.

– Не нравится мне это, – бросил Анжело. – Чересчур тихо да мирно. Мы тут торчать будем, как забинтованный палец на руке.

– Слушай, не дави себе на психику зря, слабину не давай, – сказал Франко. – Мы же пока только разведку ведем и ничего больше. Нам какой дом нужен?

Анжело сверился с бумажкой, которую держал в руке:

– Дом восемь на Оверлук-плэйс.

– Он, стало быть, будет от нас слева, – заметил Франко. Машина проезжала мимо дома номер двенадцать.

Вскоре Франко сбавил газ и остановился у правой кромки дороги. Они с Анжело молча смотрели на петляющую подъездную дорожку со старинными фонарями по бокам, которая вела к внушительному зданию в стиле Тюдоров. Задником для него служили устремленные ввысь сосны. В большинстве громадных окон горел яркий свет. Участок занимал место под стать футбольному полю.

– Прямо замок какой-то, черт его подери! – зло процедил Анжело.

– Признаться, и я на такое не рассчитывал, – в тон ему высказался Франко.

– Ну и что делать станем? – задал вопрос Анжело. – Не сидеть же тут попусту. Нам ни единой машины не попало с тех пор, как мы с главной улицы съехали.

Франко поставил машину на ход. Он понимал: Анжело прав. Здесь им ждать нельзя. Кто-нибудь обязательно засечет их, почует неладное и вызовет полицию. Они уже раз проезжали мимо идиотского щита «Окрестности под наблюдением», на котором был намалеван силуэт малого в косынке, повязанной по-пиратски.

– Надо побольше узнать об этой шестнадцатилетней птахе, – сказал Анжело. – Вроде того где она в школу ходит, чем любит заниматься, кто у нее друзья. Мы не можем рисковать, беря дом на мушку. Тут глухо.

Франко, соглашаясь, что-то буркнул. Он уже собирался дать газу, когда заметил крохотную фигурку, появившуюся перед домом. С такого расстояния трудно было понять, мужчина это или женщина.

– Кто-то вышел, – сказал он.

– Заметил, – отозвался Анжело.

Двое в молчании следили, как фигура спустилась по каменным ступеням и пошла от дома к улице.

– Мужик или баба, а все равно толстый, – произнес Франко.

– И у них собачка, – добавил Анжело.

– Святая Мадонна, – воскликнул Франко несколько секунд спустя, – это ж наша девочка!

– Не верится, – засопел Анжело. – Ты всерьез, что это Синди Карлсон? Не привык я, чтобы все так легко да просто.

Удивленные, оба бандита смотрели, как девочка шла к тротуару, словно собиралась поздороваться с ними. Впереди нее семенил коричневатый карликовый пудель с торчащим вверх хвостиком-помпоном.

– Что делать будем? – воскликнул Франко. Ответа он не ждал: так, думал вслух.

– Может, под полицию сработаем? – предложил Анжело. – У нас с Тони это всегда получалось.

– Дело говоришь, – кивнул Франко и, повернувшись к Анжело, протянул руку: – Дай-ка я попользуюсь твоим значком полицейского с Озон-парк.

Анжело залез в жилетный карман дорогого костюма, извлек из него похожую на бумажник оболочку значка и вручил ее Франко.

– Ты пока посиди, – велел Франко. – Ни к чему ее с панталыку сбивать твоим личиком.

– Мерси на добром слове, – кисло огрызнулся Анжело. Он очень заботился о своей внешности, одевался с иголки, тщетно стараясь скрасить впечатление от лица, которое избородили уродливыми следами и детская ветрянка, и мерзкие подростковые прыщи, и ожог третьей степени от взрыва пятилетней давности. По иронии судьбы взрыв подстроила как раз Лори Монтгомери.

– Ах, какие мы нежные, – поддразнил напарника Франко и слегка шлепнул того по затылку. – Знаешь же, что мы тебя любим, даром что с такой физией тебе в фильмах ужасов самое место.

Анжело отбил руку Франко. Рассуждать про свою наружность он позволял всего двоим людям: Франко и боссу, Винни Доминику. Но и в этих случаях радости не испытывал.

Девочка уже почти вышла на улицу. Одетая она была в розовый пуховик, отчего выглядела еще полнее. Одутловатое лицо усыпали мелкие прыщики. Волосы, разделенные ровным пробором, падали прямыми прядями.

– Как, смахивает на Марию Проволоне, а? – попытался поддеть напарника Анжело.

– Очень смешно, – парировал тот и, открыв дверцу, вышел из машины. – Прошу прощения, – окликнул он девушку, изо всех сил стараясь быть повежливее. Курил он напропалую с восьми лет, а

потому обычно голос его звучал грубо и как бы надтреснуто. – Вы, случайно, не знаменитая ли Синди Карлсон будете?

– Возможно, – ответила девочка. – А вам какое дело? – Она встала у края подъездной дорожки. Песик задрал ножку у стойки ворот.

– Мы полицейские, – сказал Франко, вытянув значок так, чтобы свет от уличного фонаря сверкнул на его гладкой поверхности. – Расследуем дело одних ребят из города, и нам сказали, что вы могли бы нам помочь.

– Правда, что ли? – произнесла Синди.

– Чистая правда. Будьте добры, подойдите сюда, мой коллега хотел бы поговорить с вами.

Синди глянула влево, потом вправо, хотя за последние пять минут мимо не проехала ни одна машина. Оглянувшись, перешла улицу, таща за собой песика, который до этого сосредоточенно обнюхивал ствол высокого вяза.

Франко посторонился, и Синди Карлсон, подойдя к машине, склонилась и глянула в окно у переднего сиденья на Анжело. Слово не успело сорваться с губ девочки, как Франко пихнул ее в машину головой вперед.

Синди взвизгнула, но Анжело тут же утихомирил ее и втащил внутрь машины. Франко резко выдернул из руки Синди поводок и ногой отшвырнул пуделька. Затем протиснулся на переднее сиденье, вдавив Синди в Анжело. Включил скорость, и машина поехала прочь.

* * *

Лори сама себе дивилась. После того как ей доставили видеозапись Франкони, она умудрилась отвлечься и полностью отдалась писанине. Работала споро и сделала немало: на уголке стола радовала глаз аккуратная стопка папок с законченными отчетами.

Придвинув поднос с гистологическими образцами, она взялась за последнее дело, которое могла завершить на основе имевшихся у нее материалов и отчетов. Склонившись к микроскопу, чтобы исследовать первый образец, услышала стук в открытую дверь кабинета. Вошел Лу Солдано.

– Чем вы тут заняты в такую поздноту? – спросил Лу. Он тяжело опустился на стул рядом со столом Лори, не выказав никакого намерения снять пальто или сдвинутую на затылок шляпу.

Лори посмотрела на часы и воскликнула:

– Боже, я даже счет времени потеряла!

– Я пробовал дозвониться вам домой, проезжая по Куинсборскому мосту. А когда не застал, решил заехать сюда. Возникло подлое подозрение, что вы еще на работе. Знаете, а вы вкалываете чересчур усердно!

– Кто бы говорил! – ответила Лори с игривой насмешкой. – Посмотрите на себя! Вы когда спали толком в последний раз? Я о нормальном сне говорю, а не о том, чтобы за рабочим столом прикорнуть.

– Поговорим о вещах более приятных, – остановил ее Лу. – Может, перекусим чего-нибудь? Мне нужно бежать в управление, там на часок работы: нужно кое-что продиктовать, – а потом я с радостью куда-нибудь закатился бы. Дети у тетки, да пребудет с ней любовь Господня. Вы как насчет макарончиков поесть?

– Вы уверены, что годны для выхода в свет? – пошутила Лори. Круги под темными глазами Лу доходили чуть не до середины носа. Щетина на щеках и подбородке явно превышала допустимую пятичасовую норму. На взгляд Лори, такая дня за два отрастает.

– Мне надо поесть, – сказал Лу. – Вы долго намерены работать?

– Последнее дело смотрю. Может, еще на полчаса.

– Вам тоже надо поесть.

– Как у вас с делом Франкони, продвинулись? – поинтересовалась Лори.

Лу вздохнул – тяжело и сокрушенно:

– Хотелось бы. С этими бандитскими разборками прямо беда: если быстренько не ущучишь, след стынет моментально. Зацепки, на которую я надеялся, так и не получилось.

– Сочувствую.

– Спасибо. А у вас как? Есть новые соображения, как тело Франкони исчезло отсюда?

– След почти такой же стылый. Кэлвин даже мне выволочку устроил за допрос ночного санитара в покойнице. А я всего-навсего

с ним парой фраз перебросилась. Боюсь, начальство хочет, чтобы случай этот забылся.

– Значит, Джек был прав, советуя вам бросить все.

– Наверное, – неохотно согласилась Лори. – Только не говорите ему об этом.

– Жаль, у комиссара нет желания, чтобы случай позабылся, – печально улыбнулся Лу. – Черт, меня из-за этого могут в звании понизить.

– Одна мысль мне и впрямь не дает покоя, – призналась Лори. – Похоронная контора, забравшая тело в ночь, когда исчез Франкони, называется «Сполетто». Она находится на Озон-парк. Мне это название показалось знакомым. Потом вспомнила, что как раз там было совершено одно из самых гадких убийств, убили молодого гангстера во время дела Керино. Вы думаете, просто так совпало, что именно они приезжали сюда в ту ночь, когда исчез Франкони?

– Думаю. И скажу вам почему. Мне эта похоронная контора знакома еще с тех пор, как я боролся с организованной преступностью в Куинсе. Есть непрочная и по виду непорочная брачная связь между похоронным бюро «Сполетто» и преступным сообществом Нью-Йорка. Только связь – с другим семейством. Сполетто связан с кланом Лючия, а не с людьми Вакарро, которые убили Франкони.

– Ну и ладно, – сказала Лори. – Это так, просто подумалось.

– Послушайте, я же не корю вас за то, что вам пришла такая мысль, – убеждал Лу. – Памятливость ваша меня всегда поражала. Не уверен, что сам я связал бы одно с другим. И все-таки, может, поужинаем где-нибудь?

– У вас такой усталый вид, что, может, лучше приедете ко мне, поедим спагетти? – предложила Лори. С годами Лу и Лори очень крепко сдружились. Пять лет назад, оказавшись вместе в деле Керино, они попробовали было поиграть во влюбленность. Только ничего из этого не получилось. И тогда они решили: будем друзьями. За эти годы они никогда не забывали пару раз в месяц поужинать вместе.

– Вы не против? – спросил Лу. Для него мысль о том, что можно будет раскинуться на кушетке в квартире Лори, обещала райское блаженство.

– Вовсе нет, – кивнула Лори. – Более того, так даже лучше. У меня в холодильнике есть соус и много всякой всячины для салата.

– Отлично! – воскликнул Лу. – Я по пути прихватил бутылочку кьянти. Позвоню, когда буду выезжать из управления.

– Прекрасно, – сказала Лори.

Когда Лу ушел, Лори вернулась к образцу под микроскопом. Но приход Лу выбил ее из рабочей колеи, вновь напомнив про дело Франкони. Кроме того, она устала смотреть в микроскоп. Откинувшись на спинку стула, потеряла глаза.

– Черт меня возьми! – вырвалось вдруг у нее. Лори вздохнула и обвела взглядом покрытый паутиной потолок. Всякий раз, спрашивая себя, каким образом тело Франкони могло пропасть из морга, она заново впадала в отчаяние. Да еще виноватой себя чувствовала, что практически ничем не сумела помочь Лу.

Лори поднялась, взяла пальто, защелкнула замок портфеля и вышла из кабинета. Но из морга не ушла. Вместо этого отправилась вниз, решив еще раз побывать в покойнице. Был вопрос, который ее мучил и который она в прошлый раз забыла задать Марвину Флетчеру, ночному санитару.

Когда она вошла, Марвин, сидя за столом, деловито заполнял бумаги, нужные для предстоящих вечером вывозов тел. Марвин был одним из тех, с кем Лори больше всего нравилось работать на пару. Он работал в дневную смену накануне трагического убийства Брюса Помовски во время дела Керино. После того случая его перевели работать по ночам. Это означало повышение, поскольку на ночных санитарях лежит куда больше ответственности.

– Привет, Лори! Что случилось? – заговорил Марвин, едва завидя ее. Симпатичный афроамериканец, он обладал такой изумительно гладкой кожей, какой Лори ни у кого больше не видела. Она, казалось, светилась, будто изнутри светом омытая.

Поболтав с Марвином несколько минут о том о сем и выведав у него все ведомственные сплетни про день минувший, Лори перешла к делу:

– Марвин, должна вас кое о чем спросить, только не хочу, чтобы вы обижались. – Лори покоя не давала реакция Марка Пассано на ее расспросы, и она, понятно, не хотела, чтобы еще и Марвин пожаловался Кэлвину.

– О чем? – поинтересовался Марвин.

– Франкони. Хотела спросить, почему вы не сделали рентген тела?

– Вы это про что? – недоуменно поднял брови Марвин.

– Про то, о чем спросила. В папке для вскрытия не было оттиска с рентгеновского снимка, а здесь не оказалось самих снимков, когда я смотрела, прежде чем обнаружила, что тело пропало.

– Я рентген сделал, – твердо сказал Марвин. Видно было, как обидны ему слова Лори о том, что он этого не делал. – Я всегда по прибытии везу тело на рентген, если только доктор не говорит, что снимки не нужны.

– Тогда где оттиск, где снимки?

– Послушайте, что случилось с оттиском, я не знаю. Снимки – другое дело: они отправились с доктором Бинэмом.

– Бинэм их взял? – переспросила Лори. Даже это казалось странным, хотя она поняла, что Бинэм, наверное, намеревался сам проводить утром вскрытие.

– Он мне сказал, что возьмет их к себе в кабинет, – пояснил Марвин. – Мне что прикажете делать, убеждать босса, что снимки брать нельзя?! Ну уж нет! Только не этого пижона.

– Вы, разумеется, правы, – рассеянно произнесла Лори.

Ее охватило волнение. Вот и новый сюрприз. Существуют снимки тела Франкони! Конечно, это не так много значит, если нет самого тела, но все же интересно, почему ей об этом не сказали? С другой стороны, с Бинэмом они не виделись до того, как стало известно, что тело Франкони украли.

– Что ж, рада, что поговорила с вами, – сказала Лори, выходя из задумчивости. – И прошу прощения, что подумала, будто вы способны забыть сделать снимки.

– Послушайте, уже забыл, – весело ответил Марвин.

Лори собралась было уходить, как вдруг вспомнила про похоронное бюро «Сполетто». И по какой-то причуде спросила об этом Марвина. Тот пожал плечами:

– Вы что хотите выяснить? Я не так много знаю. В бюро этом никогда не был, вы понимаете, о чем я толкую.

– Что за люди приезжают из этого бюро? – спросила Лори.

– Обыкновенные. – Марвин опять пожал плечами. – Я их, наверное, всего пару раз и видел. А что бы вы хотели от меня услышать?

Лори кивнула, сказав:

– Глупый был вопрос. Не знаю, зачем я его задала.

Выйдя из покойницкой, она спустилась вниз и вышла из морга через грузовой въезд на Тридцатую улицу. Ей казалось, что в деле Франкони вообще ничего нормального нет.

Она уже добралась до Первой авеню и шагала по ней, но неожиданно еще одна причуда одолела ее. Ей вдруг показалась весьма привлекательной мысль посетить похоронное бюро «Сполетто». Секунду поколебалась, оценивая эту мысль, потом сошла с тротуара и взмахнула рукой, подзывая такси.

– Куда едем, леди? – спросил водитель. На его лицензии на извоз Лори разобрала имя: Майкл Ньюман.

– Где Озон-парк, знаете? – спросила она.

– Само собой, это за Куинсом, – ответил таксист. Он оказался старше, чем ей показалось: Майклу давно перевалило за шестьдесят. Восседал он на подушке из вспененной резины, которая торчала из всех швов. Спинку водительского сиденья укрывало сооружение из крупных деревянных бусин.

– Долго туда добираться? – поинтересовалась Лори. Если бы поездка заняла несколько часов, она бы не поехала.

Майкл, раздумывая, поджал губы, отчего лицо его обрело вопрошающее выражение. Ответил туманно:

– Не долго. Машин мало. Я, по правде, только что из аэропорта Кеннеди – с ветерком домчали.

– Едем, – решила Лори.

Как Майкл и обещал, поездка заняла немного времени, особенно после того, как они выбрались на автостраду. Пока ехали, Лори узнала, что такси Майкл водит уже больше тридцати лет. Человек разговорчивый и себе на уме, он к тому же был по-отечески обаятелен.

– Знаете, где в Озон-парк Золотая дорога? – спросила Лори. Она была польщена тем, что ей попался такой опытный таксист. Адрес похоронного бюро «Сполетто» она помнила по справочнику, увиденному в покойницкой. Название улицы запало в память как метафорическое обозначение того бизнеса, каким занималось бюро.

– Золотая дорога, – приговаривал Майкл. – Нет проблем. Продолжение Восемьдесят девятой улицы. Вам жилой дом нужен или что еще?

– Я ищу похоронное бюро «Сполетто», – сказала Лори.

– Домчу в один момент.

Лори, довольная, откинулась на спинку сиденья, вполуха слушая нескончаемую болтовню Майкла. На какое-то время показалось, что удача улыбнулась ей. Побывать в похоронном бюро «Сполетто» она решила еще и потому, что Джек наверняка ошибался. Контора все же имела связь с гангстерами, и, хотя Лу утверждал, что речь идет о другом семействе, тот факт, что связь все же имелась, вызывал у Лори подозрение.

Верный слову, Майкл поразительно быстро домчал до трехэтажного обшитого доской и выкрашенного в белый цвет здания, втиснутого между несколькими доходными домами из кирпича. Греческие колонны поддерживали крышу широкого белого навеса над главным входом. Застекленная, освещенная изнутри витрина, установленная на крошечной лужайке, гласила: «Похоронное бюро „Сполетто“, семейный бизнес, два поколения заботы».

В заведении работа шла полным ходом. Все окна сияли светом. Перед входом стояла кучка курильщиков. В окнах первого этажа были видны группы людей.

Майкл собирался выключить счетчик, как вдруг Лори попросила:

– А может, подождете меня? Я, честное слово, всего на несколько минут, а такси тут, кажется, поймать будет трудно.

– Само собой, леди, – согласился таксист. – Нет проблем.

– Можно, я портфель оставлю? В нем нет ничего ценного.

– Все равно будет целехонек.

Лори вышла из машины и пошла к конторе, чувствуя, как душа уходит в пятки. Она помнила – будто это было вчера – дело, которое доктор Дик Катценберг доложил на дневной планерке в тот давний, пять лет назад, вторник. Мужчину двадцати с лишним лет фактически заживо забальзамировали в похоронном бюро «Сполетто» за его участие в попытке плеснуть аккумуляторной жидкостью в лицо Паули Керино.

Лори содрогнулась, но заставила себя подняться по ступеням у входа. Ей, видно, так и не удастся полностью отделаться от всего, что связано с делом Керино.

Курильщики не обратили на нее внимания. Сквозь закрытую парадную дверь доносилась приятная органная музыка. Лори потянула дверь на себя. Та оказалась не заперта, и она вошла.

Звуков внутри, не считая музыки, слышалось мало. Полы были плотно устланы коврами. Группки людей стояли по кругу у входа в зал, чуть слышно перебрасываясь редкими фразами.

Слева от Лори находился зал, где были выставлены тонкой работы гробы и урны. Справа – зал прощания, там на раскладных стульях сидели люди. В дальнем углу зала стоял утопавший в цветах гроб.

– Чем могу служить? – спросил кто-то мягким голосом.

Лори и не заметила, как подошел тощий мужчина примерно одних с ней лет. Черты его аскетического лица таили печаль. Одет он был во все черное, не считая белой сорочки. Явно кто-то из служащих заведения. Лори он показался живым воплощением пуританского проповедника.

– Вы пришли сюда почтить память Джонатана Дибартоло? – спросил тощий.

– Нет, – ответила Лори, – Фрэнка Глисона.

– Прошу прощения? – переспросил тощий.

Лори повторила имя и фамилию. Возникла пауза.

– А вас зовут?.. – выговорил наконец тощий.

– Доктор Лори Монтгомери.

– Прошу прощения, я на одну минуту, – произнес тощий и ушел, не переставая отвешивать поклоны.

Лори оглядела пришедших проститься с покойным. Эту сторону смерти ей довелось пережить всего однажды. Ей было пятнадцать лет, когда от передозировки умер ее девятнадцатилетний брат. Несчастье болезненно сказалось на девочке, но особенно на нее подействовало то, что именно она нашла брата мертвым.

– Доктор Монтгомери, – напевно зазвучал мягкий, елейный голос, – меня зовут Энтони Сполетто. Насколько я понимаю, вы пришли почтить память мистера Фрэнка Глисона.

– Верно, – подтвердила Лори. И повернулась лицом к человеку, также одетому в черный костюм. Он был тучен и на вид так же елеен, как и его голос. Лоб его лоснился в ярком свете ламп.

– Боюсь, что этого вам сделать не удастся, – едва не пропел мистер Сполетто.

– Я звонила днем, и мне сказали, что прощание сегодня, – сказала Лори.

– Да, разумеется, – держал ноту мистер Сполетто. – Только оно состоялось днем. По просьбе семьи усопшего прощание проходило с четырех до шести часов – и на том закончилось.

– Понятно. – Даже эта короткая реплика далась Лори с трудом. Решившись нанести визит в похоронное бюро, она ничего особого не замышляла и надеялась, что прощание с телом даст ей возможность для маневра. И вот – тела нет, а она не знает, что делать дальше. – Возможно, я смогу хотя бы расписаться в книге соболезнований, – сказала она.

– Боюсь, и этого вам сделать не удастся, – прозвучал знакомый напев. – Семья уже забрала ее с собой.

– Что ж, нельзя так нельзя. – Лори сопроводила свои слова безвольным движением рук.

– К сожалению, – в тон ей напел мистер Сполетто.

– Не знаете, когда состоятся похороны? – спросила Лори.

– В данный момент – нет.

– Благодарю вас.

– Не за что. – Мистер Сполетто любезно открыл перед Лори дверь.

Лори вышла и села в ожидавшее такси.

– Теперь куда? – спросил Майкл.

Лори попросила отвезти ее домой, на Девятнадцатую улицу, и, подавшись вперед, внимательно оглядывала похоронное бюро «Сполетто», пока такси проезжало мимо. Зряшная оказалась поездка. А так ли это? Беседуя с мистером Сполетто, она через некоторое время поняла, что лоб у того вовсе не лоснился. Толстяка просто пот прошибал, хотя температура в траурных покоях была довольно низкой. Лори почесала висок указательным пальцем, соображая, есть ли в этом что или она в очередной раз хватается за соломинку.

– Приятель был? – спросил Майкл.

– Приятель? Кто?

– Да усопший-то.

У Лори помимо воли вырвался смешок, и она покачала головой:

– Едва ли.

– Я вас понимаю, – заговорил Майкл, глядя на пассажирку в зеркальце. – Нынче отношения людей – штука сложная. И, скажу вам, это оттого, что...

Лори улыбнулась и откинулась на спинку сиденья, слушая. Она любила философствующих таксистов, а Майкл среди своих коллег был сущим Платоном.

Когда машина остановилась у дома Лори, та через стеклянную дверь подъезда увидела знакомую фигуру в вестибюле. Прислонившись сутулой спиной к почтовым ящикам, там стоял Лу Соддано, тиская в руке бутылку вина в соломенной оплетке. Лори расплатилась с Майклом, не забыв щедро дать на чай, и поспешила в парадное.

– Не сердитесь, – извинилась она. – Я думала, вы позвоните, прежде чем приехать ко мне.

Лу моргнул, словно очнулся от сна, и, поборов короткий приступ кашля, произнес:

– Я звонил. Попал на автоответчик. Ну и оставил сообщение, что уже еду.

Лори, отпирая дверь в свою секцию, глянула на часы. Обернулась она за час с небольшим, как и рассчитывала.

– Я думал, вы на работе всего на полчаса задержитесь, – сказал Лу.

– Я была на работе, – сообщила Лори, вызывая лифт. – Проехалась в похоронное бюро «Сполетто».

Лу осуждающе сдвинул брови.

– Только не надо сыпать мне соль на рану, – попросила Лори, когда они входили в кабину лифта.

– Ну и что вы обнаружили? Почившего в бозе Франкони? – насмешливо поинтересовался Лу.

– Будете продолжать в том же духе, я вам ни слова не скажу, – обиделась Лори.

– Ладно, виноват, извините.

– Ничего я не обнаружила. Тело, на которое я пришла посмотреть, уже убрали. Семья попросила прекратить прощание в шесть часов.

Кабина остановилась, лифт открылся. Пока Лори возилась с ключами и замками, Лу сделал книксен, приветствуя Дебру Энглер, чья дверь, как обычно, была открыта на длину цепочки.

– Зато директор вел себя несколько подозрительно, – сказала Лори. – Во всяком случае, так мне показалось.

– С чего? – спросил Лу, переступая порог квартиры Лори. Из спальни стремглав вылетел Том и, мурлыча, стал тереться о ноги хозяйки.

Лори, бросив портфель на сферический, похожий на половинку луны, приставной столик в прихожей, нагнулась и принялась почесывать кота за ушами.

– Очень он потел, пока я с ним разговаривала, – пояснила она Лу.

Тот даже застыл, так и не успев снять пальто, и спросил:

– И все? Потел, говорите, человек?

– Да, всего-навсего потел, – ответила Лори. Она знала, о чем думает Лу: это было написано на его лице.

– Потеть он стал после того, как вы задали ему каверзные, обличающие вопросы про тело Франкони? – выяснял Лу. – Или он потом покрылся до того, как начал беседу с вами?

– До того, – признала Лори.

Полицейский закатил глаза, восклицая:

– Ого! Еще один Шерлок Холмс во плоти. Наверное, вам следовало бы пойти работать на мое место. Нет у меня вашей силы интуиции и дедуктивного мышления!

– Вы же обещали не сыпать мне соль на рану.

– Я такого не обещал.

– Ладно, зряшная была поездка, – махнула рукой Лори. – Надо чего-нибудь поесть. Я с голоду умираю.

Лу, переложив бутылку вина из руки в руку, вылез из рукавов своей шинели. Снимая ее, неловко задел портфель Лори и сшиб его на пол. От удара тот раскрылся, все содержимое вывалилось. Грохот перепугал кота, и он умчался обратно в спальню, что есть сил скользя лапами по покрытому лаком паркету.

– Вот недотепа, – смешался Лу, – извините! – Он нагнулся, собирая бумаги, ручки, образцы для микроскопа и прочие принадлежности, и при этом наткнулся на Лори.

– Вы бы уж лучше сели, – смеясь, предложила хозяйка.

– Нет, я настаиваю, – упрямылся Лу.

Когда большая часть разбросанного снова оказалась в портфеле, Лу поднял кассету с видеозаписью:

– Это что, любимый боевик в рентгеновских лучах?

– Наверяд ли.

Лу повернул кассету и прочел надпись.

– «Стрельба в Франкони»? – переспросил он. – Си-эн-эн ни с того ни с сего вам ее прислала?

– Да нет. – Лори выпрямилась. – Я ее запросила. Собиралась использовать пленку, чтобы подтвердить то, что обнаружу при вскрытии. Думала написать интересную статью и показать, насколько надежной способна быть судебная медицина.

– Можно мне посмотреть? – попросил Лу.

– Конечно, можно, – сказала Лори. – А вы ее что, по телевизору не видели?

– Как же, смотрел вместе со всем остальным населением, – усмехнулся полицейский. – Но все равно интересно посмотреть эту запись.

– Мне странно, что у вас в полицейском управлении нет копии, – удивилась Лори.

– Ну может, она у нас и есть, – вздохнул Лу, – только я ее не видел.

* * *

– Мужик, у тебя нынче полная непруха, – поддел Джека Уоррен. – Видимо, ты сильно стареешь.

Джек, заявившись на площадку поздно и дожидаясь очереди вступить в игру, решил, что обязательно выиграет, с кем бы ему ни довелось играть в одной команде. Увы, не повезло. На самом деле он проиграл все игры, в каких участвовал, и все из-за того, что Уоррен со Спитом попали в одну команду и оба не знали промаха. Их команда выиграла все встречи, в том числе и последнюю, где игра шла очко в очко и все решилось изумительным по легкости сольным проходом Спита, буквально положившим победный мяч в корзину.

Когда Джек шел с площадки, ноги у него были будто ватные. Наигрался до изнеможения, пот катил градом. Вытащив полотенце, которое, как пробка, торчало в одной из ячеек сетки ограждения, он отер лицо. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

– Мужик, давай сюда! – поддразнивал его Уоррен, артистично работая на краю площадки с баскетбольным мячом, гоняя его вокруг себя и между ног. – Еще разок. На этот раз дадим тебе выиграть.

– Ну да, как же! – откликнулся Джек. – Ты же никому тут ни в жизнь не дашь выиграть. – Джек постарался выстроить фразу на языке, понятном в этих местах. – Я – пас.

Уоррен подошел вразвалочку, уцепился пальцем за проволоку ограды и привалился к ней.

– Что там с твоей коротышкой? – спросил он. – Натали меня к стенке вопросами припирает с тех пор, как мы вас видеть перестали. Понимаешь, про что я?

Джек взглянул на красивое, скульптурной лепки лицо Уоррена. И почувствовал, как горечь поражения мешается с обидой: афроамериканец даже не вспотел да и дышал не особенно тяжело. А ведь, что гораздо хуже, он играл еще до того, как заявился Джек. И на тебе: единственное свидетельство усилий – пропотевший треугольник спереди на футболке.

– Успокой Натали: у Лори все прекрасно, – сказал Джек. – Просто мы с ней некоторое время отдыхали друг друга. По моей вине в основном. Мне вдруг захотелось сбить волну.

– Слушаю тебя, слушаю, – тихо выговорил Уоррен.

– Я был у нее вчера вечером, – добавил Джек. – Дела вроде налаживаются. Она спрашивала меня про тебя с Натали, так что не ты один.

Уоррен кивнул и спросил:

– Ты вправду вымотался или хочешь еще разок сыграть?

– Я – в лоскуты, – признался Джек.

– Крепись, мужик, – подбодрил его Уоррен и, оттолкнувшись от сетки, крикнул игрокам: – Эй, подхватили задницы и – бегом!

Джек расстроено повел головой, глядя, как Уоррен легким шагом направился к площадке. Он завидовал выносливости приятеля: Уоррен и в самом деле не знал усталости.

Натянув свитер, Джек направился домой. Он ни одной игры не выиграл, и когда играл, то неудача за неудачей, казалось, сокрушали, теперь же они как бы и значения не имели. Физическая нагрузка прочистила мозги: за полтора часа на площадке он ни разу не вспомнил о работе.

Впрочем, Джек еще и Сто шестую улицу не прошел, как вновь его затерзала мучительная тайна утопленника. Взбираясь к себе по захлавленной лестнице, он никак не мог отделаться от мысли, а не

ошибся ли все же Тед с анализом ДНК. Сам Джек был уверен: убитый перенес пересадку. Он уже прошел площадку четвертого этажа, когда услышал залиvistую трель своего телефона. Звонили именно ему, потому что у Денизы, матери-одиночки с двумя детьми, что жила на одном с ним этаже, телефона вообще не было.

С усилием заставив уставшие мышцы поднапрячься, Джек одолел последний пролет. Неловко повозился с ключами, отпирая дверь, и, войдя, услышал голос своего автоответчика, который отказывался принимать за собственный. Добравшись до телефона, схватил трубку и оборвал самого себя на половине фразы.

– Алло, – выговорил он, тяжело дыша. После полутора часов непрерывных и изматывающих упражнений с мячом на баскетбольной площадке бросок на последнем лестничном пролете сразил его окончательно.

– Только не говори, что ты только-только с баскетбола вернулся, – услышал он голос Лори. – Уже девять часов. Сильно выбиваешься из расписания.

– Да я домой не раньше половины восьмого пришел, – объяснил Джек, едва справляясь с одышкой. Он отирал лицо, не давая каплям пота скатываться на пол.

– Это значит, что ты еще не ужинал, – сказала Лори.

– Верно понято, – подтвердил Джек.

– Ко мне Лу пришел, мы собираемся салат со спагетти есть. Не хочешь присоединиться?

– Не хотелось бы компанию портить, – отшутился Джек. И тут же ощутил легкий укол ревности. Он знал о кратковременном флирте Лори и Лу и, к собственному удивлению, поймал себя на мысли, а не решили ли старые друзья начать все сызнова.

Джек понимал: у него на такие мысли нет никакого права, если учесть равнодушие, с каким он относился к любым интрижкам с женщинами. Потеряв семью, он далеко не был уверен, что когда-нибудь решится вновь сделаться уязвимым для подобной боли. И в то же время не мог он не признать и того, как надоело ему одиночество, и того, как сильно ему нравилось быть с Лори.

– Никакую компанию ты не испортишь, – уверила его Лори. – Будет самый что ни на есть простой ужин. Зато у нас есть что тебе показать. Кое-что, что тебя удивит, а может, даже вызовет желание

пнуть самого себя сапогом в заднее место. Мы тут, как ты, наверное, заметил, сильно на взводе.

– Да ну? – вырвалось у Джека. Он сразу почувствовал сухость во рту. Расслышав в трубке смех Лу и решив задачку на дважды два, Джек понял, что ему хотели показать. Кольцо, вот что! Лу, должно быть, сделал предложение!

– Так ты едешь? – спросила Лори.

– Вроде поздно уже, – начал Джек, – мне еще в душ надо...

– Эй, мясник, – раздался голос Лу, перехватившего трубку у Лори, – чтоб одна нога там, а другая здесь. Старина, нам с Лори до смерти хочется кое-чем с вами поделиться.

– Ладно, – сдался Джек. – Заскочу в душ и буду у вас минут через сорок.

– Пижон, мы ждем.

Джек повесил трубку и недоуменно повторил:

– «Пижон»? – Это уж совсем на Лу не похоже. Должно быть, на седьмом небе от счастья, подумал Джек.

* * *

– Хотела бы я знать, чем тебя можно расшевелить, – с ноткой обиды выговорила Дарлин. Она постаралась: облачилась в сверхмодную облегающую шелковую коротенькую ночнушку, – но Раймонд этого даже не заметил.

Он пластом вытянулся на диване: на голове пузырь со льдом, глаза закрыты.

– Может, все же съешь что-нибудь? – спросила Дарлин. Она была высока ростом, за пять футов десять дюймов, пышна соблазнительным телом, носила длинные выбеленные, как у куклы, волосы. Было ей двадцать шесть лет, прошла, как шутил Раймонд, полпути до его пятидесяти двух. До встречи с ним Дарлин подрабатывала на показах модной одежды в уютном баре под названием «Аукцион» в Ист-Сайде.

Раймонд медленно стянул ледяной пузырь с головы и исподлобья глянул на Дарлин. Ее оживленная болтовня вызывала у него одно раздражение.

– Мне кусок в горло не лезет, – произнес он с расстановкой. – Не хочу я есть. Неужели трудно понять?

– Знаешь, не пойму, с чего ты так киснешь, – упорствовала Дарлин. – Тебе только что докторица звонила из Лос-Анджелеса, сказала, что решила войти в дело. А это значит, что скоро у нас кинозвезды в клиентах будут. Тут, думаю, радоваться надо.

Раймонд снова положил пузырь со льдом на голову и закрыл глаза.

– Дело не в коммерческой стороне. Тут все работает как часы. Беда в этом бардаке, которого никто не ждал. Франкони этот... а теперь еще и Кевин Маршалл. – Раймонд не собирался вдаваться в объяснения по поводу Синди Карлсон. Сказать правду, сам он изо всех сил старался не думать про девочку.

– Франкони-то с чего тебя еще гнетет? – Губы Дарлин тронула улыбка. – С этой бедой уже разобрались.

– Послушай, – Раймонд как мог сдерживал себя, – шла бы ты лучше телевизор посмотрела, дай мне пострадать спокойно.

– Может, тебе гренок поджарить? Или каши сварить?

– Оставь меня в покое! – заорал Раймонд, неожиданно усевшись и стиснув в руке пузырь со льдом. Глаза у него налились, лицо запылало.

– О'кей, – надула губки Дарлин, – не дура, понимаю, если не нужна. – Она была уже в дверях, когда зазвонил телефон. Оглянувшись, спросила: – Мне подойти?

Раймонд кивнул и попросил ее поговорить в кабинете. Заодно предупредил: будут спрашивать его, отвечать, что он вышел. Ему не хотелось ни с кем говорить.

Дарлин, сменив направление, прошла в кабинет. Раймонд облегченно вздохнул и снова утвердил на голове пузырь со льдом. Опять улегся и попробовал расслабиться. Только-только ему это удалось, как в гостиную вернулась Дарлин.

– Это домофон, а не телефон, – сообщила она. – Там мужчина внизу, тебя спрашивает. Зовут его Франко Понти, говорит, у него важное дело. Я ему сказала, что посмотрю, дома ли ты. Что ему сказать?

Раймонд сел, новая волна тревоги накатила на него. Какое-то время он никак не мог вспомнить, где слышал имя Франко Понти, но само звучание его было неприятно. Потом вспомнил. Это один из тех,

кто сопровождал гангстера Винни Доминика, когда тот вчера утром завалился к нему на квартиру в гости.

– Так что? – переспросила Дарлин.

Раймонд громко проглотил слюну.

– Я с ним поговорю. – Он перегнулся через валик дивана и взял трубку, подсоединенную к домофону. Здороваясь, попытался придать своему голосу властность.

– Приветствую, док, – отозвался Франко. – А я уж почти расстроился, что вас дома нет.

– Я спать собираюсь, – сказал Раймонд. – Для визита вы выбрали довольно позднее время.

– Извините за поздний час, но мы с Анжело Фацциоло хотели бы вам кое-что показать.

– Почему нельзя сделать это завтра? Часов, скажем, в девяносто.

– Дело безотлагательное. Кончайте, док! Не усложняйте нам жизнь. Винни Доминик четко хотел, чтобы вы поглубже вникли в наши услуги.

Раймонд изо всех сил старался придумать хоть какую-то отговорку, чтобы не выходить из дому, но голова так трещала, что ничего не пришло на ум.

– Две минуты, – сказал Франко. – Больше мне от вас ничего не надо.

– Я ужасно устал, – затыкнул Раймонд, – боюсь, мне не...

– Подожди, док, – перебил Франко. – Слушай, сильно прошу: спускайся, не то пожалеешь. Надеюсь, я ясно выразился?

– Хорошо, – согласился Раймонд, смиряясь с неизбежным. Он был не так наивен, чтобы думать, будто Винни Доминик и его головорезы станут тратить время на пустые угрозы. – Сейчас спускаюсь.

Раймонд подошел к шкафу в прихожей и взял оттуда пальто.

Дарлин была поражена:

– Ты уходишь?

– Как выясняется, особого выбора у меня нет, – ответил Раймонд. – Думаю, радоваться надо, что они в гости ко мне не ломаются.

Спускаясь в лифте, Раймонд пробовал успокоиться, но получалось с трудом: только голова еще больше болела. Нежданный и

нежеланный приход бандитов он причислял как раз к тем зигзагам, которые делали его жизнь невыносимой. Он представления не имел, что они собираются ему показывать, хотя и догадывался, что это как-то связано с их намерениями в отношении Синди Карлсон.

– Добрый вечер, док, – приветствовал Франко вышедшего на улицу Раймонда. – Извините за беспокойство.

– Только давайте побыстрее. – Раймонду удалось выговорить это куда увереннее, чем он чувствовал себя на самом деле.

– Все будет и быстро, и славно, уж поверьте. Будьте любезны. – И Франко указал на стоявший невдалеке, возле пожарного крана, «форд». О багажник его опирался задом Анжело, куривший сигарету.

Раймонд, следуя за Франко, подошел к машине. При их приближении Анжело выпрямился и отступил в сторону.

– Мы только хотим, чтобы вы по-быстрому глянули в багажник, – сказал Франко. Подойдя к машине, он вставил ключ в замок багажника. – Идите прямо сюда, а то не разглядите. Свету тут маловато.

Раймонд втиснулся между «фордом» и стоявшей за ним машиной, буквально в дюймах от крышки багажника, когда Франко поднял ее.

В следующую секунду Раймонду показалось, что сердце у него остановилось. В тот момент, когда глазам предстал отвратительный вид втиснутого в багажник мертвого тела Синди Карлсон, его ослепила яркая вспышка света.

Раймонд отшатнулся. Его мутило от врезавшегося в сознание вида одутловатого фарфорового личика девочки, голова кружилась от слепящего света, который, как он быстро сообразил, дала фотовспышка «Поляроида».

Франко захлопнул багажник и отер руки.

– Как карточка, получилась? – спросил он Анжело.

– Надо минуту выждать, – ответил тот, держа за краешек проявлявшееся фото.

– Еще секундочку, – обратился Франко к Раймонду.

Раймонд, сам того не желая, постанывал, лихорадочно шаря взглядом вокруг себя. Его охватывал ужас при мысли, что кто-нибудь еще видел труп.

– Вроде нормально, – сказал Анжело. Он вручил фото Франко, и тот согласно кивнул.

Франко повернулся к Раймонду и показал ему снимок, говоря:

– На мой вкус, самый лучший для вас ракурс, док.

Раймонд сглотнул заполнившую рот слюну. Снимок точно воспроизвел и его, пораженного ужасом, и жуткий вид мертвой девочки.

– Ну вот и все дела, док, – сказал Франко, пряча фотографию в карман. – Я же говорил, что мы вас надолго не задержим.

– Зачем вы это сделали? – прохрипел Раймонд.

– Так Винни придумал, – ответил Франко. – Он решил, что на всякий случай лучше иметь вещдок на услугу, какую он вам оказал.

– На какой такой случай? – спросил Раймонд.

– Да на какой угодно, – развел руками Франко.

Франко с Анжело уселись в машину. Раймонд выбрался на тротуар. Он еще долго смотрел вслед «форду», пока тот не свернул за угол и не пропал из виду.

– Боже праведный! – прошептал Раймонд. Повернулся и нетвердым шагом поплелся к своей двери. И так всякий раз: стоило уладить одну неурядицу, как появлялась другая.

* * *

Душ вернул Джека к жизни. Поскольку на этот раз Лори никаких условий с велосипедом не выдвигала, он решил прокатиться. И лихо покатил на юг. Памятуя о неприятности, пережитой им в прошлом году, до самой площади Колумба катил по проезду, огибавшему Центральный парк с запада. От площади Колумба Джек срезал путь по Пятьдесят девятой улице до Парк-авеню. В это вечернее время Парк-авеню была мечтой велосипедиста, и он гнал по ней до самой улицы, где стоял дом Лори. Поставив своего двухколесного коня на привязь целым набором замков, Джек поднялся к квартире Лори. Прежде чем нажать кнопку звонка, он собрался с мыслями, решая, как лучше себя вести и что говорить.

Лори встретила его у двери с широкой улыбкой на лице. Не успел Джек и слова сказать, как она обняла его, обвинив шею одной рукой. В другой руке она держала, стараясь не расплескать, бокал с вином.

– У-уф! – коротко выдохнула она, отступая назад. Взглянув на беспорядок, в каком пребывали коротко стриженные волосы Джека, спохватилась: – Забыла сказать про велосипед. Только не говори, что ты сюда на нем добрался.

Джек виновато пожал плечами.

– Ладно, во всяком случае – доехал, – сказала Лори. Она расстегнула молнию на куртке Джека и стянула ее с его плеч.

Джек увидел сидящего на диване Лу, чья улыбка могла бы поспорить с улыбкой Чеширского кота.

Схватив Джека за руку, Лори потащила его в гостиную, спрашивая на ходу:

– Тебе что вначале: сюрприз или поесть?

– Давайте сюрприз, – выбрал Джек.

– Отлично, – сказал Лу. И, поднявшись с дивана, направился к телевизору.

Лори, усадив Джека на место, которое освободил Лу, спросила:

– Хочешь вина?

Джек кивнул. Он пребывал в смущении. Никакого кольца не видно, Лу старательно изучал пульт управления видеомангофоном. Лори ушла на кухню, но быстро вернулась, принеся Джеку вино.

– Я не знаю, как этой штукой пользоваться, – признался Лу. – Дома у меня дочка видиком командует.

Лори взяла пульт и уведомила Лу, что сначала ему следовало бы включить телевизор.

Джек пригубил вино. Оно было немногим лучше того, что он привез прошлым вечером.

Лори с Лу уселись рядом с Джеком на диване. Джек переводил взгляд с нее на него, но они ничего не замечали. Оба напряженно всматривались в экран телевизора.

– Так что за сюрприз? – спросил Джек.

– Ты смотри, смотри, – сказала Лори, указывая на экран, который порошило электронным «снегом».

Смутившись больше прежнего, Джек стал смотреть на экран. Внезапно зазвучала музыка, появилась заставка Си-эн-эн, затем пошло изображение умеренно упитанного мужчины, выходящего из какого-то ресторана (Джек разобрал: это был «Позитано») на Манхэттене. Мужчину окружала целая куча людей.

– Включить звук? – спросила Лори.

– Не надо, он не нужен, – отозвался Лу.

Джек досмотрел весь эпизод. Когда тот завершился, он глянул на Лори и Лу. У обоих рот расплывался до ушей.

– Что происходит? – воскликнул Джек. – Это сколько ж вина вы на пару выпили?

– Ты хоть понял, что только что видел? – поинтересовалась Лори.

– По-моему, кого-то застрелили, – ответил Джек.

– Карло Франкони, – уточнила Лори. – Ну вот, ты посмотрел: это тебе о чем-то напомнило?

– Малость напомнило старые записи того, как застрелили Ли Харви Освальда.

– Покажите ему еще раз, – предложил Лу.

Джек посмотрел видеозапись во второй раз. Внимание его раздваивалось: он старался следить за тем, что происходило на экране, и за Лори с Лу. А те смотрели как зачарованные.

Когда закончился второй показ, Лори снова обратилась к Джеку:

– Ну и?

Тот пожал плечами:

– Не пойму, что, я по-вашему, должен сказать.

– Ладно, – сказала Лори. – Смотри, я покажу отдельные фрагменты в замедленном режиме. – Пользуясь пультом, быстро выбрала кадр, где Франкони собирался сесть в лимузин. Продолжила показ, замедлив скорость, и остановила его в тот самый момент, когда гангстера сразила пуля. Подошла к экрану и указала пальцем на основание шеи у раненого, заметив: – Вот где вошла пуля.

Снова воспользовавшись пультом, дошла до момента следующего выстрела, который поразил Франкони, когда тот падал на правый бок.

– Черт меня побери! – не удержался Джек. – Никак мой утопленник – Карло Франкони.

Лори быстро обернулась, оторвавшись от экрана телевизора. Глаза ее сверкали.

– Именно! – торжествующе провозгласила она. – Мы этого, конечно, еще не доказали, но при тех входных ранах и при тех следах, что пули оставили в теле утопленника, я готова спорить на пять долларов.

– Ого! – ахнул Джек. – Ставку твою на пятерку я принимаю, но позволь напомнить, что она на сто процентов выше любой другой, на какую ты спорила в моем присутствии.

– Настолько я уверена, – заявила Лори.

– Лори молниеносно устанавливает связи между явлениями, – подал голос Лу. – Сходство находит сразу же. Я при ней всегда себя дураком чувствую.

– Пошел прочь! – засмеялась Лори и дружески толкнула Лу.

– Так это и есть сюрприз, о каком вы, друзья, мне говорили? – осторожно спросил Джек. Он не хотел лишаться надежд.

– Да, – сказала Лори. – А в чем дело? Тебя что, это не ошарашило, как нас?

Джек облегченно рассмеялся:

– О, я на седьмом небе от радости!

– Никак не могу понять, когда ты говоришь серьезно, – сказала Лори, уловив толику типичного для Джека сарказма в его ответе.

– Это лучшее, что я услышал за последние несколько дней, – добавил Джек. – Если не неделя.

– Ладно, хорошего понемножку, – подвела черту Лори и выключила телевизор с видиком. – Хватит сюрпризов, давайте есть.

За ужином разговор пошел о том, почему никому и в голову не пришло, что утопленник, возможно, Франкони.

– Я считала, что утопленника расстреляли из револьверов, – говорила Лори. – А такого, я знала, с Франкони не было. К тому же меня сбilo с толку то, что тело нашли возле Кони-Айленда. Если бы его выловили из Ист-Ривер, тогда бы совсем другое дело.

– Меня, наверное, по тем же причинам с толку сбilo, – подхватил Джек. – И потом... когда я понял, что револьверами его дырявили уже после смерти, то по уши влез в проблему с печенью. Кстати, Лу, Франкони делали пересадку печени?

– Нет, насколько мне известно, – ответил Лу. – Несколько лет он болел, но чем, этого я никогда не знал. А про пересадку печени ничего не слышал.

– Если ему не пересаживали печень, тогда утопленник не Франкони, – твердо выговорил Джек. – Пусть лаборатория ДНК никак не может это подтвердить, я лично убежден: у утопленника была печень от донора.

– Что еще вы, врачи, можете сделать, чтобы доказать, что утопленник и Франкони – одно и то же лицо? – спросил Лу.

– Можем затребовать образец крови его матери, – сообщила Лори. – Сравнив митохондриальные ДНК, которые все мы наследуем только от матерей, можем сразу сказать, Франкони ли утопленник. Уверена, что его мать согласится, ведь именно она приходила тогда опознавать тело.

– Очень жаль, что рентген не сделали, когда Франкони поступил, – заметил Джек. – Его следовало бы сделать.

– Так ведь сделали рентген! – пылко воскликнула Лори. – Я только сегодня вечером это выяснила. Марвин его сделал.

– Куда же тогда, черт побери, снимки подевались? – недоумевал Джек.

– Мартин сказал, что их Бинэм взял.

– Тогда предлагаю совершить маленький набег на морг, – предложил Джек. – Хотелось бы выяснить это дело.

– Кабинет Бинэма на замке, – напомнила Лори.

– Полагаю, обстановка требует творческого решения, – не унимался Джек.

– Воистину, – поддакнул Лу. – Может, это как раз тот самый прорыв, на который я уповал.

Покончив с едой и наведя порядок на кухне (Джек с Лу настояли, чтобы уборку и мытье посуды доверили им), все трое, вызвав такси, поехали в морг. Зашли в него через приемный въезд и направились прямо в покойницкую.

– Бог мой! – изрек Марвин, увидев Джека и Лори вместе. Редко случалось, чтобы два судмедэксперта заглядывали сюда в такое позднее время. – Стихийное бедствие где-то случилось?

– Где уборщики? – спросил Джек.

– Последний раз я их в яме видел, – ответил Марвин. – Seriously, что произошло?

– Кризис опознания, – усмехнулся Джек.

Он повел за собой остальных в прозекторскую и распахнул дверь. Марвин оказался прав. Оба уборщика деловито подтирали выложенный плиткой пол.

– Полагаю, у вас, ребята, есть ключи от кабинета шефа? – обратился к ним Джек.

– А как же, – ответил Дарил Фостер.

Дарил работал в судмедэкспертизе почти тридцать лет. У его напарника, Джима О'Доннела, стаж был не так велик.

– Нам нужно туда попасть, – сказал Джек. – Не откроете?

Дарил колебался.

– Шеф, понимаешь, очень не любит, когда к нему в кабинет навешиваются, – сказал он.

– Ответственность я беру на себя, – напирал Джек. – Случай чрезвычайный. Кроме того, с нами следователь, лейтенант Солдано из полицейского управления, который проследит, чтобы мы украли самую малость.

– Уж и не знаю, – мялся Дарил. Шутка Джека его не развеселила, зато порядком озадачила.

– Тогда дайте ключ мне, – попросил Джек. И протянул руку. – В этом случае вы ни при чем.

С явной неохотой Дарил снял с цепочки два ключа и вручил их Джеку:

– Один от приемной, другой от кабинета доктора Бинэма.

– Я их вам верну через пять минут, – уверил Джек.

Дарил в ответ промолчал.

– Думаю, у бедняги душа в пятки ушла, – заметил Лу, когда все трое поднимались в лифте на второй этаж.

– Когда Джек берется за дело – берегись! – улыбнулась Лори.

– Бюрократия меня раздражает, – кипятился Джек. – Начиная с того, что нет и не может быть оправдания тому, чтобы рентгеновские снимки складывались к шефу в кабинет, как орехи в беличье дупло.

Джек отпер приемную, а затем и кабинет Бинэма. Включил свет.

Кабинет был просторный, у высоких окон слева стоял большой письменный, а справа – широкий библиотечный стол. Различные учебные принадлежности, в том числе грифельная доска и световой экран для просмотра снимков, располагались перед столом.

– Где искать? – спросила Лори.

– Я надеялся, они висят прямо на экране, – сказал Джек. – Но – не висят. Вот что, я возьму на себя стол и картотеку, а ты поищи возле экрана.

– Прекрасно, – кивнула Лори.

– А мне что прикажете делать? – спросил Лу.

– А вы стойте и бдите, смотрите, как бы мы чего не стянули, – насмешничал Джек.

Сам он выдвинул несколько ящичков стола, но тут же задвинул их обратно. Рентгеновские снимки тел в полный рост, которые делались в морге, хранились в больших папках. Спрятать их не так-то легко.

– Похоже, тут кое-что есть, – позвала Лори. Она обнаружила стопу снимков в ящике прямо под экраном. Вынимая папки, укладывала их на библиотечный стол и просматривала обозначенные на них фамилии. Нашла папку со снимками Франкони и отложила их отдельно от остальных.

Джек, вернувшись в подвал, взял рентгеновские снимки утопленника и занес обе папки в прозекторскую. Вернул ключи от кабинета Бинэма Дарилу и поблагодарил его. Дарил в ответ только головой кивнул.

– Итак, слушайте все! – провозгласил Джек, подходя к экрану. – Наступил решающий момент. – Вначале он закрепил на экране снимок Франкони, потом – безголового утопленника. Потратив на изучение снимков не больше секунды, воскликнул: – А знаете, что? Я должен Лори пять долларов!

Лори издала победный клич, когда Джек вручил ей деньги. Лу почесал затылок и, подойдя вплотную к экранам, стал внимательно вглядываться в снимки. Спросил:

– Как это вы, врачи, так быстро определяете?

Джек ткнул в комковатые затемнения от пуль, почти скрытые массой револьверных дробинок на снимке утопленника, и показал, как они соответствуют пулям на снимках Франкони. Затем указал на одинаковые залеченные повреждения ключицы, которые выявил рентген обоих тел.

– Потрясающе, – сказал Лу с не меньшим восторгом, потирая ладонь о ладонь. – Теперь, заполучив *corpus delicti*^[16], мы сможем продвинуться в этом деле.

– А я смогу выяснить, что за чертовщина творится с печенью этого малого, – добавил Джек.

– А я, может, ударюсь в закупочный разгул по магазинам со своей кучей денег, – едва не взвизгнула Лори, целуя пятидолларовую банкноту. И уже обычным тоном добавила: – Но не раньше, чем выясню, как и зачем это тело вздумало удрать отсюда.

Даже приняв пару таблеток снотворного, Раймонд никак не мог уснуть и, чтобы не беспокоить Дарлин, выбрался из постели. Особо он, правда, не терзался. Дарлин всегда спала крепко: рухни ночью потолок, она едва ли пошевелится.

Раймонд на цыпочках добрался до кухни и включил свет. Есть не хотелось, но он решил, что стакан теплого молока поможет утихомирить бунтующий желудок. С того самого ужасного момента, как его заставили полюбоваться на страшное в багажнике «форда», Раймонда мучила изжога. Перепробовал и маалокс, и пепсид-АЦ, и, наконец, пепто-бисмол. Все напрасно.

На кухне Раймонд чувствовал себе неловко, в основном потому, что попросту не знал, где что находится. А стало быть, понадобилось время, прежде чем он сумел подогреть молоко и отыскать подходящий стакан. Когда все было готово, он взял стакан, принес его в кабинет и сел за стол.

Отпив несколько глотков, заметил по часам, что уже пятнадцать минут четвертого. Как ни гудела голова от снотворного, Раймонд все же сообразил, что в Зоне сейчас где-то после девяти: удобное время, чтобы позвонить Зигфриду Шполлеку.

Соединили почти сразу же. В такое время поток телефонных разговоров с Северной Америкой сводился к минимуму. Аурильо не замедлил с ответом и сразу соединил Раймонда с директором. – Вы рано встали, – заметил Зигфрид. – Я собирался звонить вам часа через четыре, а то и через пять.

– Не спится, – признался Раймонд. – Что там у вас? Что за проблема с Кевином Маршаллом?

– Полагаю, с проблемой покончено, – ответил Зигфрид и кратко доложил о происшедшем, не забыв отдать должное Бертраму Эдвардсу за то, что тот предупредил его насчет Кевина, за которым сразу было установлено наблюдение. Сказал, что на Кевина и его подруг нагнали такого страха, что они больше не осмелятся приблизиться к острову.

– Что значит «и его подруг»? – спросил Раймонд. – Кевин всегда был таким затворником.

– Он был вместе с технологом по размножению и одной из хирургических сестер, – объяснил Зигфрид. – Откровенно говоря, уже

это нас удивило, ведь он всегда был таким размазней, или как вы, американцы, называете человека социально неумелого?

– Зануда, – подсказал Раймонд.

– Вот-вот, – согласился Зигфрид.

– И предположительно толчком к попытке побывать на острове послужил дым, от которого он весь извелся?

– Так считает Бертрам Эдвардс, – сказал Зигфрид. – И Бертрам подал хорошую идею. Мы намерены сообщить Кевину, что у нас рабочие наводили мост через ручей, который делит остров пополам.

– Но на самом деле их не было, – уточнил Раймонд.

– Разумеется, не было. Последние рабочие, которых мы посылали, были там, когда мы делали опору для раздвижного моста на материк. Да, и еще Бертрам посылал несколько человек, когда мы туда сотню клеток переправляли.

– Мне про клетки на острове ничего не известно. Вы что имеете в виду?

– В последнее время Бертрам носится с мыслью отказаться от идеи изолированного острова, – объяснил Зигфрид. – Он считает, что бонобо следует перевести в центр животных и как-то спрятать.

– Мне нужно, чтобы они оставались на острове, – отчеканил Раймонд. – Таково соглашение, которое я заключил с «Генсис». Если мы переведем животных в помещение, они могут закрыть программу. В конторе с ума сходят, когда речь заходит об огласке.

– Знаю, – сказал Зигфрид. – Именно это я и сказал Бертраму. Он понимает, но хочет оставить там клетки на всякий случай. Я никакого вреда в этом не вижу. По правде говоря, лучше быть готовыми к непредвиденным случайностям.

Раймонд нервно прошелся пятерней по волосам. Он слышать ничего не хотел ни о каких «непредвиденных случайностях».

– Я собирался вас спросить, как, по-вашему, нам следует поступить с Кевином и женщинами? – продолжал Зигфрид. – Но теперь, когда мы можем дать объяснение про дым, когда страху на них нагнали, думаю, ситуация уже под контролем.

– На остров они не попали, не так ли? – уточнил Раймонд.

– Нет, только на подступах побывали, – подтвердил Зигфрид.

– Мне не нравится даже то, что люди рядом что-то вынюхивают, – предупредил Раймонд.

– Я понимаю, – сказал Зигфрид. – Не думаю, что Кевин решится сунуться еще раз. По причинам, которые я уже приводил. Но, дабы дополнительно обезопасить себя, я на несколько дней оставляю там марокканского часового с отделением экваторгвинейских солдат, если вы сочтете это целесообразным.

– Превосходно, – одобрил Раймонд. – И все же скажите, что вы сами думаете про дым над островом, если предположить, что Кевин на самом деле его видел.

– Я? – переспросил Зигфрид. – Меня вообще меньше всего беспокоит, что вытворяют эти животные. Только бы оставались там и были здоровыми. А вас это беспокоит?

– Ни в малейшей степени, – признался Раймонд.

– Может, стоит переправить туда связку футбольных мячей, – сказал Зигфрид. – У них всегда будет чем развлечься. – И он громко захохотал.

– Не думаю, что смех тут уместен, – раздраженно выговорил Раймонд. Зигфрида он недолго любил, хотя и ценил дисциплинирующий стиль его управления. Раймонд представил себе, как директор сидит у себя за столом в окружении чучел из охотничьих трофеев, за столом, украшенным черепами...

– Вы когда прилетите за пациентом? – перебил его мысли Зигфрид. – Мне доложили, что он фантастически быстро поправляется и готов к выписке.

– Я тоже об этом слышал, – откликнулся Раймонд. – Созвонюсь с Кембриджем, и как только самолет «Генсис» будет в нашем распоряжении, я прилечу. День-другой это займет.

– Предупредите меня, – сказал Зигфрид. – Я пошлю машину в Бату, пусть ждет вас там.

Раймонд повесил трубку и облегченно вздохнул. Он был доволен, что позвонил в Африку, поскольку часть его нынешних бед была вызвана встревожившим сообщением Зигфрида о том, что возникла проблема с Кевином. Приятно сознавать, что меры для ликвидации кризиса уже приняты. По правде говоря, Раймонд считал, что если бы ему удалось выбросить из головы фото, запечатлевшее, как он склонился над телом Синди Карлсон, он снова ощутил бы себя в своей тарелке.

Глава 13

6 марта 1997 г.

Полдень

Кого, Экваториальная Гвинея

Кевин потерял всякое представление о времени, но стук в дверь прервал его неусыпное бдение перед экраном компьютера, в которое он был погружен вот уже несколько часов. Открыв дверь лаборатории, он сразу услышал приветствие Мелани, проскочившей в помещение. С собой она несла большой бумажный пакет.

– Ваши сотрудники где? – спросила она.

– Я им дал отгул, – ответил Кевин. – Сегодня все равно все из рук валилось и ничего путного сделать было нельзя, вот я и велел им понежиться на солнышке. Сезон дождей был затяжной, а вернется – мы и заметить не успеем.

– Где Кэндис? – Мелани опустила свою ношу на лабораторную стойку.

– Не знаю. Я с ней не виделся и не говорил с той поры, как мы утром высадили ее у клиники.

Ночь у них была долгой. Больше часа просидели в холодильнике патологии, прежде чем Мелани уговорила Кевина с Кэндис потихоньку добраться до кабинета, выделенного ей в центре животных. Там они и просидели почти без сна до самой смены дежурных рано поутру. Смешавшись с толпой пришедших и уходивших сотрудников, они вышли из здания и без происшествий добрались до Кого.

– Как с ней связаться, знаете? – спросила Мелани.

– Полагаю, надо просто позвонить в клинику и попросить передать ей, чтобы перезвонила, – предложил Кевин. – Если она, конечно, не у себя в номере в гостинице, а я полагаю, что именно так оно и есть, принимая во внимание хорошее состояние Горация Винчестера.

Гостиницей называли палаты, отведенные для временно пребывающего в клинике персонала. Она являлась частью клинико-лабораторного комплекса.

– Верно замечено! – похвалила Мелани.

Сняв трубку, она попросила соединить ее с номером Кэндис. Кэндис ответила после третьего звонка: ясно было, что она спала.

– Мы с Кевином собираемся на остров, – безо всякого предисловия заговорила Мелани. – Хочешь с нами пойти или здесь останешься?

– Вы о чем это говорите? – занервничал Кевин.

Мелани знаком велела ему помалкивать.

– Когда? – спросила Кэндис.

– Как только ты сюда доберешься. Мы у Кевина в лаборатории.

– Мне добрых полчаса понадобится. Надо душ принять.

– Мы подождем, – сказала Мелани и повесила трубку.

– Мелани, вы что, с ума сошли? – Кевин почему-то перешел на шепот. – Нам надо выждать, чтобы все улеглось, прежде чем еще раз попытаться попасть на остров.

– Эта девушка так не считает, – произнесла Мелани, ткнув себя пальцем в грудь. – Чем раньше мы отправимся, тем лучше. Если Бертрам обнаружит пропажу ключа, он запросто сменит замок, а мы, значит, опять окажемся на исходной позиции. Кроме того, как я уже говорила вчера, у них расчет на то, что мы перепуганы до смерти. Если мы отправимся прямо сейчас, то застанем их врасплох.

– Не думаю, что я гожусь для такого, – признался Кевин.

– Ой ли? – В голосе Мелани зазвучали презрительные нотки. – Послушайте, а не вы ли с вашим беспокойством всю эту кашу заварили? Теперь я тоже обеспокоена, и по-настоящему. Сегодня утром я видела еще одно косвенное свидетельство.

– Какое? – насторожился Кевин.

– Я побывала во внешнем загоне для бонобо у центра животных. Не волнуйтесь, я постаралась, чтобы никто меня не заметил. Больше часа потратила, но отыскала-таки мамашу с одним из наших детенышей.

– И? – Уже спросив, Кевин вовсе не был уверен, что ему хочется услышать эту историю до конца.

– Детеныш ходил повсюду на задних конечностях... как вы, как я... и так все время, пока мне удалось понаблюдать, – рассказала Мелани. В ее темных глазах мерцали всполохи гнева. – То, что мы привыкли звать забавной повадкой, на самом деле оказалось нормальным поведением двуногого.

Кевин кивнул и отвел глаза. Напористость Мелани лишала его присутствия духа, история же, рассказанная ею, только усугубляла его собственные опасения.

– Мы должны точно установить, каков статус этих созданий, – твердо выговорила Мелани. – А сделать это мы можем, только отправившись туда.

Кевин кивнул.

– Вот я и наделала бутербродов, – продолжила Мелани, указывая на бумажный пакет. – Назовем это пикником.

– Я тоже утром столкнулся кое с чем тревожным, – сообщил Кевин. – Позвольте, я вам покажу.

Он подхватил лабораторную табуретку и пихнул ее поближе к монитору своего компьютера. Жестом предложил Мелани сесть на табуретку, сам же уселся на стул перед экраном. Пальцы его забегали по клавишам. Скоро экран демонстрировал компьютерную графику острова Франчески.

– Я дал компьютеру задачу отследить в течение нескольких часов деятельность всех семидесяти трех бонобо в режиме реального времени, – пояснил Кевин. – Потом свел данные воедино, получив возможность просматривать их в ускоренном воспроизведении. Смотрите, что получилось.

Кевин щелкнул клавишей на мышке, дав команду на ввод. Множество красных точек быстро прочертили причудливые геометрические узоры. Демонстрация заняла всего несколько секунд.

– Как будто стая кур лапами расписалась, – заметила Мелани.

– За исключением вот этих двух, – сказал Кевин и указал на две крохотные точки.

– Эти явно не очень-то двигались, – сказала Мелани.

– Вот именно. Создание номер шестьдесят и создание номер шестьдесят семь. – Кевин потянулся и достал из кипы бумаг подробную карту, которую случайно унес из кабинета Бертрама. – Я установил, что номер шестьдесят находится на болотистой прогалине к югу от Лаго-Гиппо. Если верить карте, там нет никаких деревьев.

– И как вы это объясняете? – спросила Мелани.

– Подождите, – остановил ее Кевин. – Следом за этим я уменьшил масштаб сети так, чтобы было дано изображение участка острова

размером пятьдесят футов на пятьдесят как раз в том месте, где находился номер шестьдесят. Позвольте, я покажу вам, что произошло.

Кевин загрузил информацию и снова дал команду на ввод. И снова красный огонек, обозначающий создание номер шестьдесят, остался лишь крохотной точкой.

– Он вообще не двигался, – тревожно выговорила Мелани.

– Боюсь, что так, – печально подтвердил Кевин.

– Думаете, спит?

– Это середь бела дня? И потом, при таком масштабе даже ворочание во сне фиксировалось бы как движение. Система очень чувствительна.

– А если не спит, то что же он делает?

Кевин, пожав плечами, сказал:

– Не знаю. Возможно, нашел способ удалить у себя компьютерный чип.

– Об этом я никогда не думала, – призналась Мелани. – Жуткая идея!

– Помимо этого, могу предположить только одно: бонобо мертв, – сказал Кевин.

– По мне, это вариант, – сказала Мелани. – Только не думаю, что очень вероятный. Наши животные молоды и исключительно здоровы. Сами в том убеждались. И помещены они в среду, где у них нет природных врагов, а еды больше чем нужно.

Кевин вздохнул:

– Как бы то ни было, а факт тревожный. Когда попадем на остров, думаю, надо и это проверить.

– Интересно, Бертрам знает? – подумала вслух Мелани. – Ведь это не сулит ничего хорошего и программе в целом.

– Полагаю, я должен рассказать ему, – в тон ей заметил Кевин.

– Давайте подождем, пока не побываем на острове.

– Это само собой.

– Больше ничего не обнаружили со своей программой реального времени?

– А как же! Получил весьма весомое подтверждение ранним подозрениям, что они используют пещеры. Смотрите!

Кевин изменил координаты показываемой сети, так чтобы изображение на экране компьютера соответствовало определенному

участку известняковой гряды. Затем дал запрос компьютеру проследить действия своего собственного двойника, создания номер один.

На глазах Мелани красная точка стала вычерчивать геометрическую фигуру и вдруг исчезла. Затем вновь появилась в том же месте и вычертила другую фигуру. Затем та же последовательность была продемонстрирована в третий раз.

– Похоже, придется согласиться, – признала Мелани. – Картина предельно ясна: ваш двойник уходит под каменную защиту и выходит из нее.

– Когда мы туда пойдем, полагаю, следует особенно постараться увидеть наших двойников, – предложил Кевин. – Они самые старые из наших созданий, так что если кто из бонобо и должен вести себя как протолюди, то это они.

Мелани согласно кивнула:

– От мысли сойтись лицом к лицу со своим двойником у меня мурашки по телу бегают. Увы, у нас там будет не так много времени. Принимая же в расчет двенадцать квадратных миль острова, чрезвычайно трудно надеяться, что мы отыщем какое-то определенное создание.

– Ошибаетесь, – улыбнулся Кевин. – Я раздобыл оборудование, которым пользуются при отловах. – Он встал из-за компьютера и подошел к столу. Вернулся с локатором и направляющим радиомаяком, которые дал ему Бертрам. Показал приборы Мелани, объяснил, как ими пользоваться. Та слушала его раскрыв рот, а потом воскликнула, взглянув на часы:

– Ну, где эта девчонка? Я хотела побывать на острове в обеденное время.

– Зигфрид с вами утром не беседовал? – спросил Кевин.

– Нет. Беседовал Бертрам. Вел себя как сумасшедший, заявил, что очень мной недоволен. Можете себе представить? Не пойму, он этим сломать меня хотел или что?

– Он вам дал какие-то объяснения по поводу дыма?

– О да! Долго вещал, как ему только что рассказали про рабочую бригаду Зигфрида, которая строила там мост и жгла всякий мусор. Уверял, что делалось это без его ведома.

– Я так и думал. Мне Зигфрид позвонил сразу после девяти. Поведал ту же историю. Даже сообщил, что накануне разговаривал по телефону с доктором Лайонзом и что доктор Лайонз тоже нами недоволен.

– Я сейчас расплачусь, – усмехнулась Мелани.

– Полагаю, рассказ про рабочую бригаду – неправда, – сказал Кевин.

– Конечно, вранье, – поддержала его Мелани. – Бертрам уверяет всех и каждого, будто знает обо всем, что творится на острове Франчески. Поневоле задумаешься, не держат ли они нас за несмышленьшей, только вчера появившихся на свет.

Кевин встал, подошел к окну и уставился на далекий остров. Было заметно, что ему не по себе.

– Что еще не так? – поинтересовалась Мелани.

– Зигфрид, – произнес Кевин. И оглянулся на Мелани. – Его предупреждение применить к нам экваторгвинейский закон. Он напомнил нам, что поездка на остров будет расценена как тяжкое преступление. Вы не считаете, что стоит серьезно отнестись к этой угрозе?

– Черта с два!

– Откуда у вас такая уверенность? – Кевин едва сдержал улыбку. – Зигфрид меня пугает.

– Меня бы он тоже пугал, будь я гражданка Экваториальной Гвинеи, – сказала Мелани. – Только мы граждане другой страны. Мы – американцы. И пока сидим здесь, в Зоне, к нам применимы старые добрые американские законы. Худшее, что может случиться, – нас уволят. И, как я уже говорила прошлой ночью, вряд ли меня лично это не обрадует. В последнее время слово «Манхэттен» звучит для меня чертовски притягательно.

– Жаль, у меня нет вашей уверенности, – печально заметил Кевин.

– Ваши сегодняшние игры с компьютером подтвердили, что бонобо живут двумя группами?

Кевин кивнул и пояснил:

– Первая группа самая большая и держится возле пещер. В нее входят большинство бонобо постарше, в том числе ваш двойник и мой. Другая группа находится в лесной местности к северу от Рио-Дивизо.

Состоит она в основном из молодых животных, хотя третий из «старейших» тоже в ней. Это двойник Раймонда Лайонза.

– Очень занятно, – сказала Мелани.

– Всем привет! – выкрикнула Кэндис, без стука входя в дверь лаборатории. – Как я по времени? Торопилась как могла, даже волосы феном не сушила. – Обычно взметенные в художественном беспорядке, ее влажные волосы были гладко зачесаны назад.

– Ты прекрасно управилась, – похвалила ее Мелани. – И у тебя одной хватило ума немного поспать. Я, признаться, совершенно вымоталась.

– А с вами Зигфрид Шполлек связывался? – спросил Кевин.

– Около половины десятого, – сообщила Кэндис. – Пробудил меня от глубокого сна. Надеюсь, я не несла чушь.

– Он-то вам что говорил? – поинтересовался Кевин.

– В общем, был довольно мил, – поведала Кэндис. – Даже извинился за то, что случилось прошлой ночью. Еще объяснил про дым, поднимающийся с острова. Сказал, что это какая-то рабочая бригада что-то там жгла.

– Нам сказали то же самое, – сообщил Кевин.

– И вы – как? – спросила Кэндис.

– Мы такого не покупаем, – ответила Мелани. – Чересчур уж удобно.

– Я примерно так же сообразила, – кивнула Кэндис.

Мелани подхватила свой пакет со словами:

– Устроим представление на дороге.

– Ключ у вас? – спросил Кевин, беря локатор и направляющий радиомаяк.

– Разумеется, у меня, – ответила Мелани.

Когда они выходили, Мелани сообщила Кэндис, что приготовила им кое-что перекусить.

– Блеск! – обрадовалась подруга. – А то я с голоду умираю.

Они дошли до лестницы, и Кевин вдруг остановился:

– Секундочку! Мне только что пришло в голову. Вчера за нами, наверное, следили. Только этим я могу объяснить то, как нас застали врасплох. Разумеется, на самом деле это значит, что следили, должно быть, за мной, поскольку именно я и говорил с Бертрамом Эдвардсом про дым и прочее.

– Предположение со смыслом, – согласилась Мелани.

На какое-то время все трое застыли, глядя друг на друга.

– Так что же делать? – очнулась Кэндис. – Нам ни к чему, чтобы за нами следили.

– Прежде всего нельзя ехать в моей машине, – заговорил Кевин. – Ваша где, Мелани? Пока погода сухая, можно обойтись без внедорожника.

– Моя внизу, на стоянке, – ответила Мелани. – Я на ней из центра животных приехала.

– За вами «хвост» был?

– Кто его знает! Я не приглядывалась.

– Хмм, – задумался Кевин. – Полагаю все же, что если вообще за кем-то и будут следить, то за мной. Так что, Мелани, спускайтесь вниз, садитесь в свою машину и поезжайте домой.

– А вы, молодцы, что будете делать?

– Тут в подвале есть ход, который ведет до самой электростанции. Выждите дома минут пять и подбирайте нас возле электростанции. Там есть боковая дверь, которая выходит прямо на автостоянку. Знаете, где это?

– Кажется, знаю.

– Хорошо, – сказал Кевин. – Там и встретимся.

На первом этаже они разделились: Мелани устремилась наружу, к полуденной жаре, а Кэндис с Кевином спустились в подвал.

Прошагав минут пятнадцать, Кэндис обнаружила, что ходы под землей образуют целый лабиринт.

– Вся энергия идет из одного источника, – объяснил Кевин. – Подземные ходы соединяют все основные здания, кроме центра животных, у которого собственная подстанция.

– Здесь и потеряться недолго, – заметила Кэндис.

– Я терялся, – признался Кевин. – Несколько раз. Зато в разгар сезона дождей эти ходы мнегодились: здесь и сухо, и прохладно.

С приближением к электростанции стал слышен шум вращающихся турбин, заметна вызванная вращением вибрация. Металлическая лесенка привела их к боковой двери. Как только они вышли, Мелани, чья машина стояла напротив под деревом, развернулась и подобрала их.

Кевин забрался на заднее сиденье, дав возможность Кэндис сесть впереди. Мелани тут же тронула машину. В салоне кондиционер навевал приятную прохладу, а снаружи стояла жара и стопроцентная влажность.

– Заметили что-нибудь подозрительное? – задал вопрос Кевин.

– Ничегошеньки, – доложила Мелани. – А я тут покатаюсь немного, делая вид, что ошиблась дорогой. Никто меня не преследовал. Уверена на девяносто девять процентов.

Кевин внимательно рассматривал в зеркало «хонды» окрестности электростанции, которая стремительно уходила назад и вскоре после того, как машина свернула, пропала из виду. Никто не появился, ни одна машина не ехала за ними.

– Я бы сказал, пока все в порядке, – подытожил Кевин, скорчившись на заднем сиденье так, чтобы его не было видно.

Мелани вела машину вдоль северной оконечности города. Кэндис тем временем добралась до бутербродов.

– Неплохо, – произнесла она, откусив от целой пшеничной булки, выложенной тунцом.

– Мне их в столовой центра животных сделали, – пояснила Мелани. – Внизу в пакете есть что попить.

– Кевин, хотите? – спросила Кэндис.

– Пожалуй, – ответил тот. Он лежал на боку, и Кэндис просунула бутерброд с пакетиком сока в проем между передними сиденьями.

Вскоре они оказались на дороге, шедшей от города на восток к туземной деревне. Кевину с его места видны были только верхушки увитых лианами деревьев по бокам дороги да полосы блеклого голубого неба. После стольких месяцев сплошной облачности и дождей глаз радовало солнце.

– За нами кто-нибудь едет? – спросил вскоре Кевин.

Мелани глянула в зеркало заднего вида:

– Ни единой машины не видно.

Вообще на дороге не было автомобильного движения ни в ту, ни в другую сторону, хотя по обочинам во множестве шагали женщины, неся на головах разную поклажу.

После того как они проехали стоянку возле деревенского магазина и свернули на грунтовку, что вела к поляне перед островом, Кевин поднялся и уселся поудобнее. Его больше не беспокоило, виден он

снаружи или нет. И все же не проходило и нескольких минут, чтобы он не оглянулся, проверяя, не едет ли кто следом за ними. Хотя он и не желал показывать этого перед женщинами, но нервы у него были совсем никуда.

– Скоро будет бревно, на которое мы в прошлый раз напоролись, – предупредил он.

– Но мы не переезжали его, когда нас везли обратно, – вспомнила Мелани. – Наверное, солдаты убрали.

– Вы правы, – согласился Кевин. Память Мелани его поражала. В собственном его сознании детали предыдущей ночи будто автоматными очередями выкосило.

Полагая, что они уже довольно близко от места, Кевин подался вперед и, упершись в передние сиденья, стал смотреть на дорогу перед машиной. Хотя светило полуденное солнце, разглядеть что-нибудь в джунглях, обрамлявших дорогу, было едва ли легче, чем до этого вечером. Свет едва пробивался сквозь растительность: людям в машине казалось, будто они едут между двумя стенами.

Выехав на поляну, остановились. Гараж стоял слева от них, а справа виднелось начало дорожки, что вела к кромке воды и к мосту.

– Мне до самого моста ехать? – спросила Мелани.

Кевин разволновался еще больше. Его тревожила возможность застрять в тупике. Он обдумывал, как бы доехать до самой воды, но полагал, что там не хватит места, чтобы развернуться. А значит, пришлось бы выезжать задним ходом.

– Я бы предложил оставить машину здесь, – вслух произнес он. – Только сначала нужно развернуться.

Кевин ожидал возражений, но Мелани, ни слова не говоря, выключила скорость. То, что теперь предстояло пройти мимо места, где по ним стреляли, все трое предпочли обойти молчанием.

В три захода Мелани завершила разворот.

– Итак, дорогие мои, прибыли, – сказала она беспечно, ставя машину на ручной тормоз. Ей хотелось подбодрить спутников. Всем было не по себе.

– Мне тут в голову пришла мысль, которая мне не нравится, – заговорил Кевин.

– Что еще? – не сдержалась Мелани, глядя на него в зеркало заднего вида.

– Наверное, лучше мне тихо пройти до моста и убедиться, что вокруг никого нет, – продолжил Кевин.

– Нет кого? – вырвалось у Мелани, но и она тут же подумала о нежелательной компании.

Кевин глубоко вздохнул, стараясь вернуть себе ускользающее мужество, и вышел из машины.

– Кого угодно, – ответил он Мелани, – пусть даже и Альфонсе Кимбы.

Кевин подвернул штанины и зашагал прочь.

Дорожка к воде еще гуще заросла зеленью и еще больше напоминала туннель, чем грунтовка от шоссе. Едва Кевин ступил на нее, как она вильнула вправо. Полог из деревьев и лиан почти не пропускал свет. Полоса растительности посредине поднималась так высоко, что дорожка больше походила на две тянувшиеся параллельно тропки.

Кевин одолел первый поворот и остановился. И, четко различив звук топавших по сырой траве солдатских ботинок и клацанье металла о металл, почувствовал, как у него подвело живот. Впереди дорожка поворачивала налево. Кевин затаил дыхание. В следующую секунду он увидел группу одетых в камуфляж экваторгвинейских солдат, окружавших поворот и шедших ему навстречу. Все были вооружены китайскими карабинами.

Кевин повернулся на каблуках и припустил обратно по дорожке так, как не бегал никогда в жизни. Выскочив на поляну, он во все горло заорал, чтобы Мелани гнала из чертовой этой дыры во всю прыть. Добежав до машины, распахнул заднюю дверцу и нырнул внутрь.

Мелани пыталась завести машину.

– Что случилось? – пронзительно выкрикнула она.

– Солдаты! – прохрипел Кевин. – Целая куча!

Двигатель машины завелся и взревел. И в это время на поляну вышли солдаты. Один из них что-то завопил Мелани, которая уже выжимала газ.

Маленькая машина рванула вперед, а Мелани боролась с рулевым колесом. Раздался ружейный залп, и заднее стекло «хонды» разлетелось на миллион осколков. Кевин распластался на заднем сиденье. Кэндис взвизгнула, когда и лобовое стекло будто взорвалось прямо перед ней.

Сразу за поляной грунтовка сворачивала влево. Мелани удалось удержать машину на колее, а потом она погнала ее вовсю. Они проскочили ярдов семьдесят, когда в отдалении раздался еще один залп. Несколько шальных пуль просвистели над машиной, пока Мелани справлялась с очередным поворотом.

– Боже правый! – воскликнул Кевин, садясь и стряхивая с себя осколки заднего стекла.

– Ну, теперь я и впрямь зла! – кипела Мелани. – Какой, к черту, выстрел поверх голов! Взгляните только на заднее стекло!

– Думаю, мне нужно уйти в отставку, – сказал Кевин. – Я всегда боялся этих солдат и теперь знаю – почему.

– Так, думаю, что ключ от моста нам не очень поможет, – произнесла Кэндис. – Какая жалость: столько времени и сил потратили, чтобы добыть его.

– Чертовски досадно, – согласилась Мелани. – Нам просто необходимо придумать какой-то другой план.

– Я собираюсь лечь спать, – сказал Кевин. Эти женщины невероятно поражали его: они, казалось, вовсе не ведали страха. Он прижал руку к сердцу: оно колотилось так бешено, как никогда прежде.

Глава 14

6 марта 1997 г.

6.45

Нью-Йорк

Резко набрав скорость, Джек на зеленый проскочил перекресток Первой авеню и Тридцатой улицы, не сбавляя хода. Направив велосипед на въезд в морг, он не тормозил до самой последней минуты. Спустя некоторое время, закрепив велосипед на замок, он уже спешил к кабинету Джанис Джигер, которая ночью дежурила по судмедэкспертизе.

Джек не знал покоя. После того как в утопленнике окончательно опознали Карло Франкони, он почти глаз не смыкал. То и дело звонил Джанис и в конце концов умолил ее забрать в манхэттенской больнице все данные о Франкони. Во время предварительного следствия она выяснила, что Франкони лечился именно там.

Еще Джек упросил Джанис взять со стола Барта Арнольда телефоны европейских организаций, занимающихся поставкой органов для пересадки. Памятуя о шестичасовой разнице, Джек принялся названивать с трех утра. Прежде всего навел справки через действовавший в Нидерландах фонд «Евротрансплантат». Когда там ответили, что у них Карло Франкони в качестве получателя печени не значится, Джек обзвонил все национальные организации, телефоны которых удалось достать. Таких было немало – во Франции, Англии, Италии, Швеции, Венгрии и в Испании. Никто даже не слышал про Карло Франкони. Более того, почти все собеседники уверяли Джека, что получить орган для пересадки смог бы редкий иностранец, поскольку едва ли не во всех этих странах имелись немалые очереди из собственных граждан.

Проспав всего несколько часов, Джек проснулся: любопытство не давало уснуть. Поворочавшись в постели еще немного, решил заявиться в морг пораньше и просмотреть материалы, подобранные Джанис.

– Вот это да! Ну и рвение у вас! – воскликнула Джанис, когда Джек появился в ее кабинете.

– Мне досталось дело из тех, что превращают судебную медицину в развлекаловку, – пояснил Джек. – Ну и что нам в манхэттенской больнице поведали?

– Много всякого, – сказала Джанис. – Мистера Франкони за последние годы неоднократно укладывали на лечение, главным образом по поводу гепатита и цирроза.

– Ага, интрига закручивается туже, – обрадовался Джек. – Когда он лежал в последний раз?

– Месяца два назад. Но никакой пересадки. В его истории она упоминается, но если ему и пересадили печень, то не в манхэттенской больнице. – Джанис протянула Джеку пухлую папку.

Джек, взвесив историю болезни на руке, улыбнулся:

– Похоже, придется порядком прочитать.

– Мне показалось, там много повторов, – успокоила его Джанис.

– А что его врач? – спросил Джек. – Кто-то опекал его персонально, или Франкони по всей площадке мотался?

– Чаще всего врач был один, – ответила Джанис. – Доктор Дэниел Левитц с Пятой авеню, у него клиника между Шестьдесят четвертой и Шестьдесят пятой улицами. Номер его телефона записан на обложке вашей папки.

– Вы исключительно внимательны, – похвалил Джек.

– Стараюсь сделать все как лучше, – скромно ответила Джанис и спросила: – А с европейскими организациями, которые органы распределяют, повезло?

– Полный прочерк, – вздохнул Джек. – Как только Барт появится, попросите его звякнуть мне. Придется еще раз обзвонить все центры трансплантации у нас в стране, поскольку теперь мы знаем имя пациента.

– Если Барт не появится до моего ухода, я ему записку на столе оставлю.

Джек, посвистывая, вышел из кабинета и направился в регистраторскую. Он уже ощущал во рту вкус кофе, предвкушая удовольствие, какое всегда испытывал от первой чашки за день. Увы, как оказалось, пришел он слишком рано: Винни Амендола только-только погрузился в таинство приготовления вожделенного напитка.

– Поторапливайся с кофе, – предупредил его Джек, швыряя пухлую папку на металлический столик, за которым Винни обычно

читал газету. – Нынче утром это дело чрезвычайное.

Винни не ответил, что было вовсе не в его духе, и Джек это заметил:

– Все еще в растрепанных чувствах?

Винни и на это не ответил, но Джек уже был поглощен кое-чем иным. Он рассмотрел в газете, которую читал Винни, заголовок: «Тело Франкони найдено». Ниже шрифтом чуть поменьше шел подзаголовок: «Труп Франкони двадцать четыре часа протомился в судебно-медицинской экспертизе, прежде чем его опознали».

Джек, сев за стол, стал читать заметку. Написана она была в обычном для прессы издевательском тоне и намекала на то, что городские судмедэксперты работают тяп-ляп и спустя рукава. Джеку показалось занимательным то, что журналист, собравший столько сведений, что их хватило на заметку, по-видимому, даже не знал, что в потугах помешать установлению личности покойного кто-то лишил тело головы и рук. Ни слова не было сказано и о правой части торса, развороченной револьверными пулями.

Покончив с приготовлением кофе, Винни подошел к стойке возле стола, за которым Джек продолжал читать газету. Нетерпеливо переступил с ноги на ногу. И, когда Джек наконец-то обратил на него внимание, раздраженно произнес:

– Не возражаешь? Мне нужна моя газета.

– Видел эту заметку? – спросил Джек, шлепая ладонью по первой полосе.

– Ну, видал.

Джек, подавив искушение поправить грамматику, поинтересовался:

– Тебя это не удивило? Я про то, что, когда мы вчера делали вскрытие, тебе не приходило в голову, что утопленник – это пропавший Франкони?

– Нет, с чего это я должен был так думать? – опешил Винни.

– Я не говорю, что должен был, – уточнил Джек. – Я просто спрашиваю: не приходило ли в голову?

– Нет! – отрезал Винни. – Отдай мою газету! Почему сам себе не купишь? Вечно мою берешь читать!

Джек встал, подтолкнул газету к Винни и, взяв полученную от Джанис папку, сказал:

– Ты в последнее время и вправду не в себе. Тебе, наверное, в отпуск пора. Как-то быстро в сварливого старикана превращаешься.

– Зато я не крохобор, – огрызнулся Винни. Он взял свою газету и аккуратно переложил страницы, перепутанные Джеком.

Джек подошел к кофеварке, налил себе чашку до краев. Взял ее с собой и уселся за столик дежурного. С удовольствием прихлебывая, пролистал историю многочисленных госпитализаций Франкони. Первым делом, осваивая материалы, он интересовался главным, а потому читал каждое заключение на выписку. Как Джанис и говорила, в больницу Франкони чаще всего попадал из-за неладов с печенью, начиная с приступа гепатита, который подхватил в Неаполе.

Тут прибыла Лори. Еще не сняв пальто, первым делом спросила Джека, читал ли он газету, слышал ли утренние новости. Джек уведомил, что прочел заметку в «Пост».

– Твоих рук дело? – поинтересовалась Лори, складывая пальто и вешая его на спинку стула.

– Ты это про что?

– Про утечку, будто мы экспериментально опознали Франкони в твоём утопленнике.

Джек коротко хохотнул, не веря собственным ушам:

– Меня твой вопрос ставит в тупик. Мне-то зачем такую штуку устраивать?

– Не знаю, разве что... на тебя вчера вечером это такое впечатление произвело, – сказала Лори. – Только я вовсе не хотела обидеть. Просто удивилась, увидев, как быстро это попало в новости.

– И ты удивилась, и я удивился, мы оба... Может, это Лу?

– Думаю, такое удивило бы меня еще больше, чем если бы это сделал ты, – заметила Лори.

– Я-то при чем? – В голосе Джека зазвучала обида.

– В прошлом году ты проболтался про чуму, – напомнила Лори.

– Тогда, – оправдываясь, вспыхнул Джек, – все было совсем не так. Речь шла о спасении людей.

– Ладно, не сходи с ума, – сказала Лори. И, меняя тему, спросила: – Что за дела у нас сегодня?

– Не смотрел, – признался Джек. – Но стопка маленькая, и потому у меня просьба. Если можно, мне бы хотелось посвятить день писанине, а если честно, то хочу покопаться кое в чем.

Лори нагнулась и пересчитала папки с материалами для вскрытия:

– Всего десять дел: никаких проблем. Я сама, думаю, сегодня всего одним займусь. Теперь, когда тело Франкони вернулось, мне еще больше хочется выяснить, как оно вообще отсюда пропало. Чем больше я об этом думаю, тем тверже убеждаюсь, что это так или иначе устроил кто-то из работающих у нас.

Раздался всплеск разлившейся жидкости, сопровождаемый громкой бранью. Лори с Джеком обернулись к Винни, который стремительно вскочил со стула. Кофе из его чашки разлился по всему столу и даже попал на брюки.

– С Винни будь поосторожнее, – предупредил Джек. – Он опять в паршивом настроении.

– У вас все в порядке, Винни? – громко спросила Лори.

– В порядке, – буркнул тот. И направился на прямых, будто из дерева, ногах за бумажными полотенцами, лежавшими возле кофейника.

– Я что-то в толк не возьму, – обратился Джек к Лори, – с чего это возвращение Франкони так возбудило твой интерес к его исчезновению?

– В основном из-за обнаруженного тобой во время вскрытия, – ответила Лори. – Поначалу я думала, что тот, кто похитил тело, поступил так из чистой злобы: ну, там, убийца, не желающий, чтобы человека похоронили как подобает... что-то в этом духе. Теперь же получается, что тело украли, чтобы уничтожить печень. Это странно. Изначально я думала, что разгадать тайну исчезнувшего тела – это как самой себе что-то доказать. Теперь понимаю: если я сумею представить себе, как тело пропало, то мы смогли бы отыскать того, кто это сделал.

– Начинаю понимать, что имел в виду Лу, говоря, что чувствует себя дураком, оказываясь свидетелем твоих способностей ассоциативного мышления, – протянул Джек. – Сам-то я всегда полагал, что в случае с исчезновением Франкони «зачем» куда важнее, чем «как». Ты же предполагаешь, что между ними есть связь.

– Вот именно, – подтвердила Лори. – «Как» приведет к «кто», а «кто» прояснит «зачем».

– И по-твоему, замешан кто-то, работающий здесь, – сказал Джек.

– Боюсь, что так, – кивнула Лори. – Понять не могу, как бы им удалось вывезти его без чьей-то помощи изнутри. Увы, до сих пор у меня ни единой ниточки к тому, как это произошло.

* * *

После разговора с Зигфридом Раймонд почувствовал, как мозг попал под власть двух таблеток снотворного, наводивших дрему на его кровотоки. Остаток утра он проспал глубоким сном. Проснулся в тот момент, когда Дарлин отдернула занавески, впуская в спальню поток дневного света. Было уже восемь часов, время, в какое он просил его разбудить.

– Тебе уже лучше, дорогой? – спросила Дарлин. Она заставила Раймонда приподняться и взбила ему подушку.

– Лучше, – кивнул Раймонд, хотя от снотворного голова была еще тяжелой.

– А я уже твой любимый завтрак приготовила, – сообщила Дарлин и, нагнувшись к бюро, подняла плетеный поднос. Поднесла его к кровати и поставила на колени Раймонду.

Тот оглядел поданное: стакан свежевыжатого апельсинового сока, две полоски бекона с омлетом из одного яйца, поджаренный хлебец, чашечка пахучего кофе. В кармашке сбоку торчала утренняя газета.

– Ну как? – горделиво спросила Дарлин.

– Отлично, – похвалил Раймонд, потянулся и чмокнул ее в губы.

– Дай знать, если захочешь еще кофе, – предупредила Дарлин, выходя из комнаты.

Испытывая ребячье удовольствие, Раймонд намазал хлебец маслом и отхлебнул сок. Для него поутру не было ничего чудеснее запаха кофе и бекона. Отправив в рот по кусочку бекона и омлета и наслаждаясь вкусом того и другого вместе, Раймонд взял газету, развернул ее и пробежал глазами заголовки.

И сразу закашлялся: еда вдруг попала не в то горло. Раймонд так зашелся в кашле, что плетеный поднос соскользнул с постели и, перевернувшись вверх дном, шмякнулся на ковер.

Дарлин примчалась бегом и встала, беспомощно сжимая руки и глядя, как задыхается от кашля Раймонд, ставший пунцовым, как

помидор.

– Воды! – пискнул он между приступами.

Дарлин метнулась в ванную и вернулась со стаканом. Раймонд вцепился в него, ему удалось отпить немного воды. Бекон с яйцом, которые были у него во рту, разлетелись теперь по всей постели.

– Что с тобой? – волновалась Дарлин. – Может, «неотложку» вызвать?

– Не туда пошло, – прохрипел Раймонд, указывая себе на кадык.

Только минут через пять он пришел в себя. К тому времени в горле уже угнездилась боль, а голос сделался хриплым. Дарлин успела более или менее навести порядок в кровати и возле нее, хотя на белом ковре так и осталось кофейное пятно.

– Ты газету читала?

Дарлин отрицательно мотнула головой, и Раймонд развернул перед ней шуршащие страницы.

– Вот это да, – прошептала она.

– «Вот это да»! – насмешливо передразнил ее Раймонд. – А ты еще спрашивала, с чего меня гнетет Франкони! – Он со злостью скомкал газету.

– И что ты собрался делать? – спросила Дарлин.

– Наверное, стоит еще раз съездить и повидаться с Винни Домиником, – сказал Раймонд. – Он слово давал, что тело исчезло. Тоже мне работничек!

Зазвонил телефон, и Раймонд даже подскочил на месте.

– Хочешь, чтобы я ответила? – спросила Дарлин.

Раймонд кивнул. Он гадал, кто бы мог звонить в такую рань.

Дарлин взяла трубку, поздоровалась, затем несколько раз произнесла «да». Зажав микрофон рукой, возвестила с улыбкой:

– Это доктор Уоллер Андерсон. Он желает примкнуть.

Раймонд перевел дыхание. Он даже не чувствовал, что все это время провел замерев и не дыша.

– Скажи ему, что мы польщены, только я ему позвоню попозже.

Дарлин, сделав, как ей было сказано, повесила трубку и заявила:

– Во всяком случае, то была добрая весть.

Раймонд потер лоб и громко застонал:

– Чтобы все шло так же хорошо, как бизнес!

Вновь зазвонил телефон. Раймонд махнул Дарлин рукой: ответь, мол, – а она, поздоровавшись и послушав несколько секунд, вовсе перестала улыбаться. Протянула трубку ему, шепнув, что звонит Тейлор Кэбот.

У Раймонда едва комок не застрял в горле. И без того раздраженное, оно еще и враз пересохло. Быстро глотнув воды из стакана, он взял трубку.

– Здравствуйте, сэр, – выдавил Раймонд все еще хриловатым голосом.

– Я звоню из машины, – заговорил Тейлор, – а потому в детали особо вдаваться не стану. Мне только что доложили, что вновь возникла неурядица, которую, как я полагал, уже уладили. Сказанное мной по данному поводу ранее по-прежнему имеет силу. Надеюсь, вы понимаете?

– Разумеется, сэр, – пискнул Раймонд. – Я приму...

И осекся. Отнял телефонную трубку от уха и посмотрел на нее. Короткие гудки подтвердили: Тейлор оборвал разговор.

– Только этого мне не хватало, – выговорил Раймонд, возвращая трубку Дарлин. – Кэбот опять грозит закрыть нашу программу.

Раймонд спустил ноги с постели. Встав и накинув халат, поморщился: дала о себе знать вчерашняя головная боль.

– Придется отыскать телефон Винни Доминика. Мне нужно еще одно чудо.

* * *

К восьми часам утра Лори вместе с остальными была уже в «яме»: начались вскрытия. Джек засиделся в регистраторской, дочитывая историю госпитализаций Карло Франкони. Заметив, сколько уже времени, вновь отправился к экспертам выяснить, почему не вышел на работу главный следователь Барт Арнольд. Джек удивился, обнаружив Барта в его собственном кабинете.

– Джанис говорила с вами утром? – спросил Джек. У них с Бартом были вполне добрые приятельские отношения, так что Джек, не очень-то церемонясь, прошел прямо в кабинет и плюхнулся на стул.

– Я всего пятнадцать минут как пришел, – ответил Барт. – Джанис уже не было.

– Записки у вас на столе нет?

Барт принялся копаться в залежах бумаг. Стол Барта поразительно походил на стол Джека. Барт отыскал записку и прочел вслух:

– «Важно! Немедленно позвоните Джеку Стэплтону».

На записке стояла подпись: «Джанис».

– Простите, – смутился Барт. – Я все же ее увидел. – Он вяло улыбнулся, понимая, что прощения ему нет.

– Вы, полагаю, уже слышали, что моего уопленника почти окончательно опознали как Карло Франкони, – заявил Джек.

– Слышал про такое...

– А значит, мне нужно, чтобы вы, уже называя это имя, вновь обратились в ЮНОС и во все центры, делающие пересадку печени.

– Это гораздо легче, чем просить их проверить, не пропал ли кто-нибудь, кому у них недавно делали пересадку, – ответил Барт. – Телефоны все под рукой, так что в момент сделаем.

– Я чуть ли не всю ночь провел, обзванивая организации в Европе, которые занимаются распределением органов, – сообщил Джек. – Результат нулевой.

– Говорили с «Евротрансплантатом» в Нидерландах?

– Им первым позвонил. У них никаких сведений о Франкони.

– В таком случае вполне можно считать, что в Европе Франкони пересадку не делали, – решил Барт. – «Евротрансплантат» ведет учет по всему континенту.

– Еще нужно, чтобы кто-то навестил мать Франкони и уговорил ее дать образец крови. Нужно, чтобы Тед Линч установил тождество митохондриальной ДНК образца и моего уопленника. Тогда в опознании все будет схвачено намертво, оно перестанет быть всего лишь предположительным. Еще пусть следователь спросит у матери, не делали ли ее сыну пересадку печени. Было бы интересно послушать, что она скажет.

Барт, записывая просьбы Джека, поинтересовался:

– Что еще?

– Думаю, этого пока хватит. Джанис сказала мне, что врача Франкони зовут Дэниел Левитц. Он из тех, с кем вы связывались?

– Если это Левитц с Пятой, тогда я с ним связывался.

– И каков улов? – спросил Джек.

– Завидная практика, зажиточная клиентура. Насколько могу судить, он хороший терапевт. Любопытно, что он пользуется многие преступные кланы, так что ничего удивительного, что его пациентом был Карло Франкони.

– Разные кланы? – встрепнулся Джек. – Даже кланы, которые враждуют друг с другом?

– Чудно, правда? – улыбнулся Барт. – Вот, представляю, морока для регистраторши, ведущей запись на прием! Представляете, если в приемной одновременно окажутся два враждующих криминальных дона со своими телохранителями?

– Жизнь почуднее выдумки, – сказал Джек.

– Вы хотите, чтобы я наведалься к доктору Левитцу и выяснил, что смогу, про Франкони? – спросил Барт.

– Думаю, я это сам сделаю. У меня такое подспудное подозрение, что в беседе с врачом Франкони невысказанное окажется гораздо важнее того, что сказано. Вы сосредоточьтесь на том, откуда Франкони получил свой трансплантат. В нашем деле, думаю, это окажется ключевой информацией. Кто знает, может, она возьмет да и объяснит все остальное.

– Вот вы где! – раздался громкий бас.

Джек с Бартом вскинули головы и увидели, как дверной проем в буквальном смысле слова скрылся за внушительной фигурой доктора Кэлвина Вашингтона, заместителя главврача.

– Я вас повсюду разыскиваю, Стэплтон, – гремел Кэлвин. – Пошли! Главный хочет поговорить с вами.

Прежде чем подняться, Джек подмигнул Барту:

– Наверное, очередная из множества наград, каких он меня удостоил.

– На вашем месте я бы не вел себя столь несерьезно, – сердито бросил Кэлвин, пропуская Джека на выход. – Вы опять довели старика до белого каления.

Джек следовал за Кэлвином к руководству. Заходя в приемную, Джек обратил внимание, что в прихожей собралось больше журналистов, чем обычно.

– Случилось что-нибудь? – спросил Джек.

– Можно подумать, вы не знаете, – буркнул Кэлвин.

Джек его не понял, но больше ни о чем спросить не успел. Кэлвин уже спрашивал миссис Сэндфорд, секретаря Бинэма, можно ли им пройти в кабинет шефа.

Как оказалось, пришли они не вовремя, и Джека отправили дожидаться своей очереди на скамью, стоявшую напротив стола миссис Сэндфорд. Секретарь явно была огорчена так же, как и ее босс, и несколько раз смерила Джека неодобрительным взглядом. Джек почувствовал себя нашкодившим школяром, ожидающим встречи с директором школы. Кэлвин воспользовался заминкой и скрылся к себе в кабинет, чтобы сделать несколько телефонных звонков.

Здрavo представляя себе, чем может быть огорчен шеф, Джек старательно подыскивал объяснения. К сожалению, ничего на ум не шло. В общем-то можно было и подождать, пока Бинэм придет утром, и тогда взять у него рентгеновские снимки Франкони.

– Теперь можете пройти, – произнесла миссис Сэндфорд, не переставая печатать. Она заметила, как на ее спаренном телефоне погас огонек, что означало: шеф разговор закончил.

Джек вошел в кабинет главврача с ощущением, что называется, дежа-вю: сцена ему была уже знакома. Год назад, когда последовала серия случаев смертей от заразных болезней, Джек довел шефа до отчаяния, и между ними произошло несколько подобных стычек.

– Входите и садитесь, – грубовато предложил Бинэм.

Джек сел в кресло напротив стола главврача. За последние несколько лет Бинэм постарел и выглядел куда старше своих шестидесяти трех лет. Он в упор смотрел на Джека сквозь очки в тоненькой оправе. Джек видел: пусть кожа у главного обвисла и плоть сдала, взгляд у него все такой же пронизывающий и умный.

– Я только-только начал привыкать к мысли, что вы созданы для нашей работы, а тут такое! – выпалил Бинэм.

Джек промолчал. Он чувствовал, что лучше не говорить ничего до тех пор, пока его не спросят.

– Могу я по крайности спросить зачем? – проговорил Бинэм глубоким, сипловатым голосом.

– Любопытство, – пожал плечами Джек. – Я очень увлекся и не мог ждать.

– Любопытство! – взревел Бинэм. – Такое же жалкое оправдание вы использовали в прошлом году, когда наплевали на мои

распоряжения и отправились в манхэттенскую больницу.

– Во всяком случае, я последователен.

– А-а, вот и наглость пожаловала! – застонал Бинэм. – Вы и вправду не очень-то переменились, так?

– В баскетбол стал играть лучше.

Джек услышал, как открылась дверь, и, обернувшись, увидел, как в кабинет проскользнул Кэлвин. Скрестив огромные ручки на груди, зам встал в сторонке, как страж сиятельного гарема.

– Я ничего не могу с ним поделаться, – пожаловался Кэлвину главврач, словно Джека уже не было в кабинете. – Помнится, вы уверяли меня, будто его поведение улучшилось...

– Так и было. До этого случая, – произнес Кэлвин. И только потом бросил взгляд на Джека. – Меня особенно бесит то, – сказал он, наконец-то обращаясь к Джеку, – что вам чертовски хорошо известно: все сообщения из судебно-медицинской экспертизы должны исходить от доктора Бинэма или проходить через отдел по связям с общественностью – точка! У вас как у эксперта нет права самостоятельно разглашать информацию. Реалии таковы, что наша работа сильно политизирована, и в свете нынешних насущных проблем нам, разумеется, вовсе ни к чему дурное освещение в прессе.

– Беру тайм-аут, – объявил Джек. – Тут что-то не так. Не уверен, что мы говорим на одном и том же языке.

– Можете это повторить, – заявил Бинэм.

– Я про то, – продолжал Джек, – что, по-моему, мы говорим о разных вещах. Когда я шел сюда, то был уверен, что на ковер меня вызвали за то, что я заставил уборщика дать ключи от этого кабинета, чтобы найти снимки Франкони.

– Нет же, черт побери! – заорал Бинэм. Он вытянул указательный палец, едва не тыча им Джеку в нос. – Вас вызвали за то, что вы растрепали журналистам про то, как тело Франкони, после того как его украли, обнаружилось здесь, в морге. Вы на что рассчитывали? Что это как-то поспособствует вашей карьере?

– Минуточку, – остановил его Джек. – Во-первых, продвижение в карьере не очень-то меня трогает. Во-вторых, я никоим образом не причастен к тому, что эта история попала в прессу.

– Это не вы?! – изумился Бинэм.

– Вы, разумеется, не хотите сказать, будто виновата Лори Монтгомери? – спросил Кэлвин.

– Вовсе нет, – решительно заявил Джек. – Только это не я. Послушайте, если хотите правду, то я даже считаю, что тут и писать-то не о чем.

– Увы, пресса думает совсем иначе, – вздохнул Бинэм. – Равно как и мэр, раз уж на то пошло. Он мне уже дважды звонил утром, спрашивал, что это за цирк мы тут у себя устроили. Эта свистопляска с Франкони выставляет нас в дурном свете в глазах всего города – особенно если новости о собственном нашем ведомстве застают нас врасплох.

– По-настоящему писать надо не про то, как тело Франкони ушло из морга на ночку погулять, – объявил Джек. – А про то, что этому человеку, судя по всему, сделали пересадку печени, о которой никто знать ничего не знает, которую трудно выявить с помощью анализа ДНК и которую кто-то хочет скрыть.

Бинэм взглянул на Кэлвина, который, будто защищаясь, поднял обе руки:

– Я обо всем этом в первый раз слышу.

Джек коротко доложил, что обнаружил в ходе вскрытия, а потом рассказал про сбивающие с толку анализы ДНК, проведенные Тедом Линчем.

– Все это выглядит странно, – заметил Бинэм, снимая очки и вытирая слезящиеся глаза. – И дурно выглядит, если учесть мое желание, чтобы всю эту свистопляску с Франкони забыли напрочь. Если творится какое-то безумие, вроде того что Франкони заполучил незарегистрированную печень, значит, такого быть не должно.

– Сегодня я узнаю больше, – сообщил Джек. – Я попросил Барта Арнольда связаться со всеми центрами трансплантации в стране, Джон Де Врие в лаборатории проводит пробы на иммуносупрессанты, Морин О'Коннер из гистологии разбирается со срезами, а Тед проводит полимаркерную пробу по шести ДНК, которую считает полным доказательством. Уже днем мы будем знать наверняка, имела ли место пересадка, а если повезет, то и где ее делали.

Бинэм из-за стола бросил беглый взгляд на Джека.

– Вы убеждены, что не рассказывали журналистам историю, которая опубликована в сегодняшней газете?

– Клянусь честью скаута, – торжественно провозгласил Джек, подняв два пальца правой руки в виде буквы V.

– Хорошо, приношу вам извинения, – сказал Бинэм. – Но послушайте, Стэплтон, держите это при себе, никому ни слова. И перестаньте настолько раздражать всех и вся, что мне уже начинают звонить и жаловаться на ваше поведение. У вас просто дар пребольно кольнуть человека. И наконец, обещайте, что ничто не уйдет в прессу, не пройдя прежде через меня. Понятно?

– Кристально ясно, сэръ, – ответил Джек.

* * *

Джеку редко удавалось найти повод, чтобы днем оседлать свой горный велосипед, а потому он с большим удовольствием накручивал педали, двигаясь в потоке машин по Первой авеню на встречу с доктором Дэниелом Левитцем. Солнца не было, но температура приятно переваливала за пятьдесят градусов^[17], возвещающая о наступлений весны. Весна, считал Джек, – самое лучше время года в Нью-Йорке.

Надежно закрепив велосипед за стойку со знаком «Стоянка запрещена», Джек зашагал к боковому входу в клинику доктора Левитца. Он заранее позвонил, чтобы убедиться в том, что доктор на месте, но специально не стал записываться на прием. Интуиция подсказывала ему, что неожиданный визит, возможно, принесет больше пользы. Если Франкони была сделана пересадка, то в этом точно есть какая-то тайна.

– Ваша фамилия? – спросила седовласая, величественного вида регистратор.

Джек распахнул удостоверение судмедэксперта. Блестящая поверхность значка под кожаной обложкой и официальный вид документа многих вводили в заблуждение; люди думали, что это полицейский значок. В таких случаях Джек не склонен был рассеивать заблуждение и объяснять разницу. Значок неизменно оказывал свое действие.

– Мне нужно увидеть доктора, – сказал Джек, засовывая удостоверение обратно в карман. – И чем скорее, тем лучше.

Когда регистратор вновь обрела голос, то спросила Джека, как его зовут. Называя себя, он опустил докторский титул, чтобы не раскрывать рода своей деятельности.

Регистратор, резко отодвинув стул, встала и пропала где-то в недрах помещений клиники.

Джек обвел взглядом приемную. Места на нее не пожалели, убрали богато. Куда до нее той простенькой каморке, где он принимал больных, когда был практикующим офтальмологом. Это еще до переподготовки, которую пришлось пройти после вторжения поточно-платного здравоохранения. Джеку те времена представлялись чем-то вроде прошлой жизни, что во многом так и было.

В приемной находились пятеро хорошо одетых людей. Все они, продолжая листать журналы, тайком разглядывали Джека. В нарочито громком шелесте переворачиваемых страниц Джек уловил легкое раздражение, как будто сидевшие поняли, что он собирается нарушить очередь, а им придется ждать еще дольше. Джек уповал на то, что никто из ожидавших не был крутым мафиози, кому подобное неудобство показалось бы достаточным поводом для мести.

Вновь появилась регистратор и со смущающим подобострастием пригласила Джека проследовать за ней в личный кабинет доктора. Когда Джек вошел, она сразу же затворила дверь.

Доктора Левитца в кабинете не было. Джек уселся в кресло, стоявшее возле письменного стола, и огляделся. На стенах, как обычно, висели разные дипломы и лицензии в рамках, обычны были и стопы непрочитанных медицинских журналов. Все было настолько знакомо, что Джека слегка бросило в дрожь. С нынешнего своего, более выгодного, положения он дивился, как мог выдержать столько, сколько ему довелось, в такой вот золоченой клетке.

Доктор Левитц появился через другую дверь. Одет он был в белый халат, кармашек которого распирало от лопаточек для осмотра горла и разных ручек. С шеи свисал стетоскоп. Рядом с мускулистым, широкоплечим и рослым Джеком доктор Левитц выглядел довольно низеньким и едва ли не хрупким.

Джек сразу заметил, что врача одолевают нервные тики, отчего голова его все время вздрагивала и подергивалась. Доктор Левитц ничем не выдавал, что обращает внимание на эти движения. Он

обменялся с Джеком крепким рукопожатием и укрылся за обширным пространством письменного стола.

– Я очень занят, – начал он сухо. – Но, разумеется, всегда выкрою время для полиции.

– Я не из полиции, – уточнил Джек. – Мое имя доктор Джек Стэплтон, я из Главного управления судебно-медицинской экспертизы Нью-Йорка.

У доктора Левитца дернулась голова, а потом и реденькие усы. Он, казалось, сделал глотательное движение и выдавил из себя:

– О...

– Я хотел бы поговорить... очень коротко... об одном из ваших пациентов.

– Сведения о состоянии здоровья моих пациентов не подлежат разглашению, – произнес доктор Левитц фразу, которую словно затвердил наизусть.

– Разумеется, – кивнул Джек. И улыбнулся. – Но это, разумеется, до тех пор, пока они не умрут и не станут объектом судебно-медицинской экспертизы. Видите ли, мне нужно кое-что спросить вас о мистере Карло Франкони.

Глядя, как неестественно задергался доктор Левитц, Джек почему-то порадовался, что тот в свое время не занялся нейрохирургией.

– И все же я чту конфиденциальность в отношении своих пациентов, – заявил доктор Левитц, оправившись от тика.

– С точки зрения этической я вашу позицию понимаю, – сказал Джек. – Однако вынужден напомнить, что в подобных случаях штат Нью-Йорк наделяет нас, судмедэкспертов, правом вызывать в суд для дачи свидетельских показаний. Так почему бы нам попросту не побеседовать? Кто знает, может, и удастся все прояснить.

– Что вам угодно знать? – спросил доктор Левитц.

– Из обширной клинической истории мистера Франкони я узнал, что он довольно долго страдал заболеваниями печени, повлекшими за собой печеночную недостаточность, – сообщил Джек.

Доктор Левитц согласно кивнул головой, отчего у него несколько раз дернулось правое плечо. Джек подождал, пока улягутся произвольные дерганья, и сказал:

– Если перейти прямо к сути, то главный вопрос в том, делали или нет мистеру Франкони пересадку печени.

Какое-то время доктор Левитц не произнес ни слова. Он просто дергался и трясся. Джек решительно настроился дождаться, когда собеседник обретет дар речи.

– Мне про пересадку печени ничего не известно, – выговорил наконец доктор Левитц.

– Вы когда его в последний раз осматривали? – задал вопрос Джек.

Доктор Левитц снял трубку с телефона и попросил кого-то из своих помощниц принести ему историю болезни мистера Карло Франкони.

– Одну минуточку, – как бы извиняясь, обратился он к Джеку.

– Года три назад в заключении на госпитализацию мистера Франкони вы особо отметили, что, по вашему мнению, пересадка необходима. Вы помните, что сделали такую запись?

– Не особенно, – сказал доктор Левитц. – Но я знал об ухудшающемся состоянии, равно как и о неспособности мистера Франкони бросить пить.

– Но больше вы об этом не упоминали, – заметил Джек. – Мне это показалось странным, ведь в последующие два года по анализам легко было заметить, как постепенно, но неуклонно ухудшается работа печени.

– Врачу по силам лишь воздействовать на поведение пациента, – сказал доктор Левитц.

Открылась дверь, и регистратор почтительно внесла пухлую папку. Молча положила ее доктору Левитцу на стол и удалилась.

Доктор взял папку, быстро просмотрел ее и сообщил, что Карло Франкони был у него месяц назад.

– С чем?

– Инфекционное ОРЗ, – сообщил доктор Левитц. – Я прописал какой-то антибиотик. Судя по всему, это помогло.

– Вы его осматривали?

– Разумеется! – с негодованием воскликнул доктор Левитц. – Я своих пациентов всегда осматриваю.

– Перенес ли он пересадку печени?

– Ну, полного осмотра я не устраивал, – пояснил доктор Левитц. – Достаточно было осмотреть то, на что он жаловался и где имелись симптомы.

– Зная историю его болезни, вы у него даже печень не прощупали?

– Если и прощупал, то не записал этого.

– А кровь вы исследовали, чтобы узнать, как дела с печенью?

– Только на билирубин.

– Почему только на билирубин?

– У него было разлитие желчи, – пояснил доктор Левитц. – Внешне он выглядел лучше, но мне нужно было подтверждение.

– Каков же был результат?

– Показания в нормальных пределах.

– Так что, если не считать ОРЗ, чувствовал он себя удовлетворительно, – подытожил Джек.

– Да, полагаю, можно выразиться так, – согласился доктор Левитц.

– Похоже на чудо, – сказал Джек. – Тем более что, как вы сами заметили, этот человек отнюдь не собирался ограничивать себя в потреблении спиртного.

– Наверное, в конце концов пить он все же бросил, – заметил доктор. – Люди, знаете ли, меняются.

– Не возражаете, если я взгляну на его историю? – попросил Джек.

– Нет, возражаю, – ответил доктор Левитц. – Я уже изложил вам свою этическую позицию по поводу конфиденциальности. Если вам нужны эти записи, затребуйте их в порядке судебного расследования. Прошу простить. У меня не было намерения чинить препятствия.

– Ну что вы, все в порядке, – мило улыбнулся Джек, поднимаясь. – Я уведомя прокуратуру штата о вашем мнении. А пока благодарю за то, что уделили мне время, и, если не возражаете, мы с вами вскоре еще побеседуем. В этом деле есть нечто очень странное, и мне бы хотелось разобраться в этом до конца.

Освобождая велосипед от замков, Джек про себя улыбался. Ясно, что доктор Левитц знает больше, чем пожелал рассказать. Насколько больше – этого Джек не знал, только, несомненно, интрига нарастала. У Джека появилось подспудное чувство, что ему досталось дело не только самое интересное за всю его карьеру судмедэксперта, но, возможно, и интереснейшее из всех дел, с какими ему вообще приходилось сталкиваться.

Вернувшись в морг, он поставил велосипед на обычное место, зашел к себе в кабинет раздеться и сразу направился напрямиком в лабораторию ДНК. Но у Теда пока ничего не было.

– Мне потребуется еще пара часиков, – сказал Тед. – Я сразу позвоню! Вам незачем сюда приходить.

Огорченный, но не сломленный, Джек спустился этажом ниже в гистологию посмотреть, как готовятся постоянные срезы для исследования под микроскопом того, что отныне именовалось делом Франкони.

– Бог мой! – жалобно воскликнула Морин. – Вы что, ждете чудес? Я вам срезы как угорелая готовлю вне всякой очереди, и то, считайте, вам повезет, если вы их сегодня получите.

Стараясь все так же не падать духом и не утратить любопытства, Джек спустился на лифте на третий этаж и отыскал в лаборатории Джона Де Врие.

– Пробы на сандиммун А и ФК506 не так просто делать, – выпалил Джон. – А потом, мы и без того зашиваемся. Нельзя, знаете ли, уповать на мгновенное обслуживание при том бюджете, какой мне отпущен.

– Ладно, ладно! – мирно согласился Джек, пятясь из лаборатории. Он знал, что Джон человек вспыльчивый и, если его разозлить, может впасть во враждебное бездействие. Случись такое – и недели пройдут, пока Джек дождется результатов проб.

Спустившись еще на этаж, Джек заглянул в кабинет Барта Арнольда и умоляюще попросил того сообщить хоть что-нибудь, поскольку в других местах ему везде дали от ворот поворот.

– Звонков я сделал много, – сказал Барт. – Но вы же знаете, что такое «оставьте ваше сообщение, вам обязательно перезвонят». Поймать кого-нибудь по телефону вообще стало невозможно. Так что сообщений я оставил кучу, жду, когда перезвонят.

– Ни фиги! – сокрушенно воскликнул Джек. – У меня такое чувство, будто я девчушка-подросток: ей купили новое платье, вот она и ждет не дождется, когда ее на бал позовут.

– Сочувствую, – сказал Барт. – Не знаю, утешит ли вас это, но нам удалось взять образец крови у матери Франкони. Он уже в лаборатории ДНК.

– А спросили у мамыши, пересаживали ли ее сыну печень?

– Всенепременно, – ответил Барт. – Миссис Франкони уверила следователя, что ничего не знает о пересадке. Зато признала, что в последнее время здоровье ее сына значительно улучшилось.

– И чему же она приписывает его внезапное оздоровление?

– Говорит, он на какие-то воды ездил и вернулся совершенно другим человеком.

– А куда ездил, не сказала?

– Не знает, – покачал головой Барт. – Во всяком случае, так она следователю сообщила, и, по мнению следователя, мамаша говорила правду.

Джек кивнул, поднимаясь со стула:

– Статистика. Получить точные сведения от матери – это было бы уж слишком легко.

– Я вас сразу извещу, как только мне начнут звонить, – пообещал Барт.

– Спасибо.

Расстроенный, Джек направился в регистраторскую, решив, что чашка кофе его подбодрит. К своему удивлению, у кофеварки он застал лейтенанта Лу Солдано, тоже собравшегося попить кофейку.

– Ой-ей-ей! – воскликнул Лу. – Пойман на месте преступления.

Джек оглядел следователя убойного отдела. Тот выглядел лучше, чем в последние несколько дней. Не только верхняя пуговка на рубашке застегнута, но и галстук подтянут как надо. Больше того: лейтенант чисто побрился и даже волосы причесал.

– Вы сегодня просто на человека похожи, – не удержался Джек.

– И чувствую себя таковым, – добавил Лу. – Впервые за много дней ночью хорошо выспался. Где Лори?

– В «яме», полагаю, – ответил Джек.

– Должен по головке ее погладить за то, как она вашего утопленника вспомнила, когда запись по видеку просмотрела, – сказал Лу. – Наши все в управлении считают, что теперь можно этому делу дать толчок. Мы уже получили пару приличных наводок от осведомителей, поскольку дело вызвало много разговоров, особенно в Куинсе.

– Мы с Лори удивились, прочитав об этом сегодня в газете, – сообщил Джек. – Такой прыти мы не ожидали. Случайно, не знаете, откуда разнюхали газетчики?

– От меня, – невинно признался Лу. – Но я был осторожен и не давал никаких деталей: только факт, что тело опознано. А что? Какие-то сложности?

– Только та, что Бинэм не на шутку разбушевался, – поведал Джек, – а меня потащили к нему на расправу.

– Вот это да! Прошу прощения. – Лу прижал руку к груди. – До меня не дошло, что здесь это склоками аукнется. Надо было, наверное, через вас действовать. Что ж, теперь я ваш должник.

– Забудьте, – отмахнулся Джек. – Уже залатали. – Он налил себе кофе, добавил сахару и немного сливок.

– Во всяком случае, слухи на улицах дали желаемый эффект, – сообщил Лу. – И мы уже узнали кое-что существенное. Франкони точно убили не те, кто выкрал тело и изувечил его.

– Меня это не удивляет, – сказал Джек.

– Нет? – переспросил Лу. – А я считал, что здесь все поголовно так думают. Так, во всяком случае, Лори говорила.

– Теперь она считает, что люди, выкравшие тело, пошли на это, так как не хотели, чтобы кто-то узнал, что покойнику пересаживали печень, – сказал Джек. – Сам я до сих пор стою на том, что выкрали, дабы скрыть личность убитого.

– По правде говоря, – задумчиво произнес Лу, потягивая кофе, – я тут не вижу никакого смысла. Нам, видите ли, довольно точно известно, что тело украли по приказу, отданному кланом Лючия, прямым соперником клана Вакарро, который, как мы понимаем, устроил убийство Франкони.

– Жалость какая! – воскликнул Джек. – Вы в этом уверены?

– В разумных пределах. На осведомителя, который нам это принес, обычно можно было положиться. Конечно же, у нас нет никаких имен. Это огорчает.

– Сама мысль, что замешана организованная преступность, отвратительна, – горячился Джек. – Это означает, что люди из клана Лючия как-то связаны с пересадкой органов. Если это не лишает вас сна, то ничем другим вас не проймешь.

– Успокойтесь! – рявкнул в трубку Раймонд. Телефон зазвонил, когда он уже уходил из дому. Услышав, что звонит доктор Левитц, Раймонд взял телефонную трубку.

– И не указывайте, чтобы я успокоился! – кричал в ответ Дэниел. – Вы видели газеты? Тело Франкони у них! Уже какой-то судмедэксперт по имени доктор Джек Стэплтон наведался ко мне в клинику, выпрашивая историю болезни Франкони.

– Вы ее, надеюсь, не отдали?

– Разумеется, нет! Только он издевательски напомнил мне, что может затребовать ее в судебном порядке. Говорю вам, этот малый лез напролом и вел себя весьма агрессивно, пообещал разобраться в этом деле до конца. Он подозревает, что Франкони пересадили печень. Так прямо и спросил меня об этом.

– В ваших записях есть хоть какие-то сведения о его пересадке или о нашей программе? – спросил Раймонд.

– Нет. В этом отношении я буквально следовал вашим советам, – ответил Дэниел. – Только если кто-то заглянет в историю, то найдет много странного. В конце концов, я же годами фиксировал ухудшение состояния здоровья Франкони. И вдруг ни с того ни с сего исследования его печени показывают, что она функционирует нормально. Безо всяких объяснений! Говорю вам: пойдут вопросы, и я не уверен, что справлюсь с ними. Я очень расстроен. Жаль, что вообще со всем этим связался.

– Давайте не будем увлекаться, – произнес Раймонд со спокойствием, которого сам в себе не ощущал. – Стэплтон в этом деле ни за что не разберется до конца. Наше беспокойство по поводу вскрытия чисто гипотетическое и основано на бесконечно малой вероятности, что кто-то, наделенный разумом Эйнштейна, сумеет вычислить источник трансплантата. Такому не бывать. И все же я признателен вам за рассказ о визите доктора Стэплтона. Так получилось, что как раз в данную минуту я направлялся на встречу с Винни Домиником. При своих возможностях он, я уверен, сумеет обо всем позаботиться. В конце концов, во многом именно он несет ответственность за создавшееся положение.

Постаравшись поскорее отделаться от собеседника, Раймонд повесил трубку. Успокаивая доктора Левитца, он нисколько не умерял собственного беспокойства. Посоветовав Дарлин, что сказать в том

маловероятном случае, если вновь позвонит Тейлор Кэбот, он вышел из дому. Поймав такси на углу Мэдисон и Шестьдесят четвертой, объяснил водителю, как добраться до Корона-авеню в Элмхерсте.

В неаполитанском ресторане все было точно так же, как и днем раньше, разве что добавился спертый запах еще пары сотен выкуренных сигарет. Винни Доминик сидел в том же закутке, а его «шестерки» угнездились на тех же высоких сиденьях у бара. Тот же бородатый толстяк так же усердно мыл стаканы и кружки.

Раймонд времени терять не стал. Миновав тяжелые красные бархатные гардины в дверях, он напрямик направился к столику, за которым сидел Винни, и протиснулся на плюшевое сиденье, не дожидаясь приглашения. Вытащив измятую газету, он принялся старательно разглаживать ее на столе.

Винни невозмутимо взирал на заголовки.

– Как видите, возникла проблема, – начал Раймонд. – Вы уверяли меня, что тело исчезло. Ваши люди явно напортачили.

Винни взял сигарету, сделал долгую затяжку, затем струйкой пустил дым к потолку.

– Док, – заговорил он, – вы не устаете меня удивлять. Либо у вас нервы крепче канатов, либо вы сумасшедший. Такого неуважения я не терплю даже от своих ближайших помощников. Либо вы переиначите только что сказанное вами, либо... Встать и марш с глаз моих, пока я не разозлился по-настоящему!

Раймонд тяжело проглотил слюну и, проведя пальцем по шее, оправил воротник. Он вдруг осознал, с кем имеет дело, и у него мороз пошел по телу. Да стоит Винни Доминику кивнуть – и поплывет он, кувыркаясь, по течению, куда Ист-Ривер вынесет.

– Прошу прощения, – выговорил Раймонд смиренно. – Я не в себе. Очень расстроен. Не успел прочесть заголовки, как мне позвонил гендиректор «Генсис», угрожая свернуть программу. Потом позвонил врач Франкони и сказал, что к нему приходил один из судмедэкспертов. Некий доктор по имени Джек Стэплтон наведася к нему, желая взглянуть на историю болезни Франкони.

– Анжело! – позвал Винни. – Пойди-ка сюда!

Анжело подошел к столику. Винни спросил, знает ли он доктора Джека Стэплтона из морга. Анжело, покачав головой, произнес:

– Никогда его не видел. Но это о нем говорил Винни Амендола, когда звонил сегодня утром. Сказал, что Стэплтон весь аж огнем горит из-за Франкони, потому как Франкони – это его дело.

– Видите, мне тоже звонят, – сказал Винни. – Позвонил не только Винни Амендола, которого до сих пор от страха пот прошибает, потому что мы уговорили его помочь нам вывезти Франкони из морга. Еще мне позвонил брат моей жены, который управляет похоронной конторой, что вывезла тело. Ему нанесла визит доктор Лори Монтгомери и спрашивала про тело, которого не существует.

– Мне очень жаль, что все обернулось так плохо, – проговорил Раймонд.

– Вам жаль и мне тоже жаль, – заметил Винни. – Сказать правду, я никак не могу понять, каким образом тело опять попало к ним. Мы кое-что сделали и выяснили, что земля в Вестчестере слишком тверда, чтобы схоронить в ней тело. Вот и отвезли его к черту на рога, далеко за Кони-Айленд и бросили прямо в океан.

– Что-то явно вышло не так, – осторожно произнес Раймонд. – При всем должном уважении – что можно сделать в данный момент?

– В том, что касается тела, мы ничего сделать не можем. Винни Амендола сообщил Анжелю, что вскрытие уже проведено. Такие вот дела.

Раймонд застонал и обхватил руками голову. Та просто раскалывалась от боли.

– Секундочку, док, – обратился к нему Винни. – Хочу вас кое в чем успокоить. Поскольку я знал, почему вскрытие может навлечь беду на вашу программу, я приказал Анжелю с Карло уничтожить печень Франкони.

Раймонд поднял голову. Лучик надежды появился на горизонте.

– Как вы это сделали? – спросил он.

– Из пистолета, – ответил Винни. – Печень они разнесли вдребезги. Раздолбали всю эту часть живота. – Винни описал пальцем окружность возле правой части торса. – Так, Анжело?

Тот кивнул:

– Всадили весь магазин из «ремингтона» помпового действия. Живот у малого стал похож на гамбургер.

– Вот видите, – успокоил Винни Раймонда, – не так уж вам стоит волноваться, как кажется.

– Если у Франкони вся печень уничтожена, тогда с чего Джек Стэплтон спрашивает, делали ли Франкони пересадку?

– А он спрашивает? – поинтересовался Винни.

– Прямо так и спросил доктора Левитца.

Винни пожал плечами:

– Должно быть, что-то другое навело его на мысль. Во всяком случае, все трудности, похоже, сходятся на этих двух личностях: докторе Джеке Стэплтоне и докторе Лори Монтгомери.

Раймонд выжидательно поднял брови.

– Я уже говорил вам, док, – продолжал Винни, – если бы не Винни-младший и не его больные почки, я бы во все это и не подумал связываться. То, что я еще и брата жены втянул, только осложняет мое положение. Теперь, втянув его, я не могу оставить его болтающимся на ниточке, вы понимаете, о чем я говорю? Значит, вот что я думаю. Я попрошу Анжело с Франко нанести этим докторам визит и уладить дело. Как, Анжело, не возражаешь?

Раймонд с надеждой посмотрел на Анжело и впервые за все время их странного знакомства увидел, как Анжело улыбается. Не очень-то похоже на обычную улыбку, поскольку рубцы и шрамы скрадывали все движения лицевых мышц, но все же это была улыбка.

– Я пять лет дожидался, когда смогу встретиться с Лори Монтгомери, – процедил Анжело.

– Так я и подозревал, – заметил Винни. – Сможешь достать их адреса у Винни Амендолы?

– Уверен, он с радостью выдаст нам адрес доктора Стэплтона, – сказал Анжело. – Он не меньше любого хочет, чтоб этот бардак как-то утрясся. Что касается Лори Монтгомери, то ее адрес у меня уже есть.

Винни загасил в пепельнице сигарету и взметнул брови.

– Итак, док, как вам идея, чтобы Анжело с Франко навестили двух надоедливых медэкспертов и убедили их взглянуть на вещи по-нашему? Их придется убедить, что они доставляют нам значительное неудобство, если вам понятно, что я имею в виду. – На лице Винни появилась кривая ухмылка, и он подмигнул.

Раймонд облегченно хохотнул:

– О лучшем выходе я и подумать не мог. – Он прополз по кривой по плюшу сиденья и поднялся из-за стола. – Благодарю вас, мистер

Доминик. Весьма вам обязан и еще раз приношу извинения за свою необдуманную вспышку в начале нашей встречи.

– Пойдите, док. Мы еще не обсудили вознаграждение.

– Я полагал, это попадает под пункты нашей ранней договоренности, – сказал Раймонд, стараясь выдержать деловой тон, не обижая Винни. – В конце концов, вовсе не предполагалось, что тело Франкони появится вновь.

– Я смотрю на это по-иному, – сообщил Винни. – Это – сверх. Поскольку плату за содержание вы сторговали начисто, боюсь, теперь речь пойдет о компенсации некоторой части того, что я уплатил в виде вступительного взноса. Как насчет двадцати тысяч? Звучит как миленькая круглая цифра.

Раймонд был взбешен, но сумел себя сдержать. Припомнилось и то, что произошло, когда в прошлый раз он попытался торговаться с Винни Домиником: цена удвоилась.

– Мне понадобится некоторое время, чтобы собрать такую сумму денег, – сказал он.

– Вот и превосходно, док, – похвалил Винни. – Главное, что мы договорились. Со своей стороны я выпускаю Анжело с Франко незамедлительно.

– Чудесно, – смог выдать из себя Раймонд перед тем, как уйти.

– Ты это все всерьез? – спросил Анжело у Винни.

– Боюсь, что да, – вздохнул тот. – Полагаю, мысль впутать сюда моего шурина была не очень умной, хотя в то время особого выбора у нас не было. Так или иначе, я должен со всем этим разобраться, иначе моя половина возьмет меня за яйца. Одно только радует: мне удалось заставить добродетельного доктора заплатить за то, что все равно пришлось бы сделать.

– Ты когда хочешь, чтобы мы с теми двумя разобрались? – спросил Анжело.

– Чем скорее, тем лучше, – ответил Винни. – По правде, сегодня ночью идеально!

Глава 15

6 марта 1997 г.

19.30

Кого, Экваториальная Гвинея

– В котором часу вы ждете гостей? – спросила Эсмеральда у Кевина. Ее тело и голова были укутаны в симпатичную яркую оранжево-зеленую ткань.

– В семь часов, – вскинулся Кевин, радуясь возможности отвлечься. Он давно уже валял дурака за столом, пытаясь убедить самого себя, будто читает какой-то журнал по молекулярной биологии. А на самом деле раз за разом мучительно прокручивал в памяти события того дня.

Перед глазами как наяву, словно бы ниоткуда, выходили солдатики в красных беретах и форме, замаскированной под цвета джунглей. В ушах стоял топот тяжелых ботинок, ступавших по влажной земле, и клацанье амуниции, когда солдатики бежали за ним. Хуже того: его до сих пор охватывал липкий страх, какой он почувствовал, когда бросился наутек, в любой момент ожидая услышать за спиной грохот автоматных очередей.

Бросок через поляну к машине и дикая гонка в общем-то помогли унять изначальный страх. Разлетавшиеся от пуля стекла в машине воспринимались как нечто выпадавшее из реальности, тут и сравнивать нечего с тем, когда он только-только увидел солдат.

На Мелани же случившееся опять подействовало совсем не так, как на Кевина. Он даже стал подумывать, а не закалило ли ее манхэттенское воспитание для таких вот передраг. Мелани чувствовала не страх, а ярость, не испуг, а гнев овладевал ею. Ее бесило, что солдатики, будто себе на забаву, крушили то, что она считала своей собственностью, даром что, строго говоря, машина принадлежала «Генсис».

– Ужин готов, – сообщила Эсмеральда. – Я послежу, чтобы он был разогрет.

Кевин поблагодарил заботливую экономку, и она удалилась обратно на кухню. Небрежно швырнув журнал, Кевин поднялся из-за

стола и вышел на веранду. Наступила ночь, и он начал беспокоиться, куда это запропастились Мелани с Кэндис.

Перед домом Кевина раскинулась небольшая поросшая травой площадь, освещаемая старомодными уличными фонарями. Напротив, на другой стороне площади, находился дом Зигфрида Шполлека. Он походил на дом Кевина: тот же арочный первый этаж, та же веранда по всему второму этажу, те же слуховые окна под островерхой крышей. Свет горел только в той части дома, где находилась кухня. Очевидно, управляющий еще не вернулся с работы.

Услышав слева от себя смех, Кевин повернулся в сторону берега. Минут пятнадцать назад прекратился тропический ливень, хлеставший больше часа. Брусчатка на улице исходила паром: камни все еще хранили жар солнца. И в это освещенное марево вступали две женщины, шагавшие под руку и задорно хохотавшие.

– Эй, Кевин! – закричала Мелани, высмотрев хозяина дома на балконе. – Вы почему это карету не выслали?

Женщины встали внизу прямо напротив Кевина, которого сильно смущало их шумное веселье.

– Вы о чем? – спросил Кевин.

– Ну, вы ж не рассчитывали, что мы вдребезги вымокнем, а? – пошутила Мелани. Слышно было, как хихикнула Кэндис.

– Поднимайтесь скорее, – позвал Кевин. А сам лихорадочно оглядывал маленькую площадь, надеясь, что голоса не потревожили никого из соседей.

По лестнице женщины поднимались так, будто брали дом приступом. Кевин встретил их у входа. Мелани, невзирая на сопротивление смущенного хозяина, расцеловала его в обе щеки. Ее примеру последовала и Кэндис.

– Извините за опоздание, – сказала Мелани, но дождь заставил нас укрыться в баре «У цыпочек».

– И группа дружески настроенных мужчин из автомастерских добилась права угостить нас ананасовкой, – весело добавила Кэндис.

– Ничего страшного, – заметил Кевин. – Только вот ужин уже готов.

– Фантастика! – воскликнула Кэндис. – Я умираю с голоду.

– Я тоже, – подала голос Мелани, нагибаясь и стаскивая туфли. – Надеюсь, вы не против, если я босая похожу. У меня по дороге сюда

туфли малость промокли.

– И у меня тоже, – сообщила Кэндис, следуя примеру подруги.

Кевин, жестом пригласив женщин в столовую, повел их за собой. Эсмеральда накрыла всего один конец стола, за которым спокойно разместилось бы двенадцать персон. Небольшая скатерть покрывала место, где были расставлены блюда и приборы. Горели свечи в стеклянных подсвечниках.

– Как романтично! – восхитилась Кэндис.

– Надеюсь, вина нам тоже подадут, – сказала Мелани, усаживаясь на ближайшее к ней место.

Кэндис обошла вокруг и села напротив Мелани, оставив место во главе стола для Кевина.

– Белого или красного? – спросил Кевин.

– Любого цвета, – ответила Мелани и засмеялась.

– Чем нас угощают? – поинтересовалась Кэндис.

– Местной рыбой.

– Рыба! Как это в струю! – заметила Мелани, отчего обе женщины расхохотались до слез.

– Я не понял, – признался Кевин, чувствуя, что в компании этих двух женщин он и половины разговора не улавливает.

– Потом объясним, – справившись со смехом, выговорила Мелани. – Несите вино. Это важнее.

– Давайте выпьем белого, – предложила Кэндис.

Кевин отправился на кухню и взял вино, которое заранее поставил в холодильник. Он старался не смотреть на Эсмеральду, обеспокоенный тем, что та могла подумать о подвыпивших женщинах, которых он принимал у себя в гостях. Сам Кевин не знал, что и подумать.

Открывая вино, он слышал, как они вели оживленный разговор, перемежая его смехом. Хорошо то, напомнил он себе, что в присутствии Мелани и Кэндис никогда не наступало неловкое молчание.

– И какое же вино нам подают? – спросила Мелани, увидев входящего Кевина. Тот показал ей этикетку на бутылке. – Ну что ж! – воскликнула она с показным высокомерием. – Похоже, нам сегодня везет.

Кевин понятия не имел, что за вино он вытащил из своей коллекции винных бутылок, но ему было приятно, что Мелани его выбор оценила. Он разлил вино, и тут появилась Эсмеральда, неся первое блюдо.

Ужин необычайно удался. Даже Кевин стал чувствовать себя свободнее после того, как попробовал отдавать должное вину наравне с женщинами. Где-то посреди застолья ему пришлось еще раз наведаться на кухню за новой бутылкой.

– Вы себе представить не можете, кто еще сидел в курятнике «У цыпочек», – заговорила Мелани, когда с закусками было покончено. – Наш бесстрашный вождь Зигфрид.

Кевин поперхнулся вином. Отирая лицо салфеткой, спросил:

– Вы, надеюсь, с ним не разговаривали?

– Избежать этого было бы трудно, – усмехнулась Мелани. – Он вежливо спросил, нельзя ли ему к нам присоединиться, и даже выставил всем по рюмашке, не только нам, но и ребятам из автомастерской.

– На самом деле, вел себя как суцая очаровашка, – прибавила Кэндис.

Кевин почувствовал, как мороз пополз по спине. Вторым сегодняшним испытанием, напугавшим не меньше первого, стало для него посещение конторы Зигфрида. Едва они успели унести ноги и головы от эквадогвинейских солдат, как Мелани настояла, чтобы они зарулили к управляющему. Все доводы Кевина, пытавшегося отговорить ее, в расчет приняты не были.

«Я не собираюсь мириться с подобным к себе отношением», – сердито бормотала Мелани, поднимаясь по лестнице. Она и не подумала ни о чем спрашивать Аурильо, а на всех парусах влетела в кабинет Зигфрида и потребовала, чтобы тот лично позаботился о ремонте ее машины. Кэндис стояла рядом с Мелани, а Кевин держался сзади, наблюдая за всем из-за стола Аурильо. «В прошлый раз я потеряла солнцезащитные очки, – заявила Мелани. – И мы поехали их искать, так нас опять обстреляли!»

Кевин ждал, что Зигфрид выйдет из себя. Но, напротив, тот тут же стал извиняться, сказал, что солдат туда послали, чтобы они никого не подпускали к острову, что они не имели права открывать огонь. Зигфрид согласился не только привести в порядок машину Мелани, но

и дать ей на время ремонта другую. Еще пообещал приказать солдатам прочесать то место и поискать утерянные очки.

Эсмеральда внесла десерт. Женщины довольно переглянулись: блюдо было приготовлено из растущего здесь какао.

– О том, что сегодня случилось, Зигфрид говорил? – спросил Кевин.

– Он опять извинялся, – ответила Кэндис. – Сказал, что говорил с марокканским гвардейцем, и уверял нас, что больше никакой пальбы не будет. А если еще кто забредет к мосту, то их просто остановят и объяснят, что в том районе гулять не разрешается.

– Хотелось бы верить, – произнес Кевин, – но при том восторге, с каким дети, которых считают солдатами, хватаются за оружие, вряд ли такое возможно.

Мелани рассмеялась:

– Кстати, о солдатах. Зигфрид сказал, что они потратили много часов, разыскивая несуществующие очки. Так им и надо!

– Еще он спросил, не хотим ли мы побеседовать с кем-нибудь из рабочих, которые были на острове и жгли там ветки и всякий сор, – сказала Кэндис. – Представляете?

– А вы что ответили?

– Сказали ему, что этого не нужно. То есть мы не хотим, чтобы он думал, будто мы все еще из-за дыма маемся, и уж точно не хотим, чтобы он думал, будто мы собираемся побывать на острове.

– Так мы и не собираемся, – сказал Кевин. И посмотрел на женщин, которые вдруг стали заговорщицки улыбаться друг другу. – Разве нет?

Сам Кевин, дважды обстрелянный, считал это более чем убедительным доводом в пользу того, что ни о каком посещении острова и речи быть не может.

– Вы не поняли, почему мы рассмеялись после ваших слов, что на ужин у нас будет рыба, – заговорила Мелани. – Помните?

– Да-а, – протянул несколько встревоженный Кевин. Он вдруг остро ощутил, как не понравится ему то, о чем собиралась поведать Мелани.

– А смеялись мы потому, что все время после полудня провели в разговорах с рыбаками, что заходят в Кого пару раз в неделю, – сказала Мелани. – Может быть, как раз с теми, что поймали рыбину, которую

мы только что съели. Сами они из городка под названием Акалайонг, что в десяти – двенадцати километрах к востоку отсюда.

– Я знаю этот городок, – вздохнул Кевин. Когда-то он служил перевалочной базой для тех, кто следовал из Экваториальной Гвинеи в Кокобич, что в Габоне. Курсировали там, перевозя пассажиров, узенькие, снабженные подвесным мотором лодчонки, называвшиеся пирогами.

– Мы взяли у них лодку на два-три дня, – гордо возвестила Мелани. – Так что нам и нужды нет даже близко подходить к мосту. Мы навестим остров Франчески с моря.

– Без меня, – подчеркнуто твердо сказал Кевин. – Сыт по горло. Откровенно говоря, по-моему, нам просто повезло, что мы остались живы. Если вы, молодцы, желаете поехать, езжайте! Я же знаю: что бы я ни говорил, все равно вы всегда делаете по-своему.

– Ого, вот это здорово! – не скрывая насмешки, воскликнула Мелани. – А вы и сдались! Если так, то как вы намерены выяснить, не создали ли мы с вами расу пещерных людей? Ведь это вы, между прочим, первым забили тревогу и всех нас переполошили.

Мелани и Кэндис смотрели на Кевина во все глаза. Несколько минут никто не проронил ни слова. Стали слышны ночные звуки джунглей, которые до этого не долетали до их слуха.

Чувствуя себя все более и более неловко, Кевин наконец прервал молчание:

– Пока я не знаю, что намерен делать. Что-нибудь придумаю.

– Черта с два вы придумаете! – выпалила Мелани. – Вы уже говорили, что единственный способ выяснить, кто такие эти животные, это побывать на острове. Ваши ведь слова. Забыли уже?

– Нет, не забыл. Просто тут... в общем...

– Ладно, – снисходительно махнула рукой Мелани. – Если вы такая цыпочка, что трусите поехать и разобраться, что вы налудили своим генетическим паяльником, – прекрасно! Мы рассчитывали, что вы отправитесь с нами, поможете в пироге управлять мотором, но – пусть себе! Мы с Кэндис управимся. Правда, Кэндис?

– Правда, – тряхнула головой Кэндис.

– Мы, видите ли, все довольно тщательно продумали, – не унималась Мелани. – Мы не только арендовали большую лодку с мотором, а еще уговорили рыбаков оставить нам маленькую,

весельную, лодочку. Хотим тащить ее на буксире. А добравшись до острова, поднимемся на веслах по Рио-Дивизо. Может, нам вообще не придется сходить на землю. Ведь мы хотим только немного понаблюдать за животными.

Кевин кивнул. Он переводил взгляд с одной женщины на другую, а те не сводили с него непреклонных глаз. Чувствуя себя в высшей степени неудобно, Кевин отодвинул стул и пошел из комнаты.

– Вы куда? – бросила ему вслед Мелани.

– Еще вина принесу, – ответил Кевин.

Охваченный неведомым чувством сродни гневу, Кевин взял третью бутылку белого бургундского, открыл ее и вернулся в столовую. Молча указал на бутылку Мелани: та согласно кивнула. Кевин наполнил ее бокал. Потом – Кэндис. И после этого – свой.

Сев на место, он сделал добрый глоток вина. Проглотив, кашлянул, а потом спросил, когда дамы намерены отправиться в свое великое путешествие.

– Завтра, с первым лучом солнца, – ответила Мелани. – По нашим расчетам, потребуется больше часа, чтобы добраться до острова, хотелось бы вернуться до того, как солнце начнет жарить всюю.

– Мы уже поесть-попить прихватили в столовой, – сообщила Кэндис. – А я взяла из клиники переносную морозилку, чтобы все в нее сложить.

– Мы окажемся очень далеко и от моста, и от площадки для кормления, – сказала Мелани. – Так что тут проблем не будет.

– Мне кажется, все получится забавно, – произнесла Кэндис. – Ужас как хочется посмотреть на бегемота.

Кевин сделал еще глоток вина.

– Надеюсь, – обратилась к нему Мелани, – вы позволите нам взять эти электронные штуковины для поиска животных. И контурная карта нам пригодилась бы. Разумеется, обращаться с ними мы будем бережно.

Кевин вздохнул и обмяк на стуле.

– Хорошо, я сдаюсь. На какое время назначен поход?

– Во чудно! – заликовала Кэндис и захлопала в ладоши. – Я знала, что вы поедете.

– Солнце восходит после шести, – уточнила Мелани. – Хотелось бы к этому времени быть уже в лодке и в пути. Мой план: берем курс

на запад, затем разворачиваемся, заходим в устье и идем на восток. Таким образом, в городе мы ни у кого не возбудим подозрения, когда нас увидят в лодке. Пусть думают, будто мы направляемся в Акалайонг.

– А как же работа? – спросил Кевин. – Вас не хватятся?

– Не-а, – повела головой Мелани. – Я сказала в лаборатории, что буду занята в центре животных и чтобы меня не искали. А в центре животных предупредила...

– Я понял, – перебил ее Кевин. – А вы, Кэндис?

– Без проблем, – ответила та. – Поскольку мистер Винчестер здоровеет с каждым часом, я, по сути, безработная. Хирурги целыми днями гоняют шарик для гольфа или в теннис играют. Могу делать что захочу.

– Я позвоню своему старшему сотруднику, – сказал Кевин, – и скажу, что на меня погода действует, испытываю острый приступ безумия.

– Одну секунду, – вдруг встрепенулась Кэндис. – Я только что вспомнила: есть проблема.

Кевин резко выпрямился и тревожно спросил:

– Какая?

– У меня нет крема от загара. Не взяла с собой ничего, ведь раньше три раза приезжала, а солнца в глаза не видела.

Глава 16

6 марта 1997 г.

14.30

Нью-Йорк

Дождаясь результатов анализов по Франкони, Джек отправился-таки к себе в кабинет и попробовал сосредоточиться на некоторых других выдающихся делах. Удивительно, но до половины третьего ему удалось вполне прилично их перелопатить. В два тридцать раздался звонок.

– Я говорю с доктором Стэплтоном? – спросил женский голос с заметным итальянским акцентом.

– Воистину так, – ответил Джек. – А вы миссис Франкони?

– Имоджин Франкони. Меня просили позвонить вам.

– Признателен вам, миссис Франкони, – сказал Джек. – Прежде всего позвольте выразить соболезнования по поводу случившегося с вашим сыном.

– Благодарю вас, – отозвалась Имоджин. – Карло был добрым мальчиком. Ничего такого не делал, про что в газетах пишут. Он работал в американской компании «Свежие фрукты» здесь, в Куинсе. Даже не знаю, откуда пошли все эти разговоры про организованную преступность. Газеты просто все выдумали.

– Страшно подумать, на что люди готовы пойти, только бы газету продать, – поддакнул Джек.

– Человек, который приходил утром, сказал, что тело сына опять у вас, – выговорила Имоджин.

– Мы так считаем, – уточнил Джек. – Как раз чтобы подтвердить это, нам и нужна была ваша кровь. Спасибо за понимание и помощь.

– Я спрашивала его, почему не нужно, чтобы я приехала к вам и опознала тело, как делала в прошлый раз, – продолжала Имоджин. – А он сказал, что не знает.

Джек попытался на ходу придумать, как бы пообходительнее объяснить трудности с опознанием, но у него ничего не получалось. Он решил отделаться туманной фразой в надежде, что миссис Франкони ею удовлетворится:

– Некоторые части тела все еще отсутствуют.

– А? – донеслось из трубки.

– Позвольте, я скажу, о чем хотел спросить вас, – затараторил Джек. Он опасался, что миссис Франкони, почувствовав себя оскорбленной, не захочет отвечать на его вопрос. – Вы сказали следователю, что здоровье вашего сына улучшилось после путешествия. Вы помните, что говорили это?

– Конечно, – подтвердила Имоджин.

– Мне сказали, что вы не знаете, куда он ездил. А нельзя как-нибудь это выяснить?

– Вряд ли. Он говорил, что это никак не связано с его работой и что дело сугубо интимное.

– А не помните, когда это было?

– Не очень. Может быть, пять или шесть недель назад.

– Но это было в нашей стране?

– Не знаю. Он сказал только, что дело сугубо интимное.

– Если вдруг выясните, где это было, будьте любезны, перезвоните мне, – попросил Джек.

– Постараюсь, – пообещала Имоджин.

– Благодарю вас.

– Подождите, – спохватилась Имоджин, – я только что вспомнила. Перед самым отъездом он и вправду странную вещь сказал. Сказал, если не вернется, то чтобы я знала, что он меня очень любит.

– Вас это удивило?

– В общем, да, – призналась Имоджин. – Я подумала, как приятно, когда маме такое говорят.

Джек еще раз поблагодарил миссис Франкони и повесил трубку. Он еще руку не успел с трубки снять, как телефон снова затрезвонил. Позвонил Тед Линч.

– Думаю, вам лучше подойти к нам, – сказал он.

– Уже иду, – бросил Джек.

Когда Джек вошел, Тед сидел за столом и чесал затылок.

– Не будь я хорошо осведомлен, – сердито выпалил он, – подумал бы, что вы решили меня подурочить. Садитесь!

Джек сел. Тед держал в руках ворох бумаг с компьютерными данными и еще несколько проявленных пленок с сотнями маленьких

темных полос. Подавшись вперед, он сбросил весь этот ворох Джеку на колени.

– Это что за чертовщина? – удивился Джек, подняв несколько прозрачных пленок и разглядывая их на свет.

Тед, склонившись к нему, ластиком на обратном конце старомодного деревянного карандаша указал на пленки:

– Это результаты полимаркерной пробы ДНК. – Ткнув пальцем в ворох бумаг, добавил: – А эта куча – сравнительные данные нуклеотидных последовательностей Ди-кью-альфа областей на ГСТС.

– Тед, перестаньте! – взмолился Джек. – Сделайте милость, говорите со мной нормальным языком. Вы же знаете, я в этих делах как младенец в дремучем лесу.

– Прекрасно, – буркнул явно раздосадованный Тед. – Полимаркерная проба показывает, что ДНК Франкони и ДНК печеночной ткани, найденной вами у него внутри, отличаются так, что дальше некуда.

– Эй, так это же хорошая новость! – обрадовался Джек. – Значит, то был трансплантат.

– Предположим, – без особой уверенности согласился Тед. – Но ведь совпадение по Ди-кью-альфа полное, до последнего нуклеотида.

– И что это значит? – спросил Джек.

Тед молитвенно воздел руки и наморщил лоб:

– Не знаю. Не могу объяснить. С точки зрения математической такого быть не может. То есть шансы настолько бесконечно малы, что лежат за пределами вероятности. Мы имеем дело с полным совпадением тысяч и тысяч комплементарных пар оснований нуклеиновых кислот, даже в областях протяженных повторений. Абсолютное совпадение! Именно поэтому при Ди-кью-альфа обследовании мы и получили такие результаты, какие получили.

– В общем, итог таков: это трансплантат, – заявил Джек. – Для нас это главное.

– Если вы настаиваете, я вынужден согласиться, что это трансплантат, – произнес Тед. – Но как нашли донора с идентичной Ди-кью-альфа – понять не могу! Тут совпадение, от которого несет сверхъестественным.

– А что с анализом по митохондриальной ДНК для подтверждения того, что утопленник – это Франкони? – спросил Джек.

– Ничего себе, – жалобно застонал Тед, – вам только пальчик протяни, так вы готовы всю руку отхватить. Смилюйтесь Христа ради: мы только-только кровь получили. Результаты придется подождать. Мы, между прочим, всю лабораторию на уши поставили, чтобы вот так быстро сделать то, что вы получили. И потом, меня больше занимают сведения по Ди-кью-альфа в сравнении с результатами полимаркерной пробы. Что-то тут не сходится.

– Только не засиживайтесь над этим без сна, – предупредил Джек. Он встал и отдал Теду все материалы, которые тот ссыпал ему на колени. – Признателен вам за то, что вы сделали. Спасибо! Этих сведений я и ждал. А когда придут результаты митохондриальной пробы, позвоните мне.

Обрадованный результатами, которые получил Тед, Джек не очень-то беспокоился по поводу митохондриального исследования. Сопоставление рентгеновских снимков уже убедило его, что утопленник и Франкони – это одно и то же.

Джек сел в лифт. Теперь, получив подтверждение, что печень была пересажена, он рассчитывал, что Барт Арнольд сумеет найти ответы на остальные загадки. Опускаясь в кабине, Джек диву давался, как близко к сердцу воспринял Тед результаты анализа по Ди-кью-альфа. Не так много сыщется такого, что способно задеть Теда за живое. Значит, тут что-то впечатляющее. К сожалению, Джек мало понимал в этих анализах, чтобы самому судить о результатах. И дал себе слово: как только появится возможность, побольше об этом почитать.

Радость Джека была недолгой, она улетучилась, едва он переступил порог кабинета Барта. Судебный следователь разговаривал по телефону, но, увидев Джека, отрицательно помотал головой. Джек принял этот жест за плохие вести. Он сел и стал ждать.

– Не повезло? – спросил он, когда Барт окончил разговор.

– Боюсь, что нет, – сказал Барт. – Я, признаться, надеялся на ЮНОС, и когда там сказали, что печень для Карло Франкони не предоставляли и что он у них даже на очереди не числится, я понял, что шансы проследить, откуда он достал печень, стремительно упали. Только что я разговаривал с пресвитерианской клиникой в Колумбии: там пересадку тоже не делали. То же самое мне сказали почти во всех

центрах, где проводят пересадку печени: ни в одном Карло Франкони не значится.

– Бред какой-то! – Джек рассказал Барту о том, что данные Теда подтвердили: у Франкони был трансплантат.

– Не знаю, что и сказать, – развел руками Барт.

– Если людям не пересаживают органы в Северной Америке или в Европе, то где еще они могут это сделать? – спросил Джек.

Барт, пожав плечами, сказал:

– Других вариантов немного, но они есть: Австралия, Южная Африка, даже пара мест в Южной Америке... Хотя лично я, поговорив с коллегой из ЮНОС, не думаю, что тут что-то годится.

– Кроме шуток? – произнес Джек. Он так и не услышал того, что хотел услышать.

– Загадка какая-то, – пожал плечами Барт.

– В этом деле нет ничего легкого, – посетовал Джек, поднимаясь со стула.

– Мы постараемся, – пообещал Барт.

– Буду вам признателен.

Джек покидал кабинет следователя в легком расстройстве. У него было неприятное ощущение, будто упускается нечто важное, но он понятия не имел ни о том, что оно такое, ни о том, каким образом это можно выяснить.

В регистраторской он нацедил себе в чашку кофе, который к тому времени больше напоминал вязкую жижу, нежели бодрящий напиток. С кружкой в руке Джек по лестнице поднялся в лабораторию.

– Я исследовал ваши образцы, – сообщил ему Джон Де Врие. – Результаты отрицательные и на сандиммун А, и на ФК560.

Джек, пораженный, застыл. Стоял, молча уставившись в бледное худящее лицо завлаба. И понять не мог, что поражает больше: то, что Джон уже исследовал образцы, или то, что результаты отрицательные.

Наконец ему удалось выговорить:

– Вы, должно быть, шутите...

– Едва ли, – отрезал Джон. – Это не в моих привычках.

– Но ведь должны же были пациенту ввести иммуносупрессанты! – взвился Джек. – Ему пересадили печень. Может так быть, что ваши отрицательные результаты ошибочны?

– У нас проверка заложена в стандартную процедуру, – уведомил Джон.

– Я ждал, что либо тот, либо другой препарат обнаружится, – сокрушался Джек.

– Простите, что мы не подогнали свои результаты под ваши ожидания, – кисло молвил Джон. – Прошу меня извинить, у меня много работы.

Джек, еще не придя в себя окончательно, тупо смотрел, как Джон склонился над прибором и стал что-то в нем регулировать. Опомившись наконец, повернулся и вышел из лаборатории. Теперь он расстроился еще больше. Результаты по ДНК, полученные Тедом Линчем, и пробы Джона Де Врие на лекарственные препараты противоречили друг другу. Если печень пересаживали, то Франкони должны были ввести либо сандиммун А, либо ФК560. Это обычная медицинская практика.

Выйдя из лифта на шестом этаже, Джек направился в гистологию, по пути пытаясь подыскать какое-нибудь разумное объяснение подобным фактам, но на ум ничего не пришло.

– Никак опять наш милый доктор к нам явился? – произнесла с сильным ирландским акцентом Морин О'Коннер. – Что с вами? Неужели у вас всего одно дело? Потому-то вы в нас и вцепились мертвой хваткой?

– Такое, от какого ум за разум заходит, у меня одно, – признался Джек. – Так что со срезами?

– Несколько уже готовы, – сообщила Морин. – Хотите взять их или всю партию дождетесь?

– Возьму сколько дадите.

Проворными пальчиками Морин отбирала уже высохшие срезы и помещала их в держатель микроскопа. Потом вручила лоток Джеку.

– Срезы печени среди них есть? – с надеждой спросил Джек.

– Думаю, что есть, – сказала Морин. – Один или два. Остальное получите позже.

Джек кивнул и вышел в коридор. Миновав несколько дверей, вошел к себе в кабинет. Занятый делом Чет поднял голову и улыбнулся.

– Эй, баловник, как живется? – приветствовал он приятеля.

– Не здорово, – ответил Джек. Сев за стол, он включил свет на своем микроскопе.

– Что-то не так в деле Франкони?

Джек кивнул. И принялся выискивать среди срезов печеночные. Отыскал всего один. Ответил Чет:

– В этом деле за что ни возьмись, во всем будто воду из камня выжимаешь.

– Слушай, здорово, что ты пришел, – сказал Чет. – Мне один врач должен позвонить из Северной Каролины. Я только хотел узнать, были ли у пациента нелады с сердцем. Мне надо выскочить на минутку, сфоткаться на паспорт, чтобы в Индию махнуть. Посидишь на телефоне, а?

– Само собой, – отозвался Джек. – Как зовут пациента?

– Кларенс Потемкин, – сказал Чет. – Папка у меня на столе лежит.

– Отлично, – произнес Джек, устанавливая единственный печеночный срез на предметный столик микроскопа. И уже не обращал внимания на Чета, а тот, сняв с вешалки пальто, оделся и вышел из комнаты. Джек подвел объектив микроскопа к срезу и глянул было в окуляры, но призадумался. Болтовня Чета навела его на мысль о заграничном путешествии. Если Франкони делал пересадку печени за пределами страны, что выглядело все более и более вероятным, значит, есть способ выяснить, куда он ездил.

Джек снял трубку телефона и набрал номер полицейского управления. Попросил следователя лейтенанта Лу Солдано. Он уже приготовился оставить сообщение, как был приятно удивлен: сам лейтенант взял трубку.

– Слушайте, рад, что вы позвонили, – сказал Лу. – Помните, утром я вам говорил про наводку на то, что останки Франкони из морга умыкнули люди клана Лючия? Так мы только что получили подтверждение из другого источника. Я подумал, может, вас это заинтересует.

– Заинтересует, – подтвердил Джек. – Только теперь у меня к вам вопрос.

– Валяйте!

Джек вкратце обрисовал причины своей уверенности в том, что Карло Франкони ездил за границу для пересадки печени. Добавил, что,

судя по словам матери, в путешествие на предполагаемые воды гангстер отправился от четырех до шести недель назад.

– Я хочу только узнать, можно, обратившись в таможенную, выяснить, покидал ли Франкони недавно страну, и если покидал, то куда он направлялся?

– Или в таможенную, или в службу иммиграции и натурализации, – уточнил Лу. – Лучше обратиться в иммиграцию, если, конечно, клиент не вернулся с такой кучей добра, что ему пришлось платить пошлину. Потом, у меня в иммиграции приятель есть. Так я получу сведения гораздо скорее, чем по обычным бюрократическим каналами. Хотите, чтобы я разузнал?

– Еще как хочу! – воскликнул Джек. – Это дело у меня самого уже в печенки въелось.

– С удовольствием, – усмехнулся Лу. – Я же сказал утром: я ваш должник.

Джек повесил трубку, чувствуя, как появился слабенький проблеск надежды оттого, что он придал мысли иное направление. Ощущая чуть больше оптимизма, он прильнул к окулярам микроскопа и стал наводить фокус.

* * *

У Лори день задался совсем не так, как она предполагала. Она планировала сделать всего одно вскрытие, а пришлось – два. Потом Джордж Фонтурт забрел в тупик в своем деле с множественными огнестрельными ранениями, и Лори вызвалась помочь ему разобраться. Даже не пообедав, Лори выбралась из «ямы» только после трех часов.

Переодевшись в обычную одежду, она направлялась к себе в кабинет, когда заметила в покойнице Марвина. Тот только что заступил на дежурство и приводил помещение в порядок после суматохи обычного дня. Лори сделала крюк и просунула голову в дверь, сказав:

– Мы нашли рентгеновские снимки Франкони. И выяснили, что утопленник, поступивший на следующую ночь, и был нашим пропавшим.

– Читал в газете, – сообщил Марвин. – Блеск.

– Рентген позволил опознать, – добавила Лори. – Так что я вдвойне рада, что вы его сделали.

– Это моя работа.

– Хотела еще раз извиниться за то, что подумала, будто вы не делали рентген.

– Все в порядке.

Лори, не успев и четырех шагов отойти, развернулась и возвратилась в покойницкую.

Марвин вопросительно глянул на нее.

– Можно задать вам вопрос? – заговорила Лори. – Только между нами.

– Почему бы и нет? – осторожно ответил Марвин.

– Ясно, что меня интересует, как отсюда украли тело Франкони. Именно поэтому я и заговорила с вами позавчера днем. Помните?

– Конечно, – кивнул Марвин.

– Еще я приезжала ночью и говорила с Майком Пассано.

– Слышал, – опять кивнул Марвин.

– Не сомневаюсь, – сказала Лори. – Только поверьте, я и не думала ни в чем обвинять Майка.

– Понимаю. Он иногда бывает очень чувствительным.

– Никак не могу сообразить, каким образом украли тело. Кроме Майка и охраны, тут всегда кто-то находился.

Марвин пожал плечами:

– Я тоже не знаю. Поверьте.

– Понимаю, – вздохнула Лори. – Я уверена, будь у вас хоть какие-то подозрения, вы бы мне сказали. Но я не про то хотела спросить. У меня такое чувство, что кто-то должен был помогать изнутри. Есть ли у нас в морге служащий, кто мог быть к этому причастен, как думаете? Такой у меня вопрос.

Марвин подумал с минуту, потом отрицательно покачал головой:

– Нет, я так не думаю.

– Случившееся точно выпадает на смену Майка, – рассуждала Лори. – Двое водителей, Пит и Джеф, вы их хорошо знаете?

– Не-а, не больше чем любого другого.

– Спасибо, – поблагодарила Лори. – Надеюсь, мой вопрос не вызвал у вас неловкости.

– Все в порядке, – сказал Марвин.

Лори задумалась на минуту, рассеянно покусывая нижнюю губу. Она понимала: что-то от нее ускользало. Неожиданно она попросила:

– У меня идея. Вы можете точно описать процедуру, связанную с вывозом тела?

– Вы имеете в виду все-все, что делается? – переспросил Марвин.

– Пожалуйста, – упрасивала Лори. – Общее представление у меня, положим, есть, но деталей я не знаю.

– С чего хотите, чтобы я начал?

– С самого начала. С того самого момента, как вам позвонили из похоронного бюро.

– О'кей, – согласился Марвин. – Нам звонят и говорят, что они из такого-то и такого-то похоронного бюро и хотят забрать тело. Потом называют имя, а также инвентарный номер.

– И все? – не выдержала Лори. – После этого вешают трубку?

– Нет, – возразил Марвин. – Я прошу их подождать, пока введу инвентарный номер в компьютер. Я должен убедиться, что вы, врачи, тело выпустили, и найти, где оно находится.

– А потом вы опять идете к телефону и... что говорите?

– Говорю, что все в порядке. Сообщаю им, что у меня тело готово. Еще я обычно спрашиваю, во сколько примерно они собираются приехать. Ведь нет особого смысла суетиться, если их здесь еще часа два не будет или что-то в этом духе.

– А потом что?

– Достаяю тело и проверяю инвентарный номер. Затем вкатываю его в выпускной холодильник, поближе к выходу. Мы всегда ставим их на одно и то же место. По правде, мы каталки в очередь выстраиваем в том порядке, в каком их вывозить собираются. Так водителям легче.

– А что происходит потом?

– Потом за ними приезжают, – сказал Марвин, в очередной раз пожав плечами.

– А что происходит, когда за ними приезжают? – спросила Лори.

– Приходят сюда, и мы заполняем квитанцию, – продолжил Марвин. – Все должно быть зафиксировано на бумаге. В смысле, они должны подписаться, чтобы подтвердить, что берут заботы на себя.

– Хорошо. А потом вы идете обратно и берете тело?

– Ага. Или кто-то из них забирает, – уточнил Марвин. – Все они, кто привозит и вывозит, тут миллион раз побывали.

– А есть какая-то окончательная проверка? – спросила Лори.

– Не сомневайтесь! – уверил ее Марвин. – Мы всегда еще раз проверяем инвентарный номер перед тем, как они выкатывают тело отсюда. И должны отметить в документах, что это сделано. Стыда не оберешься, если водители вернуться к себе в контору и увидят, что взяли не тот труп.

– Судя по вашему рассказу, система надежная, – оценила Лори совершенно искренне. При таком обилии проверок нарушить процедуру очень трудно.

– Она уже десятки лет работает без всяких сбоев, – похвастал Марвин. – Конечно, компьютер помогает. До этого всего-то и было, что амбарная книга.

– Спасибо, Марвин.

– Э-э, все в порядке, док.

Лори вышла из покойницкой. Прежде чем пойти к себе, она остановилась на третьем этаже купить что-нибудь перекусить из автоматов в столовой. Подкрепившись, поднялась на шестой этаж. Заметив, что у Джека в кабинете дверь нараспашку, подошла и заглянула туда. Джек сидел за микроскопом.

– Что-то интересное? – спросила Лори.

Джек поднял голову, улыбнулся и сказал:

– Очень. Хочешь взглянуть?

Он посторонился, уступая ей место, и Лори заглянула в окуляры.

– Похоже на крохотную гранулему в печени, – определила она.

– Точно, – подтвердил Джек. – Это с одного из кусочков от печени Франкони, которые мне удалось отыскать.

– Хм-м-м, – протянула Лори, продолжая смотреть в микроскоп. – Непонятно, зачем использовать инфицированную печень в качестве трансплантата. Могли бы лучше обследовать донора. И много таких гранулемочек?

– Пока Морин дала мне всего один печеночный срез, – сказал Джек. – И это единственная гранулема, которую я обнаружил, так что смею предположить, что их не много. Но я уже видел одну на замороженном срезе. Еще на замороженном срезе попались лопнувшие кисты на поверхности печени, которые можно было разглядеть

невооруженным глазом. Бригада, делавшая пересадку, должно быть, знала об этом и не волновалась.

– Во всяком случае, общего воспаления нет, – заметила Лори, – так что трансплантат прижился вполне хорошо.

– Исключительно хорошо, – поправил ее Джек. – Слишком хорошо, но это другая история. А что, по-твоему, там, под стрелкой?

Лори поправила фокус, так чтобы можно было водить взглядом вверх-вниз по срезу. Разглядела несколько странных крапинок базофильного материала. И, не отрываясь от микроскопа, сказала:

– Не знаю. Не уверена даже, что это не артефакт или оптический обман.

– Вот и я не знаю, – признался Джек. – Если только это не то, что вызвало гранулему.

– Это – мысль, – произнесла Лори и выпрямилась. – А что ты имел в виду, говоря, что печень прижилась слишком хорошо?

– Из лаборатории сообщили, что Франкони не принимал никаких препаратов из иммуносупрессантов. Это представляется в высшей степени невероятным, поскольку нет общего воспаления.

– А ты уверен, что печень пересаживали?

– Абсолютно, – решительно заявил Джек. И он вкратце рассказал о том, что узнал от Теда Линча.

Лори была озадачена не меньше Джека.

– Если не считать однойцевых близнецов, – сказала она, – то не могу представить себе, чтобы у двух людей цепочки Ди-кью-альфа были совершенно одинаковыми.

– Похоже, в этом ты понимаешь побольше меня, – признал Джек. – Я всего пару дней как вообще услышал про Ди-кью-альфа.

– Удалось побольше узнать, откуда у Франкони пересаженная печень?

– Если бы, – махнул рукой Джек. И рассказал Лори о напрасных хлопотах Барта. Он добавил, что сам угробил немалую часть прошлой ночи, созваниваясь с центрами по всей Европе.

– Боже правый! – воскликнула Лори.

– Я даже Лу в помощь запряг, – сообщил Джек. – Мамаша Франкони сказала мне, что он ездил, как она считает, на воды и вернулся домой будто новенький. Я думаю, тогда-то он и мог сделать

пересадку. К сожалению, она понятия не имеет, куда он ездил. Лу выясняет в иммиграционной службе, выезжал ли он из страны.

– Если это можно узнать, Лу узнает.

– Между прочим, – поддразнил Джек с видом превосходства, – Лу сознался: это он сообщил газетам про Франкони.

– Я этому не верю.

– Я услышал это из его собственных уст своими собственными ушами, – убеждал Джек. – Так что жду подобострастных извинений.

– Считай, что получил их, – сдалась Лори. – Я потрясена. Он хоть как-то объяснил это?

– Сказал, что они хотели сразу же распространить информацию и посмотреть, не потянет ли она за собой побольше наводок от осведомителей. Сказал, что трюк в какой-то мере удался. До них дошло – и позже это подтвердилось, – что тело Франкони было украдено по приказу клана Лючия.

– Не было печали! – воскликнула Лори и содрогнулась. – Это начинает мне слишком напоминать дело Керино.

– Я тебя понял, – сказал Джек. – Тогда глаза, теперь – печень.

– Уж не думаешь ли ты, что здесь, в Соединенных Штатах, есть частная больница, где делают тайные пересадки печени, а?

– Представить такого не могу, – признался Джек. – Несомненно, тут могут быть замешаны большие деньги, однако возникает вопрос поставки. В том смысле, что сейчас и без того в нашей стране семь тысяч с гаком человек ожидают печень от доноров. Из них лишь у немногих найдутся такие деньги, чтобы игра стоила свеч.

– Хотела бы я быть так же уверена, как и ты, – вздохнула Лори. – Жажда наживы обрушилась на американскую медицину, как шторм.

– Пусть больших денег в медицине хватает, – упрямылся Джек, – зато очень мало богатых людей, которым нужна печень. Вложения в постоянный капитал и требования секретности не окупятся, особенно без поставки органов. Пришлось бы допустить, что имеется некая современная версия Душителя или Потрошителя, убивающего свои жертвы ради добычи органов. Такой сценарий возможен в дурном киножастике, а в жизни это оказалось бы чересчур рискованно и ненадежно. Ни один бизнесмен, будучи в здравом уме, не пойдет на это, каким бы корыстным он ни был.

– Может быть, ты и прав.

– Я убежден, что это связано кое с чем еще. Слишком много набралось необъяснимого, начиная с неразберихи по Ди-кью-альфа до того, что Франкони не пользовался никакими иммуносупрессантами. Что-то мы упускаем, что-то ключевое, что-то неожиданное.

– Какой напор! – воскликнула Лори. – В одном уверена: я рада, что всучила это дело тебе.

– Благодарить тут не за что, – кольнул Джек. – Дело явно убойное. Поговорим о более приятном. Вчера на баскетболе Уоррен сказал мне, что Натали спрашивала про тебя. Что скажешь, если мы все соберемся в эти выходные поужинать или, может, в кино сходим, при том условии, что у них никаких других планов нет?

– С превеликим удовольствием, – обрадовалась Лори. – Надеюсь, ты сказал Уоррену, что я тоже про них спрашивала?

– Сказал, – кивнул Джек. – Не думай, что я меняю тему, но все же: как у тебя день прошел? Продвинулась в понимании того, как Франкони удалось выбраться на ночную прогулку? Я к тому, что сообщение Лу о преступном клане, который несет за это ответственность, полной картины не дает. Нужны детали.

– К сожалению, нет, – призналась Лори. – Я застряла в «яме» и только недавно выбралась. Ничего не успела сделать из того, что планировала.

– Очень плохо, – сказал, улыбаясь, Джек. – Застряв наглухо, я надеялся, что хоть ты обеспечишь прорыв.

Взяв с Джека слово созвониться вечерком, чтобы, помимо прочего, обсудить и планы на выходные, Лори направилась к себе в кабинет. С благими намерениями она уселась за стол и стала перебирать лабораторные отчеты и иные бумаги, скопившиеся за день и имевшие отношение к незавершенным делам. Увы, поняла, что никак не может сосредоточиться.

Надежда Джека на ее прорыв в деле Франкони вызвала лишь чувство вины за то, что она не составила никакой рабочей гипотезы, каким образом было украдено тело Франкони. Видя, сколько сам Джек кладет усилий на это дело, она решила, что ей следует удвоить свои старания.

Взяв чистый лист бумаги, Лори стала записывать все, о чем рассказал ей Марвин. Интуиция подсказывала, что таинственное похищение Франкони связано с двумя телами, которые забрали в ту же

ночь. И теперь, когда Лу подтвердил, что в деле замешан клан Лючия, она еще тверже, чем прежде, уверилась: похоронное бюро «Сполетто» каким-то образом к этому тоже причастно.

* * *

Раймонд опустил телефонную трубку и поднял глаза на вошедшую в кабинет Дарлин.

– Ну как? – спросила она. Ее светлые волосы были стянуты на затылке в «конский хвостик». Дарлин крутила педали на велотренажере в соседней комнате и одета была в искусительно облегающий костюм.

Раймонд, сидевший за столом, откинулся на спинку кресла и вздохнул. Даже улыбнулся, говоря:

– Похоже, дела налаживаются. Звонил исполнительный директор «Генсис» из Кембриджа. Самолет будет свободен завтра вечером, так что я лечу в Африку. Мы, естественно, сделаем посадку для дозаправки, но я пока не знаю где.

– Можно я полечу? – с надеждой спросила Дарлин.

– Боюсь, что нет, киска, – ответил Раймонд. Потянувшись, он взял ее за руку. Понимал, что пару последних дней вел себя не лучшим образом, и потому ощущал неловкость. Держа за руку, обвел Дарлин вокруг стола и усадил к себе на колени. И пожалел об этом, едва она села: все же Дарлин была женщина крупная.

– Видишь, пациент плюс хирургическая бригада... в обратный рейс слишком много народу получается в самолете, – сумел он выговорить ровно, хотя лицо налилось от натуги, как спелый помидор.

Дарлин вздохнула и надула губки:

– Никогда я никуда не езжу.

– В следующий раз, – хрипло пообещал Раймонд. Погладив Дарлин по спине, он с трудом приподнял колени, вынудив ее встать. – Поездка короткая. Туда и обратно. Никакого удовольствия.

Дарлин, внезапно расплакавшись, выбежала из комнаты. Раймонд собрался было пойти за ней, чтобы утешить, но, бросив взгляд на настольные часы, передумал. Время перевалило за три часа, а значит, в

Кого уже десятый час. Если звонить Зигфриду, то лучше сделать это сейчас.

Раймонд набрал номер домашнего телефона управляющего. Экономка передала трубку Зигфриду.

– Все по-прежнему идет нормально? – выжидательно спросил Раймонд.

– Превосходно, – ответил Зигфрид. – Я недавно проверял, как у пациента со здоровьем: все хорошо. Лучше и быть не могло.

– Это обнадеживает.

– Полагаю, это предвещает в скором времени хороший урожай премиальных, – заметил Зигфрид.

– Конечно, – бодро отозвался Раймонд, хотя знал: предстоит задержка. Необходимость отыскать двадцать тысяч наличными для Винни Доминика вынуждает отсрочить выплату премиальных до получения следующего вступительного взноса. – А как обстоят дела с Кевином Маршаллом? – поинтересовался Раймонд.

– Все вернулось в норму, – доложил Зигфрид. – Если не считать того, что они опять заехали в то же место во время обеда.

– Это вряд ли можно назвать нормой, – усомнился Раймонд.

– Успокойтесь, – произнес Зигфрид, сопровождая дальнейший рассказ громким смехом. – Они поехали еще раз, только чтобы отыскать солнцезащитные очки Мелани. Правда, кончилось это пальбой: солдаты, которых я там поставил, открыли огонь.

Раймонд выждал, пока Зигфрид перестал смеяться, и сухо спросил:

– Что в этом смешного?

– Эти болваны солдаты высадили пулями заднее стекло в машине Мелани. Это ее взбесило, зато и возымело надлежащее действие. Теперь я совершенно убежден, что больше они к острову не сунутся.

– Надеюсь, так и будет, – сказал Раймонд.

– И потом, сегодня днем случилось мне выпить рюмочку с двумя этими бабами, – добавил Зигфрид. – Такое чувство, что наш занудаченый идет на неприличный риск.

– Вы это о чем?

– Не верю, что у него теперь хватит времени или сил, чтобы волноваться из-за дыма с острова Франчески, – пояснил Зигфрид. – По-моему, его втянули в супружество на троих.

– Серьезно? – Раймонд даже выпрямился в кресле. Такое совершенно не вязалось с Кевином Маршаллом, которого он знал. За все время знакомства и работы с Кевином Раймонд ни разу не заметил, чтобы тот проявлял хоть малейший интерес к противоположному полу. Мысль, что у него появилась склонность и страсть к женщине, не говоря уж о двух разом, казалась нелепой.

– Так мне представляется, – сказал Зигфрид. – Слышали бы вы, как эти бабы превозносили своего ученого очаровашку. Так они его называли. Они как раз направлялись к нему на ужин. Это первый званый ужин, который он устраивает, насколько мне известно, а я живу в доме напротив.

– Полагаю, нам стоит выразить признательность, – заметил Раймонд.

– Точнее было бы сказать: зависть, – произнес Зигфрид и вновь разразился смехом, от которого у Раймонда нервы ходуном заходили.

– Я позвонил, чтобы сообщить вам, что вылетаю завтра вечером, – сменил тон Раймонд. – Не могу сказать точно, когда прибуду в Бату, поскольку еще не знаю, где мы будем заправляться. Придется позвонить с места посадки или попросить пилотов послать уведомление по радио.

– С вами еще кто-нибудь летит?

– Мне о том неизвестно. Вообще-то сомневаюсь, поскольку в обратный путь самолет полетит почти полным.

– Будем вас ждать.

– Скоро увидимся.

– А то прихватили бы с собой наши премиальные, – попросил Зигфрид.

– Попробую это устроить, – ответил Раймонд.

Он повесил трубку и улыбнулся. Покрутил головой, поражаясь тому, как повел себя Кевин Маршалл. Даже вслух произнес:

– Вот поди знай после этого! – и с этими словами встал из-за стола и пошел из комнаты. Захотелось отыскать Дарлин и утешить ее. Подумал, что утешением мог бы стать обед в ее любимом ресторане.

Джек изучил единственный печеночный срез, переданный ему Морин, вдоль и поперек. Даже воспользовался линзами сильного увеличения, тщетно пытаясь что-то разглядеть в базофильных крапинках посреди крохотной гранулемы. Он все еще не мог понять, представляют ли они собой настоящее открытие, а если представляют, то что же это такое.

Провозившись со срезом и исчерпав на нем все свои гистологические и патологические познания, Джек решил передать его в патологическое отделение клиники Нью-Йоркского университета, но тут раздался телефонный звонок. Звонили Чету из Северной Каролины, а потому Джек задал вопрос, о котором просил его приятель, и записал ответ. Повесив трубку, он вытащил из шкафчика куртку. Одевшись, взял срез, и в этот момент телефон опять зазвонил. На сей раз в трубке раздался веселый голос Лу Солдано:

– Бах-бабах! У меня для вас хорошие новости.

– Уже наострил уши, – в тон ответил Джек, выскользнул из кожанки и сел.

– В конце концов я дозвонился до своего приятеля в иммиграции, только что говорил с ним, – сообщил Лу. – Я задал ваш вопрос, он попросил меня подождать у телефона. Слышал, как он ввел имя в компьютер. А через две секунды дал сведения. Карло Франкони въехал в страну ровно тридцать семь дней назад, двадцать восьмого января, через КПП Тетерборо, штат Нью-Джерси.

– Никогда не слышал про Тетерборо, – признался Джек.

– Частный аэропорт, – просветил Лу. – Он общего назначения, но им пользуются много лайнеров крутых корпораций из-за близости летного поля к городу.

– А Карло Франкони был пассажиром лайнера какой-то корпорации?

– Не знаю. – Лу перевел дух. – Все, что мне удалось, это достать... не знаю, как их там точно называют... то ли позывные, то ли номер этого самолета. Минуточку, я посмотрю... Ага, вот: N69SU.

– Есть ли сведения, откуда прилетел самолет? – спросил Джек, записывая буквы с цифрами и дату.

– А то! – воскликнул Лу. – Это фиксируется. Борт прибыл из порта Лион во Франции.

– Да ну, не может этого быть!

– Данные взяты из компьютера. С чего вы решили, что это не так?

– С того, – ответил Джек, – что я говорил с французской организацией, поставляющей органы, и у них не значится американец по имени Франкони, к тому же они категорически заявили, что отказали бы в пересадке американцу, поскольку у них длинная очередь из французских граждан.

– Информация, которой располагает Служба иммиграции, должна соответствовать полетному заданию, которое предоставляется как ФАА^[18], так и соответствующим европейским ведомством, – сказал Лу. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Как думаете, у вашего приятеля из иммиграции есть знакомый во Франции? – поинтересовался Джек.

– Такое меня не удивило бы. Эти повелители высших небесных эшелонов должны сотрудничать друг с другом. Могу у него уточнить. А вас это почему заинтересовало?

– Если Франкони был во Франции, то мне хотелось бы выяснить, когда он туда прибыл. И еще мне пригодились бы любые сведения, которые найдутся у французов, о его передвижениях по стране. Они у себя в гостиницах бдительно следят за большинством иностранцев, прибывших не из Европы.

– Ладно, чем могу – помогу, – пообещал Лу. – Я позвоню приятелю, а после перезвоню вам.

– И еще одно, – вставил Джек. – Как узнать, кто владелец N69SU?

– Очень просто, – отозвался Лу. – Надо всего-навсего позвонить в Центр авиационного контроля ФАА в Оклахома-Сити. Сделать это может кто угодно, но у меня и там есть приятель.

– Ни фиги! – не удержался Джек. – У вас во всех нужных местах по приятелю.

– Служба такая, – усмехнулся Лу. – Все время друг другу услуги оказываем. Если ждать, пока все пройдет по официальным каналам, то никакой работы не будет.

– Мне уж точно повезло воспользоваться услугами вашей сети знакомств, – заметил Джек.

– Так мне звонить приятелю из ФАА? – сменил тон Лу.

– Буду вам очень признателен.

– Эй, с удовольствием сделаю. У меня такое чувство, что чем больше я помогаю вам, тем больше облегчаю жизнь самому себе.

Ничего так не хочу, как поскорее разобраться с этим делом. Может, тогда и на работе останусь.

– Я из конторы ухожу, бегу в университетскую клинику, – предупредил Джек. – Ничего, если я вам через полчаса снова позвоню?

– Отлично, – произнес Лу и повесил трубку.

Джек покачал головой. Как и все прочее в этом деле, сведения, полученные от Лу, и удивляли и запутывали. Наверное, гадая, куда ездил Франкони, Джек в последнюю очередь думал о Франции.

Вторично надев куртку, Джек вышел на улицу. Университетская клиника располагалась под боком, всего-то в десяти минутах ходьбы, поэтому он даже и не подумал про велосипед.

Оказавшись в лечебнице, он поднялся на лифте в отделение патологии, очень надеясь, что доктор Мэйловар окажется на месте. Питер Мэйловар был гигантом в своей области и даже в восемьдесят два года оставался одним из проницательнейших среди известных Джеку патологов. Джек взял себе за правило посещать семинар доктора Мэйловара, который тот устраивал каждый месяц. Так что, когда попадался заковыристый вопрос по патологии, он шел не к Бинэму, поскольку Бинэм был силен в судебной медицине, но не в общей патологии. Джек искал совета у доктора Мэйловара.

– Профессор у себя в лаборатории, как всегда, – сообщила донельзя изнеможденная дежурная по патологическому отделению. – Знаете, где это?

Джек кивнул и проследовал к выдавшей виды двери с матовыми стеклами, что вела в лабораторию, которую все за глаза именовали «Мэйловарово логово». Джек постучал. Ответа не последовало, и он толкнул дверь. Она была не заперта. Войдя, Джек увидел доктора Мэйловара, склонившегося над своим любимым микроскопом. Уже пожилой, он чем-то походил на Эйнштейна: тот же хаотичный нимб седых волос вокруг головы, такие же густые усы. Фигура у него была согбенная, словно и тело ему досталось специально приспособленное для того, чтобы наклоняться над микроскопом и бесконечно смотреть в него. За долгие годы из пяти чувств у ученого слабеть стал только слух.

Бегло приветствуя Джека, профессор не сводил алчного взгляда со среза, который гость держал в руке. Он обожал, когда к нему

обращались с запутанными делами, и Джек пользовался этим многократно.

Передавая срез профессору, он попытался дать краткую историю дела, но тот поднял руку, призывая его помолчать. Доктор Мэйловар был подлинным исследователем, не желавшим, чтобы чье бы то ни было мнение влияло на его собственное. Престарелый профессор навис над микроскопом и заменил срез, который изучал ранее, на тот, что принес Джек. Не проронив ни слова, он изучал срез целую минуту.

Затем, подняв голову, доктор Мэйловар капнул капельку масла на срез и переключил прибор на большее увеличение. И опять считанные секунды ушли на осмотр.

Наконец профессор взглянул на Джека.

– Интересно! – произнес он, что в его устах означало высшую похвалу. Как и все глуховатые люди, говорил он очень громко. – Имеется небольшая гранулема печени и рубец от еще одной. При осмотре гранулемы видны, как мне представляется, какие-то мерозоиты, но сказать этого с уверенностью я не могу.

Джек согласно кивнул. Он решил, что доктор Мэйловар имеет в виду крохотные крапинки базофильного материала, которые Джек видел в ядре гранулемы.

Доктор Мэйловар снял трубку и позвонил коллеге, приглашая его зайти на минутку. Очень скоро в лаборатории появился высокий, худощавый, необычайно серьезный афроамериканец в длинном белом халате. Профессор представил его как доктора Колина Осгуда, руководителя отделения паразитологии.

– Что можете сказать, Колин? – спросил доктор Мэйловар, указывая на микроскоп.

Доктор Осгуд рассматривал срез на несколько секунд дольше, чем доктор Мэйловар, прежде чем дать заключение.

– Определенно паразитическое, – произнес он нараспев, не отрывая глаз от окуляров. – Вот это мерозоиты, но мне они не знакомы. Это или новый вид, или паразиты, которых не находят в людях. Советую дать посмотреть доктору Ландеру Хаммерсмиту и попросить его высказать свое мнение.

– Здравая мысль, – одобрил доктор Мэйловар. И обратился к Джеку: – Не согласитесь оставить это на сегодня? Завтра утром я буду знать мнение доктора Хаммерсмита.

– Кто такой доктор Хаммерсмит? – спросил Джек.

– Он ветеринарный патолог, – ответил доктор Осгуд.

– Я готов, – любезно произнес Джек. Самому ему мысль дать срез на исследование ветеринарному патологу в голову не приходила.

Поблагодарив обоих коллег, Джек вернулся к дежурной по отделению и попросил разрешения воспользоваться телефоном. Дежурная направила его к незанятому столику и сказала, что для звонка в город нужно нажать «9». Джек позвонил в полицейское управление.

– Как хорошо, что вы позвонили, – обрадовался Лу. – По-моему, я узнал кое-что интересненькое. Прежде всего самолет-то не абы какой, а «Г-4». Вам это о чем-нибудь говорит?

– Не уверен, – признался Джек. Зато Лу говорил таким тоном, будто знать подобные вещи Джеку следовало бы.

– Означает это «Гольфстрим-4», – стал объяснять лейтенант. – Чтобы вам было понятнее: это «роллс-ройс» среди частных лайнеров. Стоит порядка двадцати миллионов баксов.

– Я потрясен, – ахнул Джек.

– Что и следовало ожидать, – заметил Лу. – Ладно, посмотрим, что я еще узнал. Ага, вот: самолет принадлежит компании «Альфа авиэйшн» из Рино, городка в штате Невада. Когда-нибудь слышали про такую?

– Никогда. А вы?

– И я не слышал. Должно быть, прокатная организация. Посмотрим, что еще... Ах да! Вот это, наверное, самое интересное. Мой приятель из иммиграции позвонил своему коллеге во Франции, позвонил, можете себе представить, ему домой и спросил, как недавно отдохнул во Франции Карло Франкони. Очевидно, у этого французского чиновника есть доступ в сеть службы иммиграции со своего персонального компьютера, потому что... как вы думаете, что?

– Я сижу как на иголках, – взмолился Джек.

– Франкони никогда не бывал во Франции! – выпалил Лу. – Если только у него не было фальшивого паспорта и вымышленного имени. Нет никаких сведений ни о его въезде, ни о его выезде.

– Так, а кто нам говорил, что самолет точно прилетел из Лиона? – требовательно спросил Джек.

– Но-но, не надо пыли, – осадил его Лу.

– А я и не пылю, – сбавил тон Джек. – Только напомнил ваши слова о том, что полетное задание и данные иммиграции должны соответствовать друг другу.

– Они и соответствуют! – воскликнул Лу. – Сказать, что самолет прилетел из Лиона, вовсе не значит, что кто-то из пассажиров или все они пребывали во Франции. Насколько я знаю, он мог просто сесть там, чтобы заправиться топливом.

– Дельное суждение, – заметил Джек. – Я об этом не подумал. Как нам это выяснить?

– Наверное, мне стоит еще раз позвонить своему приятелю из ФАА.

– Здорово, – сказал Джек. – Я возвращаюсь к себе в морг. Мне вам позвонить, или вы сами звякнете?

– Я вам позвоню, – пообещал Лу.

* * *

Подробнейшим образом записав все, что запомнилось из рассказа Марвина о том, как похоронные бюро забирают тела, Лори отодвинула записи и оставила их в покое, занявшись неотложной работой. Через полчаса она к ним вернулась.

Отвлечшись, она попробовала прочитать записанное свежим взглядом. При повторном чтении неожиданно обратила внимание на то, как часто встречается словосочетание «инвентарный номер». Конечно, удивиться она не удивилась: в конце концов, для мертвого тела инвентарный номер то же, что номер карточки социального страхования для живого человека. Он служит формой опознания, позволяющей моргу следить за тысячами тел и вести всю последующую документацию, что проходит через него. Как только тело поступает в судмедэкспертизу, оно первым делом получает инвентарный номер. А второе, что с ним делают, – привязывают бирку с этим номером на большой палец ноги.

Глядя на слово «инвентарный», Лори вдруг поняла: спроси ее, растолковать его она так и не сумеет. Она попросту принимает это слово как должное, так сказать, для повседневного употребления. Всякий лабораторный бланк или отчет, всякий рентгеновский снимок, всякий следовательский протокол, всякий документ обязательно содержит инвентарный номер. Во многом он важнее имени жертвы.

Сняв с полки словарь «Американское наследие», Лори раскрыла его на статье «инвентарь». Ни одно из приведенных толкований не имело никакого отношения к тому смыслу, в каком данное понятие употреблялось в морге, кроме, пожалуй, предпоследнего. Оно обозначалось как «упорядоченная опись». Другими словами, сказать «инвентарный номер» означало лишь «номер в порядке поступления».

Лори поискала инвентарные номера и фамилии тел, которые забрали в ту же ночную смену 4 марта, когда пропало тело Франкони. Под лотком для срезов нашла клочок бумажки с записью: Дороти Клайн (№ 101455) и Фрэнк Глисон (№ 100385).

Размышляя про инвентарные номера, Лори заметила то, на что прежде не обращала внимания. Разница у этих двух номеров составляла больше тысячи! Это странно, поскольку номера давались в порядке поступления тел. Зная, сколько в среднем тел проходит через морг, Лори вычислила, что разрыв по времени прибытия этих двух тел должен быть не менее нескольких недель.

Такая временная разница удивляла, поскольку тела редко задерживались в морге больше чем на пару дней. И Лори ввела в компьютер инвентарный номер Фрэнка Глисона. Именно его тело вывезло похоронное бюро «Сполетто».

То, что появилось на экране, поразило ее настолько, что Лори воскликнула:

– Вот не было печали!

* * *

Лу был на седьмом небе. Вопреки досужим надуманным представлениям о деятельности детектива подлинная работа сыщика – дело изматывающее и неблагодарное. То же, чем занимался Лу в данный момент, а именно: сидел в своем уютном кабинете и с большой пользой названивал по телефону, – и радовало, и результаты давало. К тому же приятно было переброситься парой слов со старыми знакомыми.

– Быть того не может, Солдано! – закричал, услышав голос Лу, Марк Серверт, приятель из ФАА в Оклахома-Сити. – Я тебя год не

слышал, а тут в один день – дважды. Веселое, должно, тебе дело попало.

– Веселья под завязку, – в тон приятелю ответил Лу. – У меня еще один вопрос возник. Мы выяснили, что лайнер «Г-4», про который я тебя раньше спрашивал, совершил перелет из Лиона, что во Франции, в Тетерборо, штат Нью-Джерси, двадцать девятого января. Однако малый, что у нас на примете, через французскую службу иммиграции не проходил. Вот мы и ломаем головы, нельзя ли узнать, где побывал борт N69SU до того, как совершил посадку в Лионе?

– Хитрый вопрос, – заметил Марк. – Мне известно, что ИКАО...

– Постой, – перебил его Лу. – Давай так: все сокращения по минимуму. Что такое ИКАО?

– Международная организация гражданской авиации, – пояснил Марк. – Так вот, я знаю, что они хранят все полетные задания на прилет в Европу и вылет из нее.

– Отлично. Там есть, кому ты можешь позвонить?

– Есть один приятель. Только вам от этого мало радости. ИКАО уничтожает все свои данные через пятнадцать дней. Они не хранятся.

– Замечательно, – насмешливо выговорил Лу.

– То же касается и Европейского центра контроля воздушных сообщений в Брюсселе, – добавил Марк. – Просто набирается слишком много материалов, если учесть все коммерческие перелеты.

– Значит, глухой номер?

– Дай сообразить.

– Ты мне перезвонишь? – спросил Лу. – Я у себя еще часок побуду.

– Ага, – пообещал Марк, – давай я тебе позвоню.

Уже собираясь вешать трубку, Лу услышал, как Марк выкрикнул его имя.

– Слушай, мне тут еще кое-что на ум пришло, – заговорил он. – Есть одна организация, она называется Центральное управление перевозок, у нее конторы и в Париже, и в Брюсселе. Она как раз выделяет время на взлеты и посадки. В ее ведении вся Европа, за исключением Австрии и Словении. Кто знает, почему эти страны не участвуют! Стало быть, если борт N69SU прибыл откуда угодно, только не из Австрии или Словении, то его полетное задание там зафиксировано.

– У тебя в этой организации есть знакомые?

– Нет, но я знаю тут одного, у кого есть, – сказал Марк. – Посмотрим, может, смогу узнать что-нибудь.

– Слушай, буду благодарен, – заявил Лу.

– Порядок, – произнес Марк вместо прощания.

Лу повесил трубку и забарабанил карандашом по крышке своего потертого, выдавшего виды серого металлического стола, на котором всюду виднелись следы от оставленных непогашенных сигарет. Он думал про «Альфа авиэйшн» и прикидывал, как выйти на эту фирму.

Прежде всего попытал счастья в телефонной справочной городка Рино. Там «Альфа авиэйшн» не значилась. Лу это не удивило. Затем позвонил в полицейское управление Рино. Объяснил, кто он такой, и попросил соединить со своим коллегой, начальником отдела расследования убийств. Звали его Пол Герси.

После нескольких минут дружеского трепа Лу в двух словах разъяснил Полу суть дела Франкони. После чего спросил про «Альфа авиэйшн».

– Даже не слышал о такой, – сказал Пол.

– В ФАА сказали, что фирма из Рино, штат Невада, – сообщил Лу.

– Это потому, что в Неваде фирму легко зарегистрировать, – объяснил Пол. – У нас тут в Рино тьма-тьмущая богатых юридических контор, которые только тем и занимаются.

– Что посоветуете сделать, чтобы выйти на эту фирму?

– Позвонить в канцелярию госсекретаря штата Невада в Карсон-Сити, – сказал Пол. – Если «Альфа авиэйшн» зарегистрирована в Неваде, то должна была попасть на госучет. Хотите, мы позвоним?

– Сам позвоню, – ответил Лу. – В данный момент я даже не соображу, что хотел бы выяснить.

– Можем по крайности номер вам дать, – сказал Пол. Он на какое-то время прервал разговор, и Лу расслышал, как рявкнул коллега, давая команду подчиненному; Спустя секунду Пол сообщил Лу нужный телефонный номер. И прибавил: – Там должны помочь, но в случае чего сразу звоните мне. А если вам – по любому делу – понадобится помощь в Карсон-Сити, то звоните Тодду Аронсону. Он там начальник убийного отдела и парень хороший.

Через несколько минут Лу уже разговаривал с канцелярией госсекретаря Невады. Соединили его с сотрудницей, сердечнее и

услужливее которой и пожелать было трудно. Звали ее Бренда Уайтхолл.

Лу объяснил, что хотел бы выяснить все возможное про фирму «Альфа авиэйшн», зарегистрированную в Рино, штат Невада.

– Будьте добры, подождите минуточку, – произнесла Бренда. Лу слышал, как женщина выстукала название фирмы на клавиатуре, потом сказала: – О'кей, вот она. Подождите, мне нужно папку достать.

Лу закинул ноги на стол и разлегся в кресле. Ему нестерпимо хотелось курить, но он сдерживался.

– Вот и я, – раздался голос Бренды. Еще Лу расслышал шуршание бумаг. – Так что вы хотели узнать?

– А что у вас есть? – вопросом на вопрос ответил Лу.

– У меня есть «Условия регистрации», – сказала Бренда и, после непродолжительного молчания прочитав текст, добавила: – Это партнерство с ограниченной ответственностью, а главным партнером с имущественной ответственностью является фирма «Альфа менеджмент».

– Что это значит на обычном языке? – взмолился Лу. – Я не адвокат и не бизнесмен.

– Значит это всего-навсего, что «Альфа менеджмент» является корпорацией, которая управляет партнерством с ограниченной ответственностью, – терпеливо разъяснила Бренда.

– Там есть имена каких-нибудь людей? – спросил Лу.

– Разумеется, – охотно сообщила Бренда. – «Условия регистрации» должны содержать фамилии и адреса директоров, агента, осуществляющего регистрацию, и служащих корпорации.

– Это радует, – воодушевился Лу. – Не могли бы вы мне их назвать?

Он слышал, как шелестят бумаги.

– Хм-м, – удивилась Бренда. – На самом деле получается, тут только одна фамилия и адрес.

– Один человек во всех указанных лицах?

– Судя по документу, да.

– Как его зовут? – спросил Лу и потянулся за листом бумаги. – И адрес.

– Это Сэмюэль Хартман из фирмы «Уилер, Хартман, Готлиб энд Сойер». Их адрес: Рино, Родео-драйв, дом восемь.

– Похоже на юридическую контору, – сказал Лу.

– Так и есть, – подтвердила Бренда. – Мне это название знакомо.

– От этого не легче! – сокрушался Лу. Он понимал: шансы получить любые сведения от юридической фирмы сомнительны.

– В Неваде много корпораций, которые устроены, как эта, – пояснила Бренда. – Посмотрим все же, нет ли каких поправок.

Лу уже собирался снова звонить Полу, чтобы разузнать про Сэмюэля Хартмана, когда услышал, как ойкнула Бренда, обнаружив что-то.

– Тут есть поправки, – объявила она. – На первом заседании правления «Альфа менеджмент» мистер Хартман ушел в отставку с поста президента и секретаря. Вместо него был назначен Фредерик Рауз.

– А адрес мистера Рауза есть?

– Есть. Его должность – финансовый директор корпорации «Генсис». Адрес такой: штат Массачусетс, Кембридж, Кендалл-сквер, дом сто пятьдесят.

Лу записал все и поблагодарил Бренду. Он был особенно признателен ей, поскольку даже представить себе не мог такого же участия и внимания от канцелярии госсекретаря собственного штата Нью-Йорк в Олбани.

Лу уже руку положил на трубку, собираясь сообщить Джеку сведения о собственнике лайнера, когда телефон затрезвонил буквально у него под ладонью. Оказалось, звонил Марк Серверт.

– Тебе везет, – бодро начал Марк. – Малый, мой знакомый, который знает кое-кого в Центральном управлении перевозок, когда я позвонил, оказался на работе. Вообще вы с ним одного поля ягода. Он сидит в аэропорте Кеннеди, помогает регулировать воздушное движение через северную Атлантику. Ведет разговоры с мужиками из Центрального управления перевозок без передыха, вот и вклинил запрос про N69SU от двадцать девятого января. И, считай, тут же получил на экране ответ: борт N69SU прибыл в Лион из Баты, что в Экваториальной Гвинее.

– Ого! – воскликнул Лу. – Это где?

– А я знаю? – отозвался Марк. – Так, не глядя на карту, сказал бы, что в Западной Африке.

– Забавно, – хмыкнул Лу.

– Еще и то забавно, что едва самолет в Лионе коснулся посадочной полосы, как сразу запросил по радио время на отлет в Тетерборо, – сообщил Марк. – Вплоть до того, что, как я себе представляю, так и простоял на взлетной, пока разрешение на взлет не получил.

– Может, он топливом заправлялся? – предположил Лу.

– Может быть, – согласился Марк. – Даже если так, то, как я себе представляю, им бы лучше одно сквозное полетное задание склотить, чем два отдельных. Я про то, что могли бы ведь застрять в Лионе на много часов. Это уж как повезет.

– Может, они просто передумали, – заметил Лу.

– Такое возможно, – согласился Марк.

– А может, не хотели, чтоб хоть кто-то узнал, что они летят из Экваториальной Гвинеи, – предположил Лу.

– Слушай, а это мысль. Мне бы такое и в голову не пришло, – признался Марк. – Наверное, поэтому-то ты обаятельный детектив, а я чиновный зануда в ФАА.

Лу засмеялся:

– С обаянием у меня слабо. Наоборот, боюсь, эта работа сделала меня подозрительным циником.

– Все лучше, чем зануда, – вздохнул Марк.

Лу поблагодарил приятеля за помощь, и, обменявшись обычными благими обещаниями «встретиться-и-посидеть», они дали отбой.

Несколько минут Лу сидел и ломал голову над тем, зачем понадобилось гонять лайнер стоимостью двадцать миллионов долларов для перевозки преступного босса среднего по нью-йоркским меркам калибра из африканской страны, о которой Лу и слыхом не слыхал. Эта тихая заводь третьего мира явно не была медицинской Меккой, куда человек отправится делать сложнейшую операцию вроде пересадки печени.

* * *

Введя в компьютер инвентарный номер Фрэнка Глисона, Лори некоторое время раздумывала над столь явным несоответствием. И

пыталась сообразить, что эта информация дает в свете исчезновения тела Франкони. Понемногу укоренилась одна мысль.

Резко вскочив из-за стола, Лори помчалась вниз, в морг, отыскать Марвина. В покойницкой его не было. Нашла она его, войдя в выпускной холодильник. Марвин был занят: двигал каталки, готовя тела к выдаче.

Стоило Лори попасть в холодильник, как в памяти мгновенно вспыхнули ужасные воспоминания о том, что ей довелось испытать в приемном отделении во время дела Керино. Воспоминания сильно расстроили, и она решила не вступать в разговоры с Марвином, пока тот находится в этом помещении. Вместо этого она попросила его, когда закончит, найти ее, сказав, что будет ждать в покойницкой.

Марвин пришел минут через пять. Бросил пачку бумаг на стол и пошел в угол к раковине вымыть руки.

– Все в порядке? – спросила Лори, просто чтобы начать разговор.

– Думаю, что да, – откликнулся Марвин. Он подошел к столу и сел. Взялся разбирать бумаги, раскладывая их в том порядке, в каком ожидалась выдача тел.

– После того как я с вами поговорила, мне удалось обнаружить нечто совершенно удивительное, – сообщила Лори, переходя к цели своего посещения.

– Типа чего? – спросил Марвин. Он закончил раскладывать бумаги и откинулся на стуле.

– Я ввела инвентарный номер Фрэнка Глисона в компьютер и выяснила, что его тело доставили в морг больше двух недель назад. Никакого имени тогда не было. Это был неопознанный труп!

– Мать его!.. – вырвалось у Марвина. Осознав, что он произнес, санитар поправился: – То есть удивительное, говорю, дело.

– Я тоже удивилась, – сказала Лори. – Попробовала дозвониться до доктора Бессермана, он делал первоначальное вскрытие. Хотела спросить, не опознали ли тело как принадлежавшее Фрэнку Глисону недавно, но не застала его в кабинете. Как вы думаете, Майк Пассано не знал, что тело в компьютере по-прежнему значилось как неопознанный труп?

– Вряд ли, – ответил Марвин. – Не уверен, что и я о таком знал бы. Инвентарный, говорю, номер находишь, только чтобы узнать, разрешено ли тело вывозить. А как его зовут, об этом особых забот нет.

– Это вы и раньше дали мне понять, – напомнила Лори. – И еще вы кое о чем сказали, что заставило меня задуматься. Вы сказали, что иногда не сами выкатываете тело, а доверяете сделать это работникам похоронного бюро.

– Иногда. Но только тогда, когда приезжают двое и когда они здесь бывали по многу раз и знают процедуру. Это просто для того, чтобы закончить поскорее. Один из них идет в холодильник забрать тело, а я в это время с другим заканчиваю документацию.

– Вы Майка Пассано хорошо знаете?

– Так же хорошо, как и остальных санитаров.

– Мы с вами знаем друг друга шесть лет, – напомнила Лори. – Я считаю нас друзьями.

– Ну, положим, – осторожно откликнулся Марвин.

– Хочу, чтобы вы как друг кое-что для меня сделали. Но только если вам это окажется не в тягость.

– Типа чего?

– Позвоните Майку Пассано и расскажите ему, как я докопалась, что в ту ночь, когда исчез Франкони, одно из выданных им тел было неопознанным трупом.

– Как-то странно, начальник! – возразил Марвин. – С какого я буду ему звонить, а не просто дождусь, пока он придет на смену?

– Ведите себя так, будто вы только-только про это услышали, оно ведь и на самом деле так, – посоветовала Лори. – Можете сказать, что подумали, пусть Майк сразу узнает, поскольку в ту ночь он дежурил.

– Не знаю, начальник, – мямлил Марвин.

– Тут суть в том, что, услышав это от вас, Майк не подумает, будто на него нападают, – убеждала Лори. – Если позвоню я, он подумает, что я его обвиняю, а мне бы хотелось услышать, что он скажет, не считая нужным оправдываться. Но еще важнее, чтобы вы спросили его, сколько человек приезжало в ту ночь из похоронного бюро «Сполетто», и если их было двое, то не помнит ли он, кто конкретно приезжал забирать тело.

– Похоже, начальник, мы ему ловушку устраиваем, – неодобрительно буркнул Марвин.

– Я так не считаю, – парировала Лори. – Если на то пошло, это дает ему возможность снять с себя всякие подозрения. Я, видите ли, считаю, что Франкони увезли люди Сполетто.

– Мне ему звонить не с руки, – упрямылся Марвин. – Он догадается, что что-то не так. Уж лучше вы сами позвоните, вы понимаете, про что я?

– Я же говорила: по-моему, он начнет оправдываться. В прошлый раз разобиделся, когда я ему ничего не значащие вопросы задала. Впрочем, ладно, раз вам неудобно, не буду настаивать. Вместо этого попрошу вас отправиться со мной на небольшую охоту.

– Еще чего! – выпалил Марвин. Терпение его иссякало.

– Можете показать список всех холодильных камер, которые заняты в данный момент?

– Могу, это легко.

– Пожалуйста, – попросила Лори, направляя Марвина к компьютерному монитору. – Когда отыщете, сделайте две копии.

Марвин пожал плечами и уселся перед экраном. Довольно резво управляясь с клавишами, он дал компьютеру команду распечатать нужный Лори список. И вручил ей два листа бумаги, едва они вышли из принтера.

– Отлично! – воскликнула Лори, взглянув на список. – Пойдемте! – Выходя из покойницкой, она призывно махнула рукой. Марвин послушно пошел за ней следом.

Пройдя обшарпанным зацементированным коридором, они вышли на гигантскую площадку, занимавшую основное место в морге. Там по обе стороны располагались боксы холодильных камер, где хранились тела перед вскрытием.

Лори вручила Марвину копию списка со словами:

– Давайте осмотрим все камеры, которые не заняты. Вы берете на себя эту сторону, а я – другую.

Марвин от удивления вытаращил глаза, но список взял. Одну за другой открывал он камеру, заглядывал внутрь и захлопывал дверцу. Лори, перейдя на другую сторону площадки, делала то же самое.

Минут через пять раздался изумленный вопль Марвина:

– Ого!

Лори замерла:

– Что там?

– Идите-ка лучше сюда, – выговорил Марвин.

Лори обошла стену из камер. Марвин стоял в дальнем конце хранилища, чесал в затылке и недоуменно поглядывал на список. У

камеры напротив него была открыта дверца.

– Она значится как пустая, – произнес Марвин.

Лори заглянула в камеру и почувствовала, как учащенно забилося сердце. Внутри лежал обнаженный труп мужчины без бирки на большом пальце ноги. Номер камеры был девяносто четвертым: поблизости от номера сто одиннадцать, где полагалось бы находиться Франкони.

Марвин выдвинул желоб. В гулкой тишине морга он загрохотал подшипниками по полозьям. Тело принадлежало пожилому мужчине со следами обширных повреждений на ногах и туловище.

– Ну вот и объяснение, – заявила Лори. В голосе ее звучала невероятная смесь торжества, гнева и страха. – Это неопознанный труп. Жертва ДТП на Рузвельт-драйв.

* * *

Выйдя из лифта, Джек услышал, как настойчиво звонит телефон. Шагая по коридору, он все больше убеждался, что звонит именно его телефон, тем более что только у его кабинета дверь была нараспашку.

Джек прибавил ходу и едва не проскочил дверь, поскользнувшись на линолеуме, но все же в последний момент успел схватить трубку. Звонил Лу.

– Где вас черти носят? – начал Лу с выговора.

– Застрял в университетской клинике, – оправдывался Джек. Тогда он только-только успел поговорить с Лу, как появился доктор Мэйловар и попросил взглянуть на несколько присланных на экспертизу срезов. Огорошенный честью консультировать самого Мэйловара, Джек не посмел отказаться.

– Я звонил каждые пятнадцать минут, – заметил Лу.

– Виноват, – извинился Джек.

– Получил поразительную информацию и смерть как хочу сообщить ее вам. Дело, получается, и впрямь очень странное.

– Этим вы мне ничего нового не сообщаете, – съехидничал Джек. – Что удалось узнать?

Краем глаза Джек уловил какое-то движение сбоку от себя. Повернув голову, увидел стоявшую в дверях Лори. Вид у нее был

необычный. Глаза сверкали, губы были сердито поджаты, лицо изжелта-бледное.

– Секунду! – перебил Джек Лу. – Лори, что, скажи на милость, случилось?

– Мне нужно с тобой поговорить, – выпалила Лори.

– Конечно. Пару минут это терпит? – Он указал на телефон, давая понять, что занят разговором.

– Сейчас же! – рявкнула Лори.

– Хорошо, хорошо, – успокаивал ее Джек. Ему было ясно, что Лори напряжена, как готовая порваться рояльная струна. – Лу, послушайте, – сказал он в трубку, – тут Лори пришла и она не в себе. Я вам сразу же перезвоню.

– Подожди! – выкрикнула Лори. – Ты говоришь с Лу Солдано?

– Ну, – нерешительно произнес Джек. В какой-то безумный миг ему подумалось, что Лори взвинчена из-за того, что он разговаривал с Лу.

– Где он? – требовательно спросила Лори.

Джек, пожав плечами, буркнул:

– В конторе, полагаю.

– Спроси его!

Джек задал вопрос, на который Лу ответил утвердительно.

– Он у себя, – сообщил Джек.

– Скажи, что мы едем к нему!

Джек мялся. Он ничего не понимал.

– Скажи! – прикрикнула Лори. – Скажи ему, что мы уже выезжаем.

– Слышали, что она сказала? – спросил Джек у Лу. Лори меж тем умчалась по коридору к своему кабинету.

– Слышал. Что происходит?

– Черт меня возьми, если я знаю. Она влетела на всех парах. Если я вам сразу не перезвоню, значит, мы едем.

– Чудесно, – сказал Лу. – Буду ждать.

Джек положил трубку и бросился в коридор. Лори уже спешила обратно, на ходу стараясь попасть руками в рукава пальто. Она только глянула на Джека, стремительно проносясь мимо к лифтам. Он поспешил догнать ее.

– Что случилось? – осторожно спросил Джек, не желая расстраивать ее еще больше.

– Я почти на девяносто девять процентов уверена, что знаю, как удалось вывезти отсюда тело Франкони, – сердито выговорила Лори. – И еще две вещи выяснились. Во-первых, похоронное бюро «Сполетто» в этом замешано, а во-вторых, похищению точно помогал кто-то из работающих у нас. И, честно тебе скажу, не знаю, какая из этих двух новостей тревожит меня больше.

* * *

– Не, ты глянь, какая прорва машин, – сказал Франко Понти, обращаясь к Анжело Фацциоло. – Вот уж, черт возьми, повезло, что мы на Манхэттен едем, а не оттуда.

Они с Анжело сидели в черном «кадиллаке» Франко и двигались по Куинсборскому мосту на запад. Время половина шестого, самый час пик. Оба были одеты так, будто собрались на званый светский ужин.

– В каком порядке действовать будем? – спросил Франко.

Анжело пожал плечами, потом сказал:

– Может, сначала девушку? – Лицо у него перекошило от слабого подобия улыбки.

– Тебе этого до жути хочется, а? – заметил Франко.

Анжело, насколько ему позволила покрытая шрамами кожа, выгнул брови:

– Я пять лет мечтал поговорить с этой курвой по-нашенски. Все казалось, так и не дождусь, чтобы случай представился.

– Как я понимаю, тебе не надо напоминать, что мы действуем, как приказано, – сказал Франко. – В точности.

– Керино никогда в детали не вдавался. Говорил нам: сработайте – и все. А как да что, не разъяснял.

– Вот потому Керино сейчас в тюрьме, а Винни правит бал, – назидательно произнес Франко.

– Знаешь, что я тебе скажу, – начал Анжело, – может, проедемся у дома Джека Стэплтона? В квартире Лори Монтгомери я уже был, знаю, на что мы там налететь можем. Зато другой адрес меня малость

удивляет. Не подумал бы, что врач, доктор, живет у черта на рогах на Сто шестой улице.

– Думаю, проехать рядом – толковая мысль.

Добравшись до Манхэттена, они покатали дальше на запад по Пятьдесят девятой улице. Обогнув южную оконечность Центрального парка, направились на север по Сентрал-парк-вест.

Анжело вспоминал тот роковой день, когда Лори устроила взрыв на причале компании «Американские свежие фрукты». У Анжело и тогда были нелады с кожей: ветрянка с прыщами следы на ней оставили, – но ожоги ему достались от Лори Монтгомери, именно они и превратили его, по собственному его понятию, в «урода».

Франко спросил о чем-то, но Анжело, погруженный в злые раздумья, не расслышал. Пришлось переспрашивать.

– Зуб даю, тебе хочется крепенько воткнуть этой Лори Монтгомери, – повторил Франко. – Я бы на твоём месте не утерпел.

Анжело издал злобный смешок и бессознательно двинул левой рукой, чтобы ощутить вселяющую уверенность массу автоматического «вальтера», упрятого в наплечную кобуру.

Франко свернул налево на Сто шестую улицу. Они проехали мимо дворового спортивного комплекса, где всю бурлила жизнь, особенно на баскетбольной площадке. По бокам ее собралось много народу.

– Дом должен быть где-то слева, – сказал Франко.

Анжело сверился с листком, где был записан адрес Джека, и поднял голову:

– Подъезжаем. Вон то здание с дикой крышей.

Франко притормозил и поставил машину рядом с уже припаркованными за несколько зданий до дома Джека. Катившая сзади машина загудела. Франко опустил стекло и махнул водителю: проезжай, мол. Пока машина объезжала их, из нее неслась отборная ругань. Франко покачал головой:

– Нет, ты слышал этого нахала? В этом городе ни у кого не осталось никаких манер.

– С чего бы доктору жить в такой дыре? – недоумевал Анжело. – Он ведь каждый день шпарит на велике отсюда до самого морга по Первой авеню и Тридцатой улице.

– Быть не может! – бросил Франко.

– Так Амендола сказал, – подтвердил Анжело.

Франко внимательно оглядел окрестности:

– Тут кругом одни трущобы. Может, он наркоман?

Анжело открыл дверь и вышел из машины.

– Куда направился? – спросил Франко.

– Хочу проверить и убедиться, что он тут живет, – пояснил Анжело. – Амендола говорил, у него квартира на пятом этаже, вход со двора. Сейчас вернусь.

Анжело обошел машину и стал дожидаться разрыва в потоке кативших мимо машин. Перешел улицу и поднялся на крыльцо дома Джека. Спокойно толкнул входную дверь и бросил взгляд на почтовые ящики. Многие были покорежены, замки не работали ни на одном.

Анжело быстренько просмотрел почту. Как только наткнулся на каталог, адресованный Джеку Стэплтону, забрал всю корреспонденцию. Потом тронул дверь в подъезд. Она легко поддалась.

Ступив в вестибюль, Анжело перевел дух. Стояла неприятная застарелая вонь. Он глянул на мусор на ступенях, на осыпавшуюся краску по стенам, на разбитые лампы в некогда изящной люстре. Вверху, на третьем этаже, было слышно, как шел домашний бой, доносились сдавленные вскрики. Анжело улыбнулся. Разобраться с Джеком Стэплтоном будет легко. Жилье это – чистый дурдом.

Выйдя на улицу перед домом, Анжело шагнул в сторону, определяя, какой из подземных переходов ведет к дому Джека. От каждого дома шел углубленный проход, попасть в который можно было, спустившись по полудюжине ступенек. Проходы вели на задние дворы.

Выбрав подходящий, Анжело осторожно прошел его по всей длине. Повсюду были лужи, валялись отбросы, грозившие его шикарным туфлям.

Задний двор был царством прогнивших и рухнувших заборов, гнилых матрацев, брошенных шин и прочего хлама. Тщательно выбирая путь, Анжело отошел на несколько футов от здания и, обернувшись, глянул на пожарную лестницу. На четвертом этаже с нее можно было забраться в два окна. За окнами темно: доктора не было дома.

Анжело пошел обратно и залез в машину.

– Ну? – спросил Франко.

– Все в порядке, он там живет, – сказал Анжело. – Внутри, ты не поверишь, домик еще похабнее. Запоров нет. Мне было слышно, как на третьем этаже парочка вела бой, а кто-то врубил телик на полную громкость. Место гадкое, но для наших целей – идеальное. Сделаем легко.

– Это я и хотел услышать, – порадовался Франко. – По-прежнему начинать будем с дамы?

Анжело изо всех сил постарался улыбнуться:

– С чего бы мне себе отказывать?

Франко тронул машину, и они покатали на юг по Колумбус-авеню до Бродвея, а затем срезали путь через центр города до Второй авеню. Вскоре добрались до Девятнадцатой улицы. Адрес Анжело был не нужен, он без труда указал на дом, где жила Лори. Франко отыскал подходящее местечко, где стоянка не запрещалась, и поставил там машину.

– Так, по-твоему, нам надо с черного хода идти? – сказал Франко, оглядывая здание.

– Причин несколько, – откликнулся Анжело. – Живет она на шестом этаже, но окна выходят во двор. Так и так придется заходить во двор, чтобы узнать, дома ли она. Потом, у нее любопытная соседка, у той квартира ближе к улице, и, сам видишь, у нее в окнах свет горит. Эта карга открывала свою дверь и таращилась на меня оба раза, когда я подходил к квартире Монтомери с парадной лестницы. Ну и еще из квартиры Монтомери есть выход на черный ход, а черный ход ведет напрямик во двор. Я знаю, потому что мы гнались за ней как раз таким путем.

– Убедил, – подытожил Франко. – Пошли делать.

Франко с Анжело вышли из машины. Анжело поднял заднее сиденье и вытащил из-под него сумку с набором отмычек и фомку, небольшой ломик с изогнутым концом, которым пользуются пожарные, взламывая двери в чрезвычайных обстоятельствах.

Вдвоем они направились по проходу вдоль стены во двор.

– Я слышал, – сказал Франко, – она ушла от тебя и Тони Руггеро. По крайности на время. Та еще, видать, штучка.

– Не напоминай, – осадил его Анжело. – Конечно, с Тони работать – это было все равно как ведро с песком с собой таскать.

Зайдя во двор, похожий на мрачный закуток запущенного сада, два гангстера осторожно отошли от стены, так чтобы видны стали окна шестого этажа. За всеми окнами зияла темень.

– Похоже, у нас есть время хорошенько подготовиться к возвращению хозяйки домой, – усмехнулся Франко.

Анжело не отозвался. Молча вытащил связку отмычек и подошел к металлической, наглухо закрытой двери черного хода. Натянул на руки плотно облегающие кожаные перчатки, пока Франко налаживал фонарик.

Поначалу у Анжело даже руки дрожали от одного только предвкушения сойтись лицом к лицу с Лори Монтомери после пяти лет мучительных обид. Но, почувствовав, что замок не поддается, он взял себя в руки и сосредоточился на деле. Замок щелкнул, дверь открылась.

Поднявшись на шестой этаж, Анжело и не подумал возиться с отмычками, поскольку знал, что у Лори дверь на петлях еле-еле держится. Он пустил в ход фомку. Тихий скрипящий звук – и дело сделано: тридцати секунд хватило, чтобы войти в квартиру.

Несколько минут двое громил неподвижно стояли в темноте кладовой и хорошенько прислушивались. Надо было убедиться, не выдал ли какой звук, не заметил ли кто из соседей их вторжения в чужую квартиру.

– Господи Иисусе! – натужно прошипел Франко. – Что-то меня по ноге терануло!

– Что еще? – раздраженно спросил Анжело. Он не ожидал такого переполоха: даже у самого сердце затрепыхалось.

– А, да это ж просто кошка, черт бы ее побрал! – облегченно выдохнул Франко. И сразу оба расслышали, как урчит в темноте животное.

– Нам везет, а? – выговорил Анжело. – Прелестная получится добавка. Прихвати ее с собой.

Крадучись, налетчики пробрались из кладовой на кухню, а оттуда в гостиную. Теперь видно было значительно лучше: свет городских огней лился в окна.

– Пока все в норме, – сказал Анжело.

– Нам остается только ждать, – отозвался Франко. – Я, пожалуй, взгляну, нет ли в холодильнике пивка или вина. Не желаешь?

– От пива не отказался бы, – ответил Анжело.

* * *

В полицейском управлении Лори и Джека заставили получить пропуска, пройти через металлоискатели и только после этого разрешили подняться на этаж к Лу. Лейтенант приветствовал их у выхода из лифта.

Первым делом он положил Лори ладони на плечи, заглянул ей в глаза и спросил, что случилось.

– С ней все в порядке, – сказал Джек, обнадеживающе похлопывая Лу по спине. – Она снова в добром здравии: исполнена разума и спокойствия.

– В самом деле? – Лу продолжал внимательно вглядываться в лицо Лори.

Лори не смогла сдержать улыбки, попав под пристальное внимание Лу:

– Джек прав. Я себя прекрасно чувствую. По правде говоря, мне неловко, что я сломя голову бросилась сюда.

Лу облегченно вздохнул и повел гостей к себе в кабинет:

– Ну, рад видеть вас обоих. Прощу в мои апартаменты. Могу предложить вам кофе, но не советовал бы его пить. К этому времени дня он настаивается до такой крепости, что уборщики охотно им сливы в раковинах чистят.

– Перебьемся, – сказала Лори и села на стул.

Джек последовал ее примеру. С каким-то непонятным трепетом оглядел спартанскую обстановку кабинета. В последний раз он был здесь с год назад, после того как едва уцелел при покушении на свою жизнь.

– Кажется, я сообразила, как тело Франкони вывезли из морга, – начала Лори. – Вы подсмеивались, что я подозреваю похоронное бюро «Сполетто», а вот теперь, полагаю, вам снова придется им заняться. Лично я считаю, пришло время власть употребить.

Затем Лори вкратце рассказала, что, по ее мнению, произошло. И посвятила Лу в свои подозрения: кто-то из работников судмедэкспертизы сообщил людям Сполетто инвентарный номер

относительно недавнего неопознанного тела, а также сказал, где покоятся останки Франкони.

– Часто, когда два водителя приезжают забрать тело в похоронное бюро, один из них отправляется в холодильник, а другой в это время оформляет документы с санитаром в покойницкой, – разъясняла Лори. – В таких случаях санитар заранее готовит тело к вывозу, накрывая его простыней и располагая каталку поближе к двери холодильника, чтобы было удобнее вывозить. В ситуации с Франкони, думаю, водитель взял тело, инвентарный номер которого у него был, снял с него бирку и сунул труп в одну из множества пустых камер хранилища, заменил бирку Франкони на новую, а затем спокойно заявился с останками Франкони к покойницкой. А у санитаров в тот момент только и забот что инвентарный номер сверить.

– Ловко придумано, – сказал Лу. – Могу я спросить: у вас какие-нибудь доказательства есть или это всего лишь догадки?

– Я нашла тело, чей инвентарный номер называл Сполетто, – ответила Лори. – Оно находилось в камере, которой полагалось быть пустой. Имя же Фрэнка Глисона вымышленное.

– Ага-а-а! – воскликнул Лу, чей интерес к сказанному Лори значительно возрос. Он всей грудью навалился на письменный стол. – Это мне начинает очень и очень нравиться, особенно если принять во внимание матримониальные связи между Сполетто и кланом Лючия. Из этого можно сварить нечто стоящее. Вдруг напомнило мне, как Аль Капоне взяли за уклонение от уплаты налогов. Это же просто фантастика, если нам удастся поймать людей Лючия на краже тела!

– И конечно, это наводит на мысли о причастности организованной преступности к незаконной пересадке печени, – вставил Джек. – Такая связь пугает.

– Она и опасна, – заметил Лу. – Итак, я настоятельно требую: больше никакой самостоятельной слежки с вашей стороны. С этой минуты за дело беремся мы. Даете мне слово?

– С радостью вверяю все вам, – ответила Лори. – Только остается вопрос о наводчике, затаившемся в судмедэкспертизе.

– Полагаю, будет лучше, если и этим я сам займусь, – сказал Лу. – Когда замешана организованная преступность, чую, что на подходе вымогательство или насилие. Но я буду действовать, напрямую

связываясь с Бинэмом. Мне нет нужды напоминать вам, как опасны эти люди.

– Я свой урок очень хорошо усвоила, – горько улыбнулась Лори.

– Я по уши увяз в своем кусочке этой тайны, чтобы влезть, – сказал Джек. – Вы для меня что-нибудь выяснили?

– Уйму всего, – ответил Лу. Он потянулся к углу стола и взял оттуда большую книгу размером с художественный альбом. Крякнув, вручил книгу Джеку.

Не пытаясь скрыть недоумения, Джек раскрыл книгу со словами:

– Какого черта! Атлас-то зачем?

– Затем, что он вам понадобится, – хмыкнул Лу. – Вы не поверите, сколько времени пришлось потратить, чтобы отыскать его в полицейском управлении.

– Ничего не понимаю, – признался Джек.

– Мой знакомый из ФАА сумел дозвониться до одного парня, а тот знал парня, который работает в одной европейской организации, которая раздает время взлетов и посадок по всей Европе, – пустился в объяснения Лу. – Еще у них есть полетные задания, и они хранят их больше шестидесяти дней. «Г-4» с Франкони прибыл во Францию из Экваториальной Гвинеи.

– Откуда? – У Джека от удивления брови поползли на лоб, отчего на лице появилось выражение полного замешательства. – Никогда не слышал про Экваториальную Гвинею. Это страна такая?

– Посмотрите на странице сто пятьдесят второй! – попросил Лу.

– Что это значит: про Франкони и «Г-4»? – спросила Лори.

– «Г-4» – частный реактивный лайнер, – пояснил Лу. – Мне по просьбе Джека удалось выяснить, что Франкони выезжал из страны. Мы считали, что он был во Франции, а теперь у меня появилась вот эта новая информация.

Джек раскрыл атлас на 152-й странице. Карта была озаглавлена: «Западный бассейн реки Конго» – и изображала громадный кусок Западной Африки.

– Хорошо, подсказывайте, – взмолился Джек.

Лу глянул Джеку через плечо.

– Это крохотная страна между Камеруном и Габоном. Город, откуда вылетел самолет, называется Бата, он на побережье. –

Лейтенант ткнул пальцем в нужную точку. На физической карте страна изображалась почти сплошь зеленой.

Лори, встав со стула, заглянула через другое плечо Джека и сказала:

– Кажется, я помню, как однажды слышала название этой страны. По-моему, туда отправлялся писатель Фредерик Форсайт писать роман «Псы войны».

Лу шлепнул себя по лбу в полном изумлении:

– И как только вы запоминаете всю эту чепуху? Я не могу запомнить, где обедал в прошлый вторник.

Лори пожала плечами:

– Просто я люблю читать и биографии писателей знаю.

– Тут нет никакого смысла, – недоумевал Джек. – Это неразвитая часть Африки. В стране этой, должно быть, нет ничего, кроме джунглей. В общем-то вся эта часть Африки сплошные джунгли. Там Франкони не могли сделать пересадку печени.

– Я поначалу точно так же подумал, – сказал Лу. – Однако в других сведениях оказалось побольше смысла. Я проследил через управляющую компанию в Неваде, кто является истинным собственником «Альфа авиэйшн». Это корпорация «Генсис», ее штаб-квартира находится в Кембридже, штат Массачусетс.

– Я слышала про «Генсис», – сообщила Лори. – Это биотехнологическая фирма, крупный производитель вакцин и лимфокинов. Я запомнила, потому что одна подружка, она брокером в Чикаго работает, советовала купить акции «Генсис». Она вечно мне такие советы дает, наверное, думает, будто у меня денег куры не клюют, чтобы их в акции вкладывать.

– Биотехкомпания! – раздумчиво воскликнул Джек. – Хм-м-м. Совсем иной колленкор. Это, должно быть, важно, хотя я толком и не пойму – чем. Да и ума не приложу, что делать биотехфирме в Экваториальной Гвинее.

– А в чем смысл окольного следа корпорации в Неваде? – спросила Лори. – «Генсис» что, старается скрыть тот факт, что владеет лайнером?

– Сомневаюсь, – ответил Лу. – Слишком уж легко мне удалось установить связь. Если бы «Генсис» пыталась скрыть, что является владельцем, директорами и официальными сотрудниками «Альфа

авиэйшн» оставались бы невадские адвокаты. А вместо этого на первом же заседании правления обязанности президента и секретаря были возложены на финансового директора «Генсис».

– Тогда почему Невада, если лайнер принадлежит компании из Массачусетса?

– Я не юрист, – признался Лу. – Но убежден, что это как-то связано с налогами и ограничением платежных обязательств. Штат Массачусетс – сущий ад, когда речь заходит о судебных исках. Мне представляется, «Генсис» сдает лайнер в аренду на то время, когда сама им не пользуется, а страховка любой компании, зарегистрированной в Неваде, обходится значительно дешевле.

– А ты близко знакома со своей подружкой-брокером? – спросил Джек у Лори.

– Конечно, – ответила та. – Мы вместе учились в университете.

– А что, если позвонить ей и спросить, знает ли она что-нибудь про связи «Генсис» с Экваториальной Гвинеей? – предложил Джек. – Если она советует покупать акции, то наверняка вы знала всю подноготную этой компании.

– Несомненно, – кивнула Лори. – Джин Коруин была самой ответственной из всех знакомых мне студентов. Рядом с ней мы, медички, казались просто растеряшами.

– Можно Лори позвонит от вас? – обратился Джек к Лу.

– Без вопросов, – ответил тот.

– Ты хочешь, чтобы я сию минуту позвонила? – удивилась Лори.

– Надо застать ее, пока она еще на работе, – пояснил Джек. – Скорее всего если у нее есть досье, то оно в конторе.

– Наверное, ты прав, – признала Лори. Она уселась за стол Лу и вызвала телефонную справочную Чикаго.

Пока Лори говорила по телефону, Джек выжал из Лу все до мелочей, как были получены добытые им сведения. Особенно его заинтересовало и поразило то, каким образом Лу вышел на Экваториальную Гвинею. Вместе они внимательнее рассмотрели карту, отметили близость страны к экватору. И даже заметили, что ее крупнейший город, наверное, столица, находится не на материке, а на острове под названием Биоко.

– Представить себе не могу, что за жизнь в таких местах, что за природа, – признался Лу.

– А я могу, – заявил Джек. – Там жарко, дождливо, сыро и полно всяких букашек.

– Звучит восхитительно, – съехидничал Лу.

– Это не то место, куда нормальный человек отправится на отдых, – сказал Джек. – С другой стороны, оно вдали от протоптанных путей.

Лори положила телефонную трубку и повернулась вместе с креслом лицом к мужчинам.

– Джин, как я и ожидала, осталась все такой же ответственной, – сообщила она. – Материалы по «Генсис» мигом оказались у нее под рукой. И уж конечно, ей непременно надо было узнать, сколько акций я купила, и она была очень подавлена, узнав, что я не купила ни одной. Очевидно, акции утроились в цене и подверглись дроблению.

– А это хорошо? – шутливо поинтересовался Лу.

– Так хорошо, что я, наверное, упустила шанс бросить работу, – ответила Лори. – Джин сказала, что это вторая прибыльная биотехнологическая компания, которую создает ее гендиректор Тейлор Кэбот.

– Она хотя бы упомянула про Экваториальную Гвинею? – спросил Джек.

– А как же! Сообщила: одна из причин такого успешного хода дел у компании в том, что та создала огромную ферму человекообразных обезьян. Первоначально на ферме проводились исследования для самой «Генсис». Потом кому-то пришла в голову мысль сделать так, чтобы другие биотехнологические компании и фармацевтические фирмы передали «Генсис» заказы на исследования с использованием приматов. Очевидно, спрос на подобную услугу намного превзошел самые оптимистичные прогнозы.

– И эта ферма приматов – в Экваториальной Гвинее? – спросил Джек.

– Вот именно, – кивнула Лори.

– А она хотя бы намекнула почему? – спросил Джек.

– В справке, которую она получила от аналитика, сказано, что Экваториальную Гвинею «Генсис» выбрала благодаря радушному приему, оказанному местными властями, которые даже закон приняли для содействия деятельности компании. Очевидно, «Генсис» стала для

правительства основным источником столь вожаделенной иностранной валюты.

– Представляете, какие взятки идут в ход при таком сценарии? – спросил Джек у Лу.

Полицейский в ответ только присвистнул.

– Еще в справке указывается, что для большей части используемых человекообразных обезьян Экваториальная Гвинея является родиной, – добавила Лори. – Это позволяет компании обойти все международные запреты на вывоз и ввоз таких вымирающих видов, как шимпанзе.

– Ферма приматов, – повторил Джек, качая головой. – Это открывает куда более занятные перспективы. Слушайте, а не имеем ли мы дело с ксенотрансплантатом?

– Только не испытывайте на мне ваш врачебный жаргон, – взмолился Лу. – Ради всего святого, что такое ксенотрансплантат?

– Этого не может быть, – заявила Лори. – Ксенотрансплантаты вызывают сверхострое отторжение. А на том срезе печени, что ты мне показывал, не было никаких признаков воспаления, ни гуморальных, ни внутриклеточных.

– Верно, – согласился Джек. – К тому же ему даже не вводили иммуносупрессанты.

– Послушайте, я ведь вас просил, – обиженно выговорил Лу. – Не заставляйте меня упрашивать. Что это за чертовщина – ксенотрансплантат?

– Это когда пересаживаемый орган берется от животного другого вида, – объяснила Лори.

– Вы имеете в виду что-то вроде неудачной пересадки сердца, которое лет десять – двенадцать назад взяли у бабуина по кличке Малыш фэй? – спросил Лу.

– Точно! – подтвердила Лори.

– Новые иммуносупрессанты вновь дали возможность обратиться к ксенотрансплантатам, – пояснил Джек. – И с куда большим успехом, чем в случае с Малышом Фэем.

– Особенно при применении свиных сердечных клапанов, – добавила Лори.

– Само собой, тут возникает множество этических проблем, – сказал Джек. – И это доводит поборников прав животных до

исступления.

– Особенно сейчас, когда начались эксперименты с внедрением человеческих генов свиньям для снятия хотя бы части реакции отторжения, – добавила Лори.

– Мог Франкони заполучить печень человекообразной обезьяны, пока был в Африке? – задал вопрос Лу.

– Представить себе не могу, – признался Джек. – Лори точно подметила: не видно совершенно никаких признаков отторжения. Такое неслыханно даже при отличной совместимости человеческих органов, если не считать однояйцевых близнецов.

– Однако Франкони скорее всего побывал в Африке, – заметил Лу.

– Правда, и его мамаша сказала, будто домой он возвратился новым человеком, – сказал Джек. Затем вскинул руки вверх и встал: – Я не знаю, как это вяжется. Кромешная тайна. Особенно если принять во внимание сопутствующий аспект участия организованной преступности.

Лори тоже встала.

– Вы уже уходите? – встрепенулся Лу.

Джек кивнул и пояснил:

– У меня в башке путаница, а сил нет никаких. Вчера выспаться не удалось: после того как мы опознали останки Франкони, я бездну часов просидел на телефоне. Обзвони все европейские организации, распределяющие органы для пересадки телефоны которых достал.

– А может, махнем в «Маленькую Италию», пожинаем на скорую руку? – предложил Лу. – Это прямо за углом.

– Без меня, – сказал Джек. – Мне еще велопробег предстоит. А ужин меня просто доконает.

– Я тоже пас, – сказала Лори. – Мечтаю добраться домой и принять душ. Уже второй день кряду полуночицаю, вымоталась до предела.

Лу признался, что у него у самого есть еще «на полчаса» работы, а потому Лори с Джеком, попрощавшись, спустились вниз, вернули временные пропуска и вышли из полицейского управления. В тени здания городской ратуши поймали такси.

– Тебе лучше? – спросил Джек, когда они с Лори проезжали мимо Бауэри. Калейдоскоп уличных огней играл на их лицах.

– Намного, – призналась Лори. – Передать тебе не могу что за облегчение для меня – сбавить все это в надежные руки Лу. Уже жалею, что так себя заездила.

– Не стоит сожалеть, – сказал Джек. – Очень уж неловко – это выражаясь очень мягко – знать, что кто-то среди нас шпион и что оргпреступность тянет лапы к пересадке печени.

– Ты-то как держишься? – спросила Лори. – Ты столько сил отдал делу Франкони, что даже странно становится.

– Согласен: странно. Но, знаешь, еще и захватывает – ответил Джек. – Тем более если замешан такой биотехгигант как «Генсис». В том, что делают эти корпорации, есть жуткая сторона: исследования свои они проводят за плотно закрытыми дверями. Режим секретности времен «холодной войны» для них – рабочая норма. Никому не дано знать, чем они занимаются стремясь вернуть вложенные капиталы. Никакого сравнения с тем что было лет десять – двадцать назад, когда большая часть биомедицинских исследований финансировалась из единого источника, что называется, у всех на виду. Тогда еще существовал хоть какой-то надзор в виде оценок коллег и руководства, сейчас этого и в помине нет.

– Очень жаль, что нет никого вроде Лу, кому ты мог бы сплавить это дело, – сдавленно произнесла Лори.

– То-то красота была бы, а? – вздохнул Джек.

– Что намерен делать? – спросила Лори.

– Мысли иссякли. В планах пока только одно: печеночный срез должен исследовать ветеринарный патолог, – сказал Джек.

– Ты, значит, уже думал про ксенотрансплантат? – удивилась Лори.

– Не я, – признался Джек. – Попросить ветпатолога взглянуть на срез не моя идея. Удумал один паразитолог там, в клинике. Решил, что гранулема появилась из-за какого-то паразита, но какого – он не распознал.

– Тебе, наверное, стоило бы сказать Теду Линчу про то, что возможен ксенотрансплантат, – посоветовала Лори. – Он спец по ДНК и, может, хранит в заголке какую-нибудь хитрость, чтобы получить четкий ответ: да или нет.

– Блестящая мысль! – восхитился Джек. – И как ты дошла до нее в такой запарке? Поразительно! У меня самого мозги уже, считай,

спать отправились.

– Похвалы принимаются всегда и в любых количествах, – поддразнила Лори. – Особенно в темноте, когда ты не видишь, как я краснею.

– Начинаю приходить к мысли, что если и есть у меня какой шанс разобраться в этом деле, то только быстренько смотавшись в Экваториальную Гвинею.

Лори резко повернулась на сиденье и вперила взгляд в лицо Джека. В потемках глаз его не было видно.

– Ты ведь не всерьез? Ты шутишь, да?

– Видишь ли, не могу же я взять да позвонить в «Генсис» или, скажем, отправиться в Кембридж, заявиться в их контору и спросить: «Привет, ребятки, что это у вас там в Экваториальной Гвинее творится?»

– Не забывай: речь идет об Африке, – напомнила Лори. – Чистое безумие! Это же за тридевять земель. И потом, если, по-твоему, ты ничего не выведешь, отправившись в Кембридж, с чего ты решил, что хоть что-то узнаешь, укатив в Африку?

– Может быть, с того, что там такого не ждут, – сказал Джек. – Не думаю, что к ним много народу навевается.

– О, это безумие! – воскликнула Лори, всплеснув руками и закатывая глаза.

– Послушай, успокойся, – хмыкнул Джек. – Я же не сказал: еду. Просто сказал, что начинаю приходить к такой мысли.

– Ну так отбрось такие мысли, – сказала Лори. – Мне и без того забот хватает.

Джек улыбнулся ей:

– А ты и вправду заботишься. Я тронут.

– Ну как же! – не удержалась от колкости Лори. – То-то тебя хотя бы раз тронули мои мольбы не гонять по городу на велосипеде!

Такси подкатило к дому Лори и остановилось. Лори полезла за деньгами, но Джек накрыл ее руку своей:

– Я плачу.

– Хорошо, в следующий раз моя очередь, – согласилась Лори. Собралась выходить из машины, но задержалась. – Если пообещаешь поехать домой на такси, мы, думаю, могли бы сообразить что-нибудь поесть у меня дома.

– Спасибо, только не сегодня. Надо доставить велик домой. А на полный желудок я скорее всего засну.

– Случаются вещи и похуже, – заметила Лори.

– Дай-ка посмотрю, не собирается ли дождик? – сказал Джек.

Лори выбралась из такси, затем, все еще держась за дверцу, обратилась к Джеку:

– Пообещай мне хотя бы одно: сегодня ночью ты не улетишь в Африку.

Джек в шутку сделал вид, что наносит резкий удар, но Лори легко уклонилась от его руки. И сказала, ласково улыбнувшись:

– Доброй ночи, Джек.

– Доброй ночи, Лори, – ответил Джек. – Позже я тебе позвоню, когда договорюсь с Уорреном.

– Ах да, правда, – воскликнула Лори, – я за всей этой суматохой и забыла! Буду ждать звонка.

Лори захлопнула дверцу такси и долго смотрела вслед машине, пока та не свернула за угол на Первой авеню. Она направилась к двери своего подъезда, думая про себя, какой Джек милый, но как трудно бывает его понять.

Поднимаясь в лифте, Лори уже предвкушала негу душа и тепло махрового халата. И давала себе слово лечь спать пораньше.

Она удостоила Дебру Энглер ядовитой улыбки и принялась открывать многочисленные замки. Посильнее хлопнула, закрывая дверь, чтобы еще больше досадить миссис Энглер. Перекладывая почту из руки в руку, сняла пальто. В темноте нащупала вешалку в шкафу.

И только войдя в гостиную, щелкнула выключателем, отчего зажегся напольный плафон. Едва сделав два шага в сторону кухни, Лори сдавленно вскрикнула и выронила из рук почту. В гостиной сидели двое. Один раскинулся в ее кресле стиля ар-деко, другой устроился на диване. Тот, что на диване, поглаживал Тома, спавшего у прищельца на коленях.

И еще одно увидела Лори: в ручку кресла упирался большой пистолет, снабженный глушителем.

– Добро пожаловать домой, доктор Монтомери, – произнес Франко. – Спасибо вам за вино и пиво.

Лори перевела взгляд на кофейный столик. На нем стояли порожняя пивная бутылка и бокал для вина.

– Проходите, сделайте милость, садитесь, – продолжал Франко. И указал на кресло, поставленное посреди комнаты.

Лори не двинулась с места. Просто была не в силах этого сделать. В голове мелькнула смутная мысль броситься на кухню к телефону, но Лори тут же отбросила ее как смехотворную. Она успела даже подумать, не рвануть ли обратно к двери, но понимала, что при стольких-то замках это – пустой номер.

– Прошу! – повторил Франко с наигранной вежливостью, от которой Лори сделалось еще страшнее.

Анжело убрал кота с колен и поднялся. Сделал шаг к Лори и безо всяких слов со злобой ударил ее тыльной стороной ладони наискось по лицу. От удара женщина отлетела к стене и, не удержавшись на ногах, упала на четвереньки. Из разбитой губы брызнули и разлетелись по паркетному полу капельки ярко-красной крови.

Анжело схватил ее за плечи и грубо дернул, поднимая на ноги. Затем протащил к креслу и с силой усадил в него. Охваченная ужасом, Лори была не в силах сопротивляться.

– Так-то лучше, – бросил Франко.

Анжело нагнулся и едва не уперся своим лицом в лицо Лори:

– Узнаешь меня?

Лори заставила себя взглянуть на обезображенное ужасными шрамами лицо. Мужчина походил на персонаж из фильма ужасов. Она попробовала сделать глоток: в горле пересохло. Голос ее не слушался, всего-то и смогла – отрицательно повести головой.

– Нет?! – изобразил удивление Франко. – Доктор, боюсь, вы хотите оскорбить чувства Анжело, а это в данных обстоятельствах вещь очень опасная.

– Простите, – пискнула Лори. Но едва слово слетело с разбитых губ, как Лори связала воедино имя и то, что стоявший против нее мужчина пострадал от ожогов. Значит, это Анжело Фацциоло, главный палач у Керино, вышедший из тюрьмы.

– Я пять лет ждал! – зарычал Анжело. И снова ударил Лори, едва не вышибив ее из кресла. Женщина потеряла сознание, голова у нее свесилась набок. Крови стало больше. Теперь она лилась из носа, впитываясь в ковер.

– Уймись, Анжело! – прикрикнул Франко. – Помни! Нам с ней еще поговорить требуется.

Анжело какое-то время нависал над Лори, дрожа всем телом, будто изо всех сил сдерживая себя. Потом резко повернулся и уселся обратно на диван. Подхватил кота и принялся неистово оглаживать его. Том не возражал, даже урчать принялся.

Лори сумела выпрямиться в кресле. Тронула рукой губы, нос. Губа уже начала распухать. Лори зажала нос, стараясь остановить кровотечение.

– Послушайте, доктор Монтгомери, – заговорил Франко. – Как понимаете, забраться сюда для нас было парой пустяков. Говорю это, чтобы вы осознали, насколько вы беззащитны. Понимаете, есть у нас одна закавыка, и вы могли бы помочь нам с ней разобраться. Мы пришли сюда вежливенько попросить вас оставить заварушку с Франкони в покое. Я ясно выражаюсь?

Лори согласно кивнула. Она боялась, что не сумеет.

– Славно, – сказал Франко. – Вот теперь мы ведем себя очень разумно. Мы будем считать это услугой с вашей стороны и готовы в ответ оказать услугу вам. Нам известно, кто убил мистера Франкони, и мы готовы поделиться с вами этой информацией. Понимаете, мистер Франкони не был хорошим человеком, ну его и убили. На том и сказке конец. Вы меня слушаете?

Лори опять кивнула. Она взглянула на Анжело, но тут же отвела глаза.

– Имя убийцы Видо Дельбаррио, – продолжал Франко. – Тоже личность не из прекрасных, хотя он оказал услугу всему миру, избавив его от Франкони. Я даже потрудились записать это имя. – Франко подался вперед и положил бумажку на кофейный столик. – Итак, услуга за услугу.

Франко выждал и ожидающе глянул на Лори.

– Вы понимаете, что я вам говорю? – спросил он после короткого молчания.

Лори кивнула в третий раз.

– Я к тому, что много мы не требуем, – сказал Франко. – Между нами, Франкони был мерзавцем. Поубивал кучу людей и сам заслуживал смерти. Что же до вас, то, надеюсь, вы рассудите здраво, поскольку в городе размером с наш защитить вас никак нельзя, а

Анжело вон ничего так не жаждет, как случая поговорить с вами по-своему. К счастью для вас, босс наш нравом не крут. Предпочитает договариваться. Вам понятно?

Франко снова выждал. Лори чувствовала: надо ответить. И, с трудом шевеля языком, сумела выговорить: понятно.

– Замечательно! – воскликнул Франко. Хлопнув себя по коленям, он поднялся с кресла. – Я много слышал про то, как вы умны и находчивы, док, и был уверен, что с глазу на глаз мы сумеем договориться.

Франко сунул пистолет в наплечную кобуру и надел свое элегантное пальто, говоря:

– Пошли, Анжело. Уверен, доктору хочется душ принять и поужинать. Вид у нее, я бы сказал, какой-то усталый.

Анжело встал, сделал шаг по направлению к Лори, потом с дикой злобой свернул коту шею. Раздался отвратительный хруст, и Том, не издав ни звука, безжизненно обвис. Анжело швырнул мертвого кота Лори на колени и последовал за Франко к входной двери.

– Нет же, нет! – всхлипывала Лори, прижимая к себе своего шестилетнего любимца. Она поняла, что тому грубо и жестоко свернули шею. С трудом поднялась на ноги, которые будто стали ватными. Выбралась в прихожую и услышала, как подошел, громыхнув дверями, лифт и как он стал спускаться.

С каким-то внезапным страхом Лори бросилась к входной двери и, все еще держа на руках Тома, заперла ее на все запоры. Потом, сообразив, что налетчики забрались через черный ход, бросилась туда и увидела широко распахнутую, сорванную с петель дверь. С трудом, но все же, как смогла, затворила ее.

Вернувшись на кухню, дрожащими руками сняла телефонную трубку. Первый порыв: позвонить в полицию – как-то сам собой улетучился, откуда-то из глубины сознания услышала она голос Франко, предупреждавший, насколько она незащищена. А перед глазами стояли ужасающее лицо Анжело и его взгляд, исходивший злобой.

Понимая, как она потрясена, едва сдерживая слезы, Лори повесила трубку. Мелькнула мысль: не позвонить ли Джеку, – но она знала, что он еще не добрался до дому. И вот, вместо того чтобы кому-то звонить, она заботливо уложила своего кота в коробку из пластика,

обложив его кубиками льда из нескольких формочек. А потом удалилась в ванную осматривать собственные раны.

* * *

Поездка домой на велосипеде оказалась вовсе не таким суровым испытанием, как представлялось Джеку. Более того, стоило ему усесться в седло, как он почувствовал себя много лучше, чем в течение дня. Даже решился срезать путь, проехав через Центральный парк. Уже год он не заезжал в парк с наступлением темноты. А тут впервые заехал – и бодренько, хотя и не без опаски, мчался по извилистым темным дорожкам.

Почти на всем пути из головы не выходили «Генсис» и Экваториальная Гвинея. Он пытался представить себе, каково там на самом деле, в этой части Африки. В разговоре с Лу он пошутил: мол, букашек в этой Гвинее полно, жарища да сырость, – хотя сам точного представления не имел.

Еще он думал о Тедде Линче, гадая, что тот сумеет сделать на следующий день. До отъезда из морга Джек успел позвонить Теду домой и обрисовать пусть сомнительную, но все же возможность ксенотрансплантата. Тед заявил, что скорее всего сможет найти ответ, исследовав участок на ДНК, который придает особые свойства рибосомным белкам. И объяснил, что этот участок существенно отличается у каждого из видов животных, а программа с информацией, необходимой для определения вида, у него есть на компакт-диске.

Джек выбрался на улицу, решив забежать в местный книжный магазин и поискать там что-нибудь про Экваториальную Гвинею. Но, вспомнив, что сейчас на баскетбольной площадке вовсю идут предвечерние состязания, передумал. Ему пришло в голову, что в Нью-Йорке можно отыскать какого-нибудь кинувшего родину экваторгвинейца. В конце концов, город этот приютил людей из всех стран на свете.

Направив велосипед к площадке, Джек соскочил с седла и прислонил машину к сетчатой ограде. Он даже не подумал воспользоваться замком, хотя большинству посторонних показалось бы опасным оставлять в таком месте без привязи тысячедолларовое

чудо на колесах. На самом же деле спортплощадка была единственным местом в Нью-Йорке, где Джек не считал нужным пользоваться замком.

Джек подошел к боковой линии, кивком приветствуя Спита с Флэшем, стоявших в толпе в ожидании своей очереди. На поле же шла оживленная игра, ее направление и скорость определяло то, в чьи руки или в чье кольцо попадал мяч. Как обычно, Уоррен царил на поле. Перед каждым своим броском он выкрикивал: «Башли!» – и тем выводил соперников из себя, потому что в девяноста случаях из ста мяч прошивал сетку корзины.

Минут через пятнадцать игра была сделана одним из таких – «на башли» – бросков Уоррена, и проигравшие поплелись с площадки. Уоррен, заметив Джека, горделиво приблизился.

– Эй, мужик, играть собрался или как? – спросил он.

– Раздумываю, – отозвался Джек. – Только у меня пара вопросов. Перво-наперво вы с Натали не откажетесь провести вечерок с Лори и со мной в выходные?

– Черт, конечно, проведем, – обрадовался Уоррен. – Все, что угодно, только бы моя малютка заткнулась. А то она меня до потрохов достала расспросами про тебя с Лори.

– А во-вторых, не знаешь ли ты ребят, которые приехали сюда из малюсенькой африканской страны под названием Экваториальная Гвинея?

– Мужик, мне век не угадать, когда что у тебя изо рта вылетит, – покрутил головой Уоррен. – Дай подумать.

– Страна эта на западном побережье Африки, – пояснил Джек. – Между Камеруном и Габоном.

– Да знаю, где она! – досадливо отмахнулся Уоррен. – Считается, что ее открыли португальцы, а колонией сделали испанцы. А по правде, ее задолго до того открыли чернокожие.

– Твои познания потрясают! – воскликнул Джек. – Я про такую страну и слыхом не слыхал.

– Ничего удивительного, – заметил Уоррен. – Уверен, что учить историю чернокожих тебе никогда не доводилось. Впрочем, отвечаю на твой вопрос: да, я знаю кое-кого оттуда, особенно одно семейство. Их зовут Ндеме. Живут через два подъезда от тебя, ближе к парку.

Джек оглянулся на дом, потом вновь обратился к Уоррену:

– Ты с ними знаком настолько, чтобы меня представить? У меня развился внезапный интерес к Экваториальной Гвинее.

– Легко и спокойно, – произнес Уоррен. – Папашу зовут Эстебан. Он хозяин рынка «Меркадо» на Колумбусе. А вон, видишь, паренек в оранжевых тапках носится? Это его сын.

Джек посмотрел туда, куда указывал палец Уоррена, и разглядел оранжевые кроссовки. Узнал обутого в них паренька: тот был из числа баскетбольных завсегдатаев. Тихий нравом и неутомимый в игре.

– А то давай выходи, сыграй разок-другой, а? – предложил Уоррен. – Потом я отведу и познакомлю тебя с Эстебаном. Мы с этим пижоном по корешам.

– Вполне разумно, – сказал Джек. Взбодренный велопробегом, он искал повода сыграть в баскетбол. События дня здорово скрутили его.

Джек вернулся к велосипеду и заторопился к дому, где на себе потащил велосипед по лестнице. Даже дверь отпер, не снимая машину с плеча. Войдя же, стрелой метнулся в спальню переодеться в спортивные доспехи.

Пяти минут не прошло, а он уже собрался выходить. И тут зазвонил телефон. Джек поколебался немного, но, решив, что это, наверное, Тед звонит сообщить о некоторых мелких таинствах ДНК, взял трубку. Звонила Лори, и была она совсем не в себе.

* * *

Сунув водителю сквозь окошко в прозрачной перегородке салона такси столько банкнот, что сумма с лихвой перекрывала плату за проезд, Джек выскочил из машины. Прямо перед домом Лори, откуда уехал меньше часа назад. Одетый в баскетбольную форму, он метнулся к входной двери и резко надавил на кнопку домофона. Лори встретила его на своем этаже возле лифта.

– Боже мой! – завопил Джек. – Посмотри, что у тебя с губой.

– Это пройдет, – стоически выговорила Лори. Тут она заметила подглядывающий глаз Дебры Энглер в щели приоткрытой двери. И, повернувшись всей грудью к соседке, заорала, чтобы та занималась своими делами. Дверь тотчас же захлопнулась.

Джек, успокаивая, обнял Лори и повел ее в квартиру.

– Ладно, ладно, – приговаривал он, усаживая ее на диван, – расскажи, что произошло.

– Они убили Тома, – всхлипнула Лори. После первого потрясения Лори оплакивала своего любимца, но слезы у нее успели высохнуть еще до того, как Джек задал следующий вопрос.

– Кто? – допытывался он.

Лори выждала, пока не совладала с чувствами, и сказала:

– Их двое было, но я знаю только одного. Он-то меня и ударил, а потом Тома убил. Зовут его Анжело. Это из-за него меня по ночам кошмары мучат. Во время дела Керино мы с ним жутко схлестнулись. Я думала, он еще в тюрьме сидит. Ума не приложу, как и почему он на свободе. На него взглянуть страшно. Все лицо сплошь в шрамах от ожогов, и, уверена, он винит в этом меня.

– Стало быть, этот налет – из-за мести? – спросил Джек.

– Нет, – ответила Лори. – Это они меня предупредили. Я должна, выражаясь их словами, «оставить дело Франкони в покое».

– Поверить этому не могу, – задумчиво выговорил Джек. – Дело ведь я расследую, а не ты.

– Ты меня предупреждал. Я явно кого-то не того растревожила, пытаюсь выяснить, как тело Франкони украли из морга, – сокрушалась Лори. – Насколько понимаю, всполошились они после моей поездки в похоронное бюро «Сполетто».

– Никакой моей заслуги в этом предвидении нет, – отмахнулся Джек. – Я думал, тебе от Бинэма достанется, а не от бандитов.

– Предупреждение Анжело последовало на фоне платы услугой за услугу, – объяснила Лори. – Их услуга состояла в том, чтобы сообщить мне, кто убил Франкони. Даже имя на бумажке написали. – Лори взяла клочок бумаги с кофейного столика и подала его Джеку.

– «Видо Дельбаро», – прочитал Джек. И вновь перевел взгляд на разбитое лицо Лори. Нос и губа у нее распухли, под глазом наливался нехорошей чернотой синяк. – Это дело с самого начала было ненормальным, а теперь и вовсе буйным становится. Думаю, будет лучше, если ты расскажешь мне, как все произошло.

Лори подробно рассказала Джеку, что случилось с того момента, как она вошла к себе домой, и до того, как позвонила ему по телефону. Сказала даже про то, почему не решалась набрать 911 и вызвать полицию.

Джек понимающе кивнул:

– В данном случае от местного полицейского участка мало проку.

– И что мне теперь делать? – Вопрос Лори был риторическим.

Ответа на него она не ждала.

– Дай я взгляну на дверь черного хода, – сказал Джек.

Лори провела его через кухню в кладовую.

– Ого-го! – воскликнул Джек. Из-за множества намертво схваченных болтов у двери, когда на нее нажали, расщепило и выворотило здоровущий кусок сбоку. – Одно скажу тебе точно: сегодня ночью ты здесь не останешься.

– Наверное, можно домой к родителям, – сказала Лори.

– Ты поедешь ко мне, – перебил ее Джек. – Я на диване устроюсь.

Лори заглянула в самую глубину его глаз. Она не могла не задаться вопросом, а вдруг в этом странном приглашении кроется нечто большее, нежели забота о ее безопасности.

– Собирайся, – сказал Джек. – С расчетом на несколько дней. Раньше эту дверь не починить.

– Тошно об этом говорить, – выдохнула Лори, – но что-то надо сделать с беднягой Томом.

Джек почесал в затылке. Потом спросил:

– Ты лопату достать сможешь?

– У меня есть садовая лопатка. А ты что удумал?

– Можно похоронить его во дворе.

Лори улыбнулась:

– Ты такой трогательный, правда?

– Просто знаю, что значит потерять тех, кого любишь, – произнес Джек. У него перехватило горло. Острой болью кольнуло воспоминание о телефонном звонке, когда ему сообщили, что жена и дочь погибли во время катастрофы самолета местной авиалинии.

Пока Лори собирала вещи, Джек ходил взад-вперед по ее спальне. Заставлял себя сосредоточиться на бедах насущных. Сказал вслух:

– Придется обо всем сообщить Лу и сдать ему имя Видо Дельбарю.

– Я о том же подумала, – донесся голос Лори откуда-то из глубины гардеробной. – Как по-твоему, надо прямо сегодня сказать?

– По-моему, надо, – ответил Джек. – Пусть сам тогда решает, когда и как действовать. Позвоним от меня. У тебя его домашний

номер есть?

– Есть, – сказала Лори.

– Знаешь, этот случай выводит из себя не только оттого, что тебе грозит беда. Других причин тоже хватает, – сказал Джек. – Мне из-за него еще больше не по себе, как подумаю, что оргпреступность причастна к пересадке печени. Может, уже какой-нибудь черный рынок вовсю действует.

Лори вышла из гардеробной, держа в руках чехол с одеждой.

– Но что же это за пересадка, если Франкони не пользовался иммуносупрессантами? И не забывай про странные результаты, которые Тед получил, исследуя ДНК.

Джек, вздохнув, признал:

– Твоя правда. Тут не сходится и не стыкуется.

– Может, Лу отыщет во всем этом какой-то смысл, – сказала Лори.

– То-то было бы здорово, а? – воскликнул Джек. – Между прочим, после этого случая мысль отправиться в Африку выглядит намного привлекательнее.

Лори, направлявшаяся в ванную комнату, стала на полпути и требовательно спросила:

– Ты это что удумал?

– Лично у меня никакого опыта общения с оргпреступностью нет, – сказал Джек. – Но с уличными шайками я знаком, и, полагаю, есть некое сходство с тем, чего мне довелось хлебнуть. Если любая из банд решит от тебя избавиться, то полиции тебя не защитит, если только они не станут сторожить двадцать четыре часа в сутки. Беда в том, что у них с людьми плохо. Наверное, для нас обоих было бы неплохо на время убраться из этого города. Тогда и Лу смог бы разложить, что к чему.

– Я что, тоже еду? – удивилась Лори. Неожиданно мысль отправиться в Африку приобрела совсем иной смысл. В Африке она никогда не была, интересно бы взглянуть. А как знать, может, даже забавно получится.

– Будем считать это вынужденным отпуском, – рассуждал Джек. – Конечно, Экваториальная Гвинея, наверное, место не из лучших, зато там будет... по-другому. Все не так. Не исключено, сумеем заодно точно выяснить, чем там занимается «Генсис» и зачем туда наведывался Франкони.

– Хмм-м, – хмыкнула Лори. – Мысль уже начинает меня греть.

Когда Лори собрала вещи, они с Джеком вынесли пластиковый гробик с телом Тома во двор. В дальнем углу запущенного сада, отыскав местечко с рыхлой землей, вырыли глубокую лунку. Случайно, но вовремя подвернулась под руку ржавая лопата – и Том обрел вечный покой.

– Ничего себе! – стонал Джек, сгибаясь под тяжестью чемодана Лори, когда они выходили из подъезда. – Ты чего туда напихала?

– Сам же сказал: с запасом на несколько дней, – оправдывалась Лори.

– Но это не значило, что надо тащить с собой шар для боулинга, – съязвил Джек.

– Это косметика, – пояснила Лори. – Ее в фасовке для путешествий не делают.

На Первой авеню поймали такси. По пути к дому Джека заехали в книжный магазин на Пятой авеню. Пока Джек ждал в машине, Лори быстренько забежала внутрь поискать книги про Экваториальную Гвинею. Увы, таковых не оказалось, и ей пришлось довольствоваться путеводителем по Центральной Африке.

– Продавец посмеялся надо мной, когда я спросила книжку про Экваториальную Гвинею, – пожаловалась Лори, усаживаясь обратно в такси.

– Еще один намек, что это не то место, куда все валом валят в отпуск, – заключил Джек.

Лори рассмеялась, а потом наклонилась и, пожав руку Джека повыше запястья, сказала:

– Я тебя поблагодарить не успела за то, что ты приехал. Поверь, за это я тебе по-настоящему благодарна. И чувствую себя сейчас намного лучше.

– Я рад, – произнес Джек.

Добравшись до своего подъезда, Джек вынужден был напрячь все силы, чтобы протащить чемодан Лори по захламленным ступеням. После очередной серии преувеличенного кряхтения и стенания Лори, не выдержав, спросила, не понести ли чемодан ей самой. На что Джек ответил, что в наказание за паковку тяжестей она обречена слушать его стоны.

В конце концов он добрался до своей двери. Достав ключ, сунул его в замочную скважину и повернул. Раздался легкий щелчок, но дверь не открылась, ее держал другой замок.

– Хмм-м, – удивился Джек. – Что-то не помню, чтобы я дверь на два запора запираю. – Он еще раз вставил ключ, отпер замок и распахнул дверь. Было темно, и он первым вошел в квартиру, чтобы зажечь свет. Лори последовала за ним, но тут же уперлась ему в спину: Джек почему-то застыл как вкопанный.

– Что же вы встали? Смелее, зажгите свет! – раздался чей-то голос.

Джек послушно зажег. Силуэты, замеченные им за секунду до этого, теперь обрели вид мужчин, одетых в черные длинные пальто. Они сидели на диване, обратившись лицом к входу.

– Боже мой! – сдавленно выговорила Лори. – Они тут!

Франко с Анжело чувствовали себя как дома, точно так же, как и в квартире Лори. Даже пивом угостились. На кофейном столике стояли полупустые бутылки, а рядом лежал пистолет с приложенным глушителем. В центре комнаты был поставлен стул, обращенный к дивану.

– Вы, я полагаю, доктор Джек Стэплтон, – произнес Франко.

Джек кивнул, а мысли его засустились, изыскивая способы поведения в сложившейся ситуации. Он знал: дверь позади него все еще открыта. И поносил себя за то, что не проявил побольше подозрительности, обнаружив, что она заперта на два запора. Беда в том, что он так быстро выскочил из квартиры, что не запомнил, на какой замок ее запер.

– Пожалуйста, никаких глупостей, – предостерег Франко, словно читая мысли Джека. – Мы ненадолго. А если бы знали, что и доктор Монтомери сюда пожалует, то сэкономили бы на поездке к ней домой, не говоря уж про то, что не пришлось бы тратить силы, дважды повторяя одно и то же.

– Что такого, скажите на милость, мы можем узнать, отчего вас так в страх бросает и вы сподобились забраться к нам и запугать? – спросил Джек.

Франко, растянув рот в улыбке, обратился к Анжело:

– Нет, как тебе этот малый, а? Он думает, будто мы столько сил потратили, забираясь сюда, чтобы на вопросы отвечать.

– Никакого уважения, – поддакнул Анжело.

– Док, не могли бы вы еще стульчик поставить, для дамы, – предложил Франко Джеку. – Потом немного поговорим, и мы уйдем своей дорогой.

Джек не сдвинулся с места. Он думал о лежавшем на кофейном столике пистолете и соображал, кто из двоих налетчиков все еще при оружии. Попробовав определить на глаз, насколько бандиты сильны, заметил, что оба они пожиже будут. Решил, что скорее всего они не в форме.

– Простите, док, – произнес Франко, – вы нас слышите? Или нет?

Ответить Джек не успел: за спиной у него возникла какая-то суматоха, кто-то грубо оттолкнул его в сторону. А еще кто-то заорал во все горло:

– Всем не двигаться!

Оправившись от мимолетного смятения, Джек увидел, как в комнату влетели три афроамериканца, вооруженные небольшими автоматами. Оружие тут же было четко нацелено на Франко с Анжело. Вновь прибывшие были одеты в баскетбольную форму, так что Джек их сразу узнал. Пожаловали Флэш, Дэвид и Спит, от которых еще разило потом игрового азарта.

Такого оборота дел Франко с Анжело никак не ждали. Оба так и застыли сидя, широко выпучив глаза. Привыкшие быть по другую сторону смертоносного оружия, они как никто понимали: лучше не двигаться.

Секунду-другую висела леденящая тишина. Потом новое явление – гордо вышагивая, вошел Уоррен:

– Док, мужик, я будто на полную работу нанялся, чтобы ты в живых оставался, ты понял, о чем я? Должен тебе заметить, что ты всю нашу округу запоганил, приманив сюда это белое отребье.

Уоррен взял у Спита автомат и велел ему обыскать пришельцев. Спит молча извлек у Анжело его автоматический «вальтер». Ощупав Франко, забрал пистолет с кофейного столика.

Джек шумно выдохнул и произнес:

– Уоррен, старый дружище, не знаю, как тебе удалось так вовремя поспеть в столь важный для моей жизни момент, но крайне тебе за это признателен.

– А этих подонков здесь еще раньше заметили, когда они окрестности обозревали, – объяснил Уоррен. – Они себя будто невидимками считали, даром что во всем дорогом явились да еще на большом, черном, блестящем «кадиллаке». Шутили как бы.

Джек потер руки от удовольствия, что власть переменилась. Спросил Франко и Анжело, как их зовут, но ответом ему были лишь холодные пустые взгляды.

– Вот этот Анжело Фацциоло, – сказала Лори, указав на виновника своей злой участи.

– Спит, заведи у них бумажники, – отдал приказ Уоррен.

Спит, исполнив его, прочитал имена и адреса их владельцев.

– Ой-ей-ей, а это еще что? – воскликнул он, раскрыв кожаную книжицу со значком полицейского из участка Озон-парк. И передал удостоверение Уоррену.

– Никакие они не полицейские, – махнул рукой Уоррен. – Не волнуйся.

– Лори, – сказал Джек, – полагаю, самое время позвонить Лу. Уверен, для него нет большей радости, чем побеседовать с этими джентльменами. Да попроси его прихватить с собой «воронок» помягче, если он захочет пригласить их скоротать ночь за счет города.

Лори удалилась на кухню.

Джек подошел к Анжело и навис над ним. Коротко бросил:

– Встать!

Анжело, нагло и зло уставившись на Джека, поднялся на ноги. Ко всеобщему, особенно Анжело, удивлению, Джек, этот простак и тихоня, что было сил врезал бандиту кулаком прямо в лицо. Что-то хрустнуло, Анжело, откинувшись назад, перелетел через диван и кулем рухнул на пол.

Джек сморщился от боли, ругнулся и схватился за руку. Потом потряс ею в воздухе.

– Ни фиги! – пожаловался он. – В жизни никого так не бил. Больно, оказывается!

– Перестань, – предупредил Джека Уоррен. – Не по мне бить это дерьмо собачье. Не мой стиль.

– Не смог сдержаться, – сказал Джек, все еще покачивая разбитой рукой. – Видишь ли, вот это собачье дерьмо, что кучкой свалилось за

диван, сегодня вечером избило Лори, вломившись в ее квартиру. Уверен, ты заметил, что у нее с лицом?

Анжело зашевелился на полу, ему удалось выпрямиться, подтянуть ноги. Нос у него своротило на правый бок. Джек жестом предложил ему обойти диван и сесть. Анжело двинулся, волоча ноги и держа руку под носом, чтобы удержать сочившуюся кровь.

– А теперь, пока не приехала полиция, – обратился Джек к обоим громилам, – мне бы хотелось еще раз спросить у вас, ребятки, что вас так пугает в том, что мы с Лори можем вызнать. Что вообще творится из-за этой чепухи с Франкони?

Анжело с Франко смотрели куда-то сквозь Джека так, будто его и не было. Джек настаивал, спрашивал, что им известно про печень Франкони, но оба бандита хранили каменное молчание.

Лори вернулась с кухни.

– Я дозвонилась до Лу, – сообщила она. – Он уже едет сюда и, должна сказать, очень возбужден, особенно сведением про Видо Дельбарю.

* * *

Час спустя Джек уже удобно восседал в уютной квартире Эстебана Ндеме, а рядом с ним Лори и Уоррен.

– Разумеется, еще от пива не откажусь, – ответил он на предложение Эстебана. От первого бокала пива у Джека слегка и приятно шумело в голове, его все больше и больше охватывало ликование: вечер, так скверно начавшийся, в конце концов сложился очень благополучно.

Лу прибыл к Джеку домой с несколькими полицейскими меньше чем через двадцать минут после звонка Лори. Он места себе не находил от радости, что можно задержать и отвезти в камеру Анжело с Франко за взлом и незаконное проникновение в жилище, ношение незарегистрированного оружия, за нападение и применение насилия, за вымогательство и самочинное присвоение прав полицейского. Надеялся он и на то, что, подольше подержав молодчиков в заключении, в конце концов получит от них достоверную информацию

об организованной преступности в Нью-Йорк, особенно о клане Лючия.

Лу встревожился, узнав, что Лори и Джеку угрожали, а потому, когда Джек обмолвился, что они с Лори собирались уехать из города на недельку, Лу всецело их поддержал. Ему хватало забот уже с тем, что нужно было приставить к Лори и Джеку охрану. Облегчая задачу, Джек и Лори согласились держаться вместе.

По настоянию Джека Уоррен отвез его и Лори на рынок «Меркадо» и познакомил с Эстебаном Ндеме. Как успел шепнуть Уоррен, Эстебан был человек радушный и добрый. Ровесник 42-летнему Джеку, телосложением Эстебан был его полной противоположностью: если плотный Джек был крепко сшит, то худощавый Эстебан скорее ладно скроен. Даже черты лица у него казались точеными. Глубокого, насыщенного коричневого цвета кожа была намного темнее, чем у Уоррена. Но прежде всего во внешности его бросалась в глаза одна примечательная черта: высокий, хорошей лепки лоб. На фронте он облысел, а потому линия волос шла почти по макушке от уха до уха.

Едва Эстебан узнал, что Джек собирается поехать в Экваториальную Гвинею, как тут же пригласил его, Лори и Уоррена к себе в гости.

Теодора Ндеме оказалась во всем под стать мужу. Не успели гости как следует оглядеться в квартире, как она настояла, чтобы все остались отужинать.

Принюхиваясь к дразнящим ароматам, долетавшим с кухни, Джек блаженствовал, потягивая пиво.

– Что привело вас с Теодорой в Нью-Йорк? – спросил он Эстебана.

– Нам пришлось бежать из страны, – ответил тот. И еще долго рассказывал об ужасах правления безжалостного диктатора Нгуемы, который вынудил уехать треть населения страны, включая всех испанцев по происхождению. – Убили пятьдесят тысяч человек. Это было ужасно. Нам повезло: выбрались. Я был учителем, образование получил в Испании, а потому находился под подозрением.

– Надеюсь, произошли перемены, – сказал Джек.

– О да, – откликнулся Эстебан, – победа в семьдесят девятом многое изменила. Только страна наша бедная, хоть и поговаривают про

нефть на шельфе, такую как в Габоне нашли. Габон теперь богатейшая страна в этом регионе.

– Вы туда возвращались?

– Несколько раз. Последний раз – несколько лет назад. У Теодоры и у меня до сих пор там родные живут. У брата Теодоры даже небольшая гостиница есть на материке в городе, который называется Бата.

– Про Бату я слышал, – сказал Джек. – Как понимаю, это аэропорт.

– Единственный на материке, – уточнил Эстебан. – Его в восьмидесятые построили для Центрально-Африканского конгресса. Конечно, стране содержать его не по карману, но это уже другая история.

– Вы слышали про компанию «Генсис»?

– Еще бы не слышал! Она – основной источник иностранной валюты для правительства, особенно с тех пор, как упали цены на какао и кофе.

– Об этом я слышал, – заметил Джек. – А еще я слышал, что у «Генсис» есть ферма приматов. Не знаете, она не в Бате находится?

– Нет, она на юге, – ответил Эстебан. – Ее построили в джунглях возле старого заброшенного испанского городка Кого. Большую часть городка реконструировали для сотрудников компании из Америки и Европы, а для местных, кто у них работает, построили новый город. Компания наняла много экваторгвинейцев.

– А не знаете, больницу «Генсис» не строила? – задал вопрос Джек.

– Строила, – ответил Эстебан. – Больницу выстроили и лабораторию, они на старой городской площади, прямо напротив ратуши.

– Откуда вам столько известно про это?

– А там когда-то мой родич работал. Только он уволился, когда солдаты расстреляли его приятеля за то, что тот охотился. Многим «Генсис» нравится, потому что платит хорошо, а есть и такие, кому не нравится, потому что слишком уж велика власть компании над правительством.

– Из-за денег, – сказал Джек.

– Да, конечно, – согласился Эстебан. – Они много денег платят министрам. Даже часть армии содержат.

– Как удобно! – заметила Лори.

– Если мы соберемся в Бату, то сможем посетить Кого? – спросил Джек.

– Сможете, наверное, – сказал Эстебан. – После того как двадцать пять лет назад испанцы уехали, дорога на Кого была заброшена и сделалась непроезжей, но «Генсис» ее восстановила, так что грузовики по ней теперь гоняют туда и обратно. Только придется нанять машину.

– А это возможно?

– Если есть деньги, то в Экваториальной Гвинее все возможно, – усмехнулся Эстебан. – Вы когда намерены туда отправиться? Лучше всего ехать в сухой сезон.

– Это когда? – поинтересовался Джек.

– Февраль – март.

– Годится. Мы ведь с Лори собираемся отправиться завтра вечером.

– Что? – Уоррен заговорил в первый раз с тех пор, как они пришли в гости к Эстебану. – Я думал, мы с Натали за город с вами поедem на выходные. Уже и Натали об этом сказал.

– О-о-хх-х! – застонал Джек. – Я и забыл.

– Слушай, мужик, лучше тебе подождать до вечера после субботы, не то я в таком дерьме увязну, ты понимаешь, я про что. Я ж тебе говорил, как она меня к стенке припирала, чтобы мы с вами увиделись.

Джек, пребывая в благодушии, предложил:

– Я придумал кое-что получше. Почему бы вам с Натали не прокатиться с Лори и со мной в Экваториальную Гвинею? Причем за наш счет.

Лори аж глаза прикрыла. Ей показалось, что она не так расслышала.

– Мужик, ты это про что? – изумился Уоррен. – У тебя чертов ум за чертов разум зашел. Это ж Африка!

– Ну, Африка, – сказал Джек. – Если уж нам с Лори приходится лететь, так и надо устроить это как можно забавнее. В самом деле, Эстебан, а почему бы и вам с женой тоже не поехать, а? Вот повеселимся-то!

– Вы это серьезно? – поразился Эстебан.

На лице у Лори появилось такое же недоумевающее выражение.

– Разумеется, серьезно, – кипятился Джек. – Лучший способ узнать страну – это поехать туда с кем-нибудь из живших в ней. Это всем известно. Скажите, нам всем визы понадобятся?

– Да, но экваториальная Гвинея находится здесь, в Нью-Йорке, – уведомил Эстебан. – Два фото, двадцать пять долларов плюс письмо из банка, свидетельствующее, что вы не бедняк, – и визы у вас в кармане.

– А как добраться до Экваториальной Гвинеи? – спросил Джек.

– Самый простой путь до Баты – через Париж, – ответил Эстебан. – Из Парижа каждый день летают самолеты в Камерун, в Дуалу. Из Дуалы есть ежедневные рейсы на Бату. Можно и через Мадрид лететь, но оттуда самолеты только два раза в неделю летают до Малабо, что на острове Биоко.

– Похоже, Париж в выигрыше, – весело сказал Джек.

– Теодора! – позвал с кухни жену Эстебан. – Иди-ка лучше сюда!

– Мужик, ты сумасшедший, – сказал Джеку Уоррен. – Я понял это с самого первого дня, как ты на баскетбольное поле заявился. Только знаешь, что я тебе скажу? Мне это начинает нравиться.

Глава 17

7 марта 1997 г.

6.15

Кого, Экваториальная Гвинея

К четверти седьмого тревога Кевина улеглась. На улице по-прежнему стояла крошечная темень. Выбравшись из-под москитной сетки, он зажег свет, отыскивал одежду и шлепанцы. Ватный привкус во рту и легкое колотье в висках напоминали о том, сколько вчера вечером было выпито вина. Дрожащей рукой он взял со столика стакан и жадно выпил воды. Освежившись, нетвердой походкой отправился будить гостей, стуча в двери их комнат.

Прошлым вечером они решили, что Мелани и Кэндис имеет смысл остаться на ночь. Места у Кевина было полно, и все согласилось, что если они будут вместе, то утром окажется гораздо легче отправиться в путь, да и внимания это, возможно, привлечет меньше. Так что поздно вечером, часов в одиннадцать, за разговорами со множеством шуток и веселых намеков Кевин развез женщин по домам, где они забрали все нужное для сна, смену одежды и еду, купленную в столовой.

Пока женщины собирались, Кевин быстро съездил к себе в лабораторию, забрал оттуда локатор, маяк-указатель, фонарик и карту.

В двери комнат, где устроились на ночь женщины, Кевину пришлось стучать по два раза. Первый раз – довольно легко, но, не услышав ответа, он постучал сильнее, пока не понял, что его слышали. Как догадался Кевин, у дам головы с похмелья трещали, и на кухню обе заявили гораздо позднее назначенного времени. Обе плеснули себе в кружки кофе и выпили первую порцию, не вступая ни в какие разговоры.

После завтрака жизненных сил у всех значительно прибавилось. Более того, когда они вышли из дома Кевина, то ощутили возбуждение, словно отправлялись в долгожданный отпуск. Погода стояла хорошая, какой и полагалось быть в этой части света. Занималась заря, и раскинувшееся над головами розовато-серебристое небо было в общем-то ясным. Только на юге виднелась полоска пушистых

облачков. На горизонте, к западу, зловеще наливались пурпуром грозовые тучи, но они были далеко, за океаном, где скорее всего и останутся на весь день.

Шагая к побережью, путешественники восторгались многообразием птичьего мира. Тут и голубые турако-бананоеды, и попугаи, и ткачи, и африканские орлы-рыбоеды, и что-то вроде африканских черных дроздов. Воздух, казалось, был насыщен их разноцветьем и щебетанием.

Город словно вымер. Ни прохожих, ни машин, окна домов еще с ночи закрыты ставнями. Единственный, кто попался им на глаза, был уборщик из местных, мывший шваброй пол в баре «У цыпочек».

Они вышли на внушительный пирс, построенный «Генсис», шириной двадцать футов и высотой шесть. Грубо отесанные толстые доски еще хранили влагу ночной сырости. В конце пирса к плавучему причалу спускался небольшой деревянный трап. Казалось, причал каким-то чудом висит в воздухе: поверхность совершенно неподвижной воды скрывалась под слоем тумана, стлавшимся, насколько хватало глаз.

Как и обещали женщины, у конца причала вяло покачивалась моторная пирога футов тридцати в длину. Когда-то давно она была красной снаружи и белой изнутри, но краска поблекла или сильно облупилась. На три четверти длины лодку укрывала соломенная крыша на деревянных жердях. Под этим навесом располагались сиденья. Навесной мотор словно позаимствовали из музея технических древностей. К корме была привязана небольшая лодочка-каноэ с четырьмя узкими поперечными – от борта к борту – сиденьями.

– Недурна, а? – произнесла Мелани, ухватившись за швартовый конец и подтягивая пирогу к причалу.

– Она больше, чем я ожидал, – сказал Кевин. – До тех пор пока мотор будет работать, все у нас пойдет прекрасно. Не хотелось бы слишком далеко веслами грести.

– В самом худшем случае нас принесет обратно, – заявила неустрашимая Мелани. – Мы в конце концов пойдем вверх по течению.

Снаряжение и еду уложили в пирогу. Мелани осталась на причале, а Кевин пробрался на корму осмотреть мотор. Правила управления

были изображены на корпусе движка, надписи к схемам и рисункам сделаны по-английски. Поставив дроссель на пуск, Кевин дернул шнур. К полнейшему его изумлению, двигатель заработал. Дав Мелани знак прыгать в пирогу, Кевин перевел мотор на передний ход – и они отчалили.

Когда пирс остался позади, все трое оглянулись на Кого, высматривая, заметил ли кто их отплытие. И увидели все того же одного-единственного уборщика, который сосредоточенно наводил порядок «У цыпочек» и даже не потрудился глянуть в их сторону.

Как и намечалось, они пошли на моторе на восток, будто бы направлялись в Акалайонг. Кевин дал газу на половину мощности и остался доволен набранной скоростью. Пирог был большой и тяжелой, но имела очень небольшую осадку. Он оглянулся на каноэ, шедшее за ними на буксире: лодочка легко скользила по воде.

Шум мотора мешал разговорам, пришлось довольствоваться созерцанием окружающих красот. Солнце еще не взошло, но небо сделалось ярче, а восточная кромка густой облачности над Габоном засияла золотом. Справа береговая линия Экваториальной Гвинеи казалась сплошной массой растительности, резко уходившей в воду. Точками по неоглядному простору лимана перемещались другие пироги, которые туман, все еще ластившийся к водной глади, делал похожими на корабли-призраки.

Когда Кого остался довольно далеко за кормой, Мелани тронула Кевина за плечо. Убедившись, что он смотрит на нее, сделала широкое вращательное движение рукой. Кевин кивнул и взялся за руль, направляя пирогу на юг.

Пройдя курсом на юг минут десять, Кевин стал делать плавный поворот на запад. Они ушли по меньшей мере на милю от берега и, проходя мимо Кого, с трудом различали отдельные здания.

Наконец-то взошло солнце: громадный шар из красного золота. Поначалу экваториальная дымка над водой была такой плотной, что на солнце можно было смотреть прямо, не думая о защите глаз. Но жар солнца съедал и туман, и дымку, лучи его быстро набирали жгучую силу. Мелани первой надела солнцезащитные очки, а вскоре ее примеру последовали и Кэндис с Кевином. Спустя еще несколько минут все трое начали слой за слоем стаскивать с себя одежду, под которой укрылись от предрассветной прохлады.

Слева от них тянулась цепочка островков, обрамлявших экваторгвинейское побережье. Кевин держал курс на север, завершая широкий круг в обход Кого. Теперь же он снова переложил руль, направив нос пироги точно на остров Франчески, возвышавшийся вдали.

Стоило жару солнца разогнать туман, как благодатный ветерок прошелся по воде, рябью волн покрыв ее доселе зеркально гладкую поверхность. Рассекая крепчающий встречный ветер, пирога зашлепала, перебираясь с гребня на гребень, время от времени окатывая пассажиров фонтаном брызг.

Остров Франчески по виду отличался от своих собратьев, и чем ближе он становился, тем явственнее становилось отличие. Дело не в том, что остров был значительно больше по размеру: известняковая гряда делала его внешне более внушительным. К вершинам скал, словно облачка, даже лепились ключья тумана.

Через час с четвертью после того, как они отчалили от причала в Кого, Кевин убрал газ, и пирога замедлила ход. Впереди, в сотне футов, виднелся сплошь покрытый густой зеленой растительностью берег юго-западной оконечности острова Франчески.

– С нашей выгодной позиции он кажется неприступным, – прокричала Мелани, перекрывая шум мотора.

Кевин кивнул. Ничто в облике острова не предвещало ни гостеприимства, ни радушия. Никаких пляжей. Берег сплошь порос непроницаемыми и нескончаемыми мангровыми лесами.

– Придется отыскать устье Рио-Дивизо, – прокричал в ответ Кевин. Приблизившись к мангровым зарослям настолько, насколько позволяло благоразумие, он переложил руль вправо и направился вдоль западного берега. Остров укрывал пирогу от ветра, и волны пропали. Кевин встал в надежде увидеть под водой возможные препятствия. Напрасная надежда: сквозь мутную от грязи воду ничего разглядеть ему не удалось.

– А может, вон там, где все камышами заросло? – подала голос с носа Кэндис. Она вытянула руку вперед, указывая на появившиеся обширные заросли.

Кевин, еще больше сбавив газ, направил лодку к камышовнику, на шесть футов поднимавшемуся над водой.

– Видите какие-нибудь препятствия под водой? – прокричал он, обращаясь к Кэндис.

Та отрицательно помотала головой:

– Очень мутно.

Кевин повернул пирогу так, чтобы снова можно было двигаться вдоль линии берега. Камыш рос густо, заросли его увеличивали остров на добрую сотню ярдов.

– Это, должно быть, и есть устье реки, – сказал Кевин. – Надеюсь, здесь есть протока, иначе у нас ничего не получится. Через такой густой тростник на каноэ никак не пробиться.

Спустя десять минут, так и не обнаружив прохода в камышах, Кевин развернул пирогу. Он внимательно следил за тем, чтобы не повредить буксирный конец маленького каноэ.

– Незачем двигаться дальше в ту же сторону, – сказал Кевин. – Ширина зарослей уменьшается. Не думаю, что нам удастся отыскать протоку. Потом, я боюсь подойти слишком близко к месту, где находится мост.

– Согласна, – откликнулась Мелани. – Может, пойти на другой конец острова, где у Рио-Дивизо исток?

– Именно об этом я и подумал, – сообщил Кевин.

Мелани взметнула руку вверх.

– Что это вы делаете? – невольно вздрогнул Кевин.

– Салага, – поддразнила его Мелани, – это называется «дай петушка»!

Кевин хлопнул ладонью о ее ладонь и рассмеялся.

Они двинулись в обратный путь и обогнули остров, чтобы пройти его по всей длине с востока. Кевин надал газу, и пирога пошла на половине нормальной скорости. По пути они хорошо рассмотрели южные отроги гористого хребта острова. Из пироги известняка не было видно вовсе. Остров выглядел горой сплошных девственных джунглей.

– Я одних только птиц и вижу, – донесся сквозь шум мотора голос Мелани.

Кевин кивнул. Он тоже насмотрелся на множество ибисов и сорокопутов.

Солнце поднялось уже довольно высоко, так что соломенная крыша очень пригодилась. Все трое сгрудились на корме, забившись в

тень. Кэндис воспользовалась кремом от загара, который Кевину удалось отыскать у себя в аптечке.

– Как думаете, бонобо на острове окажутся такими же норовистыми, как и нормальные бонобо? – прокричала Мелани.

Кевин пожал плечами. Потом прокричал в ответ:

– Сам хотел бы знать. Если да, то нам, наверное, трудно будет хоть кого-то из них увидеть и все наши труды пойдут прахом.

– Они реже сталкивались с людьми, пока содержались в отделении бонобо в центре животных, – кричала Мелани. – Полагаю, у нас хорошие шансы, если только не станем подбираться к ним чересчур близко.

– А бонобо на воле пугливые? – спросила Кэндис у Мелани.

– Еще как! – ответила та. – Так же, если не больше, чем шимпанзе. Шимпанзе, которые прячутся от людей, увидеть на воле почти невозможно. Они необыкновенно пугливы, а слух и обоняние у них намного острее наших, так что люди к ним близко подойти не могут.

– А в Африке еще по-настоящему дикие места остались? – спросила Кэндис.

– Да, Боже ж мой, да! – воскликнула Мелани. – От этой прибрежной части Экваториальной Гвинеи и дальше на запад и северо-запад тянутся громадные полосы по сей день, по сути, не исследованных девственных тропических лесов. Речь идет ни много ни мало о миллионе квадратных миль^[19].

– И долго еще они продержатся? – задала вопрос Кэндис.

– А это уже другая история, – усмехнулась Мелани.

– Дали бы выпить чего-нибудь холоденького, – выкрикнул Кевин.

– Сейчас, – откликнулась Кэндис. Она добралась до пластикового короба-холодильника и подняла крышку.

Спустя еще двадцать минут Кевин опять сбросил газ и повернул на север, огибая восточную оконечность острова Франчески. Солнце в небе поднялось еще выше, стало значительно жарче. Кэндис перетасила короб-морозилку к левому борту пироги, пряча его в тень.

– Вон опять заросли появляются, – указала она.

– Вижу, – сказал Кевин.

Он опять направил пирогу поближе к берегу. Размерами тростниковые заросли были схожи с теми, что располагались на западной стороне острова. Вновь джунгли шагнули вперед на добрую сотню ярдов от кромки воды.

Кевин уже собрался было объявить, что их вновь постигла неудача, как вдруг в непроницаемой стене травы появился проход.

Кевин, еще больше убавив газ, направил пирогу к проходу. Лодка замедлила ход. Пройдя футов тридцать, Кевин перевел движок на нейтральное положение, а потом и вовсе выключил.

Едва замер звук двигателя, как на людей всей тяжестью навалилась тишина.

– Боже, у меня в ушах гудит, – пожаловалась Мелани.

– Это похоже на протоку? – спросил Кевин у Кэндис, которая снова перебралась на нос.

– Трудно сказать, – ответила та.

Кевин, ухватив мотор сзади, вытащил его из воды. Ему не хотелось портить винт о подводные коряги.

Пирогой вошла в заросли. Протащилась немного среди шуршащих тростинки – и плавно остановилась. Кевин перегнулся через корму, чтобы удержать каноэ от удара о лодку.

– Такое впечатление, что дальше она очень извилистая, – поделилась наблюдением Кэндис. Она встала во весь рост на планшире, держась за соломенную крышу, чтобы видеть поверх тростника.

Кевин вырвал тростинку, разломал на мелкие кусочки. Бросил их в воду рядом с пирогой и стал смотреть. Кусочки медленно, но неуклонно поплыли в сторону, куда смотрел нос пироги.

– Тут, похоже, есть течение, – сказал Кевин. – Думаю, это хороший знак. Давайте попробуем на каноэ. – И он подтащил лодочку борт о борт с пирогой.

Не без труда (каноэ никак не хотело стоять на воде спокойно) им удалось перебраться в лодочку со всеми пожитками и коробом для еды. Кевин сел за руль, а Кэндис взяла весло. Мелани уселась посередине, но не на сиденье, а прямо на дно. Каноэ повергало ее в нервный трепет.

Подгребая веслом, хватаясь за тростник, отталкиваясь от пироги, они общими усилиями сумели протащить каноэ за большую лодку.

Оказавшись, как хотелось верить, в протоке, все сразу почувствовали, что двигаться стало значительно легче.

Кевин орудовал веслом на корме, Кэндис – на носу, благодаря чему каноэ двигалось со скоростью неспешного пешехода. Узкая, футов шесть в ширину, протока петляла и извивалась, прокладывая себе путь среди поросших камышом болот. Солнце уже поигрывало своей экваториальной силой, хотя было всего восемь часов утра. Камышовые заросли гасили ветер, отчего температура в них поднималась еще выше.

– Не очень-то на этом острове много тропинок, – заметила Мелани, развернув карту и внимательно рассматривая ее.

– Главная идет от площадки для кормления до Лаго-Гиппо, – сказал Кевин.

– Тут есть еще несколько, – Мелани ткнула пальцем в карту, – и все идут от Лаго-Гиппо. Их, наверное, проложили, чтобы легче было животных отлавливать.

– Я того же мнения, – отозвался Кевин.

Он заглянул в темную воду. Увидел, как ленты водорослей загибались в ту же сторону, куда и они гребли: значит, есть течение. Кевин приободрился.

– Может, опробуем локатор? – предложил он. – Посмотрим, сдвинулся ли с места после последнего включения бонобо номер шестьдесят.

Мелани ввела в прибор данные и щелкнула тумблером.

– Похоже, совсем не сдвинулся, – сообщила она. Уменьшила масштаб, равняя его с масштабом карты. Затем сверилась с красным огоньком. – Находится в той же самой точке на болотистой поляне.

– По крайней мере эту загадку мы разгадаем, даже если больше никого из обезьян не увидим, – сказал Кевин.

Впереди вставала стена джунглей высотой под сотню футов. Одолев последний извив в тростнике, они увидели, как протока пропала в буйстве растительности.

– Скоро в тень зайдем, – известила Кэндис. – Тогда намного прохладнее будет.

– И не надейтесь, – предостерег Кевин.

Отводя в сторону ветви, они тихо скользнули в нескончаемый мрак леса. Вопреки надеждам Кэндис они будто попали в грязноватую,

тесную и душную теплицу. Ни дуновения воздуха, все пропитано влагой. Хотя густой шатер из стволов деревьев, переплетенных лиан и свисающих мхов не пропускал ни единого солнечного луча, жара внутри была, как под толстым ватным одеялом. Попадались листья по целому футу в диаметре. Поначалу всех троих ошарашила темнота, царившая в этом туннеле из растений, но вскоре глаза стали привыкать к ней. Понемногу из влажной тьмы проступали какие-то детали, а потом все вокруг словно погрузилось в сумерки, которые опускаются в самый канун ночи.

Едва позади каноэ с шорохом и плеском вернулись на место разведенные ветви, люди в лодочке подверглись нападению туч насекомых: москитов, слепней и диких пчел. Мелани судорожно отыскала спрей от насекомых и быстро опрыскала им себя с головы до ног, потом передала спутникам.

– Воняет, как в каком-то чертовом болоте, – поморщилась она.

– Жуть просто, – в тон ей заголосила сидевшая на носу Кэндис. – Сейчас только змею видела, а я змей не перевариваю.

– Пока мы в лодке, с нами ничего не случится, – убеждал Кевин.

– Тогда давайте постараемся не опрокинуться, – предложила Мелани.

– Даже думать про то не смей! – взмолилась Кэндис. – Вам, молодцам, лучше бы помнить, что я в этих краях новичок. А вы в этом закутке мира по несколько лет прожили.

– Опасаться нужно только крокодилов да бегемотов, – предупредил Кевин. – Как увидите кого из них, сразу дайте мне знать.

– Ничего себе! – нервно вспыхнула Кэндис. – А что делать, когда их увидим?

– Я вовсе не хотел вас пугать, – сказал Кевин. – Думаю, никто из этих чудищ нам не попадется до самого озера.

– А потом что? – спросила Кэндис. – Надо было мне, глупой, про всякие напасти выяснить, прежде чем в путешественники записываться.

– Они нас не тронут, – успокаивал Кевин. – Во всяком случае, так мне говорили. Пока они в воде, нам всего-то и нужно, что держаться от них на разумном расстоянии. Вот когда с ними на суше столкнешься, тогда они ведут себя непредсказуемо агрессивно, ведь и крокодилы, и бегемоты бегают куда быстрее, чем принято думать.

– Мне все это почему-то совсем перестало нравиться, – призналась Кэндис. – Я думала, веселая прогулка выйдет.

– Никто не говорил, что мы на пикник собираемся, – резковато напомнила Мелани. – Мы не на экскурсию едем. За делом сюда прибыли.

– Давайте по крайней мере надеяться, что оно удачно завершится, – сказал Кевин. Он хорошо понимал Кэндис: сам никак не мог надивиться тому, что его втянули в такую авантюру.

Если не считать насекомых, то в окружавшей их природе царили птицы, они беспрестанно порхали меж ветвей, наполняя воздух мелодичным разноголосьем.

По обеим сторонам протоки высились непроходимо густые леса. Лишь изредка Кевину или кому-то из женщин удавалось проникнуть взглядом в каком-нибудь направлении больше чем на двадцать футов. Даже берегов не было видно: их скрывали переплетения водорослей и корней.

Орудяя веслом, Кевин всматривался в чернильную воду, по поверхности которой стремительно бегали целые полчища водомерок. Каждый гребок баламутил спокойствие воды, и на поверхность поднимались зловонные пузырьки.

Вскоре протока стала прямее, чем была в камышовых зарослях, грести стало значительно легче. Следя за тем, как быстро проплывает лодочка мимо стволов деревьев, Кевин пришел к выводу, что теперь они двигались со скоростью спешащего пешехода. Во всяком случае, подсчитал он, до Лаго-Гиппо они добрались за десять – пятнадцать минут.

– Давайте запустим локатор на поиск, – предложил Кевин Мелани. – Если свести сектор обзора к этой местности, то можно узнать, есть ли по соседству бонобо.

Мелани колдовала над портативным компьютером, когда слева по ходу каноэ в ветвях вдруг что-то зашевелилось. Секундой позже глубже в лесу послышался треск ломаемых веток.

Кэндис, прижав руку к груди, воскликнула:

– Уфф! Что, черт возьми, это было?

– Наверное, еще один дукер пробежал, – сказал Кевин. – Даже на островках вроде этого маленьких антилоп довольно много.

Мелани вновь занялась локатором. И вскоре сообщила, что никаких бонобо вокруг нет.

– Разумеется, нет, – спокойно рассудил Кевин. – Уж слишком все было бы просто.

Минут через двадцать Кэндис доложила, что видит прямо по ходу солнечный свет, пробивающийся через переплетения веток, лиан и листьев.

– Должно быть, там озеро, – решил Кевин.

Еще несколько сильных гребков – и каноэ выскользнуло на открытый простор Лаго-Гиппо. Путешественники зажмурились от слепящего солнечного света и лихорадочно принялись отыскивать темные очки.

Озерцо было невелико. В общем-то оно больше походило на вытянутый пруд с несколькими буйно заросшими островками, на которых жили многочисленные стаи белых ибисов. По берегам озерца рос редкий тростник. Там и сям на поверхности воды среди широких зеленых листьев виднелись нежные белые лилии. Другие островки, из плавающих растений, настолько плотные, что по ним свободно бегали маленькие птички, лениво двигались, вращаясь, подгоняемые легкими дуновениями ветра.

Стена лесов осталась позади, уступив место широким, поросшим травой полянам, раскинувшимся по берегам озера. На некоторых полянах площадью не меньше акра^[20] кучками торчали пальмовые деревья. Слева, над верхним краем джунглей, на фоне подернутого дымкой утреннего неба четко вырисовывалась верхушка известняковой гряды.

– В общем, тут довольно красиво, – сказала Мелани.

– Напоминает картинки доисторических времен, – подхватил Кевин. – Так и кажется, что где-то там, вдали, пасется парочка бронтозавров.

– Боже, – тревожно ойкнула Кэндис, – а я вот ясно вижу бегемотов. Вон они, слева от нас. – И она указала веслом.

Взглянув туда, Кевин разглядел торчавшие из воды головы и маленькие уши больше десятка громадин-млекопитающих. У некоторых на головах стояли, чистя перышки, белые птицы.

– Они не опасны, – уверял Кевин Кэндис. – Видите, как от нас пятятся? От них бед ждать не приходится.

– Я никогда не была большой любительницей живой природы, – призналась Кэндис.

– Ни к чему оправдываться, – заметил Кевин. Он хорошо помнил, как пугала его эта самая живая природа в первый год жизни в Кого.

– Судя по карте, тут где-то неподалеку на левом берегу должна быть тропа, – известила Мелани, вглядываясь в карту.

– Если память меня не подводит, – сказал Кевин, – эта тропа идет вокруг восточной оконечности озера. А начинается она от моста.

– Точно, – подтвердила Мелани. – Сейчас она ближе всего к нам слева.

Кевин развернул каноэ носом к левому берегу и принялся высматривать проход в зарослях тростника. Увы, никакого прохода видно не было.

– Думаю, следует попытаться пробраться на веслах прямо через заросли, – предложил Кевин.

– Я из лодки точно не выйду, пока мы до сухой земли не доберемся, – предупредила Мелани.

Кевин, попросив Кэндис не грести, направил каноэ прямо на шестифутовые заросли тростника и сделал несколько мощных гребков. Ко всеобщему удивлению, лодочка легко прошла сквозь растения – только тростинки зашуршали по носу и бортам. И быстрее чем ожидалось ткнулась носом в твердый берег.

– Просто получилось, – сказал Кевин. Он оглянулся, чтобы взглянуть на проторенную ими дорожку, но тростник уже вновь выпрямился, встав стеной.

– Мне что, вылезать? – волновалась Кэндис. – Я даже земли не вижу. А если тут жуки всякие или змеи?

– Прибейте траву веслом, – посоветовал Кевин, – проложите себе дорожку.

Как только Кэндис выбралась из каноэ, Кевин, упираясь веслом в растения, сумел продвинуть нос лодочки еще дальше на берег. Мелани легко сошла на землю.

– А как быть с едой? – спросил Кевин, уходя с кормы.

– Оставим ее здесь, – ответила Мелани. – Захватите только сумку с маяком-указателем и фонарик. Локатор и карту я взяла.

Женщины подождали, пока Кевин выберется из каноэ, потом знаками показали: шагайте, мол, впереди нас. Закинув сумку с

приборами на плечо, он, раздвигая в стороны камышинки, направился в глубь острова. Болотистая почва была зыбкой, и чавкающая жижа быстро промочила ботинки. Впрочем, шагов через десять Кевин вышел на травянистую поляну.

– Выглядит как поляна, а на самом деле – трясина, – пожаловалась Мелани, взглянув на свои теннисные туфли. Те уже почернели от грязи и промокли насквозь. Кевин, сохраняя выдержку, углубился в карту, потом указал вправо:

– Передающий чип от бонобо номер шестьдесят не далее как в сотне футов отсюда в направлении вон того перелеска.

– Давайте покончим с этим, – буркнула Мелани. Увидев, во что превратились ее новые теннисные туфли, даже она стала сомневаться, стоило ли им сюда забираться. Африка! Тут ничего не давалось легко и просто.

Кевин решительно зашагал вперед, женщины – за ним следом. Поначалу идти было трудно из-за неровностей на дороге. Хотя трава и казалась всюду одинаковой, росла она небольшими комковатыми бугорками, окруженными грязной жижей. Но уже шагах в пятидесяти от озера идти стало легче: тропа пошла вверх по относительно сухой земле. Еще немного, и они вышли на тропу.

С удивлением путешественники обнаружили, что тропа довольно хорошо хожена. Вилась она вдоль берега озера.

– Зигфрид, должно быть, присылает сюда рабочих чаще, чем мы думали, – рассудила Мелани. – Тропа здорово утоптана.

– Вынужден согласиться с вами, – отозвался Кевин. – Полагаю, ее сохраняют для отловов. Джунгли в здешних краях очень густые, и зарастает все моментально. Нам повезло: их заботами и мы сумеем хорошенько все осмотреть. Помнится, эта дорожка ведет к известняковой скале.

– Если они выбирают сюда, чтобы приводить тропы в порядок, значит, есть доля правды в рассказах Зигфрида о рабочих, которые костры жгут, – сказала Мелани.

– Вот уж было бы прекрасно, правда? – заметил Кевин.

– Чую какую-то вонь, – подала голос Кэндис, втягивая воздух носом и принюхиваясь. – Воньца, прямо скажем, преотвратная.

Кевин с Мелани, робко принюхавшись, согласились с ней.

– Недобрый знак, – сказала Мелани.

Кевин кивнул и направился к перелеску. Несколько минут спустя все трое, зажав носы пальцами, с отвращением разглядывали останки того, что некогда было бонобо номер шестьдесят. Разлагающийся труп пожирали насекомые. Любители отведать падали покрупнее тоже успели приложиться.

Куда более отвратительным и страшным, чем состояние трупа, было свидетельство того, как погубило животное. Бедняге был нанесен удар меж глаз клинообразным куском камня, так что череп расколо пополам. Камень до сих пор торчал во лбу. Вывалившиеся наружу глазные яблоки мертво смотрели в разные стороны.

– Уых! – резко выдохнула Мелани. – Это как раз то, чего нам видеть не хотелось. Появилось основание полагать, что бонобо не просто разбились на две группы, а еще и убивают друг друга. Интересно, номер шестьдесят семь тоже мертв?

Кевин вышиб камень из рассеченной головы. Все трое уставились на орудие убийства.

– И этого нам тоже видеть не хотелось, – сказал Кевин.

– Что вы имеете в виду? – встрепенулась Кэндис.

– Камень заострен искусственно. – Носком ботинка Кевин указал на место вдоль кромки клина, где виднелись свежие затесы. – Появилось основание предполагать изготовление орудий труда.

– Боюсь, число косвенных доказательств множится, – проговорила Мелани.

– Пойдемте против ветра, – выдавил из себя Кевин. – А то меня стошнит. Вонь невыносимая!

Не успел он, однако, сделать и трех шагов, направляясь на восток, как кто-то схватил его за руку и рывком остановил. Кевин обернулся: рядом стояла Мелани и, призывая к молчанию, прижимала к губам указательный палец. Потом указала на юг.

Кевин перевел взгляд в ту сторону, и у него дыхание перехватило. Ярдах в пятидесяти от них, среди деревьев, в глубокой тени перелеска стоял бонобо! Стоял прямо, вытянувшись в струнку, совершенно неподвижно, будто гвардеец в почетном карауле. Похоже, он глаз не спускал с Кевина и его спутниц точно так же, как те с него глаз не сводили.

Размеры обезьяны поразили Кевина. Рост животного превышал пять футов. Похоже, имелись у него и избытки веса. Учитывая

необычайно развитый мускулистый торс, Кевин прикинул, что бонобо весил от ста двадцати пяти до ста пятидесяти фунтов.

– А он выше тех бонобо, которых привозили к нам в хирургию для пересадок, – сказала Кэндис. – Так, во всяком случае, мне кажется. Впрочем, бонобо, предназначенных для пересадок, уже лекарствами успокаивали и к каталкам накрепко привязывали, прежде чем они до меня добирались.

– Ш-ш-ш, – предостерегла Мелани. – Не надо его пугать. Может, это наш единственный шанс увидеть бонобо.

Осторожно, не делая резких движений, Кевин снял с плеча сумку и достал маяк-указатель. Включил его на поиск. Тот тихо прерывисто запищал, а когда Кевин навел прибор на бонобо, то писк сделался непрерывным и однотонным. Кевин взглянул на маленький экранчик... и рот открыл от изумления.

– В чем дело? – шепнула Мелани, заметив, как изменилось у Кевина выражение лица.

– Это номер один! – шепнул в ответ Кевин. – Мой двойник.

– Вот это да! – сдавленно выговорила Мелани. – Завидки берут. Мне на своего тоже хотелось бы взглянуть.

– Жаль, видно плоховато, – посетовала Кэндис. – Хватит нам смелости попробовать подобраться поближе?

Два момента ошарашили Кевина. Во-первых, совпадение: первый же живой бонобо, с каким они столкнулись, оказался его двойником. А во-вторых, если он, сам того не желая, все же создал расу пещерных людей, то, стало быть, в каком-то метаморфическом смысле встретился... с самим собой, каким был шесть миллионов лет назад.

– Это уже чересчур, – не сдержавшись, вслух прошептал Кевин.

– Что вы там шепчете? – спросила Мелани.

– В каком-то смысле это ведь я там стою, – ответил Кевин.

– Но-но! Не надо рваться к финишу, пока старт не дали, – осадила его Мелани.

– А точно: он стоит как человек, – заметила Кэндис. – Только ужас какой волосатый, мне такой среди людей ни разу не попадался.

– Очень смешно, – проговорила Мелани, даже не улыбнувшись.

– Мелани, наладьте локатор на осмотр местности, – попросил Кевин. – Бонобо обычно путешествуют вместе. Может быть, их больше вокруг, просто мы их не видим. Могли в кустах попрятаться.

Мелани настроила прибор.

– Глазам не верю, до чего же он неподвижный, – сказала Кэндис.

– Возможно, от страха окаменел, – предположил Кевин. – Я уверен, что он никак не может понять, кто мы такие. Или, если Мелани была права насчет того, что тут у них самок не хватает, он, возможно, остолбенел, увидев вас двоих.

– И это я тоже вовсе не нахожу смешным, – сердито бросила Мелани, не отрывая глаз от клавиатуры локатора.

– Извините, – склонил голову Кевин.

– А что это у него на поясе? – спросила Кэндис.

– Меня это тоже очень интересует, – ответил Кевин. – Понять не могу. Если только не лиана какая-нибудь зацепилась, когда он сквозь чашу пробирался.

– Взгляните-ка сюда, – взволнованно позвала Мелани. Она повернула прибор так, чтобы другим тоже было видно. – Кевин, вы были правы. В перелеске позади вашего двойника полно бонобо.

– А этот что ж, сам по себе вперед вылез? – удивилась Кэндис.

– Может быть, он что-то вроде самца-предводителя, как в сообществе шимпанзе, – предположила Мелани. – Поскольку самок у них очень немного, есть смысл предположить, что бонобо повели себя, больше уподобляясь шимпанзе. Если так, то он, наверное, убеждает всех в своей смелости.

Прошло несколько минут. Бонобо не шевельнулся.

– Ну, прямо танцы на почтительном расстоянии, – сетовала Кэндис. – Пойдемте! Надо выяснить, насколько близко нас подпустят. Что мы теряем? Даже если они бросятся наутек, то, я бы сказала, этот маленький эпизод внушает уверенность, что мы их еще увидим.

– Хорошо, – решился Кевин. – Только, пожалуйста, ни одного резкого движения. Мне не хочется его пугать. Это лишило бы нас всех шансов увидеть других.

– Вы, молодцы, идете первыми, – предупредила Кэндис.

Все трое осторожно, шаг за шагом двигались вперед. Кевин шагал впереди, сразу за ним – Мелани. Кэндис держалась сзади. Пройдя половину расстояния, отделявшего их от бонобо, люди остановились. Теперь они видели животное гораздо лучше. У него выдавались вперед надбровья, и лоб был скошен, как у шимпанзе, зато нижняя часть морды выдавалась вперед значительно меньше, чем даже у обычного

бонобо. Нос у обезьяны был плоским, ноздри – расширенными. Уши меньше, чем у шимпанзе и у бонобо, к тому же прижаты к голове.

– Ну-с, коллеги, вы как, думаете о том же, о чем и я? – шепнула Мелани.

Кэндис кивнула:

– Он напоминает мне картинки, какие я видела в третьем классе. На них самые первые пещерные люди изображались.

– Охо-хо, вы руки его видите? – шепнул Кевин.

– Кажется, – тихо выговорила Кэндис. – А что в них не так?

– Да большой палец! – зашипел Кевин. – Он не как у шимпанзе. У этого большой палец отстоит от ладони.

– Вы правы, – шепнула Мелани. – И это значит, что он способен действовать всеми пальцами и в кулак их сжимать.

– Боже правый! Косвенные свидетельства сыплются как из рога изобилия, – шептал Кевин. – Полагаю, если гены развития, отвечающие за анатомические изменения, необходимые для хождения на двух ногах, расположены на коротком отростке хромосомы-шесть, то совершенно возможно, что там же находятся и гены, отвечающие за противоположный большой палец.

– А на поясе у него лиана, – заметила Кэндис. – Теперь я это четко вижу.

– Давайте попробуем подобраться поближе, – предложила Мелани.

– Не знаю, – засомневался Кевин. – По-моему, мы дразним удачу. Откровенно говоря, меня удивляет то, что он еще не удрал. По-моему, нам лучше сесть прямо здесь.

– Здесь, на поляне, на солнце жарче, – возразила Мелани. – А еще нет девяти часов, так что меняться будет только к худшему. Коль скоро речь идет о том, чтобы засесть и понаблюдать, я за то, чтобы сесть в тени. А еще мне бы хотелось притащить сюда наш короб с едой.

– Согласна, – поддакнула Кэндис.

– Разумеется, вы согласны, – передразнил ее Кевин. – Я бы удивился, если бы было иначе. – Ему порядком поднадоело выслушивать предложения Мелани, только чтобы тут же услышать, как их восторженно поддерживает Кэндис. Однажды это уже навлекло на него беду.

Кэндис обиделась:

– Не очень-то вы любезны.

– Прошу прощения, – сказал Кевин. Он вовсе не хотел ее обижать.

– Ладно, я иду ближе, – объявила Мелани. – Джейн Гудалл подходила вплотную к своим шимпанзе.

– Правда, – кивнул Кевин и тут же заметил: – Только после месяцев и месяцев привыкания.

– И все же я попытаюсь, – стояла на своем Мелани.

Кевин с Кэндис позволили Мелани отойти на десять шагов, потом переглянулись, пожали плечами и двинулись за ней следом.

– Могли бы и не делать этого из-за меня, – прошептала Мелани.

– В общем-то я хочу подойти поближе, чтобы рассмотреть, меняется ли у моего двойника выражение лица, – зашептал Кевин. – А еще я хочу заглянуть ему в глаза.

Не произнося больше ни слова, двигаясь медленно и осмотрительно, они смогли подобраться к бонобо на двадцать футов. И снова остановились.

– Невероятно, – шептала Мелани, не сводя глаз с обезьяны. Единственными признаками того, что бонобо жив, служили редкое моргание, движение глаз, раздувание ноздрей при дыхании.

– Только посмотрите на его грудь, – восхитилась Кэндис, – такое впечатление, что он большую часть жизни провел в спортзале.

– Откуда у него вон тот шрам, как думаете? – спросила Мелани.

Левую сторону лица бонобо пересекал толстый шрам, доходивший почти до самого рта.

Кевин, подавшись вперед, уставился в глаза животного. Они были карие, такие же, как у него самого. Солнце светило бонобо в лицо, отчего зрачки его сузились до размеров булавочной головки. Кевин силился отыскать приметы разума, но определить что-либо было трудно.

Без малейшего намека или приготовления бонобо вдруг хлопнул в ладоши с такой силой, что эхо задрожало среди сотканных из листьев крон. И тут же издал клич: «Ата!»

Кевин, Мелани, Кэндис от испуга аж подскочили. С самого начала их беспокоило только то, как бы обезьяна не удрала в любую секунду, им даже в голову не приходило, что бонобо может повести себя агрессивно. Дикий хлопок в ладони и вопль повергли их в страх,

заставили панически опасаться, что животное вот-вот бросится на них. Но бонобо не бросился. Он вновь впал в окаменелое состояние.

После минутного замешательства людям удалось восстановить подобие былого самообладания. Они нервно поглядывали на бонобо.

– Что это все значило? – спросила Мелани.

– По-моему, он вовсе не испугался нас, как мы о том думали, – высказалась Кэндис. – Может, нам попросту смыться отсюда надо?

– Согласен, – нервно бросил Кевин. – Только двигаемся медленно. Никакой паники. – Следуя собственному совету, он сделал несколько осторожных шагов назад и подал женщинам знак последовать его примеру.

В ответ бонобо вытащил из-за спины какое-то орудие, привязанное к лиане, опоясывавшей его талию. Взметнув орудие над головой, он вновь прокричал: «Ата!».

– Что может означать «ата»? – захныкала Мелани через несколько секунд, когда ничего не произошло. – Это может быть словом? Он что, может говорить?

– Ни малейшего понятия, – зашипел Кевин. – Но по крайней мере на нас он не бросился.

– А что у него в руке? – боязливо спросила Кэндис. – Похоже на молоток.

– Он самый, – выговорил Кевин. – Обыкновенный плотницкий молоток-гвоздодер. Должно быть, из инструментов, что бонобо стащили, когда строился мост.

– Только посмотрите, как он его ухватил. Точно так же, как это сделали бы вы или я, – сказала Мелани. – Никаких сомнений: большой палец у него противолежащий.

– Убираться отсюда надо, вот что! – едва не кричала Кэндис. – Вы оба обещали мне, что эти обезьяны – твари смирные. А что в этом малом смирного? Да ничего!

– Не бежать! – предупредил Кевин, не отрывая взгляда от глаз бонобо.

– Если хотите, можете оставаться, – решительно заявила Кэндис, – лично я возвращаюсь обратно к лодке.

– Мы все пойдем, только без суеты, – сказал Кевин.

Несмотря на предупреждение, Кэндис резко повернулась на каблуках и бросилась бежать. Но, едва сделав несколько шагов,

застыла как вкопанная и завизжала.

Кевин и Мелани обернулись на крик. Оба замерли не дыша, увидев, что так напугало Кэндис: еще десятка два бонобо молча вышли из соседнего леса и выстроились дугой, надежно перекрыв пути отхода от перелеска.

Кэндис стала медленно пятиться назад, пока не уперлась в Мелани.

Целую минуту никто не говорил и не двигался, даже бонобо. Затем бонобо номер первый вновь издал свой клич: «Ата!» И тут же животные стали брать людей в плотное кольцо.

Кэндис ахала и ойкала, пока она, Кевин и Мелани, плотно вжимаясь спинами друг в друга, не образовывали нерасторжимый треугольник. Кольцо обезьян вокруг них стало сужаться. Шаг за шагом бонобо подходили ближе. Люди уже отчетливо чувствовали их запах. Запах сильный и дикий. Лица животных ничего не выражали, но были полны решимости. Глаза их сверкали.

Животные перестали наступать, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от трех друзей. Обезьяны внимательно, с головы до ног, рассматривали людей. Некоторые из них держали каменные клинья, похожие на тот, каким был убит бонобо номер шестьдесят.

Кевин, Мелани и Кэндис стояли не шелохнувшись. Страх сковал их. Все обезьяны выглядели столь же мощными, как и бонобо номер один.

Кстати, он-то как раз оставался вне тесного кольца. Двойник Кевина все еще сжимал в руке молоток, хотя больше и не вздымал его над головой. Приблизившись, он обошел всю группу кругом, внимательно вглядываясь в людей поверх голов своих соплеменников. Затем издал череду звуков, сопровождая их движениями руки.

Несколько самцов ответили ему. Потом один из них протянул руку к Кэндис. Та застонала.

– Не двигайтесь, – сумел выговорить Кевин. – Полагаю, то, что они не причинили нам вреда, – добрый знак.

Обезьянья лапа легко коснулась светлых волос Кэндис, погладила их, девушка, застыв, с трудом сделала глотательное движение. Самец, казалось, был очарован их золотистым цветом. Кэндис понадобилась вся выдержка, чтобы не завизжать и не уклониться от лапы животного.

Еще один самец принялся лопотать и махать рукой. Потом указал на свой бок. Кевин разглядел там длинный заживающий хирургический шрам и в ужасе выговорил:

– Это тот, у которого почку взяли для дельца из Далласа. Смотрите, как он тычет в нас пальцем. Полагаю, связывает нас с отловом.

– До добра это не доведет, – прошептала Мелани.

Еще один самец, потянувшись, осторожно тронул почти безволосую руку Кевина. Потом потрогал маяк-указатель, который Кевин держал в руке. Кевин удивился, когда понял, что обезьяна не собирается отнимать прибор.

Стоявший напротив Мелани бонобо вытянул руку и прихватил ткань ее блузки указательным и большим пальцами, словно пробовал фактуру материи на ощупь. Потом он легко дотронулся кончиком указательного пальца до локатора.

– Похоже, мы для них загадка, – неуверенно выговорил Кевин. – Они на удивление почтительны. Не думаю, что они намерены причинить нам вред. Возможно, считают нас божествами.

– Как бы нам утвердить их в этом заблуждении? – спросила Мелани.

– Попробую подарить им что-нибудь. – Сказав это, Кевин принялся мысленно оценивать имевшиеся при нем вещицы и сразу же остановил выбор на наручных часах. Делая все медленно и плавно, он упрятал маяк-указатель под мышку и стянул с руки часы. Держа их за браслет, протянул стоявшему напротив него бонобо.

Обезьяна склонила голову набок, разглядывая часы, потом протянула к ним руку. Но не успела взять их, как бонобо номер один произнес: «От». Взявшая часы обезьяна, едва слышав повелительный окрик, сразу же отдала их. Бонобо номер один покрутил, рассматривая, часы и натянул их на запястье.

– Бог мой! – едва не простонал Кевин. – Мой двойник носит мои часы. Кошмар какой-то!

Секунду-другую бонобо номер один, казалось, любовался часами. Потом соединил большой и указательный пальцы на обеих руках в кольцо и произнес: «Ранда».

Один из бонобо тут же сорвался с места и ненадолго исчез в лесу. Вернулся он с длинной веревкой в руках.

– Веревка? – встревожился Кевин. – Это еще зачем?

– Где они достали веревку? – спросила Мелани.

– Стянули, наверное, вместе с инструментами, – предположил Кевин.

– И что они собираются делать? – испуганно произнесла Кэндис.

Бонобо подошел прямо к Кевину и обвязал его по поясу веревкой. Со страхом и в то же время с восхищением взирал Кевин, как ловко обезьяна соорудила неказистый узел и туго затянула веревку на поясе у человека.

Кевин взглянул на женщин, предупредил:

– Не сопротивляйтесь. Полагаю, все будет нормально до тех пор, пока мы их не разозлим или не испугаем.

– Да не хочу я, чтобы меня связывали! – взвизгнула Кэндис.

– Все терпимо, пока нам не причиняют зла, – сказала Мелани, надеясь утихомирить подругу.

Тот же бонобо тем же манером обвязал Мелани, а потом и Кэндис. Закончив, он отступил в сторону, держа в руках длинный конец веревки.

– Они явно хотят, чтобы мы погостили у них немного, – пошутил Кевин, пытаясь разрядить обстановку.

– Не лезьте в бутылку, если ваша шутка меня не позабавит, – осадила его Мелани.

– По крайней мере они не мешают нам разговаривать, – заметил Кевин.

– Довольно странно, но, похоже, им это нравится, – добавила Мелани. Всякий раз, когда кто-то из людей говорил, ближайšie к ним бонобо склоняли головы набок, будто вслушивались.

Вдруг бонобо номер один, сжимая и разжимая пальцы, отбросил руки от груди и произнес: «Арак».

И сразу же весь отряд пришел в движение, в том числе и обезьяна, державшая веревку. Кевин, Мелани и Кэндис вынуждены были тоже пойти за всеми.

– Это движение руками: точно так же делал тот бонобо в операционной, – сказала Кэндис.

– Должно быть, оно означает «идти», или «вперед», или «прочь», – рассуждал Кевин. – Невероятно. Они говорят!

Выйдя из перелеска, отряд пошел через поляну, пока не набрел на тропу. И тут людей потащили вправо. В пути бонобо хранили молчание, но надзирали зорко.

– Подозреваю, что отнюдь не Зигфрид следит, чтобы тропы не зарастали, – сказала Мелани. – Думаю, это бонобо.

Тропа свернула к югу и вскоре привела в джунгли. Даже в лесу она была хорошо расчищена, почва мягко поддавалась под ногами.

– И куда это они нас повели? – испуганно спросила Кэндис.

– К пещерам, полагаю, – ответил Кевин.

– Смех да и только, – буркнула Мелани. – Нас выгуливают, как собачек на поводке. Если мы произвели на них такое сильное впечатление, может, стоит посопротивляться?

– Не думаю, – возразил Кевин. – Полагаю, нам следует сделать все от нас зависящее, чтобы не рассердить их.

– Кэндис, – обратилась к подруге Мелани, – а ты как думаешь?

– Мне до жути страшно и думать не тянет, – ответила та. – Я просто хочу обратно в каноэ.

Шедший впереди с концом веревки бонобо обернулся и сильно рванул. Трое людей от рывка едва удержались на ногах. Бонобо несколько раз взмахнул рукой, повернутой ладонью вниз, шепча при этом: «Хана».

– Боже мой! – воскликнула Мелани, снова крепко встав на ноги. – Очень сильный что ли, да?

– Как по-вашему, что он хочет сказать? – волновалась Кэндис.

– На мой взгляд, нам предложено помолчать, – сказал Кевин.

Внезапно отряд разом остановился. Бонобо молча подавали друг другу какие-то сигналы руками. Некоторые указывали на деревья справа от тропы. Небольшой отряд бонобо бесшумно скользнул в заросли. Оставшиеся образовали широкий круг, за исключением трех обезьян, которые взлетели прямо на лесной купол с легкостью, отвергавшей все представления о земном притяжении.

– Что происходит? – зашептала Кэндис.

– Что-то серьезное, – отозвался Кевин. – Их всех, похоже, что-то волнует.

Прошло несколько минут. Ни один из стоявших на земле бонобо не шевельнулся, не издал ни малейшего шума. Потом внезапно справа что-то забушевало, листва заходила ходуном, раздались пронзительные

вопли. И сразу же вершины деревьев ожили: перелетая с ветки на ветку, по ним как угорелые неслись макаки, двигаясь прямо на тех бонобо, что забрались на деревья.

Ополоумевшие от страха мартышки попытались свернуть в сторону, но в дикой спешке сорвались с веток и упали на землю. Не успели они вскочить на лапки, как их тут же настигли поджидавшие на земле бонобо и мигом прикончили каменными клиньями.

С ужасом взиравшая на это Кэндис, не выдержав, отвернулась.

– Я бы назвала это образчиком отлично организованной охоты, – шептала Мелани Кевину. – Для этого необходим высокий уровень взаимодействия. – Несмотря на обстоятельства, она не могла не поразиться мастерству бонобо.

– Не сыпьте соль на раны, – шепнул он ей в ответ. – Боюсь, присяжные уже заняли места, и приговор их суров. Мы на острове всего час, а загадка, что привела нас сюда, разгадана. Помимо коллективной охоты, мы убедились в наличии совершенно прямого положения при ходьбе, противолежащего большого пальца на руке, изготовления орудий труда и даже начатков речи. Нутром чую, они песни распевать могут, как вы и я.

– Потрясающе! – все так же шепотом восхитилась Мелани. – Эти твари перемахнули четыре или пять миллионов лет человеческой эволюции за какие-то жалкие годы, пока находились тут.

– Ой, замолчите! – зарыдала Кэндис. – Мы у этих зверей в плену, а вы научную дискуссию затеяли!

– Это больше нежели научная дискуссия, – уточнил Кевин. – Мы признаем, что совершена ужасная ошибка, и ответственность за нее лежит на мне. Действительность оказалась еще хуже, чем я опасался, когда увидел поднимающийся с острова дымок. Эти животные – пещерные люди.

– Часть вины поневоле лежит на мне, – заявила Мелани.

– Не согласен, – покачал головой Кевин. – Этих химер создал я и никто другой. Это я добавил им участки человеческой хромосомы. Вы тут ни при чем.

– А сейчас они что задумали? – вскрикнула Кэндис.

Обернувшись, Кевин с Мелани увидели, как к ним приближается бонобо номер один с окровавленной тушкой убитой мартышки. На запястье у него все так же красовались часы, что лишь еще больше

подчеркивало странное положение зверя между человеком и человекообразной обезьяной.

Бонобо номер один поднес мертвую макаку прямо к Кэндис и, протянув ее обеими руками, произнес: «Ста».

Кэндис, застонав, отвернула голову. У нее был вид, будто ее вот-вот стошнит.

– Он тебе ее преподносит, – пояснила Мелани. – Попробуй как-то ответить.

– Я не могу этого видеть, – хныкала Кэндис.

– Попробуй! – увещевала Мелани.

Кэндис нехотя повернула голову. Лицо ее выражало неприкрытое отвращение. Голова у мартышки была размозжена.

– Просто поклонись или как-нибудь еще, – подбодряла подругу Мелани.

Кэндис кисло улыбнулась и склонила голову.

Бонобо номер один отдал поклон и удалился.

– Невероятно! – воскликнула Мелани, глядя вслед уходящему животному. – Он же явно вожак-самец в этой компании, и все же, должно быть, в ней по-прежнему сохраняются пережитки типично матриархального сообщества бонобо.

– Кэндис, вы вели себя грандиозно, – сказал Кевин.

– Я едва жива, – отозвалась та.

– Так и знала, что мне нужно было заделаться блондинкой, – притворно вздохнула Мелани, сама пытаясь прибегнуть к шутке.

Бонобо, державший веревку, дернул ее: на сей раз совсем не так сильно, как прежде. Отряд снова двинулся по тропе, и Кевин, Мелани и Кэндис поплелись за ним.

– Не хочу больше никуда идти! – жалостливо зарыдала Кэндис.

– Возьми себя в руки, – убеждала ее Мелани. – Все будет хорошо. Я начинаю думать, что Кевин прав: они принимают нас за божеств, особенно тебя с твоими белокурыми волосами. Да пожелай они нас убить, тут же прикончили бы, вон как мартышек поубивали.

– А зачем они убили мартышек? – спросила Кэндис.

– Чтобы съесть, полагаю, – ответила Мелани. – Это несколько удивляет, ведь бонобо не плотоядные, хотя шимпанзе – бывают.

– Меня страх разобрал, как бы они не очеловечились вполне, чтобы убивать ради забавы, – сказала Кэндис.

Отряд миновал заболоченный участок леса и стал взбираться в гору. Спустя минут пятнадцать выбрались из лесных сумерек на каменистую, но густо поросшую травой местность у подножия известняковой гряды. Посреди скалистого склона темнел вход в пещеру, добраться до которого можно было только по ярусам исключительно крутых выступов. У края пещеры находилось еще больше десятка бонобо. В большинстве – самки. Они неустанно молотили ладонями по груди и при этом раз за разом повторяли вопль: «Бада».

Бонобо, шедшие вместе с Кевином, Мелани и Кэндис, проделали то же самое и вскинули вверх мертвых макак. Это вызвало у самок радостное уханье, которое напомнило Мелани, по ее словам, шимпанзе.

Затем отряд бонобо у подножия скалы расступился. Кевина, Мелани и Кэндис выпихнули вперед. При виде их самки наверху умолкли.

– Отчего у меня такое чувство, что самки не особенно рады нас видеть? – прошептала Мелани.

– Скорее, я бы сказал, они просто озадачены, – шепотом отвечивал Кевин. – Не ждали гостей, того меньше – гостей.

Наконец бонобо номер один произнес: «Зит», – и ткнул большим пальцем вверх. Отряд стал подниматься, таща за собой следом Кевина, Мелани и Кэндис.

Глава 18

7 марта 1997 г.

6.15

Нью-Йорк

У Джека, дрогнув, приоткрылись веки, и он тут же проснулся. Сел, потер воспаленные, будто песком сыпанули, глаза. Он никак не мог прийти в себя после прошлой бессонной ночи: вечером не ложился дольше, чем собирался, но уж очень здорово настроился на дело, чтобы вновь завалиться спать.

Встав с дивана, Джек завернулся в одеяло, спасаясь от утреннего холодка, и подошел к двери спальни. Секунду прислушивался. Убедившись, что Лори все еще крепко спит, распахнул дверь. Как он и ожидал, Лори, лежа на боку под горой одеял, сладко спала, глубоко и ровно дыша.

Тихо-тихо Джек на цыпочках пересек спальню, направляясь в ванную. Закрыв за собой дверь, он быстро побрился и принял душ. Выйдя из ванной, остался доволен, что не потревожил спящую Лори.

Достав из шкафа и комода одежду и свежее белье, Джек вышел в гостиную и оделся. Через несколько минут он уже окунулся в предрассветную мглу улицы. Было свежо и зябко, в воздухе, взметенные порывами ветра, кружились в танце снежинки.

На противоположной стороне улицы в патрульной машине двое полицейских в форме пили кофе и, включив лампочку в салоне, читали утренние газеты. Узнав Джека, они приветственно помахали ему. Джек махнул рукой в ответ. Лу держал слово.

Джек затрусил по улице к местному продуктовому магазину на Колумбус-авеню. Один из полицейских по долгу службы последовал за ним. Джек собрался было купить ему сладкий пончик, но, поразмыслив, от затеи отказался: не хотел, чтобы коп неверно воспринял это.

В квартиру он вернулся, прижимая обеими руками к груди пакет с соком, кофе, фруктами и свежими бубликами. Лори уже встала и мылась в душе. Джек пару раз стукнул в дверь, возвещая, что завтрак будет подан, как только она появится.

Через несколько минут Лори вышла из спальни, укутанная в Джеков халат. Волосы у нее влажно блестели. Отметины, оставленные накануне Анжело, уже не казались страшными. Только под глазом все еще лиловел небольшой синяк.

– Ну как, теперь, хорошенько выспавшись и подумав, ты еще не отказался от путешествия? – спросила Лори.

– Ни боже мой! – воскликнул Джек. – Запало в душу.

– И в самом деле собираешься оплатить каждому билет? Накладно выйдет.

– А на что еще мне деньги тратить? – Джек обвел взглядом квартиру. – Это все явно не по мне, а за велик я уже полностью расплатился.

– Нет, серьезно, – настаивала Лори. – Ну, я еще понимаю – Эстебан, но Уоррен с Натали?

Вчера вечером, когда Теодоре предложили поехать в Экваториальную Гвинею, она напомнила мужу, что кому-то из них надо остаться в Нью-Йорке, чтобы заниматься рынком и сыном-подростком. Решение, что едет Эстебан, а не Теодора, было принято после того, как бросили монетку.

– Я всерьез собрался устроить это позабавнее, – сообщил Джек. – Даже если мы ничего не узнаем, что не исключено, то по крайности хорошенько развеемся. Я по глазам Уоррена видел, как ему хочется побывать в той части Африки. А на обратном пути ночь-другую проведем в Париже.

– Меня убеждать не надо, – улыбнулась Лори. – Поначалу я была против того, чтобы ты ехал, а сейчас и сама загорелась.

– Осталось только Бинэма уговорить, – сказал Джек.

– С этим, полагаю, проблем не будет, – уверила Лори. – Ни ты, ни я отпуск, когда полагалось, не брали. Да и Лу пообещал замолвить словечко, расписав, как нам угрожают. Ему хочется, чтобы мы убрались из города.

– Всю жизнь не верил бюрократам, – признался Джек. – Но постараюсь быть оптимистом. И, коль скоро мы едем, давай поделим обязанности. Я иду за билетами, а тем временем ты, Уоррен и Натали берете на себя заботы о визах. Потом надо организовать прививки и начать колотиться от малярии. По-хорошему, на иммунизацию нужно бы

побольше времени, но попробуем выжать все, что можно, из того, что имеем, и запасемся всякими пшикалками и мазями от насекомых.

– Придуманно здраво, – кивнула Лори.

Лори была рядом, а потому свой любимый горный велосипед Джек оставил дома. Вместе они доехали на такси до судмедэкспертизы. Когда же вошли в регистраторскую, Винни, опустив газету, уставился на них так, будто увидел Привидения.

– А вы чего тут делаете? – спросил он дрогнувшим голосом. И кашлянул, прочищая горло.

– Что еще за вопрос? – с ноткой брезгливости воскликнул Джек. – Мы тут работаем, Винни. Не забыл?

– Просто думал, что вы на выезде. – Винни торопливо отхлебнул кофе из кружки, прежде чем снова откашляться.

Джек и Лори подошли к кофеварке.

– У него последние пару дней какое-то странное настроение, – шепнул Джек.

Лори бросила через плечо взгляд на Винни. Тот снова укрылся за газетой.

– Странно он как-то среагировал, – задумалась она. – А вчера, я заметила, он нервничал, если я рядом.

Взгляды Джека и Лори встретились. Секунду-другую они пристально смотрели друг на друга.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросила Лори.

– Наверное, – кивнул Джек. – Вариант допустимый. Доступ-то у него точно был.

– Полагаю, надо уведомить Лу, – сказала Лори. – Мне претит сама мысль, что это может оказаться Винни, но непременно следует выяснить, кто тут у нас разглашает сведения, не подлежащие огласке.

На радость Лори, неделя ее ответственного дежурства закончилась, настал черед Пола Плодгетта. Пол уже сидел за столом и сортировал дела, поступившие минувшей ночью. Лори с Джеком предупредили его, что берут отпуск и хотят на сегодня избавиться от вскрытий, если только их не окажется в избытке. Пол уверил, что груз дел легок.

Искушенная в политике побольше Джека, Лори предложила до разговора с Бинэмом сообщить о своих отпускных планах Кэлвину.

Джек почтительно внял ее мудрому совету. Кэлвин в ответ на их просьбу лишь задорно буркнул, мол, могли бы и пораньше уведомить.

Как только прибыл Бинэм, Лори с Джеком поспешили к нему в кабинет. Главврач с любопытством воззрился на них поверх очков. В руке он сжимал утреннюю почту, которую начал просматривать.

– Вы просите две недели начиная с сегодняшнего дня? – переспросил он, словно не мог поверить услышанному. – Отчего такая спешка? Случилось что-то из ряда вон?

– Мы отправляемся в рискованное путешествие, – ответил Джек. – И хотели бы уехать сегодня вечером.

Слезящиеся глаза Бинэма пришли в движение: взгляд их заметался с лица Лори на лицо Джека и обратно.

– Вы, часом, не пожениться собрались?

– Ну, риск не столь велик, – улыбнулся Джек.

Лори насмешливо фыркнула, потом сказала:

– Просим прощения, что не предупредили пораньше. Причина спешки та, что вчера ночью нам обоим угрожали из-за дела Франкони.

– Угрожали? – вскинулся Бинэм. – И это связано с фингалом у вас под глазом?

– Боюсь, что да, – ответила Лори. Она постаралась укрыть синяк под слоем косметики, но удалось это лишь частично.

– Кто же стоит за угрозами? – поинтересовался Бинэм.

– Один из нью-йоркских преступных кланов, – сообщила Лори. – Лейтенант Луи Солдано готов посвятить вас в детали, еще он хочет поговорить с вами о том, что, возможно, в управлении судмедэкспертизы действует «крот», подкупленный тем же преступным кланом. Кажется, мы выяснили, каким образом тело Франкони было вывезено отсюда.

– Слушаю вас, – произнес Бинэм, откладывая почту в сторону и откидываясь на спинку кресла.

Лори рассказала, что и как произошло, подчеркнув, что кто-то сообщил похоронной конторе «Сполетто» инвентарный номер неопознанного тела.

– Считает ли следователь Солдано, что вам обоим следует скрыться из города? – спросил Бинэм.

– Да, он так считает, – подтвердила Лори.

– Превосходно. Тогда проваливайтесь отсюда. Мне самому позвонить Солдано или он позвонит мне?

– Насколько мы понимаем, он намерен позвонить вам, – сказала Лори.

– Отлично. – С этими словами Бинэм пристально посмотрел на Джека: – А что нового по поводу печени?

– Пока все висит в воздухе. Жду, когда сделают кое-какие анализы.

Бинэм, кивнув, заметил:

– Это дело хуже любой занозы в заднице. Предупредите, чтобы меня ставили в известность обо всех новостях, пока вас не будет. Я больше не желаю никаких неожиданностей. – Главврач обратил взгляд на стол и взялся за почту. – Желаю вам хорошего путешествия. Да, пришлите мне открытку.

Лори с Джеком, выйдя в коридор, обменялись улыбками.

– Что ж, похоже, все хорошо, – сказал Джек. – Бинэм значился главной из возможных препон.

– Я вот подумала: может, следовало сказать ему, что мы в Африку едем как раз по поводу печени? – спросила Лори.

– Не уверен, – ответил Джек. – Он мог передумать и не отпустить нас. Для него самого лучше, если бы это дело вообще пропало.

Разойдясь по своим кабинетам, оба взялись за подготовку. Лори связалась с экваторгвинейским посольством, справляясь о визах, а Джек принялся названивать в авиакомпанию. Она быстро убедилась в правоте слов Эстебана: визы оказалось получить очень легко, их обещали оформить уже утром. Джек выяснил, что «Эр Франс» с радостью возьмет на себя все хлопоты, и согласился забежать к ним в контору попозже, чтобы забрать билеты.

Лори заглянула к Джеку в кабинет. Она просто сияла.

– Я начинаю думать, что мы в самом деле отправимся в путь, – взволнованно произнесла она. – А как у тебя?

– Прекрасно. Мы улетаем сегодня вечером в семь пятьдесят.

– Просто не верится! – коротко рассмеялась Лори. – Чувствую себя девочкой-подростком, отправляющейся в свое первое путешествие.

Условившись о времени с бюро путешествий и прививочным пунктом в манхэттенской больнице, они позвонили Уоррену. Тот

пообещал связаться с Натали и подъехать вместе с ней в больницу.

Сестра в прививочном пункте всадила каждому множество уколов и щедро наделила рецептами противомалерийных медикаментов. Еще она убеждала их выждать ровно неделю, прежде чем предстать перед бациллоносителями. Джек объяснил, что это невозможно. Ответ сестры обнадеживал: как хорошо, что едут они, а не она.

В коридоре бюро путешествий Уоррен спросил Джека, что, собственно, имела в виду спец по прививкам.

– Уколы начинают действовать через неделю, – разъяснил Джек. – За исключением гамма-глобулина.

– Мы, стало быть, рискуем? – пришел к выводу Уоррен.

– Жизнь – это риск, – парировал Джек. – Если всерьез, то кое-какой риск есть, но с каждым днем наши иммунные системы будут держать оборону все надежнее и надежнее. Главная опасность – малярия, но я решил прихватить с собой побольше средств от насекомых.

– Значит, ты не дрейфишь?

– Ну, не настолько, чтобы остаться дома.

После больницы все отправились в моментальную фотографию и сфотографировались на паспорта, а потом Лори, Уоррен и Натали отправились со снимками в экваториальное посольство.

Джек, поймав такси, помчался в университетскую клинику. А там поспешил прямо в лабораторию доктора Питера Мэйловара. Как всегда, он застал пожилого патолога склонившимся над микроскопом. Джек почтительно выждал, пока профессор завершит осмотр очередного среза.

– А-а-а, доктор Стэплтон! – воскликнул Мэйловар, увидев Джека. – Рад, что вы пришли. Ну-с, где тут ваш срез?

Лаборатория доктора Мэйловара представляла собой пыльное скопище книг, журналов и сотен поддонов со срезами. Все мусорные корзины вечно были забиты до отказа. Профессор стойко отбивал любые посягательства устроить уборку у себя на рабочем месте, дабы никто не смог нарушить сотворенный им беспорядок.

С поразительной быстротой профессор отыскал Джеков срез, лежавший на учебнике по ветеринарной патологии. Ухватил его чуткими пальцами и сунул под окуляр микроскопа.

– Предложение доктора Осгуда показать образец доктору Хаммерсмиту попало в самую точку, – говорил доктор Мэйловар, настраивая фокус. Получив четкое изображение, он откинулся на стуле, взял со стола учебник и открыл его на странице, заложенной пустой рамкой для среза. Потом вручил книгу Джеку.

Тот взглянул на указанную доктором Мэйловаром страницу. В глаза бросилась микрофотография среза печени. А на ней – гранулема, похожая на ту, что была обнаружена на Джековом срезе.

– Один в один, – констатировал доктор Мэйловар. И кивком головы предложил Джеку сравнить фото с изображением в микроскопе.

Джек приник к окулярам и хорошенько всмотрелся в срез. Действительно: изображения выглядели одинаковыми.

– Смею вас уверить, из всех принесенных вами образцов этот – один из самых занимательных, – сказал доктор Мэйловар, откинув упавший на глаза буйный седой клочок волос. – В учебнике вы прочтете, что вызывающий болезнь организм называется гепатоцистит.

Джек оторвался от микроскопа и перевел взгляд обратно на книгу. Про гепатоцистит он никогда не слышал, а потому спросил:

– Редкий зверь?

– В нью-йоркском морге я бы сказал: очень, – ответил доктор Мэйловар. – Очень редкий! Обнаруживается только у приматов. Более того, только у приматов Старого Света, то есть у человекообразных обезьян, обитающих в Африке и Юго-Восточной Азии. В Новом Свете зверь этот не встречался никогда и никогда – у людей.

– Никогда? – переспросил Джек.

– Ну, скажем так, – пояснил доктор Мэйловар, – лично я никогда его не видел, а на своем веку повидал печеночных паразитов изрядно. Доктору Осгуду, что существеннее, сей зверь тоже ни разу не попадался, а он повидал печеночных паразитов побольше моего. Учитывая наш с ним объединенный опыт, я и заявляю, что гепатоцистита у людей не бывает. Разумеется, в областях эндемичных, возможно, дело обстоит по-иному, но даже там он должен быть редким гостем. Иначе мы непременно столкнулись с ним хотя бы раз-другой.

– Я признателен вам за помощь, – произнес Джек, не пытаясь скрыть растерянность. Он уже боролся с выводами, к каким подталкивали только что полученные поразительные сведения. Теперь

куда больше оснований говорить, что у Франкони был ксенотрансплантат, чем просто ссылаясь на факт, что гангстер наведывался в Африку.

– Этот случай было бы интересно обсудить на наших великих сборищах, – заметил доктор Мэйловар. – Если пожелаете сделать сообщение, дайте мне знать.

– Конечно, – уклончиво выразился Джек. У него голова шла кругом.

Джек вышел от профессора, спустился в лифте до первого этажа и поспешил в управление судмедэкспертизы. Обнаруженный на печеночном срезе паразит примата Старого Света – весьма красноречивое доказательство. Впрочем, были еще и сбивающие с толку результаты анализов ДНК, проведенные Тедом Линчем. И плюс ко всему полное отсутствие воспаления в печени, при том что никакие иммуносапрессанты не применялись. Ясно одно: все это, вместе взятое, не имеет никакого смысла.

Вернувшись в морг, Джек направился напрямиком в лабораторию ДНК, намереваясь хорошенько расспросить Теда: вдруг тот, отвечая его ожиданиям, как-то объяснит, что происходит. Беда, считал Джек, в том, что сам он, слабо разбираясь в науке о ДНК, никаких собственных идей предложить не мог. Изменения в генной сфере происходили слишком быстро.

– Господи, Стэплтон, где вас черти носят! – вскричал Тед, едва завидев Джека. – Я уже целый свет обзвонил, а вас никто не видел.

– Я уезжал, – оправдывался Джек. В какой-то момент ему захотелось рассказать обо всем, но он передумал. Слишком много всего случилось за минувшие двенадцать часов.

– Садитесь! – потребовал Тед.

Джек сел.

Тед, пошарив по столу, нашел наконец кусок проявленной пленки, покрытой сотнями мельчайших темных полосок. И вручил его Джеку.

– Тед, – взмолился Джек, – за что вы со мной так? Отлично же знаете, что я в этих штучках ни бельмеса не смыслю!

Тед, не обращая на Джека внимания, продолжал поиски еще одного такого же куска пленки. Нашел его под проектом сметы лаборатории, над которой корпел, и тоже вручил Джеку.

– Посмотрите их на свет, – посоветовал Тед.

Джек сделал, как ему велели. Взглянул на два куска пленки: даже ему было ясно, что они разные.

Тед указал на первую пленку:

– Это исследование участка ДНК, содержащего коды рибосомных белков человеческого существа. Я выбрал образец наудачу, просто чтобы показать вам, как это выглядит.

– Роскошный вид, – усмехнулся Джек.

– Приберегите сарказм для других случаев, – осадил его Тед.

– Попытаюсь.

– А вот вторая пленка. Это исследование образца печени Франкони, – показал Тед. – Тот же самый участок, использующий те же самые ферменты, что и в первом исследовании. Видите, насколько они различаются?

– Это единственное, что я вижу.

Тед выхватил пленку с исследованием человеческой ДНК и отбросил ее в сторону. Потом указал на пленку, которую Джек держал в руке:

– Я вчера говорил вам, что такая информация есть на компьютерном диске, так что я дал команду компьютеру отыскать картинку, подходящую к образцу. Машина выдала ответ: наибольшая совместимость с шимпанзе.

– Не точно шимпанзе? – спросил Джек. Похоже, в этом деле не было ничего точного.

– Нет, но близко, – ответил Тед. – Что-то вроде кузена шимпанзе. Нечто в этом роде.

– А у шимпанзе есть кузены?

– Вы меня достали! – едва не зарычал Тед, передернув плечами. – А я-то до смерти хотел порадовать вас своими находками! Признайтесь, они весьма поразительны.

– Итак, с вашей точки зрения, имел место ксенотрансплантат? – подытожил Джек.

Тед снова дернул плечом:

– Заставь вы меня погадать, я бы ответил: да. Но, принимая во внимание результаты анализа по Ди-кью-альфа, уж и не знаю, что сказать. К тому же я сам решил проверить на ДНК по группам крови АВО. Пока все в точности соответствовало данным Ди-кью-альфа. По-

моему, это полностью совпадает с данными Франкони и только еще больше все путает. Странный случай.

– Вы мне об этом говорите! – воскликнул Джек. И тут же рассказал Теду, что обнаружен паразит примата Старого Света.

На лице Теда появилось выражение полного смятения.

– Остается радоваться, что дело это попало к вам, а не ко мне, – выговорил он.

Джек положил кусок пленки на стол Теда и сказал:

– Если повезет, то через несколько дней кое-какие ответы я отыщу. Сегодня вечером я отправляюсь в Африку погостить в той самой стране, куда навевался Франкони.

– Вас контора посылает? – удивился Тед.

– Ни в коем разе, – отмахнулся Джек. – Лечу на свои. Впрочем, это не совсем так. То есть плачу я, но Лори тоже едет.

– Бог мой, какой же вы основательный! – не то шутя, не то серьезно заметил Тед.

– Точнее сказать: упрямый, – поправил Джек.

Он поднялся: пора было уходить. Уже в дверях Тед окликнул его:

– Я получил результаты по митохондриальной ДНК. Есть совпадение с Франкони, так что по крайней мере личность вами была установлена верно.

– Наконец хоть что-то определенное, – сказал Джек.

Он уже вновь повернулся к двери, когда Тед еще раз окликнул его:

– У меня появилась сумасшедшая идея. Объяснить полученные результаты, на мой взгляд, могло бы только наличие печени-трансгеника.

– Это что еще за чертовщина? – изумился Джек.

– Это значит, что печень содержит ДНК от двух разных организмов, – пояснил Тед.

– Хм-мм, – хмыкнул Джек. – Надо будет над этим подумать.

* * *

Кого, Экваториальная Гвинея

Бертрам посмотрел на часы. Четыре часа дня. Подняв глаза и глянув в окно, он увидел, что внезапный буйный шквал тропического

дождя, который всего пятнадцать минут назад погрузил во тьму все небо, уже улетучился. На смену ему пришел душный, пронизанный солнцем африканский день.

С внезапной решимостью Бертрам взял телефонную трубку и позвонил в центр размножения. Ответила дежурная сестра по имени Ширли Картрайт.

– Сделали гормональные инъекции двум новым самкам бонобо, предназначенным на приплод? – спросил Бертрам.

– Еще нет, – последовал ответ.

– По-моему, расписание предусматривает проведение инъекций в два часа, – повысил голос Бертрам.

– По расписанию так, – растерянно согласилась Ширли.

– Почему же задержка?

– Мисс Беккет еще не приехала, – неохотно пояснила дежурная. Меньше всего ей хотелось навлекать грозу на свою непосредственную начальницу, но выхода не было: солгать она не могла.

– А когда должна была? – спросил Бертрам.

– Вообще-то время не оговаривалось, – ответила Ширли. – Она предупредила дневную смену, что все утро будет занята у себя в лаборатории в клинике. Как я понимаю, заработалась.

– Она никому другому не поручала ввести гормоны, если сама не приедет к двум часам?

– Определенно – нет. Оттого я и жду ее с минуты на минуту.

– Если ее не будет еще полчаса, приступайте к делу и введите предписанные дозы, – распорядился Бертрам. – Справитесь?

– Никаких проблем, доктор, – уверила Ширли.

Бертрам нажал на рычаг и набрал номер лаборатории Мелани в клиническом комплексе. Персонал он знал плохо, а потому не понял, кто ответил на звонок. Зато ответившая Бертрама знала и поведала такое, что вызывало беспокойство. Мелани отсутствовала целый день, поскольку была занята в центре животных.

Бертрам повесил трубку и нервно забарабанил по корпусу телефона ногтем указательного пальца. Невзирая на уверения Зигфрида взять на себя заботу о возможных чудачествах Кевина и его, так сказать, подружек, Бертрам был настроен скептически. Мелани работник добросовестный. И уж, разумеется, пропустить назначенную инъекцию – никак на нее не похоже.

Судорожно схватив телефонную трубку, Бертрам попробовал связаться с Кевином, но его номер не отвечал.

Обуреваемый растущими подозрениями, Бертрам вышел из кабинета, предупредив секретаршу Марту, что вернется через час. Выйдя на улицу, забрался в свой «чероки» и отправился в город.

По дороге он все больше и больше утверждался в мысли, что Кевину с женщинами удалось пробраться на остров, и мысль эта злила его. Он истово клял себя за то, что позволил Зигфриду убаюкать себя ложным ощущением безопасности. В нем все глубже и глубже пускало корни предчувствие, что любопытство Кевина навлечет на них крупную беду.

У городской черты, там, где асфальт сменился брусчаткой, Бертраму пришлось резко притормозить. Погруженный в сомнения, он перестал обращать внимание на скорость. Мокрая от недавнего ливня, брусчатка сделалась скользкой, как лед, и машина юзом прошла несколько ярдов, прежде чем остановилась.

Поставив машину на стоянке у клиники, Бертрам поднялся на четвертый этаж и бухнул кулаком в дверь лаборатории Кевина. Ответа не последовало. Бертрам налег на дверь. Та оказалась заперта.

Вернувшись к машине, Бертрам сделал круг по городской площади и остановился за ратушей. Кивком приветствовал ленивую солдатню, прохлаждавшуюся в поломанных плетеных креслах в тени аркады.

Шагая через ступеньку, Бертрам взлетел вверх и, добравшись до Аурильо, заявил, что ему необходимо переговорить с Зигфридом.

– У него сейчас начальник службы безопасности, – уведомил Аурильо.

– Сообщите, что я здесь, – бросил Бертрам и принялся мерить шажками приемную. Раздражение поднималось в нем удушливой волной.

Спустя минуту из кабинета вышел Камерон Макиверс. Он поздоровался с Бертрамом, а тот, не обратив на шефа службы безопасности никакого внимания, промчался мимо, спеша к Зигфриду.

– У нас беда! – выпалил Бертрам с порога. – Сегодня днем Мелани Беккет не явилась на назначенную инъекцию, а Кевина Маршалла нет в лаборатории.

– Меня это не удивляет, – спокойно произнес Зигфрид. Откинувшись в кресле, он потянулся, подняв здоровую руку. – Их обоих видели рано поутру, вместе с медсестрой. Похоже, супружество на троих в полном цвету. Вчера они допоздна засиделись за ужином у Кевина в доме, где женщины и остались на ночь.

– Правда? – спросил Бертрам. Казалось невероятным, что занудаченый соорудил столь своеобразный любовный треугольник.

– Мне ли не знать, – произнес Зигфрид. – Я живу через лужайку от Кевина. Кроме того, чуть раньше я столкнулся с этими бабами в баре «У цыпочек». Они были уже тепленькие и сообщили мне, что направляются к Кевину в гости.

– А куда они сегодня утром пошли?

– В Акалайонг, полагаю. Кто-то из уборщиков видел, как они до рассвета отчалили на пироге.

– Значит, они оправились на остров по воде, – выпалил Бертрам.

– Их видели плывущими на запад, а не на восток, – сообщил Зигфрид.

– Могли схитрить, – настаивал Бертрам.

– Могли, – согласно кивнул Зигфрид. – И такую возможность я учел. Даже обсудил ее с Камероном. Однако мы оба сошлись на том, что единственный способ пробраться на остров по воде – это высадиться у площадки для кормления. Остальная часть острова окружена стеной мангровых лесов и зарослями тростника.

Бертрам поднял голову, и глаза его уставились на громадные головы бегемотов, торчавшие на стене позади Зигфрида. Эти безмозглые чучела напомнили ветеринару управляющего зоной, и все же Бертрам вынужден был признать, что в данном случае собеседник говорит дело. Еще тогда, когда остров только рассматривался как площадка для проекта с бонобо, недоступность с моря была отнесена к числу его привлекательных особенностей.

– А высадиться у площадки они не могли, – продолжал Зигфрид, – поскольку солдаты по-прежнему там и по-прежнему спят и видят, как бы пустить в ход свои «АК-47». – Управляющий хохотнул: – У меня мурашки бегут по коже, только вспомню, как они пулями высадили стекла в машине Мелани.

– Может быть, вы и правы, – неохотно согласился Бертрам.

– Разумеется, я прав, – заявил Зигфрид.

– И все же мне не по себе, – упрямылся Бертрам. – Подозрительно. Хотелось бы заглянуть в кабинет Кевина.

– Зачем?

– У меня хватило дурости показать ему, как пользоваться программами, которые мы составили для определения местонахождения бонобо, – сказал Бертрам. – К сожалению, он этим воспользовался. Я знаю об этом, поскольку он несколько раз подключался к ним на долгое время. Хотелось бы взглянуть, может, удастся понять, что он затеял.

– Ваши доводы, я бы сказал, вполне разумны, – согласился Зигфрид. Он вызвал Аурильо и попросил снабдить Бертрама карточкой доступа в лабораторию. Потом обратился к ветеринару: – Дайте мне знать, если обнаружите что-то интересное.

– Не сомневайтесь.

Вооруженный магнитной карточкой-пропуском, Бертрам вернулся к лаборатории и проник во владения Кевина. Заперев за собой дверь, он сразу же направился к столу хозяина. Не обнаружив ничего стоящего, быстро прошелся по комнате. Первым признаком беды стала стопа компьютерных распечаток возле принтера, в которых Бертрам узнал графические изображения острова.

Он просмотрел страницу за страницей. Понял, что изображения дают представления о разных масштабах. Чего он не мог понять, так это назначения всех пропечатанных геометрических фигур.

Отложив бумажки в сторону, Бертрам подошел к компьютеру Кевина и принялся шарить в его директориях. Ему потребовалось совсем немного времени на то, чтобы отыскать то, что он искал: источник информации для распечаток.

В течение следующего получаса Бертрам никак не мог прийти в себя, пораженный тем, что узнал: Кевин придумал способ, как следить за конкретными обезьянами в режиме реального времени. Воспользовавшись его методикой, Бертрам вскоре наткнулся на собранную Кевином информацию, фиксирующую передвижение животных в течение нескольких часов.

– Слишком уж ты умен для твоей же собственной пользы, – вслух произнес Бертрам, после того как компьютер выдал ему последовательность движения каждой обезьяны. К моменту

завершения программы Бертрам уже понял: что-то случилось с бонобо номер шестьдесят и номер шестьдесят семь.

С растущей тревогой Бертрам пытался заставить двигаться точки, обозначающие этих двух обезьян. Не получилось. Тогда он вернулся к реальному времени и определил местоположения животных на данный момент. Они не изменились ни на йоту.

– Боже правый! – застонал Бертрам. Разом ушли и пропали тревоги из-за Кевина: их сменила угроза посерьезнее. Выключив компьютер и прихватив кучу распечаток с изображениями острова, он выскочил из лаборатории. На улице, миновав машину, бегом пустился через всю площадь к ратуше: Бертрам знал, что на своих двоих доберется быстрее.

Взлетел по ступенькам. Ворвался в приемную и, не обращая внимания на удивленно уставившегося на него Аурильо, напрямик, без всякого доклада, бросился в кабинет Зигфрида.

– Нам нужно поговорить. Немедленно! – выпалил он, тяжело дыша.

У Зигфрида находился начальник продовольственного снабжения. Оба они удивленно смотрели на вломившегося Бертрама. А тот, чуть отдышавшись, добавил:

– Дело срочное.

Снабженец поднялся и со словами: «Я попозже зайду», – вышел из кабинета.

– Очень надеюсь, что дело важное, – предупредил Зигфрид.

Бертрам взмахнул распечатками.

– Плохие новости, – возвестил он и уселся в кресло, покинутое начальником по снабжению. – Кевин Маршалл нашел способ наблюдать за бонобо в режиме реального времени.

– Ну и что?

– По меньшей мере двое из бонобо не двигаются, – сказал Бертрам. – Номер шестьдесят и номер шестьдесят семь. И не двигались они больше двадцати четырех часов. Объяснение тут только одно. Они мертвы!

Зигфрид выгнул брови дугой и сказал:

– Что ж, они животные. Животные умирают. Какой-то падеж необходимо предвидеть.

– Вы не понимаете, – с ноткой презрения заметил Бертрам. – Слишком легко вы отнеслись к моему беспокойству из-за того, что обезьяны разделились на две группы. Я вам объяснял, насколько раздел знаменателен. Он, к сожалению, доказательство. Такое же достоверное, как то, что я стою перед вами: эти твари убивают друг друга!

– Вы так считаете? – спросил Зигфрид уже с тревогой.

– У меня нет сомнений на этот счет, – заявил Бертрам. – Меня мучил вопрос, почему они разделились на две группы. Я пришел к выводу, что все из-за нашего недосмотра: забыли сохранить нормальное соотношение между самцами и самками. Другого объяснения нет, а это означает, что самцы дерутся из-за самок. Я в этом уверен.

– О Боже мой! – воскликнул Зигфрид, покачивая головой. – Новости воистину ужасные.

– Более чем ужасные, – поправил его Бертрам. – Нетерпимые. Они означают крах всей программы, если мы не предпримем меры.

– Что можно предпринять? – встрепенулся Зигфрид.

– Прежде всего: никому ни слова! – предупредил Бертрам. – Если когда и поступит заказ отловить либо номер шестьдесят, либо номер шестьдесят семь, тогда и станем решать эту частную задачку. Во-вторых (и это важнее), мы должны перевезти животных сюда, как я предлагал. Бонобо не станут убивать друг друга, сидя в отдельных клетках.

Зигфриду пришлось принять совет седовласого ветеринара. Хотя сам он всегда стоял на том, что обезьян следует содержать на воле по соображениям снабжения и безопасности, но теперь это – дело прошлое. Нельзя позволять животным убивать друг друга. Если смотреть на дело сугубо практически, другого выхода не было.

– Когда нужно их отловить? – спросил Зигфрид.

– Чем скорее, тем лучше, – ответил Бертрам. – Я сколочу бригаду проверенных службой безопасности укротителей животных к завтрашнему рассвету. Начнем с отстрела отколовшейся группы. Как только засадим всех зверей в клетки, что займет два, от силы три дня, так сразу ночью перевезем в отделение центра животных, которое я подготавливаю.

– Полагаю, лучше отозвать отряд солдат, что караулят у моста, – сказал Зигфрид. – Нам совсем не нужно, чтобы они вздумали стрелять по укротителям.

– Мне с самого начала не нравилось, что солдатню вообще туда послали, – ворчливо выговорил Бертрам. – Страх брал: а ну как возьмут да и подстрелят обезьян ради забавы или себе на суп.

– Когда лучше уведомить наших с вами боссов в «Генсис»?

– Не раньше, чем дело будет сделано, – посоветовал Бертрам. – Только тогда мы узнаем, сколько обезьян было убито. Опять же, может, придумаем что-нибудь получше для их окончательного размещения. С моей точки зрения, нам придется строить отдельную, новую площадку.

– Для этого потребуется разрешение, – напомнил Зигфрид.

– Ясное дело. – Бертрам поднялся с кресла. – Все, что могу сказать: чертовски удачно то, что я загодя подумал о том, чтобы переправить туда все эти клетки.

* * *

Нью-Йорк

Впервые за много дней Раймонд почувствовал себя лучше. С той самой минуты, как он проснулся, все, казалось, шло хорошо. Сразу после девяти утра он позвонил доктору Уоллеру Андерсону, и тот не только вошел в дело, но и сразу же предложил двух клиентов, готовых внести первоначальный взнос и отправиться на Багамы, чтобы сделать пункцию костного мозга.

Затем, уже ближе к полудню, позвонила доктор Элис Норвуд, чья клиника располагалась на Родео-драйв в Беверли-Хиллз. Она сообщила, что уговорила трех врачей с большой частной практикой у каждого, и те с радостью согласились примкнуть к программе. Один живет в Сенчури-Сити, второй в Брентвуде, а третий в Белэр. Доктор Норвуд была убеждена, что скоро от всех троих просто хлынет поток клиентов, поскольку на Западном побережье рынок на услугу, предлагаемую Раймондом, иначе как феноменальным не назовешь.

Но больше всего в тот день Раймонда порадовали те, от кого он не слышал ни слова. Не было звонков ни от Винни Доминика, ни от

доктора Дэниела Левитца. Раймонд воспринял их молчание как свидетельство того, что в деле Франкони наконец-то все шито-крыто.

В три тридцать раздался звонок в дверь. Дарлин ответила и голосом, в котором дрожали слезы, сообщила Раймонду, что машина ждет его внизу.

Раймонд крепко прижал любовницу к себе, похлопал ее по спине и сказал, утешая:

– В следующий раз мы, наверное, поедem вместе.

– Правда-правда? – воскликнула она.

– Гарантировать не могу, – сказал Раймонд. – Но попробуем...

К организации полетов «Генсис» Раймонд никакого касательства не имел. Дарлин всего один раз удалось слетать в Кого. Во всех остальных случаях самолет оказывался полон на том или ином участке маршрута. Как повелось, лайнер вылетал из Штатов и садился в Европе, а уже оттуда летел в Бату. На обратном пути соблюдалась та же схема, хотя посадку совершали всякий раз в ином европейском городе.

Пообещав позвонить сразу, как только доберется до Кого, Раймонд с чемоданом в руке спустился по лестнице. Забрался в ожидавший лимузин и блаженно раскинулся на сиденье.

– Включить радио, сэр? – спросил шофер.

– А как же, почему бы не послушать? – Раймонд уже погружался в благодущие.

Поездка на машине через весь город была самой трудной частью путешествия. Но стоило выбраться на Вест-сайдскую автостраду – и все пошло как по маслу. Машин на шоссе было много, но, поскольку часы пик еще не настали, пробок не было и поток мчался быстро. То же самое и на мосту Джорджа Вашингтона. И часа не прошло, как Раймонд оказался в аэропорту Тетерборо.

Лайнер «Генсис» еще не прилетел, однако это не беспокоило Раймонда. Он расположился в фойе, откуда открывался вид на летное поле, и заказал себе виски. Только-только подали виски, как из-за низких туч выскользнул изящный лайнер «Генсис» и, грациозно коснувшись земли, сел. Потом самолет отбуксировали к стоянке прямо напротив Раймонда.

Лайнер был красив: весь белый с красной полосой по борту. Кроме этого, на фюзеляже и на стабилизаторе хвостовой части

красовались только его позывные: N69SU – и крохотный американский флаг.

Словно в кадрах замедленной съемки, открылась передняя дверь, из нее выполз складной трап и утвердился на бетонной площадке. В двери показался безупречно одетый стюард. Спустившись по трапу, он вошел в здание аэропорта. Звали его Роже Перри. Раймонд хорошо помнил его. Вместе с другим стюардом по имени Джаспер Деверо он всякий раз оказывался в самолете, когда летал Раймонд.

Войдя в здание, Роже оглядел фойе. Как только заметил Раймонда, тут же подошел и, приветствуя, отдал честь.

– Это весь ваш багаж, сэр? – спросил он, забирая чемодан Раймонда.

– Весь, – ответил Раймонд. – Мы уже летим? Заправляться самолет не будет? – В прежние рейсы заправка входила в расписание.

– Мы в полной готовности, – уведомил Роже.

Раймонд поднялся и, следуя за стюардом, вышел в серый, сырой мартовский день. Подходя к роскошному частному лайнеру, Раймонд в душе надеялся, что кто-нибудь наблюдает за ним. В такие вот моменты он ощущал, что живет жизнью, ему предназначенной. Даже убеждал себя, что ему повезло, когда он лишился медицинской лицензии.

– Скажите, Роже, – окликнул стюарда Раймонд перед самыми ступенями трапа. – Борт полон на перелете в Европу? – Прежде всякий раз, когда летел Раймонд, в салоне находились и другие руководящие чиновники «Генсис».

– Всего один пассажир, кроме вас, – ответил Роже. У основания трапа он отступил в сторону и жестом пригласил Раймонда подняться в самолет.

Идя по ступенькам, Раймонд улыбался: при еще одном пассажире и двух стюардах полет обещал быть более приятным, чем он ожидал. Неприятности, через которые пришлось пройти в последние дни, показались недорогой платой за такую роскошь.

У входа в салон его встретил Джаспер. Он принял пальто и пиджак и спросил, не хочет ли Раймонд выпить чего-нибудь перед взлетом.

– Я подожду, – вежливо произнес Раймонд.

Джаспер раздвинул занавески, отделявшие служебный отсек от салона. Пыжась от гордости, Раймонд ступил в главное помещение

лайнера. Он раздумывал, в какое из мягких кожаных кресел сесть, когда взгляд его скользнул по лицу другого пассажира. Раймонд остолбенел. И в то же время почувствовал, как внутри у него словно что-то оборвалось.

– Здравствуйте, доктор Лайонз. Добро пожаловать на борт.

– Тейлор Кэбот! – пискнул Раймонд. – Не ожидал вас увидеть.

– Думаю, что не ожидали, – отозвался Тейлор. – Я сам удивляюсь, видя себя здесь. – Он улыбнулся и жестом предложил Раймонду занять соседнее кресло.

Раймонд быстро присел, ругнув себя за то, что отказался от предложенной Джаспером выпивки. В горле сделалось так сухо, будто его наждаком потерли.

– Мне сообщили про полетное задание лайнера, – объяснил Тейлор, – а поскольку у меня в расписании образовалось окошко, то я, рассудив здраво, решил воспользоваться случаем и лично проверить, как идут наши дела в Кого. Решение было принято, что называется, в последнюю минуту. Разумеется, нам предстоит сделать посадку в Цюрихе, где у меня короткая встреча с банкирами. Надеюсь, вы не сочтете это неудобством.

Раймонд покачал головой и произнес, запинаясь:

– Что вы, что вы, вовсе нет.

– Ну, как обстоят дела с проектом бонобо? – поинтересовался Тейлор.

– Очень хорошо, – выдавил из себя Раймонд. – Ожидаем целый ряд новых клиентов. Правду говоря, мы уже испытываем трудности с удовлетворением спроса.

– А что скажете о прискорбном случае с Карло Франкони? – допытывался Тейлор. – Надеюсь, с этим удачно разобрались.

– Да, разумеется, – невнятно буркнул Раймонд и попытался изобразить улыбку на лице.

– Частично это путешествие я предпринял, дабы убедиться, стоит ли поддерживать ваш проект, – сообщил Тейлор. – Мой финансовый директор уверяет меня, что прибыль от него становится небольшой. Зато мои спецы по операциям сомневаются в том, что нужно подвергать опасности наш бизнес по исследованию приматов. Так что мне придется принять какое-то решение. Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь.

– Обязательно, – прохрипел Раймонд и услышал характерное завывание запущенных реактивных двигателей.

* * *

В баре отделения международных вылетов аэропорта Кеннеди собралась целая компания. Даже Лу сидел за столиком, попивая пиво и отправляя себе в рот арахис. Он был в превосходном настроении и вел себя так, будто тоже отправляется в путешествие.

Джек, Лори, Уоррен, Натали и Эстебан сидели за одним столиком с Лу в самом углу бара. Над их головами висел телевизор, по которому показывали хоккейный матч. Безумный захлеб комментатора и рев болельщиков только усиливали общий шум.

– Грандиозный выдался денек! – покрывая шум, кричал Лу, обращаясь к Джеку и Лори. – Мы взяли Видо Дельбаро, и он, спасая собственную задницу, запел. Думаю, сильный шорох наведем в банде Вакарро.

– А как Анжело Фацциоло с Франко Понти? – спросила Лори.

– Тут иная история, – рассмеялся Лу. – В кои-то веки судья оказался на нашей стороне и установил залог по два миллиона за каждого. Штука удалась благодаря обвинению в незаконном присвоении звания полицейского.

– А что у нас с похоронным бюро «Сполетто»? – не унималась Лори.

– Тут мы напали на золотую жилу. – Лу смачно глотнул пива. – Владеет им брат жены Винни Доминика. Вы его помните, Лори, да?

Лори кивнула:

– Как я могу забыть?

– Кто такой Винни Доминик? – спросил Джек.

– Этот гад сыграл странную роль в деле Керино, – пояснила Лори.

– Он в банде Лючия, – добавил Лу. – После падения Керино они творили все, что хотели. Но внутренний голос говорит мне, что скоро мы проткнем воздушный шарик их вольницы.

– А «крота» в судмедэкспертизе отыскали? – допытывалась Лори.

– Эй, прежде позаботимся о главном, – отбивался Лу. – Дойдет дело и до «крота». Не волнуйтесь.

– Когда придет, прощупайте санитаря по имени Винни Амендола, – посоветовала Лори.

– Есть причина? – спросил Лу, записывая имя в маленький блокнот, который он носил в кармане пиджака.

– Просто подозрение, – ответила Лори.

– Считайте, сделано, – уверил Лу. И опять с удовольствием отпил пива. – Знаете, этот случай подтверждает, как быстро все может меняться. Еще вчера я, как побитый пес, скулил в своей будке, а нынче я не я, а золотой мальчик. Даже капитан соизволил позвонить и намекнул на повышение. Можете поверить?

– Вы его заслуживаете, – сказала Лори.

– Эй, если уж меня наградят, то и вас, ребята, надо награждать, – заявил Лу.

Джек почувствовал, как кто-то тронул его за руку. Официантка. Спросила, не хотят ли они еще по одной.

– Слушайте все! – воззвал Джек, перекрывая гомон голосов. – Еще пива?

И сразу посмотрел на Натали, которая, накрыв ладонью свой бокал, дала понять, что ей и так хорошо. В темно-фиолетовом комбинезоне Натали выглядела ослепительно. Учительница начальных классов в обычной школе Гарлема, она не походила ни на одного учителя, каких Джек мог припомнить. Ему вообще казалось, что черты ее лица напоминают о египетских скульптурах в музее «Метрополитен», куда полюбоваться на них его как-то затащила Лори. У Натали такой же миндалевидный разрез глаз и полные чувственные губы. Прическа походила на тщательно уложенные ряды кукурузных зерен: ничего подобного Джек в жизни не видел. Натали уверяла, что это ее сестра придумала.

Когда взгляд Джека, в котором читался немой вопрос о пиве, остановился на Уоррене, тот отрицательно повел головой. Уоррен сидел рядом с Натали. На нем был спортивный пиджак, надетый поверх черной безрукавки, которая несколько скрадывала его мощную фигуру. Таким радостным Джек его никогда не видел. С губ афроамериканца, обычно настороженно поджатых, не сходила добродушная полуулыбка.

– Мне не надо, – отозвался Эстебан. Он тоже улыбался, еще шире, чем Уоррен.

Джек взглянул на Лори.

– Мне хватит, – сказала она. – Надо оставить местечко для вина к обеду в самолете. – Темно-рыжие волосы Лори заплела в косы, надела свободную кофточку и гетры. Отрешенная от забот, полная энергии, просто одетая, она казалась Джеку студенткой на каникулах.

– Непременно! С удовольствием еще пива выпью, – выговорил Лу.

– Одно пиво, – сказал Джек официантке. – Потом счет.

– Ребятки, – обратился Лу к Джеку и Лори, – как вам удалось устроить сегодняшний день?

– Мы здесь, – ответил Джек. – Такова была цель. Лори и остальные добыли визы, я купил билеты. – Он похлопал себя по животу. – Еще я наменял кучу франков и обзавелся поясом для денег. Мне сказали, что в той части Африки, когда доходит до твердой валюты, отдают предпочтение франкам.

– Что у вас ожидается по прибытии? – спросил Лу.

Джек кивнул на Эстебана:

– Наш экспатриированный товарищ по путешествию берет заботы об устройстве на себя. В аэропорту нас встречает его кузен, а жена его брата владеет гостиницей.

– Тут у вас все в порядке, – отметил Лу. – Каков ваш план?

– Кузен Эстебана устроил нам фургон напрокат, – сообщил Джек, – так что мы на нем поедem в Кого.

– И свалитесь им как снег на голову?

– Таков замысел.

– Желаю удачи, – сказал Лу.

– Спасибо, – поблагодарил Джек. – Скорее всего она нам понадобится.

Спустя полчаса вся группа (за исключением Лу) весело погрузилась на борт «Боинга-747». Все расселись по местам и рассовали по полкам ручную кладь. Едва они успели устроиться в креслах, как громадный самолет вздрогнул и отошел от терминала.

Чуть позже, когда визгливо взревели двигатели и самолет рванул по бетонной полосе на взлет, Лори почувствовала, как Джек взял ее руку. И судорожно сжал.

– Ты в порядке? – спросила она.

Джек, кивнув, выговорил:

– Просто я приучился не любить авиапутешествия.

Лори поняла.

– Мы летим! – ликующе воскликнул Уоррен. – Африка, встречай нас!

Глава 17

8 марта 1997 г.

2.00

Кого, Экваториальная Гвинея

– Спишь? – прошептала Кэндис.

– Шутишь? – шепнула в ответ Мелани. – Уснешь тут на голом камне да на нескольких веточках вместо простыни!

– И мне не спится, – призналась Кэндис. – От этого вселенского храпа вообще жизни нет. А Кевин как?

– Я не сплю, – отозвался Кевин.

Они находились в небольшой боковой нише, отходившей от основного помещения пещеры сразу за главным входом. Тьма стояла кромешная. Намек на освещение давал слабенький лунный свет, сочившийся снаружи.

В нишу Кевина, Мелани и Кэндис поместили сразу, как только отряд добрался до дома. В ширину ниша имела футов десять, с куполообразным сводом, который в самой высокой точке примерно соответствовал пяти футам и десяти дюймам роста Кевина. Задней стены здесь не было: ниша просто-напросто сужалась до лаза. Еще раньше вечером Кевин, пользуясь фонариком, исследовал лаз в надежде отыскать еще один выход, однако футов через тридцать проход в лазе резко обрывался.

Бонобо относились к ним хорошо, даже после изначально холодного приема, оказанного самками. Обезьяны явно восприняли людей мистически и выказывали намерение оставить их живыми и здоровыми. Они снабжали их мутноватой водой в сосудах из тыкв, приносили еду. К сожалению, еда эта состояла из червячков, личинок, насекомых, а также какого-то подобия осоки с Лаго-Гиппо.

Ближе к вечеру обезьяны разожгли костер у входа в пещеру. Кевина особенно интересовало, как они его разжигают, но он сидел слишком далеко, чтобы разобраться. Группа бонобо образовала плотное кольцо, а через полчаса костер уже горел.

– Что ж, по крайности получен ответ на загадку дыма, – вздохнул Кевин.

Бонобо освеживали макак и обжарили их на огне. После чего животные разбежались и, впад в великое возбуждение, затрубили во весь голос. Возбужденные крики и трубные вопли дали ясно понять людям, что мясо маргышек почитается большим лакомством.

Бонобо номер один положил несколько кусочков мяса на большой лист и отнес их людям. Отведать угощение пожелал только Кевин. По его признанию, ничего более жесткого ему жевать не приходилось. По вкусу же, сообщил он женщинам, мясо до странности напоминало слонятину, которую ему как-то довелось отведать. В прошлом году Зигфрид во время одного из своих охотничьих походов завалил лесного слона, бивни забрал, а часть слоновьего мяса распорядился отправить на центральную кухню.

Бонобо не делали попыток заточить людей и не пытались помешать Кевину с женщинами избавиться от связывавшей их веревки. В то же время обезьяны дали ясно понять, что людям надлежит оставаться в маленькой нише. Постоянно совсем рядом находились по меньшей мере два самца бонобо из тех, что покрупнее. Всякий раз, стоило Кевину или кому-то из женщин попробовать выйти, сторожа принимались визжать и реветь во весь голос. А то и пострашнее: разевали пасти и устрашающе скалили клыки, убирая их в самый последний момент. Таким способом им вполне удавалось держать людей в отведенном месте.

– Надо что-то делать, – заговорила Мелани. – Мы не можем оставаться здесь вечно. Вполне очевидно, что предпринимать что-то нужно, пока они спят, как сейчас.

Все бонобо в пещере, включая и тех, кто должен был сторожить, крепко спали, улегшись на примитивные лежа из веток и листьев. Большинство громко храпели.

– Не думаю, что нам следует давать им повод злиться, – сказал Кевин. – Нам повезло, что они обращаются с нами так хорошо.

– Когда мне на обед предлагают личинок, я не считаю, что со мной хорошо обращаются, – возразила Мелани. – Серьезно, надо что-то делать. Ведь они могут и наброситься на нас. Нельзя предугадать, что они устроят.

– Я предпочитаю ждать, – настаивал Кевин. – Пока мы им в новинку, но они так или иначе утратят к нам интерес. И потом, в городе нас наверняка хватились. Зигфриду или Бертраму потребуется

немного времени, чтобы сообразить, что мы наделали. Тогда они придут за нами.

– Не убеждает, – хмыкнула Мелани. – Зигфрид может счесть наше исчезновение за божью милость.

– Зигфрид может, а Бертрам – нет, – уточнил Кевин. – Он по сути своей человек добрый.

– Кэндис, ты как думаешь? – обратилась к подруге Мелани.

– Не знаю, что и думать, – ответила та. – Эта ситуация настолько за гранью всего, во что, как мне думалось, я смогу влипнуть, что и не знаю, как себя вести. Все внутри оцепенело.

– Что будем делать, когда вернемся? – заговорил Кевин. – Это мы еще не обсуждали.

– Если вернемся, – подчеркнула Мелани.

– Не надо так говорить, – взмолилась Кэндис.

– Мы должны смотреть фактам в лицо, – стояла на своем Мелани. – Вот почему я считаю, что нам надо что-то сделать, пока они спят.

– Мы понятия не имеем, насколько крепко они спят, – сказал Кевин. – Пытаться выйти отсюда – это все равно что шагать по минному полю.

– Одно безусловно, – произнесла Кэндис, – я больше в ваших массовых облавах не участвую. Мне и без того было неловко, когда я их обезьянами считала. А теперь, когда знаем, что они пещерные люди, и вовсе не вмоготу. Тут я в себе уверена на все сто.

– Это следствие неизбежное, – поддержал ее Кевин. – Не могу представить себе разумное человеческое существо, которое чувствовало бы иначе. Но проблема не в этом, а в том, что эта новая раса существует, и если их нельзя пускать на трансплантаты, то что с ними делать?

– Они смогут давать потомство? – спросила Кэндис.

– Да еще как! – ответила Мелани. – С ними не делали ничего, что сказало бы на их плодовитости.

– Ой-ей-ей! – вырвалось у Кэндис. – Вот ужас-то!

– Может быть, стоило наделить их бесплодием, – сказала Мелани. – Тогда пришлось бы ломать голову только об одном поколении.

– Какая жалость, что ни о чем таком я не подумал до того, как начать исследование, – сокрушался Кевин. – Беда в том, что стоило мне наткнуться на способности взаимного обмена участками хромосом, как разум развил такую бурную деятельность, что подумать об иных последствиях и в голову не приходило.

Неожиданно ярко сверкнула молния, мгновенно осветив пещеру, раздался сильный громовой удар. Казалось, всю гору сотрясло до самого основания. Так природа давала знать, что на остров надвигается едва ли не ежедневная гроза.

– А вот вам и довод в мою пользу, – сказала Мелани после того, как раскаты грома стихли вдали.

– Вы это о чем? – спросил Кевин.

– Гром громыхнул так, что мертвых разбудит, – пояснила Мелани. – Но ни один из бонобо и глазом не моргнул.

– Это верно, – согласилась Кэндис.

– По мне, хотя бы одному из нас надо попробовать удрать, – убеждала Мелани. – Тогда можно быть уверенными, что Бертрам окажется предупрежден о происходящем здесь. Тогда он сумеет что-то предпринять для спасения остальных.

– Кажется, я согласна, – произнесла Кэндис.

– Конечно, согласна, – решительно заявила Мелани.

Несколько секунд прошли в молчании. Наконец Кевин, поняв, оторопело возмутился:

– Минуточку. Уж не хотите ли вы сказать, что идти мне?

– Я одна в каноэ не залезу, не говоря уж о том, чтобы грести в нем, – махнула рукой Мелани.

– Залезть я залезу, но сомневаюсь, чтобы сумела грести в темноте, – призналась Кэндис.

– И вы обе думаете, что я смогу? – спросил Кевин.

– Уж, конечно же, лучше нашего, – усмехнулась Мелани.

Кевина пронзила дрожь. Он представил себе: пробираться к каноэ в темноте, зная, что бегемоты вышли на берег подкрепиться, – и почувствовал страх. Еще страшнее представлялась ему гребля через озеро, кишашее (они в том убедились) крокодилами.

– Может, вам лучше спрятаться в каноэ, пока не рассветет, – посоветовала Мелани. – Главное – выбраться из пещеры и уйти подальше от этих тварей, пока они спят.

Мысль переждать ночь в каноэ была приятнее, чем пытаться пересечь озеро во тьме, но она никак не умаляла вполне оправданный страх повстречаться с бегемотом на болотистой лужайке.

– Вспомните, ведь это вы предложили забраться сюда, – напомнила ему Мелани.

Кевин возмущенно открыл рот, но ничего не сказал. В какой-то мере слова Мелани были правдой. Именно он заявил, что выяснить, превратились ли бонобо в пещерных людей, можно единственным способом: попасть на остров. Но и только. Во всем остальном застрельщицей выступала сама Мелани.

– Вы, вы предложили, – поддакнула Кэндис. – Я хорошо помню. Мы были у вас в кабинете, когда вы первый раз заговорили про дым.

– Но я всего лишь сказал... – начал Кевин и прикусил язык. Прошлый опыт убедил: вступать в спор с Мелани ему не по зубам, тем более когда, вот как сейчас, ей эхом вторит Кэндис. К тому же с того места, где сидел Кевин, была отчетливо видна дорожка лунного света, пролежавшая по полу до самого входа. Не считая нескольких камней и веток, никаких препятствий на лунной дорожке не было.

Кевин стал привыкать к мысли, что у него получится. Наверное, про бегемотов лучше вообще не думать. И видимо, действительно нельзя полагаться на гостеприимство обезьянолюдей: не столько потому, что характер свой те унаследовали от бонобо, сколько потому, что уже достаточно позаимствовали у людей.

– Хорошо, – как-то вдруг решился Кевин. – Попробую.

– Ура-а! – тихо возликовала Мелани.

Кевин встал на четвереньки. Его трясло от одного только осознания, что совсем рядом находятся десятков пять сильных и диких животных, желающих, чтобы он оставался на своем месте.

– В случае чего, – горячо зашептала Мелани, – пулей возвращайтесь сюда.

– Послушать вас, так это легче легкого, – улыбнулся Кевин.

– Легко и получится, – убеждала Мелани. – Бонобо и шимпанзе засыпают с наступлением темноты и спят до рассвета. Никакие неприятности вам не грозят.

– А бегемоты? – напомнил Кевин.

– Они-то при чем? – удивилась Мелани.

– Не важно, – вздохнул Кевин. – Забот у меня и без того хватает.

– О'кей, удачи! – шепнула Мелани.

– Ага, удачи, – эхом вторила Кэндис.

Кевин, встав на ноги, попытался пойти вперед и... не смог. Никогда не был героем, без конца твердил он себе, и не сейчас им становиться.

– Ну что еще? – зашипела Мелани.

– Ничего. – Внезапно где-то в самых глубинных тайниках души Кевин отыскал мужество. Выпрямился, насколько позволял свод пещеры, и, слегка сутулясь, зашагал по лунной дорожке к выходу.

Шагая, Кевин не переставал вести спор с самим собой: то ли двигаться не быстро, но тихо и ловко, по-змеиному, то ли со всех ног рвануть до самого каное. Спор вели осторожность и желание покончить с выпавшим на их долю тяжким испытанием. Осторожность победила. Он вышагивал старательно, как малый ребенок. Всякий раз, когда ноги производили малейший шум, Кевин вздрагивал и замирал в темноте. Повсюду вокруг себя он слышал хриплое дыхание спящих обезьян.

В двадцати футах от входа в пещеру кто-то из бонобо так резко шевельнулся, что под ним затрещали подостланные ветки. И снова Кевин замер на полушаге, прислушиваясь к отчаянно забившемуся сердцу. Бонобо же просто повернулся и тут же снова стал похрапывать: верный признак сна. Поближе к отверстию света стало больше, и Кевин хорошо разглядел раскинувшихся вокруг него бонобо. Картины множества спящих зверей вполне хватило, чтобы Кевин, обмерев, встал как вкопанный. Целая минута ушла на то, чтобы выйти из столбняка и продолжить продвижение навстречу свободе. Он даже ощутил первую волну облегчения, почуяв, как смердящая вонь бонобо сменяется влажным запахом джунглей. Увы, облегчение было скоротечно.

Очередной удар грома, а сразу следом рев тропического ливня до того перепугали Кевина, что он едва не потерял равновесие. Только судорожно размахивая рукой, сумел удержаться на ногах и не сойти с приметной дорожки. С содроганием он убедился, что едва-едва не наступил на одного из спящих бонобо.

Оставалось с десятков футов, и Кевин различил черные контуры джунглей под горой. Сквозь обезьяний храп стали пробиваться ночные звуки тропического леса.

Кевин настолько приблизился к отверстию, что начал волноваться из-за крутизны спуска, какой ему предстоял. И тут случилась беда. Сердце едва не выскочило из груди, когда Кевин почувствовал, как чья-то лапа ухватила его за ногу! Что-то с такой силой стиснуло ему колено, что слезы враз выступили на глазах. Первое, что он увидел, глянув при полупризрачном свете вниз, были его часы. Они отсвечивали на волосатом запястье мощного бонобо номер один.

– Тада! – рявкнул бонобо. Прыжком вскочив на ноги, он махом перевернул Кевина вверх тормашками. По счастью, пол в той части пещеры был завален разными отходами, и это смягчило падение. Все же он пребольно стукнулся левым боком.

Вопль бонобо номер один поднял на ноги остальных. Какое-то время царил полный хаос, пока звери не убедились, что опасности нет.

Бонобо номер один отпустил коленку Кевина и тут же ухватил его своими лапищами. Последовала потрясающая демонстрация силы: зверь рванул Кевина вверх и поднял его над землей на вытянутых руках. При этом он громко, долго и зло что-то бормотал. Кевину оставалось только корчиться от боли в железной хватке животного.

Завершив тираду, бонобо номер один проследовал в глубь пещеры и буквально швырнул Кевина в отведенную людям нишу. Рыкнув напоследок еще какое-то сердитое словцо, он удалился к своему ложу.

Кевину удалось, собрав все силы, принять сидячее положение. Он опять упал на бок и почувствовал, как онемела левая сторона тела. К тому же он вывихнул кисть и ободрал локоть. Впрочем, учитывая, что его на самом деле швырнули так, что он летел по воздуху, отделался Кевин все же легче, чем сам ожидал.

Из глубины пещеры все еще доносились крики, вероятно, бонобо номер один никак не мог уgomониться, но точно определить Кевину мешала темнота. Пощупал правый локоть. Тепло и липко: значит, текла кровь.

– Кевин? – раздался шепот Мелани. – Вы целы?

– Настолько, насколько сумел.

– Слава Богу! Что случилось?

– Не знаю. Мне казалось, что все получилось. Я уже был у самого входа в пещеру.

– Ушиблись? – спросила Кэндис.

– Немножко, – признался Кевин. – Но кости целы. Во всяком случае, мне так кажется.

– Мы не видели, что произошло, – сказала Мелани.

– Мой двойник меня отчитал. И отделал. По крайней мере я так представляю себе его поведение. Потом швырнул меня обратно сюда. Рад, что не свалился на кого-нибудь из вас.

– Я так жалею, что уговаривала вас, – твердила Мелани. – Вы, кажется, были правы.

– Приятно слышать это от вас, – вздохнул Кевин. – Хотя... ведь почти получилось! Я был так близко.

Кэндис включила фонарик, прикрывая ладонями свет. Поднесла фонарик поближе к руке Кевина посмотреть, что у него с локтем.

– Видимо, нам остается надеяться на Бертрама Эдвардса, – шепнула Мелани. Плечи у нее содрогнулись, и она добавила, вздохнув: – Не укладывается в голове: мы пленники тех, кого сами же породили!

Глава 20

8 марта 1997 г.

16.40

Бата, Экваториальная Гвинея

Джек чувствовал, как стиснуты у него зубы. Да и руку Лори он сжал куда крепче, чем нужно. Опомнившись, попробовал успокоиться. Перелет из Дуалы, что в Камеруне, в Бату оказался изматывающим. Линию обслуживала не внушавшая доверия компания, пустившая на трассу потрепанные пассажирские самолетики местного сообщения, как раз такие, какие являлись Джеку в его ночных кошмарах о погибшей семье.

Полет выдался не из легких. Самолетик всю дорогу ускользал от гроз, устрашающие громадины грозовых туч различались по цвету от изжелта-белых до темно-лиловых. Молнии сверкали непрерывно, самолет трясло неимоверно.

Предыдущая часть путешествия походила на сон. Перелет из Нью-Йорка в Париж прошел плавно и в блаженном спокойствии. Всем удалось поспать хоть по несколько часов.

В Париж прилетели на десять минут раньше, так что времени пересест на самолет камерунской авиалинии хватило с избытком. Полет дальше на юг, до Дуалы, все вообще проспали. Зато последний перелет, в Бату, дал сполна почувствовать ужасы, на какие способны воздушные извозчики.

– Идем на посадку, – сказала Лори Джеку.

– Надеюсь, посадка у них отработана, – съязвил Джек, глянув в грязный иллюминатор. Как он и ожидал, под крылом расстился громадный ковер сплошной зелени. Верхушки деревьев стремительно приближались, и Джек уповал на то, что где-то впереди все же отыщется посадочная полоса.

В конце концов колеса коснулись бетонки, и Джек с Уорреном, как сговорившись, разом облегченно вздохнули.

Когда утомленные путешественники выбрались из старенького самолета, взору Джека, глянувшего на плохо ухоженную взлетную дорожку, предстал поразительный вид. На темно-зеленом фоне

джунглей ослепительно сиял белизной изящный реактивный лайнер. Самолет окружали четыре поста с солдатами в камуфляже и красных беретах. Судя по их выправке, солдаты пребывали в состоянии вольной расслабленности. С плеч на ремнях небрежно свисали автоматы.

– Чей это самолет? – спросил Джек у Эстебана. Отсутствие каких бы то ни было опознавательных знаков говорило о том, что самолет частный.

– Не имею представления, – пожал плечами Эстебан.

Для всей группы, за исключением Эстебана, полной неожиданностью оказались безалаберность и беспорядок, какими их встретил аэропорт. Всем прибывшим иностранным гражданам следовало пройти таможенный досмотр. Вместе с багажом их направили в неприглядную боковую комнатку. Шли они туда в сопровождении двух военных в грязной форме, у каждого на поясе в кобуре болтался автоматический пистолет.

Сначала Эстебана в комнатку не допустили, потом, после бурных возражений, произнесенных на местном диалекте, позволили войти. Таможенники раскрывали все чемоданы и сумки и выкладывали их содержимое на длинный и узкий стол.

Эстебан шепнул Джеку, что таможенники ждут взятку. Поначалу Джек из принципа отказался. Но когда стало ясно, что процедура грозит затянуться на многие часы, сдался. Десять французских франков решили дело.

Когда все вышли в зал ожидания аэропорта, Эстебан пустился в извинения:

– Понимаете, здесь это беда. Все, кто на службе у правительства, берут взятки.

Встретил гостей из Нью-Йорка кузен Эстебана, которого звали Артуро. Крепкий телом, со сверкающими глазами и ослепительно белозубой улыбкой, он оказался человеком невероятного дружелюбия, приветствуя, долго тряс руку каждому прибывшему. В аэропорт он приехал облаченный в национальный африканский костюм: свободные одеяния из яркой ткани и круглая шапочка, похожая на феску.

Выйдя из здания, они окунулись в горячий, влажный воздух экваториальной Африки. Во все стороны открывался широкий простор, поскольку местность была довольно ровная. Прямо над

головами в безграничной голубизне сияло послеполуденное солнце, а вдали, по всему горизонту, клубились грозовые тучи.

– Во дела, поверить не могу! – воскликнул Уоррен, восхищенно озираясь вокруг, как ребенок, попавший в магазин игрушек. – Сколько лет собирался приехать сюда, но в жизни не думал, что выберусь. – Он повернулся к Джеку: – Мужик, спасибо. Дай пять! – Уоррен вытянул руку. Они с Джеком ударили ладонь в ладонь, словно вновь оказались на дворовой баскетбольной площадке.

У бровки тротуара их ожидал нанятый Артуро фургон. Сунув в руку полицейского пару банкнот, Артуро пригласил всех садиться в машину.

Эстебан настоял, чтобы Джек ехал впереди, рядом с водителем. Слишком уставший, чтобы спорить, Джек сел. Им досталась старенькая «тойота» с двумя рядами сидений позади передних кресел. Лори с Натали втиснулись на самое заднее, а Уоррен и Эстебан устроились на среднем.

По выезде из аэропорта они увидели океан. Широкий песчаный пляж. Ласкающие берег волны.

Немного погодя миновали большое незаконченное строение из бетона, которое ветшало и рушилось. Поверху его, будто шипы морских ежей, торчали ржавые прутья арматуры. Джек спросил, что это такое.

– Должна была быть гостиница для туристов, – сказал Артуро, – только не оказалось ни денег, ни туристов.

– Дурное сочетание для бизнеса, – посочувствовал Джек.

Пока Эстебан, взяв на себя роль гида, указывал на разные достопримечательности, Джек, обратившись к Артуро, спросил, далеко ли им ехать.

– Нет, – ответил тот, – минут десять.

– Вы, как я понимаю, в «Генсис» работали?

– Целых три года, – кивнул Артуро. – Но больше не работаю. Управляющий там плохой человек. В Бате мне больше нравится. И повезло: у меня есть работа.

– Нам хотелось бы осмотреть владения «Генсис», – сообщил Джек. – Как по-вашему, неприятности нам грозят?

– В «Генсис» о вашем приезде не знают? – всполошился Артуро.

– Ни в коем разе, – ответил Джек. – Мы неожиданные гости.

– Тогда у вас могут быть неприятности, – сказал Артуро. – По моему, они не любят гостей. Когда ремонтировали единственную дорогу на Кого, генсисовцы соорудили блокпост. Там круглые сутки солдаты дежурят.

– Ого! Звучит нерадостно. – Джек не ожидал никаких ограничений на въезд в город и рассчитывал добраться туда на машине. Это уже в городе он предвидел трудности, чтобы попасть в клинику или лаборатории.

– Когда Эстебан позвонил, что вы собрались в Кого, я решил, что вы по приглашению, – признался Артуро. – Мне и в голову не пришло про блокпост сказать.

– Понимаю, – сказал Джек. – Вашей вины тут нет. Скажите, как по-вашему, солдаты возьмут деньги, чтобы пропустить нас?

Артуро бросил быстрый взгляд на Джека. И пожал плечами:

– Не знаю. Им платят больше, чем обычным солдатам.

– Как далеко блокпост от города, – спросил Джек. – Можно пройти по лесу и обойти его?

Артуро снова глянул на Джека. Разговор приобретал направление, какого он не ожидал.

– Он довольно далеко, – выговорил Артуро, проявляя признаки волнения. – Может, километрах в пяти. Только идти сквозь джунгли нелегко. Опасно может быть.

– А дорога всего одна? – выпытывал Джек.

– Всего одна, – подтвердил Артуро.

– Я на карте видел, что Кого стоит на воде. А если туда на лодке добраться?

– Можно, наверное.

– Где можно достать лодку?

– В Акалайонге. Там много лодок. На них до Габона добираются.

– И там можно взять лодку напрокат?

– Если хватит денег.

Машина уже ехала по центру Баты, который составляли удивительно широкие, обсаженные деревьями и сильно замусоренные улицы. По ним сновали туда и сюда толпы людей, машин же было немного. Все здания были низкими, сделанными из бетона.

В южной части города машина свернула с главной улицы и поехала по грунтовой, в ухабах и рытвинах, дороге. От недавнего

дождя остались большие лужи.

Гостиница находилась в невзрачном бетонном двухэтажном здании с ржавыми прутьями арматуры, что торчали поверху, намекая на возможность надстройки. Фасад когда-то выкрасили в синий цвет, но краски вылиняли до пастельного оттенка почти неразличимой голубизны.

Едва машина остановилась, как из парадной двери высыпала целая армия похожих друг на друга детей и взрослых. Каждый, вплоть до самого младшего застенчивого отпрыска, был представлен гостям. Выяснилось, что на первом этаже здания живут семьи, состоящие из нескольких поколений родичей. На втором этаже располагалась гостиница.

Номера оказались крохотными, но чистыми. Все они находились на внешней стороне здания, напоминая формой перевернутую букву «Р». Попасть в них можно было с веранды, выходящей во двор. В боковых крыльях дома размещалось по туалету с душем.

Оставив в номере вещи и полюбовавшись на москитную сетку вокруг необычайно узкой кровати, Джек вышел на веранду. Лори тоже вышла из своего номера. Облокотившись о балюстраду, они стали рассматривать двор, где между банановыми деревьями валялись старые автомобильные покрышки, носилась голая малышня и копошились куры с цыплятами.

– Прямо скажем, не пятизвездочный отель, даже на четыре звезды не тянет, – сказал Джек.

Лори улыбнулась:

– Место очаровательное. Я безумно рада. У меня в номере ни одного насекомого. Меня они больше всего беспокоили.

Хозяева гостиницы, сестра Эстебана Селестина и ее муж Флоренико, устроили настоящий пир. Украшением его стала местная рыба, приготовленная с похожим на репу растением, называвшимся «маланга». На десерт подали своего рода пудинг с экзотическими фруктами. Щедрые запасы холодного как лед камерунского пива помогли справиться со всеми угощениями.

Обильная еда и пиво быстро сказались на уставших путешественниках: очень скоро им уже с трудом удавалось разлеплять смыкавшиеся веки. Не без труда заставили они себя подняться наверх

и разбрелись каждый к себе в номер. Все были полны планов пробудиться с первым лучом солнца и рано поутру отправиться на юг.

* * *

Бертрам одолел ступеньки, ведущие к кабинету Зигфрида. Сил больше не оставалось: было уже почти половина девятого вечера, а он поднялся в полшестого утра и отправился вместе с укротителями животных на остров Франчески помочь наладить массовый отлов. Весь день на ногах, и всего час назад вернулись в центр животных.

Аурильо давно ушел домой, и Бертрам прошел прямо в кабинет управляющего. Зигфрид стоял у окна лицом к площади, устремив взгляд на клинику. В руке он держал стакан. Кабинет освещала единственная свеча в черепе – точно так же, как и три ночи назад. Пламя ее колебалось от движения вентилятора, отбрасывая пляшущие тени на охотничьи трофеи.

– Налейте себе что-нибудь выпить, – произнес Зигфрид, не оборачиваясь. Он знал, что пришел Бертрам: полчаса назад они разговаривали по телефону и договорились о встрече.

Бертрам предпочитал красное вино всем крепким алкогольным напиткам, но сейчас, угнетенный пережитым, налил себе двойную порцию виски. Отхлебнув огненной жидкости, присоединился к Зигфриду у окна. В сыром мраке тропической ночи уютно светили огни лабораторного комплекса.

– Вы знали, что прилетает Тейлор Кэбот? – спросил Бертрам.

– Ни малейшего понятия не имел, – ответил Зигфрид.

– И куда вы его поместили?

Зигфрид указал на здание клиники:

– Он в гостинице. Пришлось попросить главного хирурга освободить президентские покои, как мы их зовем. Тот, конечно, никакой радости не выказал. Вы же знаете, как себялюбивы эти врачи. А мне что прикажете делать? Я тут вроде не гостиницу содержу.

– Вы знаете, зачем прибыл Кэбот?

– По словам Раймонда, он приехал специально, чтобы оценить программу с бонобо, – сообщил Зигфрид.

– Этого я и боялся, – вздохнул Бертрам.

– Так уж нам повезло, – посетовал Зигфрид. – Программа без сучка и задоринки тикала, как швейцарские часы, не год и не два, а стоило только нам засбоить, как он тут же пожаловал.

– Куда Раймонда устроили?

– Он тоже там. – Зигфрид опять кивнул на клинику. – Еще одна заноза в заднице. Хотел быть подальше от Кэбота, а куда мне его селить, к себе домой, что ли? Слуга покорный!

– Он про Кевина Маршалла спрашивал?

– Разумеется. Только улучил минутку, отвел меня в сторонку и сразу – первый его вопрос.

– Что вы сказали?

– Правду. Сказал, что Кевин уехал с технологом по воспроизводству и медсестрой неотложной помощи и что я понятия не имею, куда он делся.

– Как он отреагировал?

– С лица весь красный стал. Хотел знать, не отправился ли Кевин на остров. Я сказал, что мы так не считаем. Тогда приказал мне отыскать его. Представляете? Я не выполняю приказы Раймонда Лайонза.

– Значит, Кевин с женщинами так и не объявились? – спросил Бертрам.

– Нет. Ни слуху ни духу.

– Вы какие-то меры к розыску приняли?

– Послал Камерона в Акалайонг навести справки в дешевых гостиницах на побережье, но тот ничего не обнаружил. Думаю, они могли укатить в Кокобич, в Габон. Это наиболее вероятно, не пойму только, почему они никому не сказали.

– Какая-то жуткая неразбериха!

– Как на острове управились? – задал вопрос Зигфрид.

– Вполне сносно, если учесть, в какой спешке приходилось лепить всю операцию, – ответил Бертрам. – Доставили туда вездеход с повозкой. Ничего лучше придумать не смогли для доставки такого множества животных к площадке у моста.

– Сколько обезьян поймали?

– Двадцать одну, – сообщил Бертрам. – Это делает честь моей команде. И позволяет надеяться, что завтра утром мы все закончим.

– Как быстро! – воскликнул Зигфрид. – Первая обнадеживающая весточка за целый день.

– Все оказалось легче, чем ожидалось. Мы обезьян, похоже, очаровали. Настолько доверились, что позволили нам подойти с пневматическим ружьем совсем близко. Напоминало охоту на индеек.

– Рад, что хоть что-то идет нормально, – сказал Зигфрид.

– Все обезьяны, взятые сегодня, входили в состав отделившейся группы, поселившейся к северу от Рио-Дивизо. То, как они живут, интересно. Построили себе примитивные домики из жердей, крыши покрыли в несколько слоев листьями лобелии.

– Плевать мне на то, как живут эти твари, – резко бросил Зигфрид. – Только не говорите, что они и вас разжалобили.

– Нет, меня не разжалобили, – сказал Бертрам. – Только все равно я считаю, что это интересно. Там были даже следы костров.

– Значит, хорошо, что мы их сажаем в клетки, – убеждал Зигфрид. – Не будут убивать друг друга и шалить с огнем.

– С одной стороны, так оно и есть, – согласился Бертрам.

– Никаких признаков Кевина с бабами на острове?

– Ни малейших. А я специально приглядывался. Но даже там, где они наверняка оставили бы следы, ничего нет. Часть дня мы потратили, чтобы перекинуть бревенчатый мост через Рио-Дивизо, так что завтра начнем отлов возле известняковой гряды. Буду во все глаза глядеть, выискивая, нет ли где их следов.

– Сомневаюсь, что вы что-то отыщете, однако до тех пор, пока они не отыщутся, нельзя исключать того, что они отправились на остров. Но даю вам слово: если они так сделали и если они вернуться сюда, я передам их эквадгоринейскому министру юстиции с обвинением в нанесении серьезнейшего ущерба деятельности «Генсис». Разумеется, это означает, что они улягутся на футбольном поле под дулами расстрельной команды, не успев понять, что их сразило.

– Ничего подобного нельзя допустить, пока Кэбот и другие не уедут, – с тревогой всполошился Бертрам.

– Само собой, – согласился Зигфрид. – Да и футбольное поле я, признаться, упомянул так, иносказательно. Министру я скажу, чтобы их увезли из Зоны и где-нибудь расстреляли.

– Имеете представление, когда Кэбот и другие намерены увезти пациента обратно в Штаты?

– Никто ничего не говорил, – признался Зигфрид. – Все, думаю, зависит от Кэбота. Надеюсь, это произойдет завтра, самое позднее – послезавтра.

Глава 21

9 марта 1997 г.

4.30

Бата, Экваториальная Гвинея

Джек пробудился в половине пятого и больше заснуть не мог. Забавно, но трескучий концерт, который устроили древесные лягушки и сверчки в банановых зарослях под окном, оказался непереносим для человека, совершенно безучастного к завываниям сирен и общему гаму Большого Нью-Йорка.

С полотенцем на плече и куском мыла в руке Джек вышел на веранду и направился в душ. На полпути столкнулся с возвращавшейся оттуда Лори.

– Что это ты поднялась в такую рань? – спросил Джек. Кругом стояла непроглядная темень.

– Мы улеглись где-то в восемь вечера, – пояснила Лори. – Восемь часов сна для меня вполне достаточно.

– Ты права, – согласился Джек. Он просто забыл, насколько рано все они вчера свалились с ног.

– Пойду на кухню, – сказала Лори, – посмотрю, нет ли где кофе.

– Я мигом спущусь, – пообещал Джек.

Когда Джек спустился в столовую, то с удивлением обнаружил, что все остальные уже завтракали. Джек взял кофе и хлеба и уселся между Уорреном и Эстебаном.

– Артуро сказал мне, что, как он думает, с вашей стороны было бы безумием ехать в Кого без приглашения, – сказал Эстебан.

У Джека рот был полон, а потому он только кивнул.

– Он сказал, что вам туда не попасть.

– Посмотрим, – выговорил Джек, проглотив хлеб. – Я в такую даль забрался совсем не для того, чтобы возвращаться, даже не попытавшись.

– По крайней мере дорога хорошая, спасибо «Генсис», – сказал Эстебан.

– В самом худшем случае просто прокатимся с ветерком и по живописным местам, – подытожил Джек.

Час спустя все снова встретились в столовой. Джек напомнил остальным, что поездка в Кого – не обязательное мероприятие и предпочитающие остаться в Бате пусть лучше останутся. Сказал, что, как ему стало известно, дорога в один конец занимает часа четыре.

– Вы полагаете, что сможете сами управиться? – спросил Эстебан.

– Целиком и полностью, – ответил Джек. – Заблудиться здесь вроде и негде. На карте указано одно-единственное шоссе, идущее на юг. С этим даже я справлюсь.

– В таком случае я, пожалуй, останусь, – решил Эстебан. – Хотелось бы еще со многими из родни повидаться.

К тому времени когда они выехали на шоссе (Уоррен сидел рядом с водителем, женщины заняли среднее сиденье), восточную часть неба стало слабо высвечивать первое предрассветное сияние. Катя в машине на юг, они не переставали удивляться тому, как много народу шагало по обочинам в сторону города. Большинство составляли женщины с детьми, и почти все женщины несли на головах внушительных размеров тюки.

– У них, похоже, почти ничего нет, а выглядят довольными и веселыми, – заметил Уоррен. Многие ребяташки останавливались, чтобы помахать ручонками проезжавшей машине. Уоррен махал им в ответ.

Мимо замелькали окраины Баты. Постепенно пропали бетонные здания, на смену им пришли простые беленые мазанки с соломенными крышами. Тростниковые рогожи огораживали загоны для коз.

Когда Бата окончательно осталась позади, взорам путешественников предстали полосы невероятно пышных джунглей.

Движения на шоссе почти не было, если не считать больших грузовиков, которые время от времени проносились по встречной полосе. Когда грузовики мчались мимо фургона, его прямо-таки сотрясался от вихрящегося ветра.

– Слушай, эти парни на грузовиках с ветерком гоняют, – заметил Уоррен.

В пятнадцати милях к югу от Баты Уоррен достал карту. На шоссе имелись одна развилка и один поворот, которые надо было вовремя заметить, иначе терялось бы немало времени. Дорожные знаки практически отсутствовали.

Когда взошло солнце, все сразу же надели темные очки. Вид по сторонам дороги успел стать однообразным: сплошные джунгли, в которые время от времени вкраплялись крохотные деревушки из крытых соломой хижин. Почти два часа спустя после выезда из Баты они свернули на дорогу, ведущую в Кого.

– Эта дорога куда лучше, – заметил Уоррен, когда Джек повел машину на крейсерской скорости.

– Выглядит как новая, – сказал Джек. Дорога, по которой они до того ехали, была вполне ровной, хотя следы от многочисленных мелких асфальтовых латаний придавали ей вид лоскутного одеяла.

Теперь они двигались на юго-восток, удаляясь от побережья и все больше погружаясь в густые джунгли. К тому же дорога пошла на подъем. В отдалении показались невысокие, покрытые джунглями горы.

Как бы ниоткуда налетела жестокая гроза. Перед самым ее прибытием небо обратилось в бурлящую массу темных туч. В несколько минут день сменился ночью. Дождь ливанул стеной, и старенькие, стертые «дворники» фургона не в силах были справиться с потоками воды. Джеку пришлось сбросить скорость до двадцати миль в час.

Спустя пятнадцать минут меж обложных туч проглянуло солнце и превратило дорогу в клубящуюся паром ленту. На одном прямом участке дорогу переходила группа бабуинов: обезьянье семейство, казалось, ступало по облаку.

Горы остались позади, и дорога снова пошла на юго-восток. Уоррен сверился с картой и оповестил остальных, что до места назначения им осталось проехать миль двадцать.

Машина одолела очередной поворот, и все увидели нечто похожее на белое зданье посреди шоссе.

– Это что еще за чертовщина? – удивился Уоррен. – Мы еще не приехали, точно нет.

– Думаю, это блокпост, – сказал Джек. – Мне о нем только вчера вечером сказали. Держите пальцы на удачу. Возможно, придется перейти к плану Б.

Подъехав поближе, они увидели, что по обе стороны основного сооружения устроены огромные белые решетчатые заграждения.

Снизу у них имелись колесики, так чтобы можно было убирать преграду, пропуская машины.

Джек затормозил и остановил фургон шагах в двадцати от заграждения. Из двухэтажного сооружения блокпоста вышли три солдата, одетые так же, как и те, что охраняли частный лайнер в аэропорте. Так же, как и солдаты в аэропорте, эти были вооружены автоматами, только несли они их у пояса, нацелив на фургон.

– Не по нутру мне это, – буркнул Уоррен. – На вид эти вояки совсем дети.

– Спокойно, – предупредил Джек. И, опустив стекло, произнес: – Привет, парни. Чудесный денек, а?

Солдаты не шевельнулись. Не изменились и их ничего не выражавшие лица.

Джек уже собрался любезно попросить их открыть проезд, когда на солнечный свет вышел четвертый страж. Джек поразился: этот вырядился в черный костюм с белой сорочкой и галстуком. Посреди томящихся паром джунглей такой наряд выглядел нелепо. Удивило и другое: страж был не чернокожим, а арабом.

– Чем могу помочь? – спросил араб. Тон у него был далеко не дружелюбный.

– Надеюсь, что сможете, – ответил Джек. – Мы хотим побывать в Кого.

Араб глянул на ветровое стекло машины, вероятно, рассчитывая увидеть там какой-то удостоверяющий документ. Не увидев ничего, спросил Джека, есть ли у того пропуск.

– Пропуска нет, – признался Джек. – Мы просто врачи, нас интересует работа, какую там проводят.

– Как ваше имя? – спросил араб.

– Доктор Джек Стэплтон. Я прибыл сюда из самого Нью-Йорка.

– Минуточку, – бросил страж и снова исчез в здании блокпоста.

– Не нравится мне это, – сказал Джек Уоррену, почти не разжимая губ. И широко улыбнулся солдатам. – Сколько ему дать? Я в этих взятках не силен.

– Деньги, должно быть, здесь значат гораздо больше, чем в Нью-Йорке, – ответил Уоррен. – Может, взять да и оглушить его целой сотней долларов? Ну если, конечно, по-твоему, дело того стоит.

Джек мысленно перевел сто долларов во французские франки и извлек несколько купюр из своего денежного пояса. Через несколько минут араб вернулся и уведомил:

– Управляющий говорит, что он вас не знает и пропускать не велит.

– Вот бредятина! – ругнулся Джек. Затем вытянул левую руку, в которой меж пальцев небрежно торчали франки. – Мы вам будем очень признательны за помощь.

Араб секунду-другую рассматривал деньги, потом протянул руку и взял их. В мгновение ока они исчезли у него в кармане.

Джек некоторое время пристально смотрел на стража, но тот даже не пошевелился. Понять что-нибудь по выражению его лица Джеку было трудно: рот араба скрывали густые усы.

Джек повернулся к Уоррену:

– Я что, мало ему дал?

Уоррен в ответ покачал головой:

– Я так считаю, что ничего не получится.

– Ты хочешь сказать, он сграбастал мои деньги – и все?

– По-моему, так.

Джек снова посмотрел на стража в черном костюме. Прикинул, что тот весит около ста пятидесяти фунтов: он сам явно пожиже будет. Секунду-другую Джек тешился мыслью выйти из машины и потребовать свои деньги назад, но, бросив взгляд на солдат, решил этого не делать.

Смирено вздохнув, он сделал разворот и покатил в сторону, откуда они приехали.

– Фью! – присвистнула Лори. – Мне это ничуть не понравилось.

– Тебе не понравилось? – переспросил Джек. – Ну, теперь я завелся всерьез.

– Что за план Б? – напомнил Уоррен.

Джек поделился своими планами добраться до Кого на лодке из Акалайонга. Попросил Уоррена свериться с картой. И прикинуть, учитывая, сколько времени им потребовалось, чтобы доехать до блокпоста, как долго добираться до Акалайонга.

– Я бы сказал, три часа, – подсчитал Уоррен. – При такой же хорошей дороге, конечно. Беда в том, что нам придется здорово сдать назад, прежде чем покатить на юг.

Джек взглянул на часы: почти девять утра.

– Это значит, мы доберемся туда около полудня. Насколько могу судить, из Акалайонга до Кого мы дойдем за час даже на самой тихоходной лодке на свете. Скажем, в Кого задержимся на пару часов. Все равно, полагаю, успеем вернуться во вполне приемлемое время. Что скажете?

– Я спокоен, – произнес Уоррен.

Джек глянул в водительское зеркальце:

– Могу отвезти дам обратно в Бату и вернуться завтра.

– Единственное, что меня настраивает против того, чтобы кто-либо из нас ехал, это солдаты с автоматами, – подала голос Лори.

– Тут, по-моему, пакостей не будет, – сказал Джек. – Если У них солдаты на блокпосту, значит, в городе нужды в них нет. Конечно, всегда есть шанс, что прибрежная полоса патрулируется, и тогда я вынужден буду действовать по плану В.

– Что еще за план В? – задал вопрос Уоррен.

– Не знаю, – ответил Джек. – Я до него еще не дошел. – Он глянул на подругу Уоррена: – А вы как, Натали?

– Все так интересно! – ответила та. – Так что куда все, туда и я.

Понадобился почти час, чтобы доехать до места, где нужно было принимать решение. Джек остановил машину на обочине.

– Ну, банда, что делаем? – обратился он ко всем. Хотелось быть уверенным полностью. – Обрато в Бату или в Акалайонг?

– Я, наверное, больше испереживаюсь, если ты уедешь один, – сказала Лори. – Записываюсь в поход.

– Натали? – Джек обернулся. – Не поддавайтесь влиянию других наших психов. Что вы хотите?

– Я поеду, – просто ответила Натали.

– Порядок, – подытожил Джек. Он тронул машину и повернул налево в сторону Акалайонга.

* * *

Зигфрид поднялся из-за стола с кофейной кружкой в руке и подошел к окну, выходящему на площадь. Он был озадачен. За все шесть лет работы в Кого никто ни разу не подъезжал к блокпосту и не

требовал пропустить. Экваториальная Гвинея не то место, куда туристы забредают из праздного любопытства.

Зигфрид отхлебнул кофе и задумался, нет ли связи между этим ненормальным происшествием и прибытием Тейлора Кэбота, генерального директора «Генсис». И то и то другое произошло неожиданно, и то и другое оказалось особенно некстати: именно тогда, когда случилась крупная неувязка с проектом бонобо. Пока с таким прискорбным положением не будет покончено, Зигфрид не желал, чтобы вокруг шлялись всякие случайные люди, к каковым он относил и генерального директора.

Аурильо просунул голову в дверь и сообщил, что пришел доктор Раймонд Лайонз и хочет переговорить.

Зигфрид возвел очи горе. Он не желал, чтобы и Раймонд Лайонз тоже тут шлялся.

– Проси, – неохотно выговорил он.

Раймонд вошел в кабинет: как всегда, загорелый и цветущий. Зигфрид завидовал аристократическому обличью этого человека, как и тому, что у того обе руки здоровые.

– Кевина Маршалла еще не обнаружили? – требовательно спросил Раймонд.

– Нет, не обнаружили. – Тон Раймонда сразу же вызвал у Зигфрида неприязнь.

– Насколько мне известно, прошло уже сорок восемь часов с тех пор, как его видели в последний раз, – напомнил Раймонд. – Извольте отыскать его!

– Сядьте, доктор! – резко бросил Зигфрид.

Раймонд замешкался. Он не знал, то ли рассердиться на неожиданную выходку управляющего, то ли испугаться.

– Я сказал, сядьте! – повторил Зигфрид.

Раймонд сел. Белый охотник, украшенный жуткими шрамами, с плетью повисшей рукой, умел производить впечатление, особенно в окружении свидетельств своих многочисленных охотничьих удач.

– Давайте уточним один пункт, касающийся того, кто кому подчиняется, – начал Зигфрид. – Я ваших приказов не исполняю. На деле, когда вы находитесь здесь в качестве гостя, то исполняете мои распоряжения. Это понятно?

Раймонд уж было рот открыл, чтобы возразить, но вовремя прикусил язык. Он понимал, что формально Зигфрид прав.

– И коль скоро мы ведем такой откровенный разговор, – продолжал Зигфрид, – где мои премиальные за отлов? В прошлом я всегда получал их, когда пациент покидал Зону, возвращаясь в Штаты.

– Это правда, – натянуто согласился Раймонд. – Однако понадобились дополнительные расходы. Деньги скоро поступят от новых клиентов. Как только поступят – вам сразу выплатят.

– Не хотелось бы, чтобы у вас сложилось впечатление, будто меня можно по кривой на козе обскакать, – предупредил Зигфрид.

– Боже упаси! – выпалил Раймонд.

– И еще одно, – уже мягче выговорил Зигфрид. – Не могли бы вы как-нибудь ускорить отъезд гендиректора?

– Не вижу, каким образом, – ответил Раймонд. – Он осведомлен, что пациент здоров и перенесет путешествие. Что еще я могу сказать?

– Придумайте что-нибудь, – посоветовал Зигфрид.

– Постараюсь, – пообещал Раймонд. – А вы тем временем найдите, пожалуйста, Кевина Маршалла. Его исчезновение меня беспокоит. Боюсь, он способен совершить нечто безрассудное.

– Мы полагаем, что он отправился в Габон, в Кокобич, – сообщил Зигфрид. Ему было отрадно слышать в тоне Раймонда подходящие подбострастные нотки.

– Вы уверены, что он не на остров отправился?

– Полной уверенности быть не может, – признал Зигфрид. – Но мы так не думаем. Даже если бы и поехал, то ему незачем было там оставаться. Он бы уже вернулся. Прошло сорок восемь часов.

Раймонд встал и вздохнул:

– Жаль, что он еще не объявился. Я от тревоги о нем на стену лезу, особенно когда здесь Тейлор Кэбот. Это ведь еще одно, особенное, звено в длинной веренице трудностей, обрушившихся на нас в Нью-Йорке, они грозят всей программе и делают мою жизнь невыносимой.

– Мы продолжим поиски, – уверил Зигфрид. Он попытался придать своей речи сочувственную интонацию, но на самом деле его занимало то, как поведет себя Раймонд, когда узнает, что бонобо окружены и их предстоит перевезти в центр животных. Все остальные

невзгоды бледнеют перед лицом того, что обезьяны убивают друг друга.

– Я постараюсь что-нибудь придумать, чтобы уговорить Тейлора Кэбота, – произнес Раймонд и направился к двери. – Если не затруднит, был бы вам признателен, если бы вы сразу уведомили меня, как только что-то услышите о Кевине Маршалле.

– Разумеется, – любезно произнес Зигфрид. Ему доставляло удовольствие любоваться тем, как до того бравый доктор смиренно откланивается. Едва Раймонд скрылся с глаз, как Зигфрид вспомнил, что тот из Нью-Йорка.

Бросившись к двери, он перехватил Раймонда уже на лестнице.

– Доктор, – воззвал Зигфрид с нарочитым почтением.

Раймонд приостановился и обернулся.

– Вам, случайно, не знаком доктор по имени Джек Стэплтон?

Кровь отлила от лица Раймонда.

То, что гость побледнел, не ускользнуло от внимания управляющего, и он предложил:

– Наверное, нам лучше пройти обратно в мой кабинет.

Едва Зигфрид закрыл дверь, как Раймонд тут же бросился расспрашивать, откуда, дьявол его побери, взялось имя «Джек Стэплтон».

Управляющий обошел стол и сел в кресло. Жестом указал на кресло Раймонду. Зигфрид уж и не рад был. Он ведь собирался уведомить Тейлора Кэбота о неожиданной просьбе каких-то странных врачей побывать в Зоне. Раймонду об этом он сообщать не собирался.

– Прямо перед вашим приходом мне позвонили с нашего блокпоста и сообщили нечто странное, – рассказывал Зигфрид. – Марокканский страж доложил, что подъехал фургон, полный людей, которые просили позволить им осмотреть наши владения. Никогда прежде у нас не было непрошенных гостей. За рулем фургона сидел доктор Джек Стэплтон из Нью-Йорка.

Раймонд отер пот, выступивший у него на лбу. Пригладил обеими руками волосы. Он упрямо твердил себе, что такого не может быть, поскольку Винни Доминик должен был позаботиться о Джеке Стэплтоне и Лори Монтгомери. Раймонд не позвонил, чтобы выяснить, что случилось с этими двумя врачами: он действительно не желал обременять себя знанием деталей. За двадцать тысяч долларов

беспокоиться о деталях не следовало – так, во всяком случае, ему думалось. Случись такая нужда, он скорее предположил бы, что тела Стэплтона с Монтомери носит нынче по волнам где-нибудь в Атлантическом океане.

– Ваша реакция начинает меня тревожить, – признался Зигфрид.

– Вы не пропустили Стэплтона и его друзей в город?

– Нет, конечно же, нет.

– Лучше, наверное, было бы пропустить, – заметил Раймонд. – Тогда с ними можно было бы разделаться. Джек Стэплтон – это очень большая опасность для нашей программы. Есть ли здесь, в Зоне, какой-нибудь способ обезопаситься от подобных людей?

– Имеется, – уверил Зигфрид. – Мы попросту передаем их экваторгвинейскому министру юстиции или министру обороны – и солидную премию в придачу. Наказание следует без огласки и очень быстро. Правительство не жалеет сил ради того, чтобы ничто не грозило гусыне, которая несет золотые яйца. От нас требуется только заявить, что они наносят серьезный ущерб деятельности «Генсис».

– В таком случае, если они вернутся, полагаю, лучше вам их пропустить, – посоветовал Раймонд.

– Может, вы сообщите мне почему?

– Помните Карло Франкони?

– Карло Франкони, пациента? – уточнил Зигфрид. Раймонд кивнул.

– Конечно же, помню.

– Так вот, все началось с него... – Этими словами Раймонд начал рассказ о запутанной истории.

* * *

– Думаешь, она безопасна? – Лори внимательно разглядывала огромную долбленную пирогу с тентом из соломы, вытащенную на полкорпуса на пляжный песок. На корме был прикреплен внушительных размеров выдавший виды подвесной мотор. Бак для горючего у него подтекал, о чем свидетельствовали радужные разводы в воде вокруг кормы.

– Утверждают, что она ходит в Габон и обратно дважды в день, – ответил Джек. – А это дальше, чем Кого.

– И сколько за нее придется заплатить? – поинтересовалась Натали.

Джек полчаса потратил на уговоры, чтобы заполучить лодку.

– Немного больше, чем я думал, – признался он. – Тут пару дней назад какие-то люди взяли лодку напрокат, и с тех пор их никто не видел. Боюсь, что из-за этого прокат подорожал.

– Больше сотни или меньше? – уточнил Уоррен. Он, судя по всему, тоже не был убежден в мореходных качествах посудыны. – Потому как если с тебя содрали больше сотенной, то крепко надули.

– Ладно, хватит придирааться, – сказал Джек. – Лучше уж давайте присядем на дорожку, если вы, конечно, не надумали дать задний ход.

Последовало молчание, во время которого все четверо переводили взгляд друг на друга.

– Плавать-то я могу не очень, – признался Уоррен.

– Уверяю тебя, никто не собирается лезть в воду, – успокоил его Джек.

– Хорошо, – решился Уоррен, – полный вперед.

– Дамы остаются на борту? – спросил Джек.

Лори с Натали согласно покивали, без особой, впрочем, радости. В данный момент полуденное солнце убивало все желания и лишало сил. Даже у воды, на берегу лимана, дышать было нечем.

Женщины уселись на корме, помогая приподнять нос лодки, Джек с Уорреном столкнули громадину-пирогу в воду и на ходу один за другим запрыгнули в нее. Все взялись за весла, и вскоре пирога удалилась от берега футов на пятьдесят. Джек занялся мотором, подкачал в двигатель горючего небольшим ручным насосом, помещавшимся на крышке красного топливного бака. Когда-то, еще мальчишкой, он ходил на моторке по озеру на Среднем Западе и вдоволь навозился с подвесными моторами.

– Эта посудина куда устойчивее, чем кажется, – признала Лори. Даже при всей суете Джека на корме лодка едва покачивалась.

– И не течет! – радостно добавила Натали. – Я этого больше всего боялась.

Уоррен хранил молчание. Он так вцепился в планшир, что косточки пальцев побелели.

К удивлению Джека, мотор завелся уже со второй попытки. Секунду спустя они шли полным ходом, держа почти прямо на восток. После угнетающей жары приятно было ощутить дуновение свежего бриза.

До Акалайонга они доехали быстрее, чем ожидалось, хотя дорога в сравнении с той, что пролегла от Кого на север до развилки, оказалась хуже. Движения на ней почти не было, лишь временами попадался навстречу какой-нибудь автобусик, неизменно битком набитый пассажирами. Даже на крыше сидело по два-три человека, изо всех сил вцепившихся в багажные решетки.

Акалайонг вызвал у всех улыбку. На карте он значился как город, но состоял, как оказалось, из горстки аляповато раскрашенных бетонных магазинчиков, баров и нескольких гостиниц. Там же располагался сложенный из бетонных плит полицейский участок, где возле крыльца несколько человек в грязной форме вальяжно раскинулись в плетеных креслах, заботливо поставленных в тени. Когда фургон проезжал мимо, полицейские с сонливым пренебрежением проводили взглядами Джека и его спутников.

Хотя размалеванный городок до смешного напоминал дешевый ночной клуб, хотя он был завален мусором, путешественники нашли где поесть и выпить, а также отыскали лодку. Не без опаски поставили они фургон на стоянку в виду полицейского участка, надеясь по возвращении найти его на месте.

– Сколько, по твоим вычислениям, времени у нас это займет? – прокричала Лори, перекрывая рев подвесного мотора. Тот трещал особенно громко, поскольку часть кожуха у него отсутствовала.

– Час! – выкрикнул Джек в ответ. – Хотя хозяин лодки уверял, что, скорее, это займет всего минут двадцать. Очевидно, Кого прямо за мысом, что перед нами.

В тот момент они проходили мимо раскинувшегося на две мили в ширину устья Рио-Конго. Покрытые джунглями берега курились туманом. Над головой сгущались грозовые тучи, пока путешественники ехали в машине, их дважды настигали грозы.

– Надеюсь, тут нас дождь не застанет, – сказала Натали. Но мать-природа не вняла ее надежде. Не прошло и пяти минут, как обрушился такой ливень, что от падения особо громадных капель речная вода заплескивалась в лодку. Джек сбросил обороты двигателя и,

предоставив лодке самой выбирать путь, присоединился к остальным, укрывшимся под соломенным тентом. Ко всеобщему приятному изумлению, они остались совершенно сухими.

Обогнув мыс, путешественники сразу увидели пирс Кого. Сооруженный из тяжелого, выдержанного дерева, он разительно отличался от хлипких причалов Акалайонга. Подойдя ближе, они разглядели с краю плавучий причал.

Представший во всей красе Кого поразил всех. Тут не было обветшалых и наугад построенных домов с плоскими крышами из рифленого металла, как в Бате и Акалайонге. Симпатичные, выложенные плиткой и выбеленные здания свидетельствовали о богатом колониальном прошлом. Слева, почти скрываясь в джунглях, стояла современная электростанция. О ее существовании можно было догадаться только по невероятно высокой дымовой трубе.

Джек утихомирил мотор еще на подходе к городу, чтобы можно было переговариваться и слышать других. Вдоль причала стояли на привязи несколько точно таких же пирог, в какой они сами сидели, правда, те, другие, были доверху завалены рыболовными сетями.

– Меня радует вид других лодок, – сказал Джек. – А то боялся, что наша будет торчать, как бельмо на глазу.

– Как по-твоему, вон то большое современное здание – это клиника? – спросила Лори, указывая пальцем.

Джек, проследив направление, подтвердил:

– Оно самое. Во всяком случае, так уверял Артуро, а он должен знать. Он работал здесь в первой бригаде строителей.

– Туда, полагаю, мы и направимся.

– Похоже, – кивнул Джек. – Во всяком случае, прежде всего. Артуро говорил, что центр животных находится отсюда в нескольких милях, в джунглях. Нам, может, еще придется сообразить, как туда попасть.

– А городок побольше, чем я думал, – произнес Уоррен.

– Мне говорили, что это был заброшенный испанский колониальный город, – разъяснял Джек. – Такое впечатление, что его весь обновили, хотя на самом деле нет.

– А что тут делали испанцы? – задала вопрос Натали. – Здесь же ничего нет, только джунгли.

– Тут выращивали кофе и какао, – напомнил Джек. – Во всяком случае, мне так думается. Само собой, я понятия не имею, где это выращивали.

– Ой-ей, я солдата вижу, – встревожилась Лори.

– Я его тоже вижу, – сказал Джек. Чем ближе пирога подходила к берегу, тем внимательнее он вглядывался в береговую линию.

Солдат был одет в такую же камуфляжную форму и носил такой же красный берет, как и те, что стояли у блокпоста. Он бесцельно слонялся по выложенной брусчаткой площадке у основания пирса. На плече у него небрежно болтался автомат.

– Означает ли это, что мы переключаемся на план В? – спросил, подтрунивая, Уоррен.

– Пока нет, – сказал Джек. – Очевидно, он торчит там, где легче задержать людей, сошедших с пирса. Но взгляните на тот бар, что выстроен на пляже. Если мы доберемся туда, то окажемся как у себя дома.

– Не можем же мы ткнуться в берег прямо на пляже, – заговорила Лори. – Солдат это тоже увидит.

– Взгляни, какой пирс высокий, – показал Джек. – А давайте затащим лодку на берег под пирсом, а потом пешочком прошагаем в «цыпочный» бар. Как думаете?

– Звучит заманчиво, – сказал Уоррен. – Только эта лодка ни за что под пирсом не поместится.

Джек встал и подошел к одной из жердей, державших соломенный тент. Она уходила в отверстие в планшире. Схватив жердь обеими руками, Джек вытащил ее из гнезда.

– Какое удобство! – воскликнул он. – Оказывается, наша пирога с откидным верхом.

Еще через несколько минут все жерди были вынуты, а крыша превратилась в кучу палок и соломы. Ее разложили вдоль бортов под сиденьями.

– Хозяин нас за такое по головке не погладит, – заметила Натали.

Джек развернул лодку так, чтобы с площади их практически нельзя было увидеть за пирсом, и выключил мотор в тот момент, когда пирога скользнула под тень пирса. Хватаясь за стойки, они потянули лодку к берегу, следя за тем, чтобы не удариться головами о перекладины.

Лодка, шурша днищем, ткнулась в укрытый тенью кусочек берега и остановилась.

– Пока все в норме, – сказал Джек, помогая женщинам и Уоррену сойти на землю. Потом мужчины вдвоем (Уоррен тянул с берега, а Джек греб веслом) вытащили лодку на песок пляжа.

Джек спрыгнул с лодки и указал на каменную стену, которая тянулась поперек основания пирса и скрывалась в плавно поднимавшемся песке пляжа:

– Жмемся к стене. Как перескочим ее, идем к «Цыпочкам».

Несколько минут спустя они были в баре. Солдат не обратил на них никакого внимания. То ли не заметил, то ли ему было все равно.

В баре было пусто, только какой-то чернокожий старательно нарезал ножом лимоны с лаймами. Джек, указав на табуретки, предложил выпить за удачу. Все с радостью согласились. В пироге, после того как взошло солнце, а особенно после того, как сняли тент, припекало изрядно.

Бармен был тут как тут. Карточка с именем у него на груди обозначала его как Сатурнино. Невзирая на имя, оказался сн человеком веселым. Носил простую рубаху, расписанную дикими зверями, и шапочку-феску, похожую на ту, в какой Артуро встречал их в аэропорту сутки назад.

По примеру Натали все заказали колу с ломтиком лимона.

– Не очень-то у вас нынче оживленно, – начал Джек разговор с Сатурнино.

– До пяти всегда так, – сказал бармен. – А с пяти крутишься как белка в колесе.

– Мы здесь новенькие. Нам какими деньгами расплачиваться?

– Можно в кредит, просто распишитесь, – предложил Сатурнино.

Джек глянул на Лори, молча спрашивая совета. Она отрицательно покачала головой.

– Лучше мы заплатим, – сказал Джек. – Доллары подойдут?

– Как угодно. Доллары или чеки. Без разницы.

– А где тут клиника?

Сатурнино указал большим пальцем себе за плечо:

– Вверх по улице, пока до главной площади не дойдете. Большое здание слева.

– Чем там занимаются?

Сатурнино, глянув на Джека, как на придурка, ответил:

– Людей лечат.

– А из Америки люди приезжают, чтобы полечиться в клинике?

Сатурнино, пожав плечами, произнес:

– Мне о том не известно. – Взяв купюры, положенные Джеком на стойку бара, он направился к кассе.

– Хороший заход, – шепнула Лори.

– Слишком уж было бы все легко и просто, – согласился Джек.

Освежившись ледяным напитком, группа выбралась на солнечный свет. Прошли в каких-нибудь пятидесяти футах от караульного, который по-прежнему не обращал на них внимания. Прошагав немного по мощенной булыжником улице, вышли на небольшую зеленую площадку, окруженную домами, выстроенными в плантаторском стиле.

– Напоминает Карибские острова, – произнесла Лори.

Пять минут спустя они вышли на обсаженную деревьями городскую площадь. Почти идиллический вид портила кучка солдат, слонявшихся возле ратуши, наискосок от места, где остановились пришедшие.

– Ого, – не удержался Джек, – да их тут целый батальон.

– Ты, помнится, говорил, что если у блокпоста поставили солдат, то в городе их держать не станут.

– Ошибся, как оказалось, – признался Джек. – Только какой смысл теперь об этом вспоминать. Вот он, клинический лабораторный комплекс, перед нами.

С угла площади казалось, что здание занимало большую часть городской застройки Кого. Главный вход обращен к площади, но был и еще один, слева, вниз по боковой улочке.

– Что нам говорить, если нас спросят? – В голосе Лори звучала тревога. – Ты же знаешь, что зайти в клинику придется.

– Попробую что-нибудь на ходу придумать. – С этими словами Джек рванул на себя дверь и, будто швейцар, истово кланяясь, стал убеждать друзей войти.

Лори, поймав взгляды Натали и Уоррена, закатила глаза. По крайней мере даже когда Джек выводил из себя своими выходками, он оставался очарователен.

Войдя в здание, все поежились от удовольствия: никогда прохлада от кондиционера не доставляла такого блаженства. Помещение, где они оказались, походило на гостиную: ковры по всему полу, мягкие кресла и диваны. Большой книжный шкаф во всю стену. На полках, укрепленных под углом, красовалась впечатляющая подборка журналов, от «Тайм» до «Нэшнл джиографик». В комнате сидели человек шесть, все были погружены в чтение.

В задней стене на высоте письменного стола за раздвижным стеклом находилось окошко. В нем было видно сидевшую за столом негритянку в голубом форменном платье. Справа от окошка тянулся коридор с несколькими лифтами.

– Неужели все эти люди пациенты? – спросила Лори.

– Хороший вопрос, – похвалил Джек. – Почему-то мне так не кажется. Слишком уж у них здоровый и холеный вид. Надо поговорить с секретаршей, или кто там она.

Уоррен с Натали, подавленные великолепием клиники, молча следовали за Джеком и Лори.

Джек мягко постучал в окошко. Дежурная оторвалась от работы и отодвинула стекло.

– Извините, – произнесла она, – не заметила, как вы пришли. Вы записаться?

– Нет, – сказал Джек. – Все телесные функции моего организма в данный момент в полном порядке.

– Прошу прощения? – не поняла дежурная.

– Мы пришли осмотреть клинику, а не воспользоваться ее услугами, – пояснил Джек. – Мы врачи.

– Это не клиника, – поправила негритянка, – это гостиница. А вам надо либо выйти и зайти с главного входа, либо пройти по коридору направо. Клиника за двойными дверями.

– Благодарю вас.

– Пожалуйста. – Прильнув к окошку, дежурная провожала взглядом всю компанию, пока те не скрылись за углом. Растерянная, она снова села за стол и сняла трубку телефона.

Джек провел всю группу сквозь двойные двери. Вокруг все стало более знакомым. Крытые линолеумом полы и гладкие стены выкрашены в успокоительный больничный зеленый цвет. Чувствовался слабый запах дезинфицирующих средств.

– Это больше похоже на дело, – заметил Джек.

Они попали в помещение, окна которого выходили на площадь. Расположенные между окнами широкие двери вели наружу. Здесь тоже стояло несколько диванов и кресел вокруг небольших ковриков (они четко обозначали места для бесед), но и в помине не было того великолепия, с каким приезжие столкнулись в гостиной, куда попали поначалу. Впрочем, здесь тоже имелся застекленный проем в стене, куда следовало обращаться за справками.

Джек вторично постучал в окошко. Еще одна дежурная отодвинула стекло. И так же радушно их приветствовала.

– Хотим спросить, – начал Джек. – Мы врачи и хотели бы знать, есть ли сейчас в клинике пациенты, которым делают пересадку органов?

– Да, конечно же, есть один, – ответила дежурная, несколько смутившись. – Гораций Винчестер. Он в триста второй палате и уже подготовлен к выписке.

– Вот повезло, – сказал Джек. – А какой орган ему пересажен?

– Печень, – ответила дежурная. – Вы все из питсбургской группы?

– Нет, мы часть нью-йоркской группы, – уведомил Джек.

– Понимаю, – произнесла дежурная, хотя по лицу ее было видно, что она ничего не понимала.

– Благодарю вас, – раскланялся Джек с дежурной и повел всех к лифтам, что виднелись справа. – Наконец-то удача на нашей стороне! – по-ребячьи радуясь, воскликнул он. – Все получится легко. Может, нам всего-то и понадобится – взглянуть на историю болезни.

– Как будто это легко сделать! – хмыкнула Лори.

– Ты права, – подумав, сказал Джек. – А значит, наверное, надо просто навестить Горация и получить факты из первых уст.

– Слышь, мужик, – произнес Уоррен, останавливая Джека. – Может, нам с Натали внизу подождать? Мы к больнице не привычны, ты понимаешь, о чем я?

– Пожалуй, – неохотно признал Джек. – Только, знаешь, я думаю, что нам надо кучковаться вместе на тот случай, если придется сматываться шустрее, чем хотелось бы. Ты понимаешь, о чем я?

Уоррен кивнул, и Джек нажал кнопку вызова лифта.

К ложным тревогам Камерон Макиверс привык. В конце концов, в большинстве случаев, когда вызывали его или службу безопасности, тревога оказывалась ложной. Так что, проходя в дверь гостиницы, особого беспокойства он не испытывал. Но в его (или одного из его заместителей) обязанности входила проверка всех сигналов о возможных нарушениях.

Подходя к справочному окошку, Камерон отметил, что в гостиной царит та же тишь да гладь, что и всегда. Внешнее спокойствие только усилило его подозрение, что и нынешний вызов окажется не опаснее остальных.

Камерон стукнул в стекло, и оно тут же отодвинулось.

– Мисс Уильямс! – Камерон притронулся к полям шляпы в своеобразном приветствии. Во время дежурства Камерон, как все сотрудники службы безопасности, носил военную форму цвета хаки и шляпу-австралийку. Как и все, он был к тому же перепоясан кожаным ремнем с португеей. Справа на ремне висела упрятанная в кобуру «беретта», а слева – ручная рация для двусторонней связи.

– Они вон туда пошли! – взволнованно выпалила Корина Уильямс. И даже со стула встала, чтобы показать рукой за угол.

– Успокойтесь, – мягко осадил ее Камерон. – О ком в точности вы говорите?

– Имен своих они не назвали, – доложила Корина. – Всего их четверо. Говорил только один. Сказал, что он доктор.

– Хм-мм, – Камерон задумался. – И раньше вы их никогда не видели?

– Никогда, – с чувством произнесла дежурная. – Они меня врасплох застали. Я думала, может, они в гостиницу пришли поселиться, ведь вчера новые гости прибыли. А они сказали, что пришли осмотреть клинику. Я объяснила, как в нее попасть, и они сразу ушли.

– Они черные или белые? – спросил Камерон, все еще надеясь, что происшествие окажется обычной ложной тревогой.

– Половина на половину. Двое черных и двое белых. Но, судя по тому, как они одеты, уверена, что все – американцы.

– Понятно. – Камерон в задумчивости почесал бороду, соображая, не мог ли кто из американских работников Зоны зайти в гостиницу и сказать, что хочет осмотреть клинику. Мысль показалась нелепой.

– Тот, кто говорил, еще что-то такое странное сказал... мол, его телесные функции в полном порядке, – добавила Корина. – Я даже не сообразила, что ответить.

– Хм-м, – кашлянул Камерон. – Можно воспользоваться вашим телефоном?

– Разумеется. – Корина схватила со стола телефонный аппарат и просунула его Камерону в окошко.

Камерон набрал прямой номер управляющего. Зигфрид ответил тотчас же.

– Я здесь, в гостинице, – объяснил Камерон. – Хочу забавную историю вам рассказать. Четыре неизвестных врача заявили сюда и уведомили мисс Уильямс, что желали бы осмотреть клинику.

Зигфрид разразился такой яростной тирадой, что Камерону пришлось отвести трубку подальше от уха. Даже Корина сжалась от страха.

Камерон вернул телефон дежурной. В гневном выговоре Зигфрида он не разобрал ни слова, но смысл был ясен. Камерону следовало немедленно вызвать подкрепление и задержать чужаков-врачей.

Камерон одновременно расстегнул кобуру и чехол рации. Выхватив рацию, он объявил общую тревогу и направился в клинику.

* * *

Палата 302, как оказалось, располагалась в передней части здания, из окон ее открывался прекрасный вид на площадь и дальше на восток. Джек с друзьями отыскали палату без труда. Никто их не останавливал. Вообще на пути от лифта до открытой двери палаты они не встретили ни единой живой души.

Джек постучал в дверь, хотя было ясно, что в данный момент палата пуста. Впрочем, свидетельств того, что она обитаема, вполне хватало. Телевизор со встроенным видеоманитофоном был включен: на экране мелькали кадры из какого-то старого фильма с Полом Ньюменом. Постель на больничной кровати не прибрана. На багажной подставке стоял раскрытый чемодан.

Загадка разрешилась, когда Лори обратила внимание на звуки льющейся воды за закрытой дверью ванной комнаты.

Когда душ выключили, Джек постучал в дверь, но прошло еще почти десять минут, прежде чем появился Гораций Винчестер.

Пациенту, весьма тучному, было лет пятьдесят пять. На вид он был весел и здоров. Подтянув пояс на махровом халате, Гораций поспешил к мягкому креслу, стоявшему возле кровати. И уселся в него, удовлетворенно переведя дух.

– Чем обязан? – спросил он, улыбаясь гостям. – Такой компании меня не удостаивали за все проведенное здесь время.

– Как вы себя чувствуете? – задал вопрос Джек. Он придвинул к себе стул с прямой спинкой и сел точно напротив Горация. Уоррен с Натали притаились за дверью. В палату им входить очень не хотелось. Лори подошла к окну. После того как они увидели солдат на площади, на душе у нее становилось все тревожнее. Ей очень хотелось сделать визит в палату покороче и побыстрее вернуться к лодке.

– Чувствую я себя потрясающе, – охотно ответил Гораций. – Это чудо. Когда я сюда приехал, то буквально на ладан дышал, весь желтый был, как канарейка. А посмотрите на меня теперь! Я готов тридцать шесть лунок на поле для гольфа пройти на каком-нибудь из своих курортов. Слушайте, вы все приглашены на любой из них, где можете оставаться сколько захотите и за все будет уплачено. Любите на лыжах кататься?

– Я люблю, – кивнул Джек. – Но хотелось бы поговорить о вашей болезни. Как я понимаю, здесь вам сделали пересадку печени. Интересно знать, откуда взяли печень?

Полуулыбка играла на губах Горация, когда он искоса рассматривал Джека.

– Это что-то вроде экзамена? – спросил он. – Я к тому, что если так, то он не нужен. Я не собираюсь никому ничего рассказывать. Признательность моя безгранична. И вообще, как только смогу, так сразу закажу себе еще одного двойника.

– Что конкретно вы имеете в виду, говоря «двойник»?

– Послушайте, вы из питсбургской группы? – поинтересовался Гораций, переводя взгляд на Лори.

– Нет, мы – часть нью-йоркской группы, – ответил Джек. – И мы в восторге от вашего случая, рады, что все у вас хорошо. Мы прибыли

сюда поучиться. – Джек улыбнулся и развел руками, вытянув ладони вперед. – Внимательно вас слушаем. Может, начнете с самого начала?

– Имеете в виду, с того, как я заболел? – Гораций был явно в замешательстве.

– Нет, с того, как вы устроили пересадку здесь, в Африке, – уточнил Джек. – И еще хотелось бы знать, что вы называете «двойником». Печень вам досталась, случайно, не от человекообразной обезьяны?

Гораций нервно хохотнул и тряхнул головой, спрашивая:

– Что здесь происходит? – Вновь глянул на Лори, потом на Натали с Уорреном, по-прежнему стоявших в дверях.

– Ой-ей! – вдруг вскрикнула Лори. Она смотрела в окно. – Сюда солдаты через площадь бегут.

Уоррен быстро пересек комнату и глянул в окно:

– Плохи дела, мужики. Эти всерьез играют!

Джек поднялся, нагнулся и, схватив Горация за плечи, оказался лицом к лицу с пациентом:

– Вы меня очень огорчите, если не станете отвечать на мои вопросы, а я, когда огорчен, вытворяю странные вещи. Что это было за животное, шимпанзе?

– Они уже возле клиники! – крикнул Уоррен. – И у каждого по «калашу»!

– Ну же! – обратился Джек к Горацию, слегка встряхнув его. – Говорите! Это шимпанзе? – Джек сдавил мужчину покрепче.

– Это бонобо, – хрипло выговорил перепуганный Гораций.

– Есть такой вид человекообразной обезьяны?

– Да, – выдавил из себя Гораций.

– Мужик, идем! – звал Уоррен, снова возникая в дверях. – Надо уносить отсюда ноги.

– Так что имеется в виду под двойником? – допытывался Джек.

Лори схватила его за руку:

– Времени нет. Солдаты будут здесь через минуту.

Джек неохотно отпустил Горация и позволил потащить себя к двери, причитая:

– Черт, еще чуть-чуть – и все узнал бы.

Уоррен отчаянно махал рукой, призывая следовать за ним и Натали по главному коридору в глубь здания. В этот миг дверь лифта

открылась, из нее вышел Камерон, сжимая в руке пистолет.

– Всем стоять! – рявкнул он, как только увидел посторонних.

Ухватив пистолет обеими руками, начальник службы безопасности навел дуло на Уоррена с Натали. Затем резко повернулся, взяв на мушку Джека с Лори. Положение Камерона было не из легких: противники находились от него по обе стороны, и когда он смотрел на одну пару, то вторая выпадала из его поля зрения.

– Руки на затылок! – приказал Камерон и повел дулом пистолета.

Все выполнили его команду, хотя всякий раз, когда Камерон наводил пистолет на Джека с Лори, Уоррен подбирался к нему на шаг ближе.

– Никакого вреда никому не будет, – произнес Камерон, снова наводя пистолет на Уоррена.

А тот, подобравшись совсем близко, молниеносно ударил Камерона ногой по рукам. Пистолет врезался в потолок и отскочил в сторону.

Камерон еще не успел сообразить, куда подевался пистолет, как Уоррен подмял его под себя и дважды ударил, сначала под дых, а следом по носу. Камерон навзничь рухнул на пол.

– Рад, что в этой игре ты в моей команде, – обратился к Уоррену Джек.

– Надо пробираться обратно к лодке! – выпалил тот, вовсе не думая шутить.

– Готов выслушать предложения, – спокойно произнес Джек.

Камерон застонал и перевернулся на живот.

Уоррен оглянулся по сторонам. Еще несколько минут назад ему казалось, что бежать надо по главному коридору в глубь здания, но сейчас это не годилось. В глубине коридора он заметил толпу медсестер, которые возбужденно указывали на него.

Напротив лифтов на уровне глаз висел указатель в виде стрелки, острием обращенной дальше в коридор, за палату Горация. На стрелке значилась буква «О».

Понимая, что времени на обсуждение нет, Уоррен махнул рукой в сторону стрелки и рявкнул:

– Туда!

– В операционную? – удивился Джек. – Зачем?

– Затем, что этого не ожидают, – буркнул Уоррен. И, схватив за руку пораженную Натали, на бегу потянул ее за собой.

Джек с Лори побежали следом. Они миновали палату Горация, но пациента не было видно: с перепугу он заперся в ванной.

Операционный блок отделяли от остальной клиники обычные, свободно открывающиеся в обе стороны двери. Уоррен толкнул их вытянутой рукой и проскочил на бегу, будто футбольный защитник. Джек и Лори неслись за ним по пятам.

По пути им не попалось ни одного больного, не было никого и в палате для выздоравливающих. Не было даже света, если не считать того, что лился из подсобки, расположенной дальше по коридору. Дверь подсобки оказалась распахнута настежь.

Из подсобки, расслышав, как бухают двери операционной, вышла уборщица в одноразовой шапочке, прикрывавшей волосы. У нее сердце зашло, когда она увидела четыре бегущие в ее сторону фигуры.

– Эй, – закричала она, одолев испуг, – сюда нельзя в верхней одежде!

Но Уоррен и остальные уже пробежали мимо. Встревоженная уборщица смотрела, как незваные гости добежали до конца коридора и скрылись за стеклянными дверями, ведущими в лабораторию.

Вернувшись в подсобку, она бросилась к висевшему на стене телефону.

Уоррен остановился, когда коридор разошелся в стороны на манер буквы «Т». Огляделся. Слева, в самом конце, на стене светилась красная лампочка сигнала пожарной тревоги. Сверху располагался указатель: «Выход».

– Подожди! – окликнул Джек Уоррена, который уже собирался рвануть туда, где, по его мнению, была лестница.

– Что за дела, мужик? – беспокожно спросил Уоррен.

– Тут, похоже, лаборатория, – сказал Джек, шагнул к застекленной двери и глянул через стекло. И сразу же поразился. Здесь, посреди Африки, глазам его предстала самая современная из когда-либо виденных им лабораторий. Все приборы, все оборудование выглядели совершенно новыми.

– Пошли! – резко произнесла Лори. – Любопытничать нет времени. Надо выбираться отсюда.

– Мужик, она права, – поддержал Уоррен. – После того как мы тюкнули там малого из безопасности, нам тем более надо когти рвать.

– Вы бегите, – рассеянно произнес Джек. – Встретимся у лодки.

Уоррен, Лори и Натали тревожно переглянулись.

Джек тронул дверь: она оказалась не заперта. Открыв ее, он шагнул внутрь.

– О Боже праведный! – застонала Лори. Порой Джек вел себя так неразумно! Одно дело не думать о собственной безопасности, но совсем другое – подвергать опасности других.

– Мы моргнуть не успеем, как тут не продохнешь от пижонов из безопасности и солдатни, – урезонивал Уоррен.

– Знаю, – сказала Лори. – Вы, ребята, бегите. А я как смогу, так сразу его приведу.

– Я вас не оставлю, – заявил Уоррен.

– Подумайте о Натали, – убеждала Лори.

– Глупости, – вспыхнула та, – что я, кисейная барышня, что ли? Мы тут все вместе!

– Вот что, девушки, вы идите туда и постарайтесь мужика как-то образумить, – сказал Уоррен. – А я сбегая в тот конец и высажу сигнал пожарной тревоги.

– Это еще зачем? – удивилась Лори.

– Фокус старый, еще мальчишкой научился, – усмехнулся Уоррен. – Раз уж попал в переplet, так устраивай шухер побольше. Тогда появится шанс смыться.

– Поверю вам на слово, – кивнула Лори и, позвав за собой Натали, вошла в лабораторию.

И увидела, как Джек ведет милый разговор с лаборанткой в длинном белом халате. Рыжеволосая, все лицо в веснушках, улыбка располагающая. Джек уже успел ее рассмешить.

– Простите! – выговорила Лори, с трудом сдерживая голос. – Джек, нам надо идти.

– Лори, познакомься, пожалуйста, – откликнулся тот. – Это Роланда Файфер. Она приехала из Германии, из Гейдельберга.

– Джек! – процедила Лори сквозь стиснутые зубы.

– Роланда интересные вещи рассказывает, – словно не замечая ее гнева, продолжал Джек. – Она со своими коллегами работает здесь с генами для малых антигенов тканевой совместимости. Они берут их у

определенной хромосомы в одной клетке и переносят на тот же участок той же хромосомы в другой клетке.

Натали подошла к большому, как витрина, окну с видом на площадь и тут же, отпрянув, торопливо вернулась, шепнув Лори:

– Дело дрянь. Там, внизу, подъезжает полная машина этих арабов в черных костюмах.

В эту секунду по всему зданию раздалась пожарная тревога. Три режущих слух пронзительных звука трубы периодически чередовались с бесстрастным голосом, выговаривавшим: «Пожар в лаборатории! Пожалуйста, немедленно пройдите к запасным лестницам для эвакуации! Не пользуйтесь лифтами!»

– Ой, вот те на! – воскликнула Роланда и принялась быстро оглядываться, прикидывая, что забрать с собой.

Лори схватила Джека за обе руки и хорошенько потрянула:

– Джек, опомнись! Нам надо убираться отсюда.

– Я все разгадал, – произнес он, криво улыбаясь.

– Да плевать на это! – разъярилась Лори. – Бежим!

Они бросились в коридор. Туда же выходили и сотрудники клиники. Все были в замешательстве, без конца крутили головами, вглядываясь то в один, то в другой конец коридора. Некоторые принюхивались. Все оживленно переговаривались. Многие держали в руках портативные компьютеры.

Без излишней суеты все направились к запасному выходу. Джек, Лори и Натали встретились с Уорреном, который держал дверь открытой. К тому же ему удалось раздобыть белые халаты, которые он раздал остальным. Они сразу же натянули их поверх одежды. К сожалению, из всей толпы они единственные были в шортах.

– Тут, используя обезьян, которые называются бонобо, сотворили нечто вроде химеры, – возбужденно рассказывал Джек. – Таково объяснение. Нечего удивляться что анализы на ДНК получились такими нелепыми.

– Что он такое несет? – раздраженно спросил Уоррен.

– Не спрашивайте, – махнула рукой Лори. – Это еще больше раззадорит его.

– Кому пришло в голову врубить пожарную тревогу? – спросил Джек. – Блестящая мысль!

– Уоррену, – сказала Лори. – Хоть один из нас еще соображает.

Лестница вывела на автостоянку с северной стороны. Люди переминались с ноги на ногу, оглядывались на здание, сбивались в маленькие группки. Жара стояла смертная: в небе светило солнце, а стоянка была покрыта черным асфальтом. С северо-запада доносились приближающиеся завывания пожарных сирен.

– Что будем делать? – обратилась ко всем Лори. – Пока нам везет, у меня даже от души отлегло. Только не думаю, что легко будет выбраться из здания.

– Пошли дойдем до улицы и свернем налево, – предложил Джек, указывая рукой. – Мы сделаем круг, двигаясь на запад, и снова выйдем к берегу.

– А куда подевались все солдаты? – спросила Лори.

– И арабы? – прибавила Натали.

– Ищут нас в клинике, полагаю, – сказал Джек.

– Давайте двигать, пока весь народ из лабораторий обратно в здание не начал возвращаться, – предложил Уоррен.

Не торопясь, стараясь не привлекать к себе внимание, они пошли. Подойдя к улице, оглянулись, опасаясь, не следят ли за ними, но никто даже не смотрел в их сторону. Всеобщим вниманием овладела прибывшая пожарная машина.

– Пока все в норме, – произнес Джек.

Уоррен дошел до улицы первым. Глянув налево за угол, он встал как вкопанный и широко раскинул руки, закрывая дорогу остальным. Затем сделал шаг назад.

– Так нам не пройти, – сказал он. – У них в конце улицы шлагбаум.

– Ой-ей, – воскликнула Лори, – наверное, всю округу обложили!

– Помните, мы видели электростанцию? – произнес Джек.

Все кивнули.

– Это самое электричество как-то должно попадать в клинику, – рассуждал Джек. – Готов спорить: есть тоннель.

– Возможно, – согласился Уоррен. – Беда только в том, что мы не знаем, как его отыскать. И потом идти обратно в здание меня не греет. Тем более битком набитое этими сопляками с «АК-47».

– Тогда давай попробуем перейти площадь, – сказал Джек.

– Прямо на глазах солдат, которых мы видели? – заволновалась Лори.

– Эй, если они сюда, в клинику, сбежались, то бояться нечего? – утешил Джек.

– Смысл есть, – согласилась Натали.

– Конечно, – продолжал Джек, – мы в любой момент можем сдаться и сказать, мол, извините, больше так не будем. Что они нам могут сделать, как не вышвырнуть отсюда к чертовой матери? Кажется, я выяснил то, зачем сюда прибыл, так что лично меня это нисколько не огорчит.

– Ты шутишь, – осадил его Лори. – От них простыми извинениями не отделаться. Уоррен ударил того человека: мы не просто без разрешения проникли на территорию.

– В какой-то мере шучу, – признался Джек. – Но очень удивлюсь, если нас не выдворят отсюда.

– Надо что-то предпринять, – сказал Уоррен. – Вон пожарные уже руками машут, народ обратно в корпус зовут. Так мы одни останемся торчать тут на самом солнцепеке.

– Точно, машут, – подтвердил Джек, сощурившись от бывшего в лицо солнечного света. Достав темные очки, он надел их и предложил: – Пошли через площадь, пока солдаты не вернулись.

И снова они пошли не торопясь, будто прогуливались. Добрались почти до травы, когда почувствовали какую-то суматоху у двери в корпус. Все разом обернулись и увидели, как, расталкивая входивших в здание сотрудников лабораторий, наружу спешили арабы в черных костюмах.

Арабы рассыпались по раскаленной солнцем автомобильной стоянке, галстуки у них развевались, глаза обшаривали все вокруг. Каждый размахивал зажатым в руке автоматическим пистолетом. За спинами арабов показались несколько солдат. Задыхаясь, они стояли на палящем солнце, хватая ртом воздух и внимательно оглядывая все вокруг.

Уоррен замер, а следом за ним и остальные.

– Не нравится мне это, – буркнул Уоррен. – Их шестеро. А боевого запаса у них хватит, чтобы ограбить Чейз-Манхэттен-банк.

– Они мне полицейских из мультиков напоминают, – заметил Джек.

– Лично я ничего забавного в этом не нахожу, – резко бросила Лори.

– Как ни странно, но, думаю, придется нам пошагать обратно в корпус, – сказал Уоррен. – На нас лабораторные халаты, пусть уж не задумываются, зачем мы тут торчим.

Не успел никто ответить на предложение Уоррена, как из двери вышел Камерон в сопровождении еще двоих. Один был одет, как Камерон: явно сотрудник службы безопасности. У второго, ростом поменьше, правая рука свисала плетью.

– Ох-хо, – вздохнул Джек, – у меня такое ощущение, что нам все же придется прибегнуть к извинениям.

Камерон прижимал к носу окровавленный платок, но зоркости не утратил. Сразу заметил группу и завопил, указывая на них пальцем:

– Вон они!

Марокканцы и солдаты моментально окружили нарушителей. А те, не дожидаясь приказа, высоко подняли руки: все стволы были нацелены на них.

– Интересно, может, на них произведет впечатление мой значок судмедэксперта? – усмехнулся Джек.

– Не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость! – предостерегла его Лори.

Камерон и сопровождавшие его быстро приблизились. Кольцо вокруг американцев разомкнулось, пропуская начальство. Зигфрид выступил вперед.

– Мы хотели бы принести извинения за любые неудобства... – начал Джек.

– Молчать! – рявкнул Зигфрид. Он обошел вокруг группы, рассматривая людей со всех сторон, затем спросил Камерона, с этими ли людьми тот столкнулся в клинике.

– У меня нет никаких сомнений на этот счет, – выговорил Камерон, глядя Уоррену в лицо. – Надеюсь, вы сделаете мне одолжение, сэр.

– Не сомневайтесь, – ответил Зигфрид с легким оттенком досады.

Безо всякого предупреждения Камерон резким хуком вдарил Уоррена по скуле. Звук получился такой, будто на пол шлепнулся телефонный справочник. И тут же с губ Камерона сорвался жалобный вой, он подхватил другой рукой кулак и стиснул зубы. У Уоррена ни единый мускул не дрогнул. Похоже, он даже глазом не моргнул.

Камерон выругался, задохнувшись, и отошел в сторону.

– Обыскать их, – приказал Зигфрид.

– Просим извинить, если мы... – начал Джек, но Зигфрид не дал ему завершить фразу. Он наотмашь ударил его ладонью по щеке достаточно сильно: голова у Джека дернулась, на щеке вспухла красная полоса.

Заместитель Камерона быстренько изъял у Джека и остальных паспорта, бумажники, деньги и ключи от машины. Передал все это Зигфриду, который не спеша просмотрел документы. Глядя в паспорт Джека, он поднял глаза и грозно взглянул на владельца.

– Меня предупреждали, что вы смутьян, – с презрением процедил он.

– Я бы скорее счел себя упорным соперником, – поправил Джек.

– А к тому же и задавака! – рыкнул Зигфрид. – Надеюсь, упорство вам пригодится, когда вас передадут экваторгвинейским военным.

– Наверное, лучше позвонить в американское посольство и покончить с этим, – сказал Джек. – Как-никак мы государственные служащие.

Зигфрид улыбнулся, отчего его обезображенное шрамом лицо оскалилось еще больше.

– Американское посольство? – переспросил он с нескрываемой насмешкой. – В Экваториальной Гвинее! Хороша шутка! К вашему сожалению, оно отсюда далеко, на острове Биоко. – Управляющий повернулся к Камерону: – Посадите их в тюрьму, только отделите мужчин от женщин!

Камерон, щелкнув пальцами, подал знак своему заместителю. Он хотел, чтобы всем четверым сначала надели наручники. Пока это делалось, они с Зигфридом отошли в сторонку.

– Вы в самом деле намерены передать их экваторгвинейцам? – спросил Камерон.

– Абсолютно, – ответил Зигфрид. – Раймонд предупредил меня насчет этого Стэйплтона. Им придется исчезнуть.

– Когда?

– Как только Тейлор Кэбот отбудет, – сообщил Зигфрид. – Мне нужно, чтобы об этом случае никто словом не обмолвился.

– Я понимаю, – отозвался Камерон. Он тронул поля своей шляпы и вернулся надзирать за доставкой пленников в тюрьму в подвале городской ратуши.

Глава 22

9 марта 1997 г.

16.30

Остров Франчески

– Происходит что-то очень странное, – сказал Кевин.

– Но что? – воскликнула Мелани. – Мы вновь обретаем надежду?

– А куда подевались остальные животные? – задала вопрос Кэндис.

– Не знаю, радоваться или огорчаться, – гадал Кевин. – А вдруг они устроили Армагеддон с другой общиной и сражение приближается сюда?

– Боже всемогущий, – ахнула Мелани, – об этом я и не подумала.

Кевин с женщинами вели жизнь фактических пленников уже больше двух дней. Им не позволялось покидать нишу в течение всего заточения, и вонь в ней стояла такая же, если не похуже, как и в большой пещере. Чтобы справлять нужду, они вынуждены были пользоваться лазом, из которого уже несло, как из маленькой выгребной ямы.

Да и сами они пахли не лучше. Все трое запаршивели и перепачкались, оттого что носили, не снимая, одну и ту же одежду, спали на камнях и на грязном полу. Волосы у них безнадежно спутались. Лицо Кевина покрывала двухдневная щетина. Они ослабли от отсутствия движения и нормальной еды, хотя каждый съедал хоть что-то из приносимого обезьянами.

В то утро, часов в десять, появилось ощущение, что происходит что-то необычайное. Обезьяны вели себя очень возбужденно. Некоторые бросались вон, а уже через несколько секунд возвращались снова, оглашая воздух громкими криками. Рано утром бонобо номер один ушел, но пока еще не вернулся. Это само по себе было странно.

– Секундочку, – произнес вдруг Кевин и поднял руки, предостерегая женщин от разговоров и шума. Медленно поворачивая голову из стороны в сторону, он внимательно вслушивался.

– Что такое? – нетерпеливо спросила Мелани.

– Показалось, будто голос слышал.

– Человеческий голос? – вскинулась Кэндис.

Кевин кивнул.

– Тихо, я только что слышала его! – воскликнула Мелани.

– Я тоже, – вторила ей Кэндис. – Убеждена, что это голос человека. Похоже, будто кто-то кричал: «Хорош».

– Артур тоже услышал, – заметил Кевин. Они прозвали бонобо, который чаще всего стоял на страже возле ниши, Артуром просто так, чтобы хоть как-то отличать его от других. За долгие часы им удалось наладить что-то вроде диалога. Они сумели даже предположить значение некоторых слов и жестов, какими пользовались бонобо.

Словарик, в каком они были уверены больше всего, включал в себя «арак», что означало «вон», «прочь», особенно если при этом растопыривались пальцы или руками делались широкие, как бы отталкивающие движения: такой же жест Кэндис наблюдала в операционной. Сюда же входили «хана» («тихо») и «зит» («иди»). Вполне были уверены они и в том, как обезьяны говорят «еда» и «вода»: звучало это соответственно «буми» и «карак». Вызывало сомнения слово «ста», которое сопровождалось вытягиванием рук с поднятыми вперед ладонями. Они полагали, что это, возможно, «ты».

Артур стоя громко оповещал о чем-то немногих оставшихся в пещере бонобо. Те прислушались и мигом исчезли в отверстии пещеры.

Следом Кевин и женщины слышали несколько ружейных хлопков: стреляли не из обычных ружей, а из пневматических. Спустя несколько минут в проеме входа в пещеру на фоне безоблачного светлого неба появились двое в комбинезонах центра животных. У одного в руках было ружье, у другого – сильный аккумуляторный фонарь.

– Помогите! – заорала Мелани. Она отводила глаза от мощного луча света, но отчаянно махала обеими руками, делая все, чтобы пришедшие заметили ее.

Раздался громкий хлопок, эхом прокатившийся под сводом пещеры. И тут же заныл Артур. С растерянным выражением на плоском лице он смотрел на стрелку с красным оперением, торчавшую у него в груди. Рука его поднялась, чтобы схватить ее, но бонобо зашатался. И, будто в кадрах замедленной съемки, осел на пол и повалился на бок.

Кевин, Мелани и Кэндис, выскочив из своей лишенной запоров тюрьмы, попытались выпрямиться во весь рост. Это удалось не сразу. А когда удалось, укротители уже стояли на коленях возле бонобо и вводили животному дополнительную дозу успокоительного.

– Бог мой, как же мы рады вас видеть! – причитала Мелани. Она держалась на ногах, упершись руками в каменные стены. На мгновение вся пещера пошла у нее кругом. Укротители поднялись с колен и направили яркий свет на женщин, а потом на Кевина. Бывшим пленникам пришлось защищать глаза.

– Ну вы и извазюкались, – произнес человек с фонарем.

– Я Кевин Маршалл, а это Мелани Беккет и Кэндис Брикманн.

– Я знаю, кто вы такие, – уныло сказал укротитель. – Давайте выбираться из этого дерьма.

Кевин и женщины с радостью последовали совету, неуклюже ковыляя к выходу, ноги у них были как ватные. Укротители шли за ними следом. Выбравшись из пещеры, трое друзей крепко зажмурились от яркого, слепящего солнечного света. Внизу у склона скалы стояли еще шестеро укротителей. Они ловко закатывали усыпленных бонобо в тростниковые циновки и грузили на прицеп, осторожно укладывая животных бок о бок.

– Здесь, в этой пещере, еще один, – закричал стоявшим внизу человек с фонарем.

– А вас двоих я знаю, – сказала Мелани, хорошенько рассмотрев вызволивших их людей. – Вы Дэйв Тернер, а вы Дарил Кристиан.

Мужчины не обращали на Мелани внимания. Дэйв, более рослый, вытащил из чехла, висевшего на поясе, рацию. Дарил начал спускаться по огромным ступеням.

– Тернер вызывает базу, – проговорил Дэйв в микрофон.

– Слышу вас громко и четко, – донесся с другого конца голос Бертрама.

– Мы взяли последних бонобо и заканчиваем погрузку, – доложил Дэйв.

– Отличная работа, – похвалил Бертрам.

– Мы нашли Кевина Маршалла и двух женщин в пещере, – сообщил Дэйв.

– В каком состоянии? – поинтересовался Бертрам.

– Все в дерьме, но так вроде живы-здоровы, – ответил Дэйв.

– Дайте-ка мне эту штуку! – Мелани протянула руку к рации: ей почему-то вдруг не понравилось, что подчиненный говорит о ней столь уничижительно.

Дэйв отгеснил женщину в сторонку и спросил в рацию:

– Что мне с ними делать прикажете?

Мелани уперла руки в бока. Она порядком рассердилась:

– Как это понимать: «что мне с ними делать»?

– Везите их в центр животных, – распорядился Бертрам. – Я поставлю в известность Зигфрида Шполлека. Уверен, ему захочется побеседовать с ними.

– Десять-четыре, – закончил разговор Дэйв и выключил рацию.

– Что означает такое обращение? – требовала ответа Мелани. – Нас здесь пленниками держали больше двух суток.

Дэйв пожал плечами:

– Мы всего лишь исполняем приказы, мэм. Похоже, вы трое сильно и не вовремя разозлили главную контору.

– Что, скажите на милость, творится с этими бонобо? – спрашивал Кевин. Поначалу когда он увидел, чем занимаются укротители, то подумал, что все это предпринимается ради их спасения. Но чем больше он раздумывал, тем больше не понимал, зачем тогда животных грузят в прицеп.

– Хорошая жизнь бонобо на острове – дело прошлое, – вздохнул Дэйв. – Они тут воевать пустились, друг дружку убивать стали. Мы четыре трупа нашли в доказательство, у всех головы проломлены заточенными камнями. Вот мы и засаживаем их в клетки у площадки для кормления, готовимся перевезти всех в центр животных. У них теперь там будут шестифутовые бетонные камеры на каждого, насколько мне известно.

У Кевина рот открылся от изумления. Несмотря на голод и истощение, на ссадины и боль, он с глубокой печалью относился к этим несчастным созданиям, которые никого не просили ни создавать их, ни рождать на свет. Кому-то понадобилось неожиданно и своевольно обречь их на жизнь в однообразии заточения. Человеческому в них не суждено будет развиваться, и поразительные их достижения тем самым окажутся утрачены.

Дарил еще с тремя укротителями поднимались вверх с циновкой.

Кевин обернулся и взгляделся в сумрак пещеры. В густой тени он различил профиль Артура возле ниши, в которой содержались Кевин и женщины. Слезы навернулись на глаза: Кевин представил себе, что почувствует Артур, когда, придя в себя, обнаружит, что заключен в стальной клетке.

– Ладно, вы, трое, – обратился к ним Дэйв, – двигаем обратно. У вас есть силы пешком идти или хотите на прицепе проехать?

– А как вы прицеп передвигаете? – спросил Кевин.

– Мы с собой на остров вездеход прихватили, – пояснил Дэйв.

– Я пойду пешком, благодарю вас, – ледяным тоном проговорила Мелани.

Кевин с Кэндис кивнули, соглашаясь с ней.

– Мы, правда, ужасно голодны, – признался Кевин. – Обезьяны угощали нас только насекомыми, червяками и болотной травой.

– У нас есть несколько плиток шоколада и кой-чего попить там, в ящичке на передке прицепа, – махнул рукой Дэйв.

– Это просто превосходно, – обрадовался Кевин.

Спуск по склону скалы был самой трудной частью путешествия. Когда ступили на плоскую землю, то зашагали увереннее, тем более что укротители расчистили путь для вездехода.

Кевина поразило, как много успели сделать рабочие за такое короткое время. Когда он вышел на болотистую поляну южнее Лаго-Гиппо, то подумал, цело ли еще каноэ, упрятанное в зарослях тростника. И решил, что, видимо, цело: ни у кого не было повода отыскивать его.

Кэндис воспряла духом, когда увидела покрытый землей бревенчатый мост, о чем тут же и поведала. Она все переживала, как им удастся перебраться через Рио-Дивизо.

– А вы, ребята, времени зря не теряли, – одобрительно заметил Кевин.

– Выхода у нас не было, – вздохнул Дэйв. – Велели отловить этих животных – чем скорее, тем лучше.

Кевин, Мелани и Кэндис совсем выбились из сил на последней миле пути от моста через Рио-Дивизо до площадки для кормления. Это было особенно заметно, когда им пришлось сойти с просеки для вездехода и пропустить его вместе с последним прицепом,

наполненным бонобо. Стоило им остановиться и постоять недолго, как сразу почувствовали: ноги будто свинцом налились.

Все с облегчением вздохнули, выйдя из сумеречных джунглей на просвет заполненной суетой площадки для кормления. Там под палящим солнцем вкалывали еще с полдюжины рабочих в голубых комбинезонах. Они сноровисто выгружали бонобо из второго прицепа и помещали их в отдельные стальные клетки до того, как обезьяны приходили в себя.

Клетки представляли собой стальные короба площадью четыре квадратных фута, в которых встать на ноги могли разве что детеныши обезьян. Воздух поступал и выходил из них только через прутья на дверцах. Закрывались клетки наклонной щеколдой, которая запиралась сбоку и до которой животное не могло дотянуться. Кевин разглядел во мраке клеток перепуганные лица нескольких бонобо.

Такие маленькие клетки предназначались только для перевозки, однако подъемный кран без устали переносил их в тень северной кромки джунглей, и это давало основание предполагать, что клетки оставались на острове. Один из рабочих орудовал шлангом от работавшего на бензиновом движке насоса, окатывая клетки и животных речной водой.

– Вы, кажется, говорили, что бонобо перевозят в центр животных? – спросил Кевин.

– Только не сегодня, – ответил Дэйв. – Сейчас там для них места нет. Завтра перевезем, самое позднее – послезавтра.

Перейти на материк не составило труда, поскольку раздвижной мост был переброшен. Сделан он был из стали, так что шаги по нему отдавались глухим рокотом, похожим на барабанную дробь. Рядом с механизмом моста стоял грузовичок Дэйва.

– Полезайте, – сказал Дэйв, указывая на кузов грузовичка.

– Одну минуточку! – взорвалась Мелани. Это были ее первые слова, произнесенные с тех пор, как они выбрались из пещеры. – Не поедem же мы в кузове грузовика!

– Тогда пешком пойдете, – отозвался Дэйв. – В кабину я вас не посажу.

– Перестаньте, Мелани, – урезонил ее Кевин. – Тут, на открытом воздухе, будет гораздо приятнее. – И он подал руку Кэндис.

Дэйв обошел машину кругом и сел за руль.

Еще с минуту Мелани показывала характер. Руки в боки, ноги расставлены, губы плотно сжаты – на вид ни дать ни взять молоденькая девчонка, того и гляди разревется от злости.

– Мелани, тут недалеко, – успокоила подругу Кэндис и протянула руку. Нехотя, но Мелани взяла ее.

– Я на встречу героев не рассчитывала, – жаловалась она, – но и такого вот обращения не ожидала.

После гнетущей сырости пещеры и тепличной влажности джунглей поездка с ветерком в кузове грузовичка неожиданно оказалась приятной. Кузов был выложен тростниковыми циновками, которые использовались для перевозки обезьян, так что сидеть в нем было довольно мягко. Запах от матов шел препротивный, но и сами они, подумали все трое, пахли не лучше.

Улегшись на спину, они смотрели на проблески предвечернего неба между нависавшими ветвями деревьев.

– Как по-вашему, что они с нами сделают? – подала голос Кэндис. – Я не хочу опять в тюрьму садиться.

– Будем надеяться, что нас просто тут же уволят безо всяких разговоров, – откликнулась Мелани. – Я готова упаковать вещички и распрощаться с Зоной, с проектом, с Экваториальной Гвинеей. С меня хватит.

– Могу только надеяться, что все обойдется так легко, – вздохнул Кевин. – А еще меня беспокоят обезьяны. Они все получили пожизненное заключение.

– Тут мы мало что можем сделать, – сказала Кэндис.

– Как знать, – усомнился Кевин. – Интересно, найдется ли такая группа поборников прав животных, которая расскажет о том, что здесь творится.

– Вот что, даже не заикайтесь ни о чем подобном до тех пор, пока мы не уберемся отсюда к черту, – повысила голос Мелани. – А то вы всех тут с ума сведете.

Они въехали в восточную оконечность города, миновали футбольное поле, оставили справа теннисный центр. И там и там были люди, особенно в теннисном центре. Все корты были заняты.

– Такие вот происшествия заставляют ощутить, что на самом деле ты значишь куда меньше, чем сама думаешь, – говорила Мелани,

разглядывая игроков. – Ты пропадаешь где-то два мучительных дня, а здесь все идет точно так же, как и прежде.

Раздумывая над словами Мелани, все машинально схватились кто за что мог, зная, что машина должна резко повернуть вправо, чтобы отвезти их в центр животных. Вместо этого грузовичок сбавил скорость и встал. Кевин сел, глянул вперед и увидел стоявший у дороги джип Бертрама.

– Зигфрид велел вам возить их прямо к дому Кевина, – крикнул Бертрам Дэйву.

– Ладно! – крикнул в ответ Дэйв.

Он объехал джип и покати́л вперед.

Кевин снова улегся:

– А это уже сюрприз. Вдруг в конце концов с нами обойдутся не так уж и плохо?

– Может, попросим подбросить нас с Кэндис до дома? – сказала Мелани. – Это более или менее по пути. – Оглядев себя, она добавила: – Первое, что сделаю, – это приму душ и надену все чистое. И только после – поем.

Кевин встал на колени и стал стучать в заднее окошко кабины, пока Дэйв не отозвался. Тогда он передал ему просьбу Мелани. Дэйв ответил отказом, причем довольно грубо.

Кевин опять улегся на спину и сообщил:

– Кажется, сначала придется побывать у меня дома.

Как только выехали на брусчатку, затрясло так, что всем пришлось сесть. Перед последним поворотом Кевин с надеждой всматривался вперед. Ему хотелось помыться не меньше, чем Мелани. Увы, увиденное им радости не доставило. Перед его домом стояли Зигфрид и Камерон, а с ними четверо до зубов вооруженных экваториальных военных, в том числе один офицер.

– Ох-хо, – произнес Кевин. – Вид совсем не обнадеживающий.

Грузовичок остановился. Дэйв вышел из кабины и, обойдя машину, открыл задний борт. Кевин первым выбрался из кузова на затекших ногах. За ним спустились Мелани и Кэндис.

Готовясь к неизбежному, Кевин направился к месту, где стояли Зигфрид с Камероном. Он знал, что Мелани и Кэндис следуют за ним по пятам. Бертрам, поставив свой джип перед грузовичком, присоединился к остальным. Особой радости никто не испытывал.

– Мы надеялись, что вы, никого не ставя в известность, отправились отдохнуть, – с издевкой выговорил Зигфрид. – А выясняется, что вы сознательно нарушили незыблемые правила, запрещающие появляться на острове Франчески. Все вы будете находиться под домашним арестом в этом здании. – Он указал через плечо на дом Кевина.

Кевин хотел было объяснить, почему они сделали то, что сделали, как вдруг вперед выступила Мелани. Изнеможенная и раздраженная, она яростно закричала:

– Я здесь не останусь – и точка! В общем, я увольняюсь. И убираюсь из Зоны, как только покончу со всеми формальностями.

У Зигфрида вздернулась верхняя губа, отчего он оскалился еще больше. Быстро шагнув вперед, он что было силы ударил Мелани тыльной стороной ладони, сбив ее с ног. Кэндис инстинктивно опустилась на одно колено, чтобы оказать помощь подруге.

– Не трогать ее! – заорал Зигфрид и замахнулся, будто собирался ударить Кэндис.

Кэндис, не обращая на него внимания, помогла Мелани сесть. Левый глаз Мелани стал распухать, струйка крови тихо стекала по щеке.

Кевин, зажмурившись, отвернулся, ожидая еще одного удара. Смелость Кэндис его восхищала, но, увы, у него самого ее почти не было. Зигфрид внушал ему страх, и Кевин не в силах был пальцем пошевелить.

Удара больше не последовало, и Кевин повернул голову. Кэндис помогла Мелани встать, хотя у той подгибались ноги.

– Вы скоро, очень скоро уберетесь из Зоны! – рычал Зигфрид на Мелани. – Но только в компании экваторгвинейских властей. Можете на них испытать свою наглость.

Кевин с трудом проглотил слюну. Больше всего он боялся передачи экваторгвинейцам.

– Я американка, – прорыдала Мелани.

– Но находитесь в Экваториальной Гвинее, – оборвал ее Зигфрид. – И вы нарушили экваторгвинейский закон.

Управляющий отступил на шаг и объявил:

– Я забрал ваши паспорта. К вашему сведению, они будут переданы местным властям вместе с вами лично. А до тех пор вы

будете находиться в этом доме. И предупреждаю: и солдаты, и офицер получили приказ стрелять, если вы сделаете хотя бы шаг из дому. Я понятно выразился?

– Мне нужна одежда! – выкрикнула Мелани.

– Я приказал привезти сюда одежду из ваших домов для вас обеих. Найдете в гостевых комнатах наверху, – сказал Зигфрид. – Поверьте, мы все предусмотрели.

Управляющий повернулся к Камерону:

– Проследите, чтобы об этих людях позаботились.

– Разумеется, сэр, – ответил Камерон. И тронул поля шляпы, прежде чем обратиться к женщинам.

– Ну, – рявкнул он, – слышали, что сказал управляющий? Марш наверх, и никаких пакостей, пожалуйста.

Кевин пошел вперед, но сделал крюк, чтобы пройти мимо Бертрама и сказать:

– Они не только пользуются огнем. Они изготавливают орудия труда и даже разговаривают друг с другом.

Ученый пошел дальше, он не заметил, чтобы сказанное им хоть как-то отразилось на лице Бертрама, если не считать легкого шевеления вечно поднятых бровей. Хотя Кевин был уверен: Бертрам его слышал.

Устало поднимаясь на второй этаж, Кевин видел, как распоряжается Камерон, устраивая пост солдат с офицером у нижних ступенек лестницы.

Оказавшись наверху, Кевин, Мелани и Кэндис взглянули друг на друга. Мелани все еще беспрестанно всхлипывала.

Кевин, сложив губы трубочкой, сделал глубокий выдох.

– Никудышные новости, – сказал он.

– Они не могут так поступить с нами, – прохныкала Мелани.

– Важно то, что они намерены попробовать, – уточнил Кевин. – А без паспортов нам нелегко будет покинуть эту страну, даже если мы решимся уходить пешком.

Мелани обхватила голову руками и сжала со словами:

– Мне надо взять себя в руки.

– Я опять оцепенела, – призналась Кэндис. – Мы из одного заключения попали в другое.

– По крайней мере, – вздохнул Кевин, – в тюрьму нас не посадили.

Они услышали, как снаружи, заурчав моторами, разъехались машины. Кевин, выйдя на веранду, убедился: уехали все, кроме Камерона. Глянув в небо, он заметил, что сумерки сгущаются в ночь. Показались первые звезды.

Вернувшись в дом, Кевин направился прямо к телефону. Сняв трубку, услышал именно то, что и ожидал: ничего.

– Гудок есть? – раздался позади него голос Мелани.

Кевин повесил трубку. Покачав головой, ответил:

– Боюсь, что нет.

– Такого я не ожидала, – сказала Мелани.

– Пошли в душ, – предложила Кэндис.

– Дельная мысль, – одобрила Мелани, стараясь придать голосу уверенность.

Договорились встретиться через полчаса, и Кевин, вернувшись через столовую, толкнул дверь на кухню. Весь в грязи входить он не хотел. Запах жареного цыпленка дразнил ноздри.

Эсмеральда вскочила на ноги, едва распахнулась дверь.

– Здравствуйте, Эсмеральда.

– Добро пожаловать, мистер Маршалл.

– Вы не вышли встретить нас, как делаете всегда, – сказал Кевин.

– Я боялась, что управляющий еще в доме, – ответила Эсмеральда. – Он и этот из безопасности приходили раньше, сказали, что вы возвращаетесь домой и что из дома вам выходить нельзя.

– Мне они об этом тоже сказали.

– Я вам поесть приготовила. Проголодались?

– Очень. Но у нас еще две гостыи.

– Знаю. Управляющий и об этом предупредил.

– Мы сможем поесть через полчаса?

– Конечно.

Кевин кивнул. С Эсмеральдой ему повезло. Он повернулся, чтобы уйти, но экономка окликнула его. Он приостановился, держа дверь открытой.

– В городе много плохого случилось, – заговорила Эсмеральда. – Не только с вами и вашими подругами, но и с чужими. У меня кузина в клинике работает. Она мне рассказала, что четыре американца

приехали из Нью-Йорка и пришли в клинику. Они разговаривали с больным, кто получил печень от бонобо.

– О? – удивился Кевин. Посторонние приезжают из Нью-Йорка поговорить с одним из пациентов, кому была сделана пересадка, – такое развитие событий предугадать было невозможно.

– Они взяли и пришли, – продолжала Эсмеральда. – Никто их там не ждал. Сказали, что они врачи. А управляющий вызвал службу безопасности, потом армию, потом гвардейцев, их взяли и увели. Они в тюрьме.

– Ничего себе, – проговорил Кевин, а ход мыслей у него в голове уже менялся. Нью-Йорк напомнил ему про удивительный звонок, которым поднял его посреди ночи неделю назад генеральный директор «Генсис» Тейлор Кэбот. Речь шла о пациенте Карло Франкони, которого убили в Нью-Йорке. Тейлор Кэбот тогда спросил, сможет ли кто-нибудь при вскрытии определить, какую операцию перенес Карло.

– Кузина моя знает солдат, которые там были, – продолжала рассказывать Эсмеральда. – Они сказали, что американцев передадут министрам. Если передадут, то их убьют. Я подумала, вы должны знать.

Кевин почувствовал, как ледяной холод прошелся у него по спине. Он понял, что ту же судьбу Зигфрид уготовил и ему, и Мелани, и Кэндис. Но кто эти американцы? Не причастны ли они к вскрытию Карло Франкони?

– Все это очень серьезно, – увещевала Эсмеральда. – И я боюсь за вас. Я знаю, что вы были на запретном острове.

– Откуда вам это известно? – спросил пораженный Кевин.

– Люди в нашем городе говорят. Когда я рассказала, что вы неожиданно уехали и что вас разыскивает управляющий, Альфонсе Кимба шепнул моему мужу, что вы отправились на остров. Он был уверен.

– Ценю вашу заботу, – уклончиво выразился Кевин, погруженный в собственные мысли. – Спасибо вам за то, что вы мне рассказали.

Кевин вернулся к себе в комнату. Глянув в зеркало, поразился тому, как он тощ и грязен. Пройдясь рукой по отросшей бороде, отметил кое-что более пугающее. Он начинал походить на своего двойника!

Побрившись, приняв душ, переодевшись в чистое, Кевин почувствовал себя так, будто заново родился. Все это время он не переставал думать об американцах, сидящих в тюрьме под ратушей. Любопытство сильно разбирало его, и ему ничего на свете так не хотелось, как пойти и поговорить с узниками.

Кевин нашел, что обе женщины тоже обрели силы и взбодрились. Душ вернул Мелани ее несокрушимое «я», и теперь она горько жаловалась на скудость доставленного гардероба.

– Ничто ни с чем не сочетается, – переживала она.

Они уселись в столовой, и Эсмеральда стала подавать на стол. Мелани рассмеялась, оглядев обстановку:

– Знаете, мне почти забавно, что всего несколько часов назад мы жили, как неандертальцы. И вдруг – престо! – и мы в объятиях роскоши. Это как машина времени.

– Если бы только не приходилось волноваться, что принесет день завтрашний, – уточнила Кэндис.

– Так давайте по крайности насладимся нашей последней вечере! – К Мелани вернулось ее обычное, слегка извращенное чувство юмора. – И потом чем больше я про это думаю, тем меньше мне кажется, что они возьмут да и всучат нас экваторгвинейцам. Им такое, говорю я вам, с рук не сойдет. Третье тысячелетие уже, считай, настает. Наш мир слишком мал.

– Но я волнуюсь... – начала Кэндис.

– Прошу прощения, – перебил ее Кевин. – Эсмеральда рассказала мне кое-что любопытное, и мне хочется с вами поделиться. – Кевин начал с телефонного разговора, которым разбудил его среди ночи Тейлор Кэбот. Затем поведал историю о появлении и последующем заключении ньюйоркцев, сидящих в городской тюрьме.

– Так я про то и толкую, – встряла Мелани. – Пара толковых людей делают вскрытие в Нью-Йорке и кончают тем, что оказываются здесь, в Кого. А мы-то думали, что мы одни на белом свете. Говорю вам: день ото дня мир делается все меньше и меньше.

– Значит, и вы считаете, что американцы прибыли сюда по следу, проложенному Франкони? – спросил Кевин. Его интуиция подсказывала то же самое, но хотелось получить поддержку.

– А разве могло быть иначе? – удивилась Мелани. – У меня нет никаких сомнений.

– А вы как думаете, Кэндис?

– Я согласна с Мелани, – ответила та. – А то уж слишком много совпадений.

– Кэндис, спасибо! – воскликнула Мелани. Вертя в пальцах пустой бокал, она грозно взглянула на Кевина: – Очень не хотелось бы прерывать нашу пленительную беседу, но где ваше пресловутое отличное вино, хвастунишка?

– Боже, совсем забыл, – хлопнул себя по лбу Кевин. – Виноват!

Он вышел из-за стола и отправился в буфетную, где хранились почти нетронутые запасы вин. Разглядывая этикетки на бутылках, которые мало что ему говорили, он вдруг поразился тому, как же много вина у него скопилось. Подсчитав бутылки, стоявшие в одном уголке, и переведя данные на размеры всего помещения, он понял, что в его распоряжении больше трехсот бутылок.

– Ничего себе, – проговорил Кевин, а в голове его уже стал складываться некий план. Схватив столько бутылок, сколько в руки поместилось, и прижав их к груди, он ввалился сквозь открывающиеся в обе стороны двери на кухню.

Эсмеральда встала из-за стола, за которым ела собственный ужин.

– Попрошу вас о любезности, – обратился к ней Кевин. – Отнесите, пожалуйста, эти бутылки с вином и штопор вниз солдатам, что у лестницы.

– Так много? – удивилась экономка.

– Да, и я бы попросил вас отнести еще больше солдатам в муниципалитете. Если спросят, по какому случаю, скажите, что я, мол, уезжаю и хочу, чтобы вино порадовались они, а не управляющий.

Улыбка расплзлась по лицу Эсмеральды. Она подняла глаза на Кевина:

– Кажется, я поняла.

Достав из буфета холщовую сумку, с какой ходила за покупками, она наполнила ее винными бутылками. В мгновение ока исчезла в буфетной и поспешила в прихожую.

Кевин сделал еще несколько ходок между своим винохранилищем и кухонным столом, в результате столешницу украсили ряды из нескольких дюжин бутылок, в том числе и пара бутылок португальского портвейна.

– Что происходит? – сердито спросила Мелани, просовывая голову на кухню. – Мы ждем, ждем, а где вино?

Кевин вручил ей бутылку, сказав, что еще на несколько минут задержится, пусть они начинают ужинать без него. Мелани повернула бутылку, чтобы разглядеть этикетку, а разглядев, воскликнула:

– Ого, «Шато латур»! – Послав Кевину признательную улыбку, она скрылась в столовой.

Вернувшаяся Эсмеральда сообщила, что солдаты очень обрадовались.

– Я только думаю, надо мне им хлеба отнести, – добавила она. – От него у них еще больше жажда разгорится.

– Замечательная мысль, – одобрил Кевин.

Наполнив холщовую сумку вином, он взвесил ее в руке. Получилось тяжеловато, но, решил он, Эсмеральда справится.

– Скажите, сколько солдат в муниципалитете? – спросил Кевин, вручая ей сумку. – Мы должны быть уверены, что каждому хватит с избытком.

– Ночью их там обычно четверо, – сказала Эсмеральда.

– Тогда десяти бутылок хватит, – прикинул Кевин. – Во всяком случае, для начала.

Он улыбнулся, и Эсмеральда улыбнулась ему в ответ.

Глубоко вздохнув, Кевин с силой толкнул дверь в столовую. Ему не терпелось узнать, как отнесутся женщины к его затее.

* * *

Кевин перекатился на другой бок и глянул на часы. Была почти полночь, а потому он сел, спустил ноги с кровати. Выключил будильник, поставленный ровно на двенадцать часов. Потом потянулся.

За ужином он предложил план, вызвавший живое обсуждение. Совместными усилиями идею отшлифовали и развили. В конечном счете все трое решили, что попытаться стоит.

Хорошенько приготовившись, они решили немного отдохнуть. Кевин, однако, несмотря на усталость, никак не мог уснуть. Слишком уж был возбужден. Сказывалось и то, что солдаты постепенно стали

вести себя все шумнее и шумнее. Поначалу снизу доносился лишь их оживленный треп, но вот уже полчаса раздавалось нестройное, но зычное пение.

За вечер Эсмеральда дважды навестила оба сторожевых поста. Вернувшись, она сообщила, что дорогое французское вино вызвало взрыв восторга. После второго посещения она предупредила Кевина, что первоначально выделенные партии бутылок выпиты почти до дна.

Кевин быстренько оделся в темноте и выбрался в коридор. Свет он зажигать не хотел. По счастью, луна светила довольно ярко и добраться до дверей гостевых комнат труда не составило. Сначала он постучал к Мелани. И поразился: дверь тут же открылась.

– Я вас ждала, – зашептала Мелани. – Не могла уснуть.

Вместе они подошли к комнате Кэндис. Та тоже была готова.

В гостиной они взяли холщовые сумки, приготовленные заранее, и вышли на веранду. Вид открылся влекуще диковинный. Несколько часов назад прошел дождь, но теперь все небо покрывали пушистые серебристо-голубые облака. Высоко в небе стояла горбатая луна, и свет ее погружал пропитанный влагой город в какое-то колдовское сияние. В горячем, влажном воздухе ужасающе громко раздавались звуки джунглей.

Этот первый пункт плана они обсудили во всех деталях, и потому теперь не было необходимости в разговорах. В дальнем конце веранды, у заднего угла, закрепили конец трех связанных вместе простыней. Другой конец перебросили через перила на землю.

Мелани настояла, чтобы первой спустилась она. Проворно перелезла через балюстраду и скользнула до земли с завидной легкостью. Следом пошла Кэндис, и вдохновляющий пример подружки сослужил ей верную службу: она без труда добралась до земли.

Кевину же пришлось нелегко. Пытаясь подражать Мелани, он оттолкнулся ногами. Но его тут же качнуло обратно, перевернуло в воздухе и понесло к стене: с маху врезавшись в штукатурку, он ободрал колени.

– Черт! – шепотом ругнулся он, уже спустившись на брусчатку. Потряс рукой и сжал пальцы.

– Все в порядке? – шепнула Мелани.

– Вроде да, – ответил он.

Следующий этап побега причинил побольше хлопот. Двигаясь гуськом, они под прикрытием аркады шаг за шагом одолели заднюю стену дома. Каждый шаг приближал их к главной лестнице, где шумно пировали солдаты. В гомон их ликования вплетались негромкие африканские мелодии, доносившиеся из кассетного магнитофона.

Беглецы добрались до загончика, где Кевин держал свою вездеходную «тойоту», и, протиснувшись вдоль правого бока машины, добрались до капота. Как и было запланировано, Кевин обогнул джип, добрался до дверцы водителя и тихо ее открыл. В этот момент он находился всего в пятнадцати – двадцати футах от опьяневших солдат, сидевших по ту сторону тростниковой циновки, свисавшей с потолка.

Кевин отпустил ручной тормоз, поставил рычаг переключения скоростей в нейтральное положение. Вернувшись к женщинам, знаком показал: толкайте.

Поначалу тяжелая машина никак не поддавалась их усилиям. Кевин, высоко задрав ногу, уперся в фундамент дома. И этот дополнительный рычаг решил дело: джип тронулся с места.

У края аркады брусчатка была выложена слегка под уклон, чтобы дождевая вода стекала прочь от дома. Как только задние колеса машины попали на этот уклон, автомобиль покати сам по себе, набирая скорость. Кевин тут же сообразил, что подталкивать его больше не надо.

– Ох-хо! – вскричал Кевин вслед ускорявшемуся движению джипу.

Догнав машину, он попытался на ходу открыть дверцу, но «тойота» так разогналась, что сделать это оказалось непросто. Джип уже проехал половину проулка и сворачивал вправо, под горку, в сторону побережья.

Наконец Кевину удалось открыть дверцу, и он единым махом взлетел за руль. Уселся побыстрее и нажал на педаль тормозов, успев одновременно резко вывернуть рулевое колесо влево, выравнивая машину на проезжей части.

Опасаясь, как бы солдаты не заметили его лихих прыжков, Кевин глянул в их сторону. Но нет, военные сгрудились вокруг стола, на котором стояли кассетник и с полдюжины пустых винных бутылок. Солдаты радостно хлопали в ладоши, притопывали ногами, не ведая о том, что Кевин проделывал с машиной.

Кевин облегченно вздохнул. Открылась правая дверца, и на пассажирское сиденье забралась Мелани. Кэндис устроилась сзади.

– Не закрывайте дверцы, – прошептал Кевин. Свою он по-прежнему держал открытой.

Кевин снял ногу с тормозной педали. Джип вначале оставался недвижимым, так что Кевину пришлось раскачиваться взад-вперед до тех пор, пока его движение не передалось на колеса и машина медленно не покатила под уклон в сторону побережья. Кевин внимательно вглядывался в зеркало заднего вида, одновременно правя набирающим скорость внедорожником.

По наклонной прокатили два квартала, затем холм стал выравниваться, и «тойота», оказавшись на плоском полотне дороги, встала. Только тогда Кевин вставил ключ зажигания и завел двигатель, а затем они закрыли дверцы.

Друзья радостно переглядывались в полумраке салона, все были возбуждены, сердца бешено колотились. Все трое широко улыбались.

– Наша взяла! – возгласила Мелани.

– Пока все хорошо, – согласился Кевин.

Он включил скорость. Свернув направо, проехал несколько кварталов, далеко стороной объезжая свой дом, и направился в сторону автомастерских.

– Вы уверены, что никто не потревожит нас в гараже? – заметила Мелани.

– Ну, полностью уверенным быть никак нельзя, – отозвался Кевин. – И все же скорее всего так оно и есть. Народ в автомастерских живет своей собственной жизнью. И потом, Зигфрид, наверное, историю с нашим исчезновением и возвращением держит в тайне. Иначе ему нельзя, если он всерьез вознамерился передать нас экваторгвинейским властям.

– Надеюсь, вы правы, – сказала Мелани. И вздохнула. – Я уже стала подумывать, а не рвануть ли нам попросту из Зоны, пристроившись за каким-нибудь грузовиком, вместо того чтобы волноваться из-за четырех американцев, которых мы в глаза не видели.

– Эти американцы все-таки как-то добрались сюда, – напомнил Кевин. – Я рассчитываю, что они и как-то выбраться отсюда собирались. Брать на таран блокпост.. будем считать это нашим крайним средством.

Они въехали в наполненный движением двор автомастерских. От яркого света ртутных фонарей пришлось зажмуриться. Доехав до ремонтных цехов, Кевин поставил джип около платформы с кузовом, наполовину поднятым гидроподъемником. Под ним стояли несколько перепачканных маслом механиков, озадаченно почесывая в затылках.

– Ждите здесь, – сказал Кевин, выбираясь из «тойоты».

Он вошел в гараж и поздоровался.

Мелани и Кэндис наблюдали за ним из машины. Кэндис скрестила пальцы.

– Ну, по крайней мере при виде его никто не рванул к телефону, – сказала Мелани.

Женщины видели, как один механик вразвалочку пошел в глубь гаража и исчез за какой-то дверью. Вскоре он возвратился, неся в руках приличный кусок толстой цепи. Цепь он отдал Кевину, который под ее тяжестью аж согнулся и с трудом поковылял к машине, лицо его от натуги становилось все краснее и краснее. Почувствовав, что он вот-вот уронит свою ношу, Мелани выскочила из джипа и открыла багажное отделение. Машина, вздрогнув, осела, когда Кевин сбросил туда цепь.

– Я сказал им, что мне нужна толстая цепь, – тяжело дыша выговорил Кевин, – но вовсе не обязательно было выбирать такую тяжелую.

– А что вы сказали рабочим? – спросила Мелани.

– Сказал, что у вас машина в грязи застряла. Они и глазом не моргнули. С другой стороны, конечно, поехать и помочь они не предложили.

Кевин с Мелани вернулись на свои места в «тойоте», и джип покатило обратно в город.

– А вы уверены, что все получится? – подала голос с заднего сиденья Кэндис.

– Нет, но ничего другого мне в голову не приходит, – признался Кевин.

Остаток пути прошел в молчании. Все понимали, что дело дошло до самой трудной части замысла. Напряжение еще больше возросло, когда они свернули на стоянку перед муниципалитетом и выключили фары.

Помещение, отведенное под армейскую караулку, было ярко освещено. Подъехав поближе, Кевин, Мелани и Кэндис расслышали музыку. У этих солдат тоже был кассетный магнитофон, только тут африканские мелодии звучали на полную громкость.

– Вот на такую вечеринку я и рассчитывал, – заметил Кевин. Сделав широкий разворот, он стал задом сдавать к муниципалитету. В темноте на затененном полу аркады с трудом просматривались провалы окон подземной тюрьмы.

Кевин остановил джип в пяти футах от здания и поставил машину на ручной тормоз. Все трое пристально вглядывались в набитую солдатами караулку. Под таким углом через незастекленное окошко не просматривалась большая часть помещения и не было видно ни одного солдата. Оконный ставень был поднят и закреплен на крюке у потолка аркады. На подоконнике стояли пустые винные бутылки.

– Что ж, теперь либо никогда, – решил Кевин.

– Вам помочь? – спросила Мелани.

– Не надо, будьте наготове, – предупредил Кевин.

Он вылез из машины и добрался до ближайшей арки, чтобы укрыться в тени аркады. Музыка звучала оглушающе. Больше всего Кевин опасался, как бы кто из солдат не выглянул в окошко: тогда бы его заметили сразу. Спрятаться было негде.

Всматриваясь вниз, в оконный провал, он разглядел забранный решеткой проем. За прутьями решетки зияла сплошная темень. Ни малейшего намека на проблеск света в камере.

Опустившись на четвереньки, Кевин затем лег на каменный пол, придвинувшись головой к самой решетке. Едва не упираясь в прутья лицом, спросил, перекрывая шум музыки:

– Эй, есть тут кто?

– Всего лишь мы, туристы, – отозвался Джек. – Приглашаете нас на вечеринку?

– Вы, как я понимаю, американцы, – произнес Кевин.

– Как яблочный пирог с бейсболом, – подтвердил Джек.

Неожиданно до Кевина из темноты донеслись другие голоса, но различить говоривших он не мог.

– Вам, уважаемые, надо осознать, в какое опасное положение вы попали, – сказал Кевин.

– И то, – усмехнулся Джек. – А мы-то думали, что в Кого так всех гостей встречают.

Кевину почему-то подумалось, что отвечавший ему, кто бы он ни был, наверняка найдет общий язык с Мелани.

– Я хочу попробовать вырвать решетку, – сообщил Кевин. – Вы все в одной камере?

– Нет, в камере слева от меня сидят две наши прекрасные леди.

– Ладно, – произнес Кевин. – Посмотрим сначала, как у меня с этой решеткой получится.

Кевин поднялся с пола и пошел к джипу за цепью. Вернувшись к оконному проему, он просунул один конец цепи меж прутьев во тьму.

– Обмотайте ее несколько раз вокруг одного прута, – сказал Кевин.

– Веселое дело, – хохотнул Джек. – На старое кино про ковбоев похоже.

Подойдя к «тойоте», Кевин закрепил цепь на буксировочном крюке. Вновь вернувшись к оконному проему, он вполсилы потянул цепь на себя. Убедился, что та надежно закреплена на центральном пруте.

– На вид крепко, – бормотал Кевин. – Посмотрим, что получится.

Он снова уселся на водительское место и проверил, включена ли самая тяговая из скоростей. Глядя в заднее окно, осторожно двинул машину вперед, постепенно натягивая цепь.

– Все в порядке, начали, – обратился Кевин к Мелани с Кэндис. Надавил на педаль газа. Мощный двигатель внедорожника натужно заурчал, но слышно его не было. Шум мотора совершенно терялся среди бешеных ритмов какой-то модной заирской рок-группы.

Вдруг джип рванул вперед. Кевин поспешно тормознул. Позади послышался жуткий скрежет, перекрывший звуки музыки, словно кто-то провел огромным камнем по железу пожарной лестницы.

Кевин и женщины вздрогнули. И тут же оглянулись на вход в армейскую караулку. С облегчением убедились, что никто на ужасный звук не вышел.

Кевин выскочил из «тойоты» с намерением вернуться и посмотреть, что получилось, но тут же едва не столкнулся с поразительно мускулистым чернокожим, бежавшим прямо на него.

– Отличная работа, мужик! Меня зовут Уоррен, а это Джек. – Он указал на уже стоявшего рядом приятеля.

– Кевин, – представился ученый.

– Спокуха, – произнес Уоррен. – Вы крутите колеса назад, а мы разберемся со вторым окном.

– Как вам удалось так быстро выбраться? – удивился Кевин.

– Мужик, ты ж всю проклятую раму выворотил, – с явной похвалой сообщил Уоррен.

Кевин забрался в машину и медленно сдал назад. Он видел, что двое мужчин уже закрепили цепь.

– Получилось! – воскликнула Мелани. – Поздравляю.

– Должен признаться, что вышло лучше, чем я думал.

Почти тут же кто-то постучал по задней дверце «тойоты». Обернувшись, Кевин увидел, как один из мужчин показывает ему руками: трогай.

Кевин воспользовался тем же водительским приемом что и в первом случае. При примерно той же тяге примерно такой же внезапный рывок и, к сожалению, такой же скрежещущий лязг. На этот раз в окошке показался солдат.

Кевин недвижимо застыл, он молил всех святых чтобы и двое новых его знакомцев сделали то же самое. Солдат поднес к губам бутылку с вином и, пошатнувшись, смахнул несколько пустых бутылок с подоконника. Они со звоном разбились о каменный тротуар. Тогда солдат повернулся кругом и ушел обратно в караулку.

Выйдя из машины, Кевин увидел, как новые знакомые извлекают из второго оконного провала двух женщин. Как только они оказались на свободе, все четверо со всех ног бросились к джипу. Кевин обошел машину, чтобы отсоединить цепь, но опоздал: Уоррен уже занимался этим.

Без лишних разговоров четверо забрались в «тойоту». Джек с Уорреном втиснулись на откидные сиденья позади, а Лори с Натали присоединились к Кэндис на заднем сиденье.

Кевин тронул машину. Взглянув напоследок на караулку он выехал со стоянки. И только отъехав подальше от муниципалитета, включил сигнальные огни и фары. Побег стал событием головокружительным для всех: триумфом для Кевина, Мелани и Кэндис, неожиданным подарком и совершенным облегчением для

команды из Нью-Йорка. Все семеро быстренько перезнакомились. Посыпались вопросы. Поначалу все говорили разом.

– Секундочку, люди! – закричал Джек сквозь общий гомон. – В таком хаосе нужен хоть какой-то порядок. Давайте по одному!

– Ладно, черт! – заявил Уоррен. – Чур, я первый. Просто хочу сказать вам троим спасибо за то, что вы пришли, и пришли вовремя.

– Поддерживаю, – произнесла Лори.

Проехав центр города, Кевин остановил джип на стоянке главного супермаркета. Там уже стояло несколько машин. Остановившись, выключил свет и двигатель.

– Прежде чем мы заговорим о другом, – предложил Кевин, – надо договориться, как нам выбраться из города. Времени у нас не так много. Вы-то как сначала намеревались уезжать?

– На той же лодке, на какой сюда добрались, – ответил Джек.

– А где лодка?

– Надеемся, что там же, где мы ее оставили, – вздохнул Джек. – На берегу под пирсом.

– Хватит в ней места для нас всех?

– Еще останется.

– Превосходно! – радостно воскликнул Кевин. – Я так и надеялся, что вы прибыли на лодке. На лодке по лиману мы сможем пойти прямо в Габон. – Он быстро вновь выпрямился на сиденье и запустил двигатель. – Молитесь все, чтобы мы ее нашли.

Выехав со стоянки, Кевин кружным путем направился к берегу. Он все время старался держаться как можно дальше от муниципалитета и собственного дома.

– Есть одна заковыка, – заговорил Джек. – У нас ни документов, ни денег. Все отобрали.

– У нас не лучше, – отозвался Кевин. – Правда, немного денег есть, и наличными и в чеках. Паспорта конфисковали, когда нас днем посадили под домашний арест. И участь нас ждала та же, что и вас: собирались передать экваторгвинейским властям.

– А это очень плохо?

Кевин саркастически усмехнулся. Где-то в подсознании у него всплыла картинка: черепа на столе Зигфрида.

– Хуже некуда. Означало бы пародию на тайное судилище и расстрел.

– Ни хрена! – вырвалось у Уоррена.

– В этой стране нанесение ущерба деятельности «Генсис» является преступлением, за которое полагается смертная казнь, – объяснил Кевин. – А решает, кто нанес ущерб, а кто нет, – управляющий.

– Расстрел? – не скрывая ужаса, повторил Джек.

– Боюсь, что так, – кивнул Кевин. – Здешняя армия руку на этом набила. Много лет усиленно практиковалась.

– Тогда, уважаемые, мы перед вами в еще большем долгу, чем думали, – сказал Джек. – Я понятия не имел.

Лори посмотрела в боковое окно машины и передернула плечами: вдруг ощутила, на какой тонюсенькой ниточке висела ее жизнь и что угроза еще не миновала.

– А как вас угораздило в эту кашу влезть? – задал вопрос Уоррен.

– История долгая, – ответила Мелани.

– Наша тоже, – отозвалась Лори.

– У меня вопрос, – заговорил Кевин. – Вы сюда приехали из-за Карло Франкони?

– Ого! – воскликнул Джек. – Вот это проникательность! Я поражен и заинтригован. Как вы догадались? Чем вы здесь, в Кого, занимаетесь?

– Я лично?

– Ну, все вы.

Кевин, Мелани и Кэндис переглянулись, выясняя, кто хочет начать разговор.

– Мы все заняты в одной программе, – начала Кэндис. – Но я так, мелкая сошка. Медсестра в хирургической бригаде неотложной помощи по пересадке органов.

– А я технолог по воспроизводству, – продолжила Мелани. – Готовлю сырье для Кевина, чтобы он мог творить свои чудеса, а когда чудо сотворено, слежу за тем, чтобы созданное им дало плоды.

– Я молекулярный биолог, – с ноткой сожаления произнес Кевин. – Я тот, кто преступил отведенные ему пределы и допустил ошибку Прометея.

– Подождите, – взмолился Джек. – Не морочьте мне голову литературой. Про Прометея я точно слышал, но кто он и что он – не помню.

– Прометей – это титан в греческой мифологии, – пояснила Лори. – Он выкрал с Олимпа огонь и дал его человеку.

– А я, сам того не желая, дал огонь каким-то зверям, – продолжал Кевин. – Меня заиклило на способе перемещения участков хромосом, в особенности отростка хромосомы-шесть, из одной клетки в другую, от одного вида к другому.

– Стало быть, вы брали участки хромосом у людей и вводили их человекообразным обезьянам, – сказал Джек.

– В оплодотворенное яйцо человекообразной обезьяны, – поправил Кевин. – Бонобо, если быть точным.

– И по сути работа ваша состояла в том, – продолжил Джек, – чтобы изготовить на заказ совершенный источник органа для пересадки конкретному человеку.

– Именно, – подтвердил Кевин. – В самом начале ничего такого у меня в мыслях не было. Чистая наука, просто исследование – вот и все. На то, до чего я дошел под конец, меня соблазнили экономические возможности.

– Ухх! – воскликнул Джек. – Изобретательно и впечатляюще, но малость жутковато.

– Это не просто жутковато, – опять поправил Кевин. – Тут своего рода трагедия. Беда в том, что я переносил слишком много человеческих генов. И случайно создал расу проточеловека, пещерных людей.

– Вы имеете в виду вроде неандертальцев? – вступила в разговор Лори.

– Более примитивных на миллионы лет, – пояснил Кевин. – Скорее вроде Люси, обезьяны, обучившейся начаткам речи. Но вполне разумных, чтобы пользоваться огнем, изготавливать простые орудия и даже говорить. Полагаю, они такие, какими мы были четыре-пять миллионов лет назад.

– И где же эти создания сейчас? – с тревогой спросила Лори.

– На одном из близлежащих островов, – ответил Кевин, – где до последнего времени жили относительно на воле. К сожалению, все это вот-вот кончится.

– Почему? – В сознании Лори рисовались картины жизни пещерных людей. Они с самого детства поражали ее воображение.

Кевин кратко поведал историю с дымом, который в конечном счете привел его, Мелани и Кэндис на остров. Рассказал, как их взяли в плен и как затем из плена вызволили. Сказал он и том, что за судьба уготована этим созданиям: пожизненное заключение в крохотных бетонных камерах – и только потому, что в них слишком много человеческого.

– Ужас какой! – поежилась Лори.

– Прямо бедствие! – воскликнул Джек, покачав головой. – Вот так история!

– Мир этот для новой расы не приспособлен, – произнес Уоррен. – Хватает головной боли с тем, что уже имеется.

– Подъезжаем к берегу, – сообщил Кевин. – Площадка у основания пирса где-то за следующим поворотом.

– Тогда остановитесь здесь, – попросил Джек. – Когда мы прибыли, там солдат стоял.

Кевин съехал к краю дороги и выключил фары. Двигатель он не выключал, чтобы продолжал работать кондиционер. Джек с Уорреном вышли сзади и побежали на угол. Осторожно глянули за поворот.

– Если нашей лодки на месте нет, можно ли поблизости отыскать другую лодку? – спросила Лори.

– Боюсь, что нет, – покачал головой Кевин.

– А есть из города какой-то еще выезд, помимо блокпоста?

– Этот и есть.

– Да помогут нам небеса, – с мольбой произнесла Лори.

Джек с Уорреном вернулись быстро. Кевин опустил стекло.

– Солдат стоит, – сказал Джек. – Особого рвения не проявляет. На деле, может, вообще спит. И тем не менее придется нам с ним разобраться. Думаю, вам всем лучше оставаться здесь.

– С превеликим удовольствием. – Кевин рад был предоставить такие дела другим. Свалились они на него, он не знал бы, как поступить.

Джек с Уорреном вернулись на угол и скрылись из глаз.

Кевин поднял стекло.

Лори, глядя на Натали, качала головой:

– Как же я сожалею обо всем этом. Казалось, должна бы знать. У Джека особый дар нарываться на неприятности.

– Незачем оправдываться, – сказала Натали. – Уж конечно же, это не ваша вина. И потом, сейчас все выглядит намного лучше, чем

пятнадцать – двадцать минут назад.

Джек с Уорреном появились поразительно скоро. В руке у Джека был пистолет, Уоррен нес автомат. Они забрались в «тойоту».

– Какие-нибудь сложности? – поинтересовался Кевин.

– Никаких, – сказал Джек. – Солдат оказался очень уступчивым.

Слов нет, Уоррен, когда захочет, может быть очень убедительным.

– Есть стоянка рядом с баром «У цыпочек»? – спросил Уоррен.

– Есть, – кивнул Кевин.

– Поехали туда!

Кевин сдал назад, повернул направо, затем в первый поворот налево. В конце квартала он выехал на просторную площадку, покрытую асфальтом. Впереди виднелся затемненный бар. За баром – сверкающее пространство широкого лимана. Поверхность воды мерцала в лунном свете.

Кевин доехал до самого бара и остановился.

– Вы все ждите здесь, – дал команду Уоррен, – а я лодку проверю.

Он выбрался из джипа, прихватив с собой автомат, и быстро скрылся за баром.

– Быстро двигается, – заметила Мелани.

– Вы даже представить себе не можете, – улыбнулся Джек.

– А там, по ту сторону воды, Габон? – спросила Лори.

– Он самый, – подтвердила Мелани.

– Далеко до него? – полюбопытствовал Джек.

– Около четырех миль по прямой, – сказал Кевин. – Но нам следует попытаться попасть в Кокобич. А это миль десять в сторону. Оттуда мы сможем связаться с американским посольством в Либревиле, которое, конечно же, сумеет нам помочь.

– Сколько времени понадобится, чтобы добраться до Кокобича?

– По моим прикидкам, чуть больше часа, – сообщил Кевин. –

Разумеется, это зависит от скорости лодки.

Появился Уоррен и подошел к джипу. Кевин опустил стекло.

– Нам фартит, – произнес Уоррен. – Лодка на месте. Без проблем.

– Ура! – вскрикнули все в один голос и высыпали из машины.

Кевин, Мелани и Кэндис вынесли холщовые сумки.

– Это ваш багаж? – пошутила Лори.

– Он самый и есть, – откликнулась Кэндис.

Уоррен повел всех за собой. Обогнув затемненный бар, подошли к ступенькам, спускавшимся к пляжу.

– Двигаемся быстро, пока не окажемся за заградительной стеной, – дал указание Уоррен. И махнул рукой, призывая всех следовать за ним.

Под пирсом было темно, и двигаться приходилось медленно. К легкому плеску небольших волн, накатывавших на берег, добавлялся шорох крупных крабов, шустро разбегавшихся по своим песчаным убежищам.

– У нас есть пара фонариков, – сказал Кевин. – Может, включим?

– Не будем играть с огоньком, – произнес Джек и в тот же момент наткнулся на лодку. Убедившись, что она вполне устойчива, он пригласил спутников забираться на борт и переходить на корму. Как только все собрались там, Джек сразу почувствовал, что нос лодки стал легче. Навалившись всем телом, Джек постепенно столкнул лодку в воду. – Берегитесь балок пирса, – предупредил он, запрыгивая в пирогу.

Все старательно хватались за деревянные стойки, молча протягивая лодку под пирсом. Всего через несколько минут они добрались до конца пирса, выход из которого закрывал плавучий причал. Там они развернули лодку, направив ее по лунной дорожке в открытые воды.

Весел было всего четыре. Мелани настояла, чтобы грести наравне с мужчинами.

– Нужно уйти ярдов на сто от берега, а потом уже врубить мотор, – объяснял Джек. – Рисковать нет никакого смысла.

Все оглянулись на казавшийся таким мирным Кого, чьи выбеленные постройки укутывала влажная пелена, залитая лунным светом. Окрестные джунгли обрамляли город полночной синевой. Леса накатывали на город волнами прибоя, готовыми вот-вот, вспенясь, обрушиться.

Ночные звуки джунглей остались за кормой. Тишину нарушал лишь плеск весел да скрип дерева о дерево, когда весло задевало борт лодки. Некоторое время все молчали. Сердца умили ритм биения, дыхание приходило в норму. Настало время подумать и даже оглядеться. Новичков особенно поразила пленительная красота

ночного африканского пейзажа. Дух захватывало от одного только простора. В Африке все казалось больше, даже ночное небо.

Иные чувства охватывали Кевина. Отрадное чувство, что удалось вырваться из Кого и помочь бежать другим, лишь обостряло и без того мучительную боль при мысли о судьбе его химерических бонобо. Сотворить их было ошибкой, но обречь на пожизненное заключение в крохотной клетке значило усугубить свою вину.

Прошло время, и Джек, завершив гребок и вытащив весло из воды, бросил его на дно пироги.

– Пора врубать движок, – объявил он и, ухватив подвесной мотор, опустил винт в воду.

– Одну минуту, – вдруг подал голос Кевин. – У меня есть просьба. Знаю, права просить вас об этом у меня никакого, только дело для меня важное.

Джек, склонившийся над топливным бачком, выпрямился:

– Что у вас на уме, дружище?

– Видите вон тот остров, последний в ряду? – сказал Кевин, указывая на остров Франчески. – Как раз там и находятся все бонобо. Они в клетках у опоры моста на материк. Ничего я так не хочу, как добраться туда и освободить их.

– И что это даст? – спросила Лори.

– Много, если мне удастся уговорить их перейти мост, – ответил Кевин.

– Уверены, что ваши друзья из Кого их снова не переловят? – спросил Джек.

– Им их ни за что не найти, – ответил Кевин, все больше проникаясь своей идеей. – Обезьяны исчезнут. В этой части Экваториальной Гвинеи и на тысячу миль в глубь материка пролегли в основном девственные тропические леса. Они охватывают не только эту страну, но и обширные районы Габона, Камеруна, Конго и Центрально-Африканской Республики. Их тут, должно быть, на миллион квадратных миль, и часть из них до сих пор в буквальном смысле не исследована.

– Взять и предоставить обезьян самим себе? – спросила Кэндис.

– В этом весь смысл, – ответил Кевин. – Они получают шанс и, я уверен, воспользуются им! Они смыслены и находчивы. Вспомните

наших предков. Тем довелось пережить ледовый период плейстоцена. А это посуровее, чем жить в тропическом лесу.

Лори взглянула на Джека:

– Мне мысль нравится.

Джек бросил взгляд на остров, потом спросил, в какой стороне Кокобич.

– Это не по пути, – признал Кевин, – но до острова недалеко. Минут двадцать самое большее.

– А ну как мы их отпустим, а они останутся на острове? – спросил Уоррен.

– По крайней мере смогу сказать себе, что я попытался, – выговорил Кевин. – Я чувствую, что должен хоть что-то сделать.

– Эх, а почему и нет? – махнул рукой Джек. – Мне, кажется, мысль тоже нравится. Что все остальные скажут?

– Сказать правду, очень хочется увидеть хоть одну из этих обезьян, – признался Уоррен.

– Поехали! – восторженно воскликнула Кэндис.

– Я – за, – просто произнесла Натали.

– Ничего лучше придумать не могу, – пожала плечами Мелани. – Делаем!

Джек несколько раз дернул за шнур. Мотор взревел. Взявшись за румпель, Джек направил лодку на остров Франчески.

Глава 23

10 марта 1997 г.

1.45

Кого, Экваториальная Гвинея

Сон этот Зигфрид видел сотню раз, и всякий раз тот становился хоть немного, да хуже. Во сне он подбирался к слонихе с маленьким слоненком. Делать этого ему не хотелось, но того потребовали клиенты, нанявшая его супружеская пара. Как раз супруге и захотелось посмотреть вблизи на «малютку-слоненочка».

Зигфрид послал загонщиков, чтобы те закрыли их с фланга, а сам с супругами подобрался к мамаше. Но загонщики впереди перепугались, когда появился громадный слониха. Туземцы бросились наутек: мало того что трусили, они еще и не удосужились предупредить Зигфрида об опасности.

Громадина слон продирается сквозь кусты и мелкие деревья с треском и громом, напоминая звуки приближающегося поезда. Его трубные вопли делались все резче и яростнее, вот уж и бивни готовы к удару... и тут Зигфрид проснулся, обливаясь потом.

Тяжело дыша, он повернулся и сел на кровати. Раздвинув москитную сетку, нашел стакан с водой и жадно отпил. Сон тревожил потому, что был слишком уж реальным. Как раз после того случая он и перестал владеть правой рукой, да и вся кожа на лице оказалась распорота.

Зигфрид посидел немного на краю кровати, прежде чем понял, что трубные вопли, слышавшиеся ему во сне, на самом деле доносились с улицы. Еще секунда, и он установил источник: громкая западноафриканская рок-музыка надрывала дешевенький кассетный магнитофон.

Зигфрид глянул на часы. Увидев, что стрелки показывали почти два, сразу вышел из себя. Что за наглец поднял эдакий гвалт ночью, в такой час?

Разобрав, что шум долетает через лужайку перед домом, он встал с кровати и вышел на веранду. Сразу изумился и растерялся: музыка

гремела в доме Кевина Маршалла. Более того, Зигфрид разглядел, кто тому причиной: солдаты, охранявшие дом.

Ярость электрическим разрядом сотрясла тело Зигфрида. Бросившись обратно в спальню, он позвонил Камерону и приказал явиться в дом Кевина для разговора с ним. С маху шмякнул трубку на рычаг. Натянул одежду. И, выходя из дому, прихватил с собой старый, но надежный охотничий карабин.

Зигфрид пошел прямо через лужайку. Чем ближе подходил он к дому Кевина, тем громче слышалась музыка. Солдаты топтались в лужице света, лившегося с голой лампочки. Под ногами у них по всей земле валялись пустые бутылки из-под вина. Двое пели под музыку, аккомпанируя себе на воображаемых инструментах. Двое других были, по-видимому, мертвецки пьяны.

Когда Зигфрид добрался до места, с мощеной улицы съехала машина, с визгом протащилась по земле и встала. Из нее выскочил Камерон. На бегу, торопясь к Зигфриду, он застегивал пуговицы на рубашке. Увидев пьяных солдат, явно перепугался.

Камерон начал было оправдываться, но Зигфрид резко оборвал его:

– Забудьте про объяснения и извинения. Марш навверх и убедитесь, что мистер Маршалл с двумя своими подругами вкушают сладкий сон.

Камерон коснулся полей шляпы, как бы отдавая честь, и скрылся на лестнице. Спустя секунду в окнах жилых комнат вспыхнул свет.

Зигфрид гневом исходил, глядя на солдат. А те даже не заметили присутствия ни его, ни Камерона.

Вернулся Камерон. Он был бледен, тряс головой, словно самому себе не верил:

– Их там нет.

Зигфрид изо всех сил сдерживал злость, чтобы не лишиться способности думать. Уровень бестолковости людей, с кем приходилось работать, обескураживал донельзя.

– Где его джип? – резко бросил Зигфрид.

– Сейчас проверю, – ойкнул Камерон и побежал обратно, расталкивая по пути поющих солдат. И почти тут же возвратился: – Машины нет.

– Какой сюрприз! – не удержался от насмешки Зигфрид. Затем, щелкнув пальцами, двинулся к машине Камерона.

Зигфрид уселся впереди, Камерон устроился за рулем.

– Вызывайте и поднимайте по тревоге всю службу безопасности, – приказал Зигфрид. – Немедленно отыскать джип Кевина. Свяжитесь с блокпостом. Удостоверьтесь, что из Зоны они не выехали. Меня по пути подбросьте в муниципалитет.

Разворачивая машину, Камерон воспользовался встроенным телефоном. Оба номера были внесены в автонабор, так что руки оставались свободными. Давя на педаль газа, он повел машину на север.

К тому моменту, когда они добрались до муниципалитета, был объявлен официальный розыск «тойоты» Кевина. Без труда установили, что через блокпост она не проезжала. Свернув на автостоянку, Зигфрид и Камерон слышали музыку.

Камерон выругался.

Зигфрид смолчал. Старался подготовить себя к тому, что уже заподозрил.

Камерон остановился возле муниципалитета. Свет фар высветил обломки камня и искореженные железяки от вырванных из стены решеток. Виднелась горка брошенной цепи.

– Это катастрофа, – дрожащим голосом произнес Зигфрид. Он вылез из машины, держа в руках карабин. Хотя управляться с ружьем приходилось одной рукой, стрелком Зигфрид был отменным. Один за другим он сделал три выстрела, и три пустые винные бутылки на подоконнике караулки разлетелись вдребезги. Музыка, однако, не прекратилась.

Крепко сжимая в здоровой руке ружье, Зигфрид подошел к окошку караулки и заглянул в него. Кассетник лежал на столе, включенный на полную громкость. Четверо солдат пьяно храпели, кто на полу, кто развалившись на хлипкой мебели.

Зигфрид вскинул ружье, нажал на курок – и кассетник смело со стола. В тот же миг в караулке повисла тягостная тишина.

Зигфрид вернулся к Камерону со словами:

– Свяжитесь с гарнизонным полковником. Сообщите о случившемся. Скажите ему, что я требую предать этих солдат

военному суду. Скажите, чтобы он немедленно отправил сюда на машине отряд солдат.

– Есть, сэр! – козырнул Камерон.

Зигфрид ступил под арку и взглянул на решетки, вырванные из тюремных окон. Прутья в них были ручнойковки. Рассмотрев стенные проемы, он понял, отчего крепкое железо так легко подалось: раствор между кирпичами под штукатуркой превратился в песок.

Зигфриду понадобилось обойти вокруг ратуши, чтобы взять себя в руки. Когда он огибал последний угол, с дороги протянулись лучи фар и нащупали автостоянку. Визжа шинами, на нее влетела патрульная машина службы безопасности и встала рядом с авто Камерона. Из машины выскочил дежурный сотрудник.

Пока он подбегал, Зигфрид про себя ругался на чем свет стоит. Кевин с бабами исчез плюс американцы пропали: проекту бонобо грозит серьезная беда. Беглецов необходимо отыскать.

– Мистер Шполлек, – обратился Камерон, – я получил сведения. Наш сотрудник О'Лири полагает, что десять минут назад он видел джип Кевина Маршалла. Разумеется, мы мигом проверим, на месте ли еще машина.

– Где? – спросил Зигфрид.

– На площадке возле бара «У цыпочек», – доложил О'Лири. – Я заметил ее во время последнего патрулирования.

– Людей видели?

– Нет, сэр! Ни души.

– Там где-то часовой должен быть, – вспомнил Зигфрид. – Вы его видели?

– В общем-то нет, сэр, – промямлил О'Лири.

– Что значит «в общем-то нет»? – рыкнул Зигфрид. Он уже по горло быт сыт бестолковостью.

– Мы не ставили себе задачей обращать внимание на солдат, – отчеканил О'Лири.

Зигфрид, отведя глаза, устремил взгляд вдаль. Все еще пытаюсь сдерживать ярость, он заставил себя обратить внимание на то, как отражается лунный свет от плотной растительности. Чары красоты несколько уняли пыл, и он нехотя признал, что сам уделял солдатам не очень-то много внимания. Вместо того чтобы заняться каким-нибудь воистину полезным делом, они просто пребывали на месте: одна из

издержек ведения бизнеса с экваторгвинейскими властями. Но какого черта было джипу Кевина торчать возле бара «У цыпочек»? И тут до управляющего дошло.

– Камерон, выяснили, каким образом американцы попали в город? – спросил он.

– Боюсь, что нет, – прозвучало в ответ.

– Лодку какую-нибудь искали?

Камерон перевел взгляд на О'Лири, и тот нехотя ответил:

– Я ничего не знал про то, что нужно искать лодку.

– А когда вы в одиннадцать сменяли Хансена? – спросил Камерон. – Когда он вам обстановку докладывал, не говорил, что лодку искал?

– Ни слова, сэр, – сказал О'Лири.

Камерон, сглотнув, обратился к Зигфриду:

– Мне придется узнать об этом поподробнее, позже я вам доложу.

– Другими словами, никто лодку не искал, черт бы ее побрал! – вспыхнул Зигфрид. – Вы мне тут комедию устроили, но, уверяю вас, мне не смешно.

– Я дал четкую команду искать лодку, – оправдывался Камерон.

– Младенцу ясно, что мало дать команду, бестолочь, – сплюнул Зигфрид. – На вас возложена обязанность. Вы несете ответственность.

Зигфрид закрыл глаза и стиснул зубы. Он упустил обе группы. Все, что он в данный момент мог, это потребовать от полковника связаться с армейским постом в Акалайонге на тот невероятный случай, если беглецы высадятся там. Только Зигфрид был далек от оптимизма. Он знал: случись ему в подобной ситуации бежать, он выбрал бы Габон.

Внезапно глаза Зигфрида широко раскрылись. Другая, куда более неприятная мысль овладела им.

– Есть охрана на острове Франчески? – спросил он.

– Нет, сэр. Никто не запрашивал.

– А у моста на материк? – допытывался управляющий.

– Была, пока вы не приказали ее убрать, – напомнил Камерон.

– Тогда отправляемся сейчас же, – распорядился Зигфрид. И направился к машине Камерона. В этот момент на улицу выскочили три армейских джипа и свернули на стоянку. Обогнув две стоявшие

машины, они замерли. Все три были забиты солдатами и щетинились винтовками.

Из переднего джипа вышел полковник Монгомо. В отличие от неопрятной солдатни полковник выглядел безукоризненно в отутюженной военной форме с полным комплектом наград. Хотя стояла непроглядная ночь, на нем были солнцезащитные очки. Четко отдав Зигфриду честь, полковник заявил, что он в распоряжении управляющего.

– Буду вам очень признателен, если вы позаботитесь об этих пьяных солдатах, – сдержанно выговорил Зигфрид, указывая на караулку. – Есть еще одна такая компашка, вам ее О'Лири, сотрудник нашей службы безопасности, покажет. И прикажите одному из ваших джипов с солдатами следовать за нами. Нам может потребоваться их огневая мощь.

* * *

Кевин дал знак Джеку умерить скорость. Джек сбавил газ, и тяжелая пирога сразу замедлила ход. Они вошли в узкую протоку между островом Франчески и материком. Стало значительно темнее, чем в открытых водах: нависшие с обеих сторон деревья образовали над ними полог.

Кевин, опасаясь троса от плотика для доставки пищи, расположился на самом носу лодки. Он объяснил все Джеку, чтобы тот был в готовности.

– Вот уж где жутко, так жутко, – произнесла Лори.

– А послушайте, как всякие твари громко орут, – добавила Натали.

– Те, кого вы слышите, по большей части лягушки, – пояснила Мелани. – Охваченные любовным пылом лягушки.

– Подходим, трос прямо перед нами, – предупредил Кевин.

Джек заглушил движок и встал наготове, чтобы вытащить мотор из воды.

Последовал мягкий удар, затем трос заскрежетал по днищу проходившей над ним пироги.

– Пошли на веслах, – предложил Кевин. – Осталось недалеко, и не хотелось бы в темноте на какую-нибудь корягу напороться.

Густые джунгли справа пропали, когда они дошли до площадки для кормления. Вновь над ними засиял лунный свет.

– О нет! – вскрикнул на носу Кевин. – Мост не наведен. Черт!

– Беда невелика, – успокоила Мелани. – Ключ все еще у меня. – Она высоко подняла ключ, который блеснул металлом в слабом свете луны. – Было такое чувство, что придет день, когда он пригодится.

– О, Мелани! – Кевин не сдерживал поток нахлынувших чувств. – Вы чудо! А я уж было решил, что все потеряно.

– Раздвижной мост, которому требуется ключ? – недоумевал Джек. – Как-то чересчур замысловато для таких-то джунглей.

– Справа по ходу мостки, – уведомил Кевин. – Там можно привязать лодку.

Джек, сидя на корме, взялся рулить. Несколько раз гребнул веслом назад, развернув нос лодки на остров. Немного погода пирога мягко ткнулась в дощатый настил.

– С прибытием всех, – произнес Кевин и перевел дух. Он нервничал. Знал, что ему предстоит сделать то, что никак не отвечает ни его характеру, ни его нраву: стать кем-то вроде героя. – Вот что я предлагаю. Вы все остаетесь в лодке. Хотя бы сейчас. Я, честно говоря, не знаю, как обезьяны отнесутся ко мне. Сильны они невероятно, так что есть риск. Я готов на него пойти по причинам, о которых уже говорил, но совсем не хочу никого из вас подвергать опасности. Это разумно?

– Разумно-то разумно, – ответил Джек, – только не уверен, что я согласен. Мне кажется, вам помощь понадобится.

– И потом, с этим «калашом» не такие уж мы беззащитные, – заметил Уоррен, поглаживая автомат.

– Никакой стрельбы! – предупредил Кевин. – Пожалуйста. В особенности из-за меня. Как раз поэтому я и хочу, чтобы все вы оставались здесь. Если что не так – сразу уходите.

Поднялась Мелани:

– На мне почти такая же ответственность за появление этих созданий, как и на вас. Так что я помогаю, хотите вы того или нет, хвастунишка.

Лицо Кевина сделалось сердитым.

– Не дуйтесь! – бросила ему Мелани и выбралась из лодки на мостки.

– Кажись, дельце намечается, – произнес Джек и встал, намереваясь последовать за Мелани.

– А вы сидите! – резко прикрикнула та на него. – В данный момент дельце это сугубо личное.

Джек сел.

Кевин достал фонарик и встал рядом с Мелани на мостки, пообещав:

– Мы быстро сработаем.

Первым делом надлежало позаботиться о мосте. Без него затея бы не удалась, независимо от того, как встретят их обезьяны. Кевин вставил ключ. Повернул. Нажал на зеленую кнопку. И затаил дыхание. Почти сразу же услышал гудение электромотора на материковом берегу. Затем выдвижной мост медленно прошел над темной протокой и утвердился на бетонном основании на острове.

Кевин забрался на мост, проверяя, устойчив ли он. Попробовал его раскачать, но мост стоял крепко, как влитой. Удостоверившись, Кевин спрыгнул с моста, и они с Мелани быстро направились к лесу. Из-за темноты в тени деревьев клеток они не видели, но знали, где те стоят.

– Вы что-то придумали, или мы попросту будем выпускать их всех на свободу разом? – спросила Мелани, пока они шагали через поляну. Кевин светил вперед фонариком, чтобы видеть дорогу.

– Единственное, что пришло мне в голову, – это отыскать своего двойника, бонобо номер один, – поделился Кевин. – В отличие от меня он по натуре вождь. Если я сумею убедить его, возможно, он поведет за собой остальных. – Кевин пожал плечами и добавил: – Вам что-нибудь получше на ум приходит?

– В данный момент – нет, – призналась Мелани.

Все клетки вытянулись в длинный ряд. Вонь стояла одуряющая, ведь некоторые животные сидели взаперти уже больше суток. Кевин с Мелани шли вдоль ряда клеток, и он светил в каждую фонариком. Животные сразу же просыпались. Одни забивались к самой стенке, пытаясь укрыться от слепящего луча. Другие упорно не сходили с места, и глаза их наливались красным огнем.

– Как вы собираетесь узнать его? – спросила Мелани.

– Вряд ли можно надеяться, что узнаю его по своим часам, – ответил Кевин. – Тут шансы хлипкие. Рассчитываю, что удастся узнать

по тому ужасному шраму, что у него на лице.

– Довольно забавно, – заметила Мелани, – что у него и у Зигфрида почти одинаковые шрамы.

– Даже не упоминайте этого человека, – взмолился Кевин и тут же охнул: – Силы небесные, смотрите!

Луч выхватил из тьмы клетки обезображенное шрамом лицо бонобо номер один. Тот смотрел на них взглядом, в котором ярилась непокорная злость.

– Это он! – вскрикнула Мелани.

– Бада, – произнес Кевин. Он похлопал себя по груди, как это проделывали самки бонобо, когда его, Мелани и Кэндис впервые завели в пещеру.

Бонобо номер один грозно набычился, кожа между глазами пошла складками.

– Бада, – повторил Кевин.

Медленно бонобо поднял руку и похлопал себя по груди. Потом произнес «бада» так же отчетливо, как и Кевин.

Кевин взглянул на Мелани. Оба были потрясены. Пусть им случалось в порядке опыта переговариваться с Артуром, но обстановка и темы тогда были совершенно иными, они ведь до конца так и не были уверены, что общение удавалось. Сейчас дело обстояло по-иному.

– Ата, – произнес Кевин. Это слово они слышали часто, начиная с того момента, когда бонобо номер один прокричал его, когда они впервые встретились. Люди считали, что оно означает «пошли».

Бонобо номер один не ответил.

Кевин повторил слово, затем обернулся к Мелани:

– Я не знаю, что еще сказать.

– Я тоже не знаю, – откликнулась Мелани. – Давайте подойдем и откроем дверцу. Может, он тогда как-то ответит. По мне, трудно ему «пойти», если он взаперти сидит.

– Толковая мысль, – кивнул Кевин. Он обошел Мелани, подойдя к боковой стенке клетки справа. Не без трепета откинул щеколду и открыл дверцу.

Кевин с Мелани отошли назад. Кевин направил луч фонарика в землю, стараясь не светить примату в лицо. Бонобо номер один медленно выбрался из клетки и выпрямился во весь рост. Глянул

вправо, глянул влево и лишь после этого обратил взгляд на два человеческих существа.

– Ата, – снова произнес Кевин, отступая назад. Мелани шла шаг в шаг с ним.

Бонобо номер один зашагал вперед, потягиваясь, словно спортсмен на разминке.

Кевин повернулся всем телом, чтобы было легче идти. Он еще несколько раз повторил слово «ата». Выражение лица следовавшего за ними примата не менялось.

Кевин привел к мосту и взошел на него. И опять выговорил «ата».

Бонобо номер один нерешительно забрался на бетонное основание. Кевин отступал, пока не дошел до середины пролета. Бонобо осторожно взошел на мост. Он часто поглядывал из стороны в сторону.

И тут Кевин решил попробовать то, что они не проделывали с Артуром. Он соединил слова бонобо в цепочку. Взял «ста», вспомнив случай, когда бонобо номер один решил преподнести Кэндис мертвую мартышку. Взял «зит», которым бонобо номер один велел им забираться в пещеру. И наконец взял слово «арак», которое, как они были почти уверены, означало «прочь».

– Ста зит арак, – произнес Кевин. Он растопырил пальцы и отвел руки от груди: жест, который Кэндис подметила у обезьяны в операционной. Кевин надеялся, что все вместе составило у него предложение «Уходите прочь».

Повторив фразу, он указал на северо-восток, в сторону бесконечных тропических лесов.

Бонобо номер один поднялся на цыпочки и через плечо Кевина глянул на темную стену материковых джунглей. Затем он повернул голову, оглядываясь на клетки. Широко разведя руки в стороны, он произнес сочетания звуков, ранее Кевином и Мелани не слышанных или, во всяком случае, ни с каким определенным действием не связанных.

– Что он делает? – спросил Кевин. В это время бонобо отвернулся от него.

– Могу ошибиться, – ответила Мелани, – но, по мне, он напоминает о своем народе.

– Боже мой! – воскликнул Кевин. – Похоже, он все-таки понял, что я имел в виду. Давайте выпустим еще нескольких обезьян.

Кевин пошел вперед. Почуввав его движение, бонобо обернулся. Кевин заколебался. Мост имел футов десять в ширину, и Кевин опасался подойти слишком близко. Он отлично помнил, с какой легкостью этот самый бонобо схватил его и швырнул, словно тряпичную куклу.

Кевин пристально всматривался в лицо примата, пытаясь угадать настроение зверя, но ничего не получалось. Все, чего он добился, – это возврата жуткого ощущения, будто он смотрится в эволюционное зеркало.

– Что случилось? – окликнула Мелани.

– Я его боюсь, – признался Кевин. – Не знаю, проходить рядом с ним или нет.

– Умоляю, обойдемся без пионерских расстояний. У нас не так много времени.

– Ладно.

Кевин, затаив дыхание, вплотную, крадучись, стал обходить обезьяну. Бонобо следил за ним, но с места не двигался.

– Тут никаких нервов не хватит! – посетовал Кевин, сойдя с моста.

– Мы как, здесь его оставим? – спросила Мелани.

Кевин почесал в затылке:

– Не знаю. Он может других сюда приманить, хотя, с другой стороны, наверное, лучше бы он с нами обратно пошел.

– Давайте мы пойдем, – предложила Мелани, – а он пусть сам решает.

Мелани с Кевином направились к клеткам с обезьянами. Их порадовало, что бонобо номер один тут же спрыгнул с моста и последовал за ними.

Шли быстро, помня, что их ждут Кэндис и все остальные. Подойдя к клеткам, они уже не раздумывали. Кевин открыл дверь первой клетки, Мелани – второй.

Обезьяны быстро вылезли из них и тут же обменялись несколькими словами с бонобо номер один. Всего через несколько минут вокруг собралось больше десятка оживленно бормочущих, потягивающихся обезьян.

– Получается! – ликовал Кевин. – Я уверен. Если бы они собирались попросту удрать в лес здесь, на острове, то давно бы так и сделали. Полагаю, всем им уже известно, что придется уходить.

– Наверное, мне стоит позвать Кэндис и наших новых друзей, – сказала Мелани. – Пусть посмотрят на это и помогут закончить все побыстрее.

– Хорошая мысль, – одобрил Кевин. И оглядел длинный ряд клеток. Он знал, что их больше семидесяти.

Мелани бегом бросилась в ночь, а Кевин перешел к следующей клетке. Он заметил, что бонобо номер один держался рядом, приветствуя каждого получавшего свободу примата.

Кевин успел освободить еще шесть обезьян, когда прибежали люди. Поначалу бонобо их пугали, люди не знали, как себя вести. Обезьяны же не обращали внимания на людей, если не считать Уоррена, от которого держались подальше. Уоррен прихватил с собой автомат, который, как считал Кевин, напоминал животным про духовое ружье.

– Они такие тихие, – сказала Лори. – Страх берет, как от привидений.

– Очень подавлены, – пояснил Кевин. – Может, от успокоительного или от того, что в заточении были. Только не подходите слишком близко. Тихие-тихие, а силы у них очень много.

– Чем нам помочь? – подала голос Кэндис.

– Просто открывайте дверцы клеток, – сказал Кевин.

Для семи человек открыть все клетки оказалось делом нескольких минут. Как только последняя обезьяна выбралась на волю, Кевин жестко велел всем начать движение к мосту.

Следовавший за Кевином тенью бонобо номер один громко хлопнул руками, точно так же, как и тогда, когда Кевин с женщинами впервые столкнулись с ним в перелеске на болотистой поляне. Затем, прежде чем последовать за людьми, он что-то хрипло выговорил. И тут же остальные бонобо тихонько пошли за ним.

Семь человек провели за собой по поляне процессию из семидесяти одного бонобо-трансгеника к мосту, перекинутого в их свободу. Дойдя до пролета моста, люди отошли в сторону. Бонобо номер один ступил на бетонное основание.

– Ста зит арак, – повторил Кевин, растопыривая пальцы и отводя руки от груди в последний раз. Потом вытянул руку в сторону неисследованных просторов Африки.

Бонобо номер один, склонив на миг голову, запрыгнул на верхушку основания. Повернул голову и, обращаясь к своему народу, в последний раз произнес что-то, затем повернулся к острову Франчески спиной и пошел через мост на материк. Вся толпа бонобо в молчании последовала за ним.

– Это все равно как увидеть библейский Исход, – усмехнулся Джек.

– Не богохульствуй, – шутя осадила его Лори. Однако, как и в любой шутке, в этой была доля истины. Саму Лори эта сцена повергла в состояние благоговейного трепета.

Как по волшебству, масса животных беззвучно растворилась во мраке ночи. Еще минуту назад они были беспокойной толпой, снующей у опоры моста, и вот пропали из глаз, как вода, впитавшаяся в губку.

Какое-то время люди не двигались и не говорили. Наконец Кевин нарушил молчание, сказав:

– У них получилось, и я рад. Всем спасибо за помощь. Может, теперь я смогу примириться с тем, что содеял, сотворив их.

Подойдя к мосту, он нажал на красную кнопку. С легким завыванием конструкция сложилась обратно.

Отойдя от опоры, вся группа отправилась обратно к пироге.

– Для меня это было одно из самых невероятных зрелищ, какие я только видел, – признался Джек.

На полпути Мелани вдруг остановилась, вытянула руку к реке и вскрикнула:

– О нет! Смотрите!

Все взгляды метнулись в сторону реки. Там, на противоположном берегу, сквозь листву пробивался, качаясь, как на волнах, свет от нескольких машинных фар. Ехали они по дороге, что шла к механизму моста.

– К лодке нам не добраться, – буркнул Уоррен. – Увидят.

– И здесь оставаться тоже нельзя, – заметил Джек.

– Обратно к клеткам! – крикнул Кевин.

Все повернули и побежали под защиту джунглей. Едва успели укрыться за клетками, как по поляне прошлись лучи фар свернувших влево машин. Машины, автомобиль и джип встали, но фары никто не выключал, и моторы продолжали работать.

– Это отряд экваторгвинейских солдат, – сказал Кевин.

– И Зигфрид, – добавила Мелани. – Я его где угодно узнаю. А это патрульная машина Камерона Макиверса.

Вспыхнул луч прожектора. Его слепяще-белый луч прошелся по ряду клеток, затем скользнул по берегу протоки. И быстро уперся в пирог.

Даже находясь за пятьдесят футов, люди на острове слышали возбужденные голоса, которые раздались после того, как была обнаружена лодка.

– Поганое дело, – заметил Джек. – Им известно, что мы здесь.

Внезапно тишину ночи разорвала громкая и беспорядочная пальба.

– Куда, дьявол их побери, они палят? – воскликнула Лори.

– Боюсь, что разносят в щепки нашу посудину, – предположил Джек. – Такое впечатление, что плакал мой залоговый взнос.

– Теперь не время шутить, – осадил его Лори.

Взрыв сотряс ночной воздух, и взвившийся огненный шар высветил солдат на берегу.

– Должно быть, в топливный бак попали, – заметил Кевин. – Конец нашему средству передвижения.

Спустя несколько минут прожектор погас. Автомобиль, сделав разворот, вновь умчался по дороге, ведущей в Кого.

– Кто-нибудь понимает, что происходит? – обратился к спутникам Джек.

– По мне, Зигфрид с Камероном возвращаются в город, – ответила Мелани. – Зная, что мы на острове, они наверняка обрели уверенность.

Неожиданно погасли фары джипа, погрузив всю округу во мрак. Даже лунный свет померк, поскольку луна низко спустилась на западе.

– Мне больше по душе, когда представляешь себе, где они и что собираются делать, – сказал Уоррен.

– Остров очень большой? – обратился к Кевину Джек.

– Миль шесть в длину и около двух в ширину. Только...

– Они костер разводят, – перебил Кевина Уоррен.

Золотистое пятнышко озарило часть механизма моста, а потом взвилось пламенем костра. По кромке света видны были призрачные фигурки переходящих с места на место солдат.

– Ну не прелесть ли? – сказал Джек. – Расположились как у себя дома.

– Что делать будем? – отчаянно выговорила Лори.

– Шансов против них, сидящих у опоры моста, у нас, считай, нет, – определил Уоррен. – Я насчитал шесть солдат.

– Будем надеяться, что перебраться на этот берег они не собираются, – произнес Джек.

– До рассвета не переберутся, – сказал Кевин. – В темноте протоку не одолеть. К тому же и незачем. Они не предполагают, что мы куда-то скроемся.

– А если эту канавку переплыть? – предложил Джек. – В ней всего-то тридцать, от силы сорок футов, а о течении и говорить не приходится.

– Из меня пловец плохой, – нервно напомнил Уоррен. – Я тебе уже говорил.

– Тут все вокруг кишит крокодилами, – сообщил Кевин.

– О Боже! – воскликнула Лори. – Нашли время нам об этом сообщить.

– Но послушайте! Нам незачем плавать, – оживился Кевин. – Во всяком случае, я так считаю. Лодка, на которой Мелани, Кэндис и я когда-то добрались сюда, скорее всего на том же месте, где мы ее оставили, и она достаточно велика, чтобы выдержать нас всех.

– Фантастика! – изумился Джек. – И где она?

– Боюсь, что уже пора немного поспешить, – уведомил Кевин. – До нее чуть больше мили, но по крайней мере туда только-только тропу проторили.

– Вас послушать, речь идет о прогулке по парку, – не удержался Джек.

– Сколько сейчас времени? – спросил Кевин.

– Три двадцать, – ответил Уоррен.

– Значит, у нас примерно часа полтора до того, как станет светло, – рассуждал Кевин. – Лучше отправиться прямо сейчас.

То, что Джек в шутку назвал прогулкой по парку, оказалось едва ли не самым душераздирающим событием в жизни каждого из них. Не рискуя включать фонарики на первых двух-трех сотнях ярдов, они следовали в порядке, описать который можно лишь фразой о слепом, ведущем слепых. В джунглях света не было вовсе. Темень стояла такая, что трудно было определить наверняка, открыты или закрыты глаза у идущего рядом с тобой.

Кевин шел первым, стараясь ступать по земле на ощупь, часто ошибался, приходилось возвращаться, чтобы не сойти с тропы. Зная, что за твари обитают в здешних лесах, Кевин замирал, сдерживая дыхание, всякий раз, когда вытянутой рукой или ногой погружался в черноту.

Остальные следовали за Кевином цепочкой, держась друг за друга. Джек изо всех сил старался разрядить обстановку, но через некоторое время даже его обычно неизбывная веселость резко пошла на убыль. Все они сделались жертвами собственных страхов, слыша, как вокруг шуршат, шелестят, щебечут, режут, хохочут, а порой и пронзительно визжат ночные обитатели джунглей.

Идти стало легче, когда сочли, что можно без опаски пользоваться фонариками. Но тут же люди содрогнулись, увидев, какое количество змей, какие тучи насекомых подстерегают их в пути, и поняв, что в темноте они проходили мимо всей этой нечисти в полном неведении.

Когда они добрались до болотистых лужаек вокруг Лаго-Гиппо, горизонт на востоке начал слегка светлеть. Вырвавшись из тьмы леса, люди решили, что худшее позади. Увы, они ошиблись. На лужайках паслись выбравшиеся из воды бегемоты. В предрассветном сумраке эти животные казались существами великанами.

– Вид у них, может, и безобидный, но они очень и очень опасны, – предупредил Кевин. – Вы и представить себе не можете, сколько людей они убили!

Группа сделала большой крюк, далеко стороной обходя бегемотов. Однако, уже подойдя к тростнику, где, как они надеялись, все еще пряталось маленькое каноэ, им пришлось пробираться мимо двух огромных гиппопотамов. Поначалу казалось, что животные отнеслись к людям с сонливым равнодушием, как вдруг с поразительной скоростью кинулись на них.

К счастью, великаны бросились к озеру, породив жуткую суматоху со страшным треском и хрустом. Многотонные звери проторили в тростнике новые широкие тропы до самой воды. На некоторое время все приостановилось, не в силах унять рвущиеся из груди сердца.

Не одна минута прошла, прежде чем люди пришли в себя. Небо все заметнее светлело, и все понимали: терять нельзя ни секунды. Короткое путешествие заняло больше времени, чем ожидалось.

– Слава Богу, она еще тут, – облегченно вздохнул Кевин, когда, раздвинув тростник, увидел маленькую лодочку. Даже сумка-морозильник была на месте.

Однако добравшимся до каноэ людям пришлось сразу одолевать другую трудность. Очень скоро стало ясно, что лодчонка слишком мала и пускаться на ней всемером по воде опасно. После трудных споров решили: Джек с Уорреном остаются в тростнике и ждут, пока не вернется Кевин на каноэ.

Ожидание было адом. Мало того, что небо все светлело и светлело, предвещая скорый рассвет и возможное появление солдат, к тому же сознание непрестанно терзала мысль, а ну как пропала моторная пирога. Джек с Уорреном нервно поглядывали то друг на друга, то на часы, пытаясь при этом отбиться от тучи ненасытных насекомых. Вдобавок ко всему сил у обоих не осталось, казалось, никаких.

Они уже готовы были уверовать в то, что с остальными случилось нечто ужасное, как из тростника, словно мираж, появился Кевин и медленно подгреб к ожидавшим.

Уоррен с трудом забрался в каноэ, а следом за ним и Джек.

– Моторка в порядке? – взволнованно спросил Джек.

– По крайней мере на месте стояла, – ответил Кевин. – Мотор я не пробовал.

Выбравшись из тростника, они вышли в Рио-Дивизо. Увы, не раз и не два попадались им бегемоты и даже крокодилы, заставляя лавировать и отмахивать на веслах путь вдвое больший, чем по прямой.

У самого входа в растительный тоннель над устьем реки они увидели позади себя маленькие фигурки выходивших на лужайку солдат.

– Как думаете, они нас видели? – спросил сидевший на носу Джек.

– Где уж тут знать! – вздохнул Кевин.

– Мы отсюда как по лезвию бритвы выбираемся, – покрутил головой Джек.

Для женщин ожидание было столь же тягостно, как и для Джека с Уорреном. Когда маленькая лодочка встала борт о борт с пирогой, на глазах у них выступили самые настоящие слезы.

Наконец последняя забота: подвесной мотор. Джек вызвался позаботиться о нем, ссылаясь на свой подростковый опыт. Пока он возился с двигателем, остальные гребли веслами, выводя пирогу из зарослей тростника на чистую воду.

Джек подкачал бензонасос и, помолясь, дернул шнур.

Движок чихнул и завелся. В утренней тиши рев его был особенно громок. Джек взглянул на Лори. Та улыбнулась и, хваля и ободряя, вскинула вверх кулаки с высоко поднятыми большими пальцами.

Джек поставил мотор на ход, дал полный газ и направил пирогу прямо на юг, где зеленой полоской на горизонте виднелся Габон.

Эпилог

18 марта 1997 г.

15.45

Нью-Йорк

Лу Солдано бросил взгляд на часы и, небрежно махнув полицейским жетоном, прошел в таможенную зону зала прибытия международного аэропорта Кеннеди. По пути ему досталось куда больше пробок на дорогах, чем полагалось бы на прямой городской трассе, и Лу очень надеялся, что не слишком опоздал поприветствовать возвращающихся путешественников.

Подойдя к служителю в небесного цвета шапочке, он спросил, где выдача багажа «Эр Франс».

– А вон, до самого конца, братец, – произнес тот, подкрепляя слова взмахом руки.

«Как не повезет, так не повезет», – подумал Лу, пускаясь мелкой трусцой в дальний конец вестибюля. Пробежав немного, он сбавил ход и в миллионный раз дал себе слово бросить курить.

Через некоторое время ориентироваться стало легче: на мониторе печатными буквами значилось «ЭР ФРАНС». Люди выстроились вокруг ленты транспортера в четыре ряда.

Лу обежал полкруга, прежде чем увидел своих. Те смотрели в сторону, но он узнал волосы Лори.

Протиснувшись между пассажирами, Лу цапнул Лори за руку. Та негодуяще обернулась, но тут же узнала его. И обняла так крепко, что у Лу краска выступила на лице.

– Ладно-ладно, сдаюсь, – с трудом выговорил он и рассмеялся.

Лори выпустила его, и лейтенант обменялся крепкими рукопожатиями с Джеком и Уорреном. Натали Лу чмокнул в щеку.

– Значит, попутешествовали вы здорово, или как? – начал с вопроса Лу. Было ясно, что он очень возбужден.

Джек пожал плечами и, глянув на Лори, уклончиво ответил:

– Да так, в общем-то нормально.

– Ага, нормально, – подтвердила Лори. – Одна беда: ничего такого не случилось.

– Да ну? – поразился Лу. – Удивляюсь. Знаете, побывать в Африке и все такое... Сам я там не бывал, но слышал.

– И что же вы слышали, уважаемый? – поинтересовался Уоррен.

– Ну, что там полно всяких зверей, – сказал Лу.

– Что вы говорите? – удивилась Натали.

– Мне кажется, – Лу смущенно пожал плечами, – звери и вирус Эбола. Впрочем, как я уже говорил, сам я там не бывал.

Джек расхохотался, а вслед за ним и остальные.

– Что это вы? – всполошился Лу. – Издеваетесь, да?

– Боюсь, что да, – улыбнулась Лори. – У нас было потрясающее путешествие! Первая его часть, правда, малость потерзала душу, но мы сумели уцелеть. Зато когда до Габона добрались, настал бал и сплошной праздник.

– Так зверей-то каких-нибудь видели? – не унимался Лу.

– Больше, чем вы себе вообразить можете, – хмыкнула Лори.

– Вот-вот, видите, все так говорят, – махнул рукой Лу. – Может, и я когда-нибудь сам туда съезжу.

На ленте появился багаж. Подхватив свои сумки, прибывшие вскинули их на плечи. Единым духом пролетев таможду, они вышли из здания аэровокзала. У бровки ждала никак не обозначенная машина Лу.

– Одна из немногих привилегий, – пояснил лейтенант.

Сложив сумки в багажник, все уселись в машину. Лори села рядом с Лу. Лейтенант выехал из аэропорта, и они сразу же увязли в уличном движении.

– А как у вас? – спросила Лори. – Сильно удалось продвинуться в деле?

– А я боялся, что вы и не спросите, – признался Лу. – Тут такие дела пошли – не поверите. И золотой жилой оказалось именно похоронное бюро «Сполетто». Как раз сейчас все выстроились в очередь договариваться о сделках при признании вины. Я даже получил судебное признание вины Винни Доминика.

– Прямо фантастика! – ахнула Лори. – А что с этой жуткой свиньей, Анжело Фацциоло?

– Этот все еще в кутузке, – сообщил Лу. – Мы доказали его причастность к краже тела Франкони. Знаю, это не бог весть что, но вспомните: Аль Капоне загремел за неуплату налогов.

– А как с «кротом» в управлении судмедэкспертизы?

– Поймали. В общем, этим мы Анжело и прижали. Винни Амендола согласился дать показания в суде.

– Значит, это был Винни! – удовлетворенно и вместе с тем горестно воскликнула Лори.

– Теперь понятно, почему он вел себя так странно, – подал голос Джек с заднего сиденья.

– Случился один неожиданный поворот, – сказал Лу. – Во всем этом оказался замешан еще один человек, от кого мы никак такого не ожидали. Он, очевидно, сейчас пребывает за границей. Как только вернется обратно, будет арестован по обвинению в убийстве девочки-подростка по имени Синди Карлсон из Джерси. Мы полагаем, что исполнителями убийства были Франко Понти и Анжело Фацциоло, а этот самый малый был заказчиком. Зовут его доктор Раймонд Лайонз. Кто-нибудь из вас знает его?

– Никогда о таком не слышал, – ответил Джек.

– И я тоже, – кивнула Лори.

– Ну, нам еще придется повозиться со всеми этими пересадками органов, что вас так занимали, – заметил Лу. – Но об этом позже. А сейчас с удовольствием послушаю про первую, душераздирающую, часть вашего путешествия.

– Для этого вам придется угостить нас ужином, – улыбнулась Лори. – История, прямо скажем, долгая.

Словарь специальных наименований и научных терминов

БОНОБО – человекообразная обезьяна, классифицированная как вид в 1933 г. Родичи шимпанзе, они иногда ходят в вертикальном положении и обитают только в ряде обособленных районов Заира. Предполагаемая численность – менее двадцати тысяч особей.

ВАКЦИНА – препарат, вводимый индивиду для создания сопротивляемости болезни или инфекции.

ГЕН – функциональная единица наследственности, состоящая из последовательности ДНК, расположенных в особом месте (локусе) на хромосоме.

ГЕНОМ – полная совокупность генов какого-либо организма. У людей геном содержит приблизительно сто тысяч генов.

ГОМОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ – обмен соответствующими частями ДНК между гомологическими хромосомами.

ГОМОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОМОСОМА – хромосомы, схожие по составу генов и видимой структуре, например, каждая хромосома в хромосомной паре.

ГРАНУЛЕМА – рост обособленных, неоднородных по составу клеток в результате хронического воспаления.

ДНК – сокращенное обозначение дезоксирибонуклеиновой кислоты, которая кодирует генетическую информацию.

КРОССИНГОВЕР – обмен частями хромосом между хромосомными парами во время мейоза.

КСЕНОТРАНСПЛАНТАТ – орган или ткань, взятые из организма одного вида и пересаживаемые в организм другого вида. Обычно ксенотрансплантатом называют орган или ткань животного, пересаживаемые человеку (например, свиные сердечные клапаны).

ЛИМФОКИН – иммунологически активный гормон, вырабатываемый определенными иммунными клетками, называемыми лимфоцитами.

МЕЙОЗ – особого рода деление клеток, которое происходит при создании половых клеток (яйцеклеток и спермы) и в результате

которого в каждой половой клетке оказывается половина обычного числа хромосом. У людей каждая половая клетка содержит двадцать три хромосомы.

МЕРОЗОИТ – стадия в жизненном цикле некоторых паразитов, позволяющая этим организмам разрушать и заражать дополнительное число клеток внутри тела, на котором они паразитируют.

МИТОХОНДРИИ – самовоспроизводящиеся образования в клетках, вырабатывающие энергию.

МИТОХОНДРИАЛЬНАЯ ДНК – ДНК, необходимая для митохондриального воспроизводства. Наследуется только по материнской линии.

ПАЗАРИТ – организм, живущий за счет другого организма (или «хозяина»). Паразит не способствует жизнедеятельности «хозяина», обычно он как раз вредит питающему его организму.

ПАЗАРИТОЛОГИЯ – отрасль биологии, занимающаяся паразитами.

РЕКОМБИНАНТНАЯ ДНК – сложная молекула ДНК, образованная в лабораторных условиях при помощи ДНК из различных источников.

РИБОСОМА – клеточное образование, ответственное за производство всех клеточных белков.

РИБОСОМНЫЕ БЕЛКИ – белки, образующие рибосому. ДНК, содержащая код для этих белков, относится к особому виду и используется для определения вида ткани (например, принадлежит ли исследуемая кровь человеку или какому-либо животному определенного вида).

РУБЕЦ – видимое последствие разрыва или пореза сросшейся ткани, шрам.

СУДЕБНАЯ ПАТОЛОГИЯ – отрасль патологии, которая связывает патологическую науку с гражданским и уголовным правом.

ТЕХНОЛОГИЯ РЕКОМБИНАНТА ДНК – прикладная наука о разделении, формировании и рекомбинации долей (частей) ДНК или генов.

ТКАНЕВАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ – состояние, при котором два или большее число организмов способны обмениваться органами или тканями (например, однояйцевые близнецы).

ТРАНСГЕНИК – организм, в геноме которого содержится один или большее число генов, характерных для организмов какого-либо другого вида (например, наличие человеческих генов у свиней способствует тому, что человеческий организм принимает пересаженные свиные сердечные клапаны).

ХИМЕРА – персонаж греческой мифологии с головой льва, телом козы и хвостом змеи. В литературе химера – это порождение воображения, сочетание несочетаемого. В биологии химера – это организм, содержащий генетически определенные типы клеток. В генетике химера – это образование, содержащее смесь ДНК из различных источников.

ХРОМОСОМА – вытянутая структура в ядре клетки, содержащая ДНК. У людей и человекообразных обезьян насчитывается двадцать три пары хромосом, всего сорок шесть.

ЦЕНТРОМЕРА – обособленный участок хромосомы, играющий важную роль в воспроизведении хромосомы при делении клетки.

ЭНДОТЕЛИОЛИЗАЦИЯ – лечение внутренней поверхности кровеносных сосудов при помощи клеток, покрывающих эти поверхности.

notes

Примечания

1

ЯМР – ядерный магнитный резонанс, явление, используемое в таких приборах, как радиационный спектрометр. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Камеры для обслуживания и замены полезной нагрузки.

3

Лос-Анджелес. Так что займитесь-ка лучше делом. По моим расчетам, в вашем распоряжении около двенадцати часов.

4

1 ярд равен 91,44 см.

5

Механизм действия (лат.).

6

1 фунт равен 453,6 грамма.

7

115° по Фаренгейту соответствует 46,1° по Цельсию.

Экваториальная Гвинея провозглашена независимым
государством в 1968 г. – Примеч. ред.

9

Один фут (30,48 см) равен двенадцати дюймам (2,54 см).

Климт, Густав (1862-1918) – австрийский художник, испытавший влияние стиля «ар нуво» и символизма. Его работы очень декоративны и напоминают мозаичные панно. Многие полотна Климта откровенно эротичны.

Гринич-Виллидж – район Нью-Йорка, где исторически селились студенты и представители творческой богемы и где ныне великое множество различных художественных салонов, галерей, антикварных магазинов, лавок всевозможных кустарных изделий и пр.

1 квадратная миля равна примерно 2,59 км²(или 259 га).

Острова Карибского моря – излюбленное место проведения отпусков и каникул для более или менее (и более чем) зажиточных американцев.

14

То есть примерно до 27°C.

15

То есть немногим меньше 40 м^2 .

Состав преступления (лат., юр.).

17

50° по Фаренгейту равны +10° по Цельсию.

Федеральная авиационная служба США.

1 квадратная миля примерно равна 2,6 кв. км.

1 акр примерно равен 0,4 га, или сорока соткам.